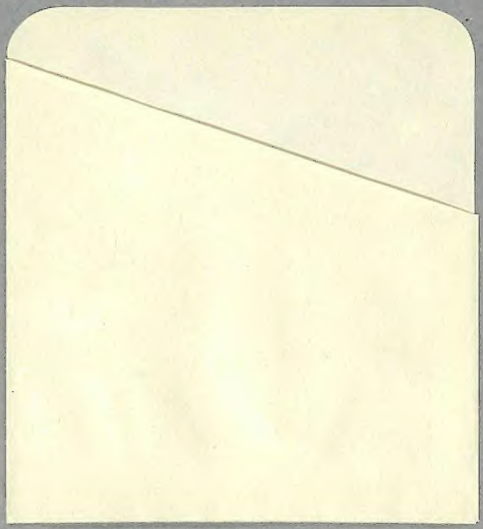
T 95/68



ЭБ

Т 95/68

Тазы, или Удиһэ [1]).

(Опытъ этнографическаго изслѣдованія).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Владивостокское „Общество Изученія Амурскаго края“, поставивъ, въ числѣ другихъ своихъ задачъ, изученіе вымирающихъ народностей Приморья (См. Отчетъ Общ. Изуч. Амур. края за 1896 г., стр. 1), обратило особенное вниманіе на тунгузскій народъ, извѣстный у этнографовъ подъ названіемъ о р о ч е й или о р о ч о н ъ. Послѣдніе разбросаны на небольшомъ пространствѣ въ Приморской Области и представляютъ значительное разнообразіе мѣстныхъ отличій, утративъ подчасъ національную чистоту подъ вліяніемъ сосѣдства и совмѣстной жизни съ другими народностями, особенно съ китайцами, или манзами. Поэтому Общество Изученія Амурскаго края отправило въ 1886 году В. П. Маргаритова, для Изученія Орочей, въ Императорскую гавань, „какъ въ центръ болѣе сохранившихся отъ постороннихъ вліяній орочей“ (См. г. Маргаритова: „Объ орочахъ Императорской гавани“, С.-Петербургъ. 1888 г., стр. 1).

Помимо свѣдѣній, добытыхъ В. П. Маргаритовымъ и сообщенныхъ имъ въ вышеназванной монографіи, генеральнаго штаба капитанъ Сергѣй Леонтовичъ въ V томѣ (вып. II-й) „Записокъ Общества Изученія Амурскаго Края“ напечаталъ „Русско-орочанскій словарь“, собранный имъ во время экспедиціи, снаряженной военнымъ вѣдомствомъ лѣтомъ 1894 года, для изслѣдованія бассейна рѣки Тумнинъ, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани [2]).

Вслѣдъ затѣмъ однимъ изъ членовъ Общества Н. А. Пальчевскимъ былъ поднятъ вопросъ, намѣченный еще въ монографіи В. П. Маргаритова.

---

[1]) Латинское h употреблено мною для выраженія звука, которому въ русскомъ алфавитѣ нѣтъ соотвѣтствующей буквы.

[2]) Во время окончанія своей работы, въ журналѣ «Землевѣдѣніе» за 1897 г. (кн. III—IV) я прочиталъ статью того же автора объ орочонахъ р. Тумнинъ, довольно обстоятельно знакомящую съ бытомъ, занятіями и природою названной мѣстности. СпБ 1902

На страницѣ второй своего изслѣдованія послѣдній говоритъ: „По свѣдѣніямъ, собраннымъ академикомъ Шренкомъ въ бытность его на Амурѣ, настоящіе орочи простирались отъ залива Де-Кастри почти вплоть до залива св. Ольги... На югъ отъ нихъ, т. е. у зал. св. Ольги и южнѣе, жили орочи, переродившіеся подъ вліяніемъ маньджуровъ и получившіе отъ нихъ названіе тазовъ или тадзовъ; Тадзы занимали пространство и по притокамъ рѣки Уссури и простирались даже до г. Владивостока. Теперь же эти тадзы раскинули свои предѣлы дальше на сѣверъ и, какъ мнѣ извѣстно, живутъ на р. Нельма, впадающей въ Японское море и называемой орочами Шамарга. Хотя шамаргинскіе тадзы и вышли изъ повиновенія мандзъ и отдалились отъ нихъ на сѣверъ, тѣмъ не менѣе типъ чистыхъ орочей ими утраченъ, языкъ измѣнился и не совсѣмъ понимается орочами Императорской гавани. Мнѣ пришлось видѣть двухъ шамаргинскихъ тадзовъ... Они объяснялись съ орочами, но, какъ видно, не совсѣмъ ясно. Лобъ у нихъ выбритъ и носятъ двѣ косы; покрой одежды и устройство лодокъ напоминаетъ мандзовскій. Словомъ, это уже не орочи, а выродки изъ орочей; настоящіе же орочи оканчиваютъ свое распространеніе на югѣ рѣкою Ботиль, гдѣ находится селеніе орочей въ 8 юртъ“. Подчеркнутое мною въ словахъ г. Маргаритова ясно указываетъ, что послѣднимъ намѣчены были нѣкоторые вопросы, требовавшіе болѣе подробнаго изслѣдованія для своего рѣшенія.

Н. А. Пальчевскій, служа лѣсничимъ на Сучанѣ, сталкивался съ упоминаемыми г. Маргаритовымъ южными орочами, или тазами, и замѣтилъ, что они сильно отличаются отъ своихъ Императорскихъ собратьевъ [1]). Въ виду того, что тазы сильно пострадали въ двѣ эпидеміи оспы, а равно и въ силу того, что молодое поколѣніе ихъ подверглось путемъ конкубината перерожденію или вырожденію, Н. А. Пальчевскій настаивалъ предъ Распорядительнымъ Комитетомъ Общества Изученія Амурскаго края на необходимости изслѣдовать тазовъ и предлагалъ снарядить экспедицію для собранія свѣдѣній о географическомъ распространеніи этого народа на югъ, остатковъ языка и бытовыхъ предметовъ и для антропометрическихъ измѣреній.

Комитету угодно было возложить выполненіе предложенія г. Пальчевскаго на Д. И. Дюкова и меня.

1-го іюля 1896 г. я и товарищъ мой выѣхали изъ Владивостока и около 15 іюля достигли рѣки Сяо-Судухэ, притока р. Та-Судухэ, гдѣ встрѣтили поселеніе тазовъ. Къ сожалѣнію, начавшіеся въ августѣ того года

[1]) Г. Пальчевскій не разъ бывалъ въ Императорской гавани и хорошо зналъ тамошнихъ инородцевъ, которыхъ ему манзы называли «юпитазами», т. е. рыбоѣдами инородцами.

дожди и наводненіе, затопившее многія мѣстности такъ называемаго Южно-Уссурійскаго края, не дозволили намъ объѣхать и изслѣдовать тазовъ на всемъ предположенномъ районѣ. Приходилось ограничиться на первый разъ свѣдѣніями, собранными въ долинахъ рѣкъ Сяо-Судухэ и Та-Судухэ, причемъ верховья послѣдней рѣки не посѣщены лично. Кромѣ того, застигнутый на Та-Судухэ [1]) наводненіемъ, я принужденъ былъ возвращаться на Сучанъ по берегу Великаго океана на манзовской шампункѣ и потерпѣлъ въ ночь съ 6-го на 7-ое августа крушеніе отъ свирѣпаго тайфуна: шампунка разбита въ щепы, всѣ вещи разбросало по залитому водою берегу, самому приходилось спасать свою жизнь, пробывъ по поясъ въ водѣ съ 2 часовъ ночи до 12 часовъ дня. Крушеніе это истребило фотографическіе снимки людей, жилищъ и мѣстности, попортило дорогой фотографическій аппаратъ и коллекціи бабочекъ. Несмотря на указанныя бѣды, мнѣ все-таки удалось доставить въ Музей Общества коллекцію бытовыхъ вещей тазовъ и, что самое цѣнное, цѣлый еще не разложившійся трупъ семидесятилѣтней тазачки. Но бѣда, очевидно, шла за мною по пятамъ: переданный мною трупъ тазачки, стоившій мнѣ столькихъ усилій, испорченъ и обращенъ известью въ трухлый порошокъ.

Матеріалъ, собранный лѣтомъ 1896 г., былъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы. Районъ, обслѣдованный мною, слишкомъ малъ, притомъ, какъ выяснилось потомъ, отправный пунктъ для изслѣдованія тазовъ избранъ былъ не совсѣмъ удачный. Словомъ, необходимо было продолжать экспедицію. Близко ставъ къ Обществу Изученія Амурскаго края, какъ членъ Распорядительнаго Комитета, и узнавъ ограниченность средствъ, я не осмѣлился утруждать его новыми просьбами о доставленіи мнѣ возможности посѣтить рѣки, на которыхъ, по добытымъ мною свѣдѣніямъ, жили сплошь почти тазы. Къ счастью, лѣтомъ 1897 г. Г. Военному Губернатору Приморской области понадобилось лицо, которое взяло бы на себя трудъ переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Коппи на сѣверъ до бухты Терней на югъ. Мои услуги были приняты начальствомъ, и я объѣхалъ все побережье Великаго океана, начиная отъ г. Владивостока на сѣверъ до р. Коппи, познакомился съ разнообразнымъ населеніемъ этого побережья, разспросилъ и уяснилъ себѣ то, что оставалось неяснымъ послѣ экспедиціи на Сучанъ.

Такимъ образомъ, настоящее сочиненіе является результатомъ двухъ моихъ поѣздокъ по территоріи, занимаемой тазами. Мною посѣщены сѣверная и южная оконечности, а равно и вся восточная граница обитаемой тазами

[1]) Товарищъ по экспедиціи Д. И. Дюковъ уѣхалъ раньше на Сучанъ, оставивъ на моихъ рукахъ всѣ пожитки, коллекціи и инструменты.

части Приморской области. Мнѣ не удалось пройти территорію тазовъ съ востока на западъ и обслѣдовать западную границу ихъ; но указанный районъ былъ недавно посѣщенъ охотничьими командами 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады и г. Пальчевскимъ во время переписи инородцевъ. Добытые и обнародованные матеріалы и другіе литературные источники даютъ возможность представить *первую попытку возможно полнаго и всесторонняго изображенія жизни и быта тазовъ*, тунгузскаго народца, къ сожалѣнію, постепенно вымирающаго, вслѣдствіе неумѣнья приспособиться къ нѣсколько измѣнившимся условіямъ существованія. Но я не ограничился, какъ увидитъ читатель, однимъ изображеніемъ явленій жизни тазовъ: я старался посильно, исходя отъ добытыхъ наукою данныхъ, *объяснить* эти самыя явленія тазовской жизни, потому что только подобнаго рода этнографическая работа имѣетъ и можетъ имѣть цѣну въ настоящее время. Въ видѣ приложенія, наконецъ, я печатаю словарчикъ тазовскаго языка, насколько мнѣ удалось добыть словарный матеріалъ въ двѣ экспедиціи. Благодаря Общество Изученія Амурскаго края, Распорядительный Комитетъ и другихъ немногихъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ появляется въ свѣтъ этотъ слабый трудъ, могу желать, чтобъ хорошія стороны его оправдали потраченныя на мою первую поѣздку средства.

Сергѣй Брailовскій.

Владивостокъ. Мартъ—Августъ. 1898.

„По разсказамъ старожиловъ края, тазы, или кякала, жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури; по сказаніямъ маньчжуровъ, преимущественно по восточному поморью и по рѣкамъ Фуцзинь и Іосэ, впадающимъ въ море... Кякала были прежде въ Хуньчуньской области, но теперь, повидимому, сосредоточились въ срединѣ Уссурійскаго поморья. *Это племя заслуживаетъ особеннаго вниманія*“...

Изъ неизданныхъ «Дорожныхъ замѣтокъ на пути отъ Благовѣщенска чрезъ Японію въ Пекинъ» архим. Палладія.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы предмета и выводы изъ него.

Самымъ старымъ и самымъ драгоцѣннымъ сочиненіемъ по изученію инородцевъ Приморской области является столь извѣстный классическій трудъ академика Шренка „Объ инородцахъ Амурскаго края“, появившійся въ свѣтѣ въ 1881—1883 г.г.[1]). Авторъ посѣтилъ Амурскій край въ 50-хъ годахъ, когда послѣдній имѣлъ видъ вовсе еще нетронутой страны; имъ поставлены отчасти и рѣшены вопросы, касающіеся прошлаго инородцевъ, сдѣлана группировка инородцевъ по физическимъ и языковымъ особенностямъ; наконецъ, въ трудѣ Шренка находятся ссылки на сочиненія послѣдующаго времени вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, вполнѣ полагаясь на тщательность и добросовѣстность Шренка, изслѣдователь избавленъ отъ необходимости разсматривать то, что уже было разсмотрѣно. Вотъ почему свой „обзоръ литературы“ о тазахъ я начну съ тѣхъ сочиненій, которыя не приняты во вниманіе академикомъ Шренкомъ.

Однимъ изъ такихъ является сочиненіе Ѳ. Ѳ. Буссе.

„Очеркъ условій землевѣдѣнія въ Амурскомъ Краѣ“ (Библіотека для чтенія, августъ-декабрь, 1869 г.). Въ этомъ сочиненіи находимъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о тазахъ, свѣдѣній общаго характера, потому что авторъ по собственному признанію, мало знакомъ съ этимъ племенемъ. Поэтому мало имѣютъ значенія свѣдѣнія, что тазы живутъ вдоль морского берега отъ южныхъ гаваней до гавани св. Ольга и далѣе къ сѣверу, что постройки и условія жизни ихъ сходны съ постройками и бытомъ гольдовъ. Гораздо важнѣе тѣ замѣчанія автора, которыми онъ сопровождаетъ обозрѣніе инородцевъ—орочей или орочонъ, гольдовъ и тазовъ. „Всѣ поименованныя племена,—говоритъ онъ,—можно назвать еще первобытными дикарями. Правда, на нихъ отозвалась китайская цивилизація, но только въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ проявленіяхъ и не проникла въ ихъ внутренній бытъ. Въ религіозномъ отношеніи они всѣ шаманствующіе, только нѣкоторые гольды, въ южной части Уссури и Даубихэ, приняли отъ китайцевъ ламаизмъ и то, кажется, только по внѣшности: шаманы все еще имѣютъ на нихъ глубокое вліяніе. Сношенія съ русскими до сихъ поръ ограничиваются только мѣною рыбы и пушнины на водку, бумажныя матеріи и хлѣбъ, что составляетъ для инородцевъ рос-

[1]) На нѣмецкомъ яз. сочиненіе Шренка—«Die Völker des Amur-Landes»—вышло въ 1881 г.; русскій переводъ его, ничѣмъ не отличающійся отъ нѣмецкаго подлинника, напечатанъ въ 1883 г.

кошь. Сосѣдскія отношенія русскаго населенія съ этими племенами весьма радушны и хороши... Въ экономическомъ отношеніи эти жители Амурскаго края имѣютъ значеніе только, какъ промышленники пушнины. Судя по едва замѣтному вліянію пятнадцатилѣтняго сосѣдства съ русскою цивилизаціею, трудно предположить, чтобы они скоро приняли осѣдлый и земледѣльческій образъ жизни, этой первой основы улучшенія быта и цивилизаціи. Пропаганда православной вѣры между инородцами идетъ успѣшно, судя по числу обращенныхъ; но до сихъ поръ еще не замѣтно у послѣднихъ смягченія нравовъ и влеченія къ осѣдлости".

Весьма много бытовыхъ и экономическихъ указаній о тазахъ находится въ двухъ сочиненіяхъ, появившихся въ 1872 году. Одно изъ нихъ принадлежитъ г-жѣ Олимпіадѣ Васильевой и носитъ заглавіе „Гавань св. Ольги" (Извѣстія Русскаго Географич. Общ., 1872 г., т. VIII, стр. 55—71). Авторъ весьма подробно говоритъ о тазахъ, живущихъ близъ гавани св. Ольги, и объ отношеніи ихъ къ манзамъ или китайцамъ. Изъ его статьи мы узнаемъ, что по близости Ольгинскаго поста тазовъ мало: въ 8-ми верстахъ отъ поста, возлѣ селенія Пермскаго, пять фанзъ, зато въ селеніяхъ Тадуши и Пфусуни ихъ много. Главное занятіе тазовъ зимою звѣроловство, а лѣтомъ и осенью—ловля морской капусты; заимствована тазами отъ манзъ; тазъ-звѣроловъ и охотникъ по природѣ своей и условіямъ окружающей природы. Вообще авторъ даетъ въ своей статьѣ рядъ простыхъ наблюденій, не пытаясь проникнуть въ ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, указавъ, что наружный видъ манзъ и ольгинскихъ тазовъ очень сходенъ (разницей служатъ двѣ косы и серьга въ носу у тазовъ), онъ не поставилъ этого явленія въ связь съ конкубинатомъ манзъ и тазачекъ, о чемъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Объ экономической зависимости тазовъ отъ манзъ говорится глухо. Выраженія:—„торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ манзъ. Тазы въ торговомъ отношеніи вполнѣ имъ подчиняются"—заключаютъ указаніе на весьма важное экономическое явленіе въ жизни тазовъ, о чемъ я подробно буду говорить впослѣдствіи. При сообщеніи, что религія у ольгинскихъ тазовъ буддійская съ примѣсью различныхъ вѣрованій, напримѣръ,—взглядъ на тигра, невольно напрашивалось замѣчаніе, что буддизмъ тазовъ—результатъ китайскаго вліянія, а воспоминаніе о религіозномъ значеніи тигра—остатокъ первобытной языческой религіи тазовъ. Только слегка затронутъ авторомъ такой интересный вопросъ, какъ взглядъ тазъ на женскую нравственность. „Нравственность женщины у тазъ цѣнится очень высоко; недавно еще былъ случай, доказывающій, насколько тазы считаютъ вѣрность необходимымъ условіемъ семейной жизни и насколько у нихъ страненъ взглядъ на наказаніе: во время долгаго отсутствія мужа, тазачка принесла ребенка, братья мужа повѣсили этого ре-

бенка". Цитированныя слова изъ статьи г-жи Васильевой вызываютъ рядъ вопросовъ: во-первыхъ, съ кѣмъ прижитъ тазачкою ребенокъ: съ тазомъ или манзою; во-вторыхъ, всегда ли тазы поступаютъ такъ, какъ описано, съ незаконно-прижитыми дѣтьми; въ-третьихъ, при расправѣ съ ребенкомъ, тазы руководились ли своими законами, своимъ исконнымъ правомъ, или же подобное наказаніе представляетъ явленіе чуждое, результатъ манзовскаго вліянія.

Наиболѣе цѣнными слѣдуетъ признать два замѣчанія г-жи Васильевой: одно о томъ, что „сближеніе между манзами и тазами — самое тѣсное". Причиною этого сближенія служитъ нужда другъ въ другѣ: манза снабжаетъ тазу различными товарами и жизненными припасами, таза же — хорошій охотникъ — и снабжаетъ манзу плодами своей охоты; главною же причиною сближенія является холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ. Другое замѣчаніе состоитъ въ указаніи, что около поста Ольгинскаго находится много развалинъ фанзъ, слѣдовательно, здѣсь раньше было тазъ больше.

Въ одинъ годъ съ статьей г-жи Васильевой появилась книга г. Алябьева „Далекая Россія. Уссурійскій край" (С.-Петербургъ, 1872 г.). На стр. 113—114 авторъ удѣлилъ нѣсколько замѣчаній инородцамъ изображаемаго имъ края. Несмотря на фельетонность изложенія, книга интересна цифровыми данными о количествѣ тазъ. Поэтому опуская его рѣчи о дикости орочей, или тазъ, о грязи ихъ жилищъ, объ эксплуатаціи ихъ манзами [1]), укажу приводимую имъ таблицу населенія въ Уссурійскомъ краѣ, по которой тазъ значится:

	муж.	жен.
въ Уссурійскомъ округѣ	433	328
въ Авваkумовскомъ	297	162
въ Сучанскомъ	131	45
Всего	861	535

Болѣе цѣннымъ слѣдуетъ признать сочиненіе г. Степанова „Южно-Уссурійскій край" (Отд. оттискъ изъ мартовской книжки журнала „Древняя и Новая Россія" за 1880 г.). На стр. 11—12 этого сочиненія находимъ слѣдующія свѣдѣнія о тазахъ: „коренные жители Южно-Уссурійскаго края принадлежатъ къ племени тазовъ или орочей (китайское названіе ихъ, по сочиненію В. П. Васильева, куяра). Происхожденіе,

[1]) Всѣ свѣдѣнія г. Алябьева по этой части незначительнѣе свѣдѣній, сообщенныхъ въ книгѣ г. Пржевальскаго «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, въ 1867—69 гг.», вышедшей въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году. На эту книгу часто ссылается г. Алябьевъ.

языкъ и религія этихъ инородцевъ не изслѣдованы; но существуетъ предположеніе, что названное племя суть члены тунгузской семьи". Это племя охотничье, питается рыбой и мясомъ, земледѣлія не знаетъ. Отъ охоты, какъ главнаго занятія, зависитъ бродячій образъ жизни. Живущіе въ горныхъ трущобахъ тазы строятъ конусообразные шалаши изъ жердей, прикрываемыхъ берестою. Одежда приготовляется изъ шкуръ, домашняя утварь изъ бересты, а желѣзное оружіе выменивается у китайцевъ на пушнину.

„Тазы, живущіе въ открытыхъ долинахъ, находятся въ полной зависимости и даже въ порабощеніи китайцевъ, переняли отъ нихъ постройку домовъ, одежду и частью даже языкъ. Питаясь охотою и рыболовствомъ, эта отрасль тазовъ перекочевываетъ два раза въ годъ, лѣтомъ на устья и берега рѣкъ, гдѣ они питаются рыбою, а зимою возвращаются въ свою фанзу, гдѣ остаются семейства, а мужчины уходятъ зимою въ хребты для охоты за пушнымъ звѣремъ. Вся добыча этого промысла идетъ манзамъ въ уплату за просо, табакъ и одежду, которыми они снабжаютъ семейства тазовъ, во время отсутствія мужей.

„Женщины занимаются домашними работами и вышиваніемъ нарядовъ, какъ для себя, такъ и мужей. Кокетство женщины выражается не только въ вышитомъ узорами кисетѣ и воротѣ курмы, сшитой изъ бязи, но также и въ серебряныхъ браслетахъ, кольцахъ и серьгахъ; послѣднія носятся не только въ ушахъ, но и въ правой ноздрѣ".

Я позволилъ себѣ длинную выписку изъ статьи г. Степанова на томъ основаніи, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, очевидно, почерпнуты изъ непосредственнаго наблюденія, и потому, при всей своей сжатости, являются драгоцѣнными. Конечно, не все сказанное имъ справедливо послѣ выхода въ свѣтъ классическаго труда Шренка. Еще болѣе интереснымъ трудомъ является рядъ отдѣльныхъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (1880 г., №№ 177—178) г. А. М(аксимова), морского офицера, скончавшагося и похороненнаго во Владивостокѣ въ 1896 г. Среди этихъ статей, носящихъ общее заглавіе „Наши задачи на дальнемъ востокѣ", находится особый этюдъ объ орочахъ.

Тазы, по мнѣнію автора,—обычное имя орочей въ Уссурійскомъ краѣ— есть китайское простонародное названіе Дацзы; китайцы называютъ такъ монголовъ, а въ Уссурійскомъ краѣ это названіе почему-то привилось къ орочамъ [1]). Дѣлятся тазы на бродячихъ и осѣдлыхъ (скорѣе кочующихъ?).

[1]) Ср. объясненіе Пржевальскаго: «Слово «таза», какъ объясняли мнѣ манзы, есть мѣстная передѣлка китайскаго названія «Юпида-узы», что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, рыбоѣдскіе инородцы. Этимъ именемъ китайская географія издавна называетъ оби-

Бродячіе характеризуются слишкомъ мрачными красками: „(Они) находятся на самой низкой ступени умственнаго развитія; даже невозможно опредѣлить, есть ли у нихъ какія-либо вѣрованія. Полунагіе, донельзя грязные, подходящіе по своимъ инстинктамъ ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, они бродятъ со своими семействами съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою и свои жалкіе берестяные шалаши. Переходъ этотъ обусловливается достаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣря, составляющихъ единственную пищу жалкихъ дикарей. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ шалашахъ, они чуждаются всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣютъ никакихъ человѣческихъ стремленій. Всѣ ихъ умственныя и душевныя способности сосредоточиваются только на ѣдѣ и снѣ; орочъ, убивъ какого-нибудь звѣря, перекочевываетъ, обыкновенно, къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ всей своей добычи... полусырое мясо поглощается въ огромной массѣ; ѣдятъ безъ мѣры до тѣхъ поръ, пока куски не начнутъ останавливаться въ горлѣ“...

До какой степени въ приведенной цитатѣ изъ этюда г. А. М(аксимова) сгущены краски и отсутствуетъ строгая объективность, необходимая для этнографа, какъ и для всякаго другого изслѣдователя, читатели увидятъ сами изъ послѣдующаго. Но г. А. Максимовъ въ своемъ увлеченіи рисовать мрачныя картины изъ быта тазовъ доходитъ до искаженія дѣйствительности, или же смотритъ на дѣло изъ узкаго окошечка. Такъ, у него читаемъ: „Они, какъ и всѣ дикари, имѣютъ необыкновенное пристрастіе только къ крѣпкимъ напиткамъ; за водку они готовы отдать все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей... Изъ этой пагубной страсти дикарей китайцы извлекаютъ для себя громадныя выгоды.. Каждый маньцзъ... за .. бутылку водки собственнаго изготовленія... требуетъ соболя, а при случаѣ беретъ и два“... Во-первыхъ, я не наблюдалъ и не встрѣчалъ ни у кого изъ изслѣдователей извѣстій, чтобы бродячій таза пропивалъ жену и дѣтей. Если среди нихъ встрѣчаются подобные субъекты-пропойцы, то они являются рѣдкимъ исключеніемъ. Во-вторыхъ, посредствомъ водки эксплоатируютъ орочей не одни маньцзы, а также японцы и русскіе.

Важнѣе разсужденія г. Максимова о значеніи тазъ для края. По его мнѣнію, отъ нихъ для края очень мало надежды въ будущемъ. Ихъ край-

---

тателей восточной Манчжуріи, употребляющихъ для обуви и одежды выдѣланныя шкуры рыбъ».

Ср. Китайско-Русскій словарь арх. Палладія и Попова (Пекинъ. 1888 г.), стр. 148: «Да-цзы такъ въ просторѣчіи называютъ Монголовъ, а старинное да-да или да-дзянь. Въ Манчжуріи китайцы называютъ этимъ именемъ Манчжурскія племена, мѣстное произношеніе К я - к а - л а, изъ чего русскіе составили названіе т а з ы; эти тазы, или Кикала, прозябаютъ по приморью отъ Владивостока до р. Іоса».

ния неразвитость потребуетъ много времени и трудовъ для достиженія благопріятныхъ результатовъ. Если такого мнѣнія о тазахъ нельзя раздѣлять вполнѣ, то несомнѣнно справедливымъ слѣдуетъ признать такое замѣчаніе г. Максимова: „Бродячіе орочи были до настоящаго времени въ полномъ забвеніи со стороны мѣстной администраціи; никто ими не интересовался, ни у кого не появилась даже мысль—поставить ихъ въ болѣе лучшее экономическое и общественное положеніе. Я даже увѣренъ, что многіе мѣстные администраторы даже не знаютъ, что подъ ихъ „просвѣщенной“ рукой бродятъ „какіе-то“ дикари, стоящіе на самой низкой ступени умственнаго развитія. Между тѣмъ и эти дикари должны заслуживать искренняго вниманія, какъ подданные нашего государства... Необходимо прежде всего употребить всѣ усилія къ тому, чтобы поднять ихъ умственное развитіе; это дѣло нашихъ миссіонеровъ; имъ предстоитъ трудная работа... Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустрашимость—вотъ главныя основы, обусловливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей“... Замѣчу, что въ дѣлѣ просвѣщенія тазъ единичныя усилія миссіонеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, едва ли сдѣлаютъ много: въ данномъ отношеніи наиболѣе плодотворнымъ средствомъ является близость русскихъ поселеній.

Благосклоннѣе относится г. Максимовъ къ осѣдлымъ тазамъ. Указавъ на внѣшнее сходство ихъ съ манзами, насильное подчиненіе ихъ китайской культурѣ, на экономическую зависимость, онъ думаетъ, что при большемъ культурномъ развитіи осѣдлые орочи, или тазы, представятъ полезное населеніе края.

Слѣдуя хронологическому порядку обозрѣнія литературы о тазахъ, я долженъ былъ бы говорить о не разъ уже названномъ сочиненіи Шренка; но въ настоящей работѣ часто будетъ оно упоминаться, потому что она по существу своему является лишь детальною разработкою того, что намѣчено покойнымъ академикомъ (См. Введеніе къ труду Шренка). Поэтому перехожу къ сочиненіямъ, появившимся въ свѣтъ послѣ труда Шренка.

Наиболѣе интереса представляютъ сочиненія г. Надарова: 1) „Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края (Владивостокъ, 1884 г.), 2) „Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“ (Владивостокъ, 1886 г.) и 3) „Сѣверно-Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1887 г., оттискъ изъ XVII т. записокъ И. Р. Г. Общ.). Во второмъ изъ названныхъ сочиненій находятся краткія свѣдѣнія о тазахъ, которыхъ онъ, согласно г. Висленсену, разсматриваетъ совмѣстно съ гольдами. Онъ даже заявляетъ на первой страницѣ статьи „Инородческое населеніе Уссурійской страны“, что „отдѣльнаго племени или народа т а з о в ъ не существуетъ; названіе это относится без-

различно какъ къ гольдамъ, такъ и къ орочонамъ (орочамъ)". Круглою цифрою гольдовъ и тазовъ для Уссурійской страны онъ считаетъ 1900 человѣкъ. Но если принять во вниманіе, что цифра эта относится къ 1879 году, то едва ли г. Висленевъ смѣшалъ, подъ именемъ тазовъ, гольдовъ и орочонъ: приведенную цифру слѣдуетъ принять за выраженіе количества тазовъ въ Уссурійскомъ краѣ.

Изъ другихъ замѣчаній г. Надарова необходимо отмѣтить слѣдующее: „Орочоны Южно-Уссурійскаго края совсѣмъ не похожи на своихъ собратьевъ въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ. Первые потеряли уже свой языкъ, одежду и, въ общемъ, мало чѣмъ отличаются отъ манзовъ" (стр. 26). Въ полномъ своемъ объемѣ подобное замѣчаніе справедливо только по отношенію къ тѣмъ тазамъ, которые родились отъ смѣшанныхъ браковъ манзъ и тазачекъ, и которыхъ г. Висленевъ неудачно назвалъ „потуйзами".

Значительно важнѣе остальныя два сочиненія г. Надарова, изъ коихъ „Очеркъ" является прототипомъ и легъ въ основаніе сочиненія „Сѣверно-Уссурійскій край". На стр. 73—99 послѣдняго находимъ подробныя свѣдѣнія о жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, религіи, нравахъ и обычаяхъ орочонъ, или тазовъ, живущихъ въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Уссури-Хора, Бикина и Илехна; тазы морского побережья не затронуты.

Какъ плодъ личныхъ наблюденій автора, много путешествовавшаго по краю, и прекраснаго знатока инородческаго населенія, книга г. Надарова является первымъ самымъ обстоятельнымъ описаніемъ тазовъ и ихъ быта, настолько обстоятельнымъ, что послѣдующіе изслѣдователи не много могли прибавить къ свѣдѣніямъ его. Къ сожалѣнію, не на всѣ вопросы, связанные съ изученіемъ быта и возрѣній извѣстнаго народа, почтенный авторъ обратилъ должное вниманіе: у него напримѣръ, нѣтъ никакого указанія на памятники народнаго творчества тазъ; нѣтъ указанія на степени родства у нихъ; приведенный въ приложеніи (№ II) списокъ 238 словъ уссурійскихъ орочонъ не отличается ни точностью транскрипціи, ни точностью указаній, въ какой мѣстности слова записаны, отсутствуютъ и антропометрическія измѣренія. Въ небольшой брошюркѣ г. Боголюбскаго „Краткій очеркъ народовъ Амурскаго края" (С.-Петербургъ, 1890 г.) затрогивается интересный вопросъ о распространеніи тазъ.

„Въ южной части Приморской области,—говоритъ авторъ,—живутъ тазы, родственные гилякамъ; отъ сношенія съ китайцами они заимствовали религію, земледѣліе и даже ремесла. Эти тазы, по описаніямъ китайцевъ, кочуютъ на Уссури и внутри страны къ берегу Японскаго моря. (Юй-пи-та-сузы, т. е. одѣвающіеся въ рыбьи кожи).

Манзы, поселившіеся издавна въ Уссурійскомъ краѣ, оттѣснили тазовъ къ сѣверу отъ залива св. Ольги за р. Тютихэ" (5—6 стр.). Подчеркнутыя слова ясно доказываютъ, что г. Боголюбскій не сомнѣвался въ южномъ происхожденіи тазъ.

Весьма много статистическаго и бытового матеріала о тазахъ заключаютъ въ себѣ „Труды Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1895 г." (Хабаровскъ, 1896 г.). Матеріалъ этотъ добытъ г.г. офицерами 5-тя охотничьихъ командъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, предназначенныхъ для изслѣдованія части территоріи Уссурійскаго края, ограниченной съ одной стороны частью рр. Уссури и Амура, съ другой—горнымъ хребтомъ Сихота-Алинъ. Я не разъ буду пользоваться сырымъ матеріаломъ, представляемымъ отчетами объ экспедиціяхъ; но долженъ замѣтить, что учетъ тазъ, вездѣ называемыхъ орочонами, не вездѣ точенъ; многія важныя свѣдѣнія не добыты или пропущены вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ такія изданія, какъ Живописная Россія Вольфа, Амурскій Край изд. Сытина, Географическо-Статистическій словарь Амурской и Приморской областей г. А. Кириллова и Торгово-Промышленный календарь г. Романова, заключающія свѣдѣнія справочнаго характера, упомяну нѣкоторыя статьи позднѣйшаго времени.

Не касаясь моей статейки „Угасающее племя" („Сибирь", 1897 г., № 35, фельетонъ), остановлюсь на статьѣ „Перепись по бассейну р. Има" (Дальній Востокъ, 1897 г., №№ 46—47). Хотя статья не подписана, но легко догадаться, по яснымъ намекамъ, что она принадлежитъ лѣсничему Н. А. Пальчевскому. Тутъ находимъ интересныя статистическія свѣдѣнія, добытыя переписью инородцевъ по р. Иману и притоку его Ваку. Эти свѣдѣнія значительно исправляютъ цифры, показанныя г. Альфтаномъ въ статьѣ „Общій очеркъ движенія 5 охотничьихъ командъ 2-й В.-Сибир. стрѣлковой бригады, во время экпедиціи по изслѣдованію Уссурійскаго края лѣтомъ 1894 г. (см. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об., за 1895 г.) По переписи г. Пальчевскаго оказывается орочонъ—въ долинѣ р. Имана—199 муж., 148 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ, солоновъ, корейцевъ и маньчжуръ; въ долинѣ р. Ваку—49 муж., 34 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ и корейцевъ.

Помимо статистическаго матеріала, обращаютъ въ статьѣ вниманіе нѣкоторыя замѣчанія автора, напримѣръ, онъ аборигенамъ тайги Сихота-Алина приписываетъ такія названія: орочей (Императорская гавань), тазъ (на югъ отъ Императ. гав. до Сучана) и орочоновъ-удэ (вѣроятно, по

Иману и Баку?). Если исключить изъ этихъ названій ничего не выражающее въ этнографическомъ смыслѣ слово таза, то получимъ два названія, дѣйствительно существующія, хотя авторъ не разобрался, кого какимъ именемъ называютъ.

Особенно подробно трактуется въ статьѣ вопросъ объ освобожденіи орочонъ изъ-подъ манзовскаго ига и экономической кабалы. Рѣдко среди трактующихъ о мѣстныхъ нуждахъ встрѣтишь лицъ, которыя такъ горячо ратовали бы за русскіе интересы и за интересы обездоленныхъ и угасающихъ инородцевъ, какъ это дѣлаетъ г. Пальчевскій. Въ своемъ мѣстѣ я возвращусь къ этому вопросу и къ статьѣ г. Пальчевскаго, а пока заключу замѣчанія на его статью однимъ указаніемъ. „Данныя произведенной мною переписи,—читаемъ у него,—и разспросныя свѣдѣнія говорятъ за то, что главная масса орочей обитаетъ въ районѣ Императорской гавани и р. Хора, сходя на нѣтъ на Амурѣ и оттѣснена манзами на югъ“. Замѣчаніе слишкомъ поспѣшное и противорѣчитъ истинѣ, потому что орочоны живутъ по другимъ притокамъ Уссури, и по берегу Японскаго моря, да и неясно, кого разумѣетъ г. Пальчевскій подъ именемъ орочей.

Наконецъ въ самое послѣднее время (съ 3-го №, 1898 г.) г. Пановъ началъ въ своемъ „Дальнемъ Востокѣ“ не оконченную доселѣ статью „Матеріалы къ древней исторіи Приамурскаго Края“. Попросту сказать, г. Пановъ печатаетъ въ отрывкахъ неизданный черновой дневникъ покойнаго начальника русской духовной миссіи въ Пекинѣ, извѣстнаго русскаго синолога архимандрита Палладія. Копія съ этого дневника, хранящаяся въ архивѣ Общества Изученія Амурскаго края, побывала въ рукахъ г. Панова, который весьма плохо выписалъ изъ нея цитаты. Такъ, трудно добраться до смысла въ слѣдующей цитатѣ изъ дневника: „Кякала то же, куяла, родственно другому роду Цзюли-кэ... Они захвачены маньчжурами при отцѣ его прапрадѣда“. Спрашиваю, при отцѣ чьего прапрадѣда захвачены тазы (кякала) маньчжурами? Дѣло же объясняется тѣмъ, что у Палладія въ цитированномъ мѣстѣ говорится о посѣщеніи тазы кюйсюйли. При отцѣ прапрадѣда этого тазы и произошло покореніе маньчжурами тазъ. Въ виду сказаннаго не могу довѣрять статьѣ г. Панова и обращаюсь къ самому дневнику, въ случаѣ необходимости.

Подводя итоги сдѣланному обзору литературы о тазахъ, долженъ замѣтить, что она не бѣдна количественно, да и качественно представляетъ много цѣннаго. Во всякомъ случаѣ, обозрѣніе ея позволяетъ мнѣ видѣть ясно, что сдѣлано моими предшественниками и что слѣдуетъ сдѣлать. Такъ наиболѣе обслѣдованъ и описанъ бытъ тазъ, живущихъ по правымъ прито-

камъ р. Уссури; мало изслѣдованными являются приморскіе тазы. Вопросъ о происхожденіи тазъ послѣ Шренка никѣмъ не поднимался, хотя на такое или иное рѣшеніе его дѣлаются робкіе намеки въ статьяхъ нѣкоторыхъ авторовъ. Существуетъ большая путаница въ названіяхъ, даваемыхъ этому народу, и только разъ указывается (у г. Пальчевскаго) самоназваніе иманскихъ тазъ. Границы территоріи, занятой тазами, совсѣмъ перемѣшаны и рѣдко точно опредѣляются. Весьма сбивчиво излагаются религіозныя воззрѣнія.

Пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, а равно и собранными лично въ двѣ экспедиціи матеріалами, я дѣлаю попытку поставить и посильно рѣшить всѣ вопросы, возникающіе при начертаніи цѣльной и полной картины прошлой и современной жизни тазъ, которые давно уже причислены къ угасающему племени.

ГЛАВА II.

Происхожденіе и названіе народа.

У бикинскихъ тазовъ существуетъ пока единственно извѣстное въ печати преданіе объ ихъ собственномъ происхожденіи. Въ виду рѣдкости произведеній творчества среди нынѣшнихъ тазовъ и въ виду особенной важности этого преданія, при рѣшеніи вопроса о происхожденіи названнаго народа, привожу его подробно.

„На Сучанѣ, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, — гласитъ преданіе, — царствовалъ сильный царь Куанъюнъ, китайской династіи. Кругомъ его царства жили сильные цари, зависимые отъ него и платившіе ему дань. Почти черезъ каждыя сто верстъ было особое царство (Бай-ли-вуанъ), и только немногія изъ царствъ были самостоятельны. Время тогда было хорошее; урожаи большіе; погода всегда стояла ясная, теплая; болѣзней не было.

У Царя Куанъюна былъ племянникъ, который жилъ въ крѣпости, въ мѣстности Санда-гу, пор. Улахэ (выше р. Ноту). Семья племянника состояла изъ жены Хунлоню и сестры ея Люлоню, — обѣ писанныя красавицы; всѣ удивлялись ихъ красотѣ.

Тамъ, гдѣ великая китайская стѣна подходитъ къ морю, на каменной скалѣ стоитъ храмъ въ честь святой женщины—китаянки Мындзя-ню, сохранившей до конца своей жизни супружескую вѣрность. Однажды жена племянника Хунлоню собралась поѣхать въ Храмъ Мындзя-ню поклониться

святой женщинѣ, но передъ отъѣздомъ, черезъ ворожею, она узнала, что на обратномъ пути ей и ея мужу грозитъ большая опасность отъ дяди Куанъюна, который былъ большой развратникъ и любитель красивыхъ женщинъ.

Передъ отправленіемъ въ дорогу, племянникъ заявилъ женѣ, что на обратномъ пути имъ предстоитъ ѣхать мимо дяди и необходимо завернуть къ нему погостить. Хунлоню начала отговаривать мужа не заѣзжать къ дядѣ, но онъ не сталъ ее слушать и согласился исполнить лишь три условія, которыя она ему, наконецъ, поставила: 1) по пріѣздѣ къ дядѣ, коней не разсѣдлывать, 2) водки не пить и 3) если ихъ ночь застигнетъ у дяди, ложиться не раздѣваясь. Мужъ обѣщался ей выполнить эти условія. Тогда Хунлоню, вынувъ серьги, одѣвшись по-мужски и заплетя волосы въ одну косу, отправилась въ дорогу съ мужемъ и небольшимъ отрядомъ.

„Солнце уже склонялось къ западу, когда они на обратномъ пути подъѣхали къ дядиному дому. Куанъюну дали знать о пріѣздѣ племянника, и онъ, выйдя ему навстрѣчу, сталъ очень уговаривать его зайти въ домъ и отдохнуть. Племянникъ согласился, вошелъ къ нему; но, помня завѣтъ жены, не велѣлъ разсѣдлывать коней.

Куанъюнъ усадилъ племянника на почетное мѣсто, сталъ его угощать и разспрашивать про путешествіе. Племянникъ, порядочно уставшій за дорогу, выпилъ поднесенную ему чарку и закмелѣлъ, а тутъ ужъ и забылъ совсѣмъ, что обѣщался своей женѣ не пить водки. И дядя и племянникъ сильно выпили, когда наступила ночь. Во время пира Куанъюнъ обратилъ вниманіе на красиваго прислужника у племянника и спросилъ: „какъ тебѣ приходится этотъ человѣкъ?“ Племянникъ, забывъ, что обѣщалъ женѣ не выдавать ее, спьяна сказалъ было: „Моя—жена;“ но опомнился и сейчасъ же поправился: „это моей жены братъ“. Но было уже поздно: Куанъюнъ догадался, что это жена племянника и намѣревался теперь завладѣть ею. Онъ началъ спаивать племянника, а самъ ничего не пилъ. Наконецъ, до того напоилъ племянника, что онъ тутъ же заснулъ. Видя что племянникъ, мертвецки пьяный, уже спитъ, Куанъюнъ схватилъ жену его и сталъ ее цѣловать.

„Возмущенная Хунлоню выхватила саблю и отрубила дядѣ голову, а затѣмъ въ досадѣ на мужа, что онъ забылъ свое обѣщаніе, и ему отсѣкла голову. Кликнувъ свою стражу, она сѣла на коня и поскакала домой къ своей сестрѣ Лю-ло-ню. Но вскорѣ войска Куанъюна бросились въ погоню за ними и настигли ихъ, такъ какъ кони у нихъ были уже измучены за дорогу. Видя свою неминуемую гибель, Хунлоню оторвала кусокъ отъ своей одежды и, укусивъ палецъ, кровью написала своей сестрѣ о всемъ случившемся. Затѣмъ

привязала письмо къ гриве, пустила свою чудную бѣлую лошадь домой, а сама себя заколола кинжаломъ. Отрядъ ея былъ весь перебитъ Куанъюновою стражею.

„Получивъ извѣстіе о гибели сестры и ея отряда, Лю-ло-нію собрала войска и направилась въ царство Куапъюна отомстить за нихъ. Это происходило въ самые жаркіе дни, лѣтомъ. Дойдя до рѣки Даубихэ, Лю-ло-нію послала одного вельможу посмотрѣть, стала ли рѣка. Тотъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что рѣка не стала. Ему отрубили голову и послали другого, но и этотъ принесъ тотъ же отвѣтъ; тогда и его постигла таже участь. Такъ казнили человѣкъ десять. Наконецъ, одинъ изъ посланныхъ думаетъ себѣ: “ все равно отрубятъ голову, скажу, что рѣка стала. „Такъ и сказалъ. Дѣйствительно, когда подошли къ берегу, ледъ покрылъ всю рѣку. Отрядъ перешелъ по льду черезъ Даубихэ и, дойдя до города, гдѣ жилъ Куанъюнъ, разбили на голову непріятельское войско. Оставшихся въ живыхъ, а также и всѣхъ жителей Лю-ло-нію приказала казнить, даже дѣтей не пощадила. Только одна дѣвочка спаслась. Хотя за нею и погнались, но она все увертывалась. Всячески старались ее подманить, но она не подходила близко. Тогда Лю-ло-нію спросила ее: „Какъ же ты одна будешь жить, вѣдь умрешь съ голоду или замерзнешь?“ На это дѣвочка отвѣчала: „Какъ буду жить, чѣмъ буду питаться —не ваше дѣло; проживу какъ-нибудь и безъ васъ; деревья закроютъ меня, а земля и вода дадутъ мнѣ пищу.“

„Когда всѣ уѣхали, оставивъ дѣвочку одну, она поймала въ лѣсу медвѣжонка и стала съ нимъ жить, питаясь рыбою, медомъ и кореньями“. Отъ нихъ и произошло потомство, называемое тазами (=орочонами) [См. Труды Приамур. Отд. за 1895, ст. г. Альфтана „Инородческое населеніе по притокамъ Уссури рр. Викину, Иману и Ваку“, 38—39 стр.].

Если отбросить въ приведенномъ преданіи обычные аксессуары, коими фантазія народная украшаетъ старину стародавнюю, то легко видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ историческимъ фактомъ.

Въ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣткахъ“ архимандрита Палладія подъ 19 іюля (1870 г.) читаемъ слѣдующую, къ сожалѣнію, не вполнѣ ясную запись: „Сучэнъ—городище, бывшее резиденціей гиньскаго Вуцзу. Сынъ Вуцзу Куань-юнъ, имѣвшій двухъ женъ Хуньло и Луло, которыя спасли его, когда онъ поѣхалъ высмотрѣть, не хочетъ ли возмутиться его дядя. Сучэнъ не позволяютъ у себя почевать... Иные говорятъ, что тамъ возсѣдалъ танскій государь, ужъ не сунскіе ли государи сидѣли тамъ? Таны уничтожили дацзы. Шуанъ-чэнъ (Никольское) есть мѣсто-

пребываніе племянника или потомка Ликэюна..., который жилъ здѣсь въ изгнаніи 40 лѣтъ"...

Сходство именъ преданія и мѣстъ съ таковыми же записи у архим. Палладія даетъ основаніе видѣть въ первомъ не одну игру народной фантазіи. Еще большую историческую цѣну даютъ ему нѣкоторыя детали, сближающія его съ бытующими среди тазовъ и понынѣ воззрѣніями. Такъ, и понынѣ тазы обожаютъ медвѣдя, и понынѣ среди нихъ живутъ преданія, что въ старину дѣвушки,—правда, во снѣ,—имѣли половыя сношенія съ медвѣдемъ и рожали отъ него дѣтей.

Слѣдуя этому преданію, необходимо признать, что первоначальною родиною тазъ былъ югъ, Сучанъ—мѣсто первопачальнаго поселенія ихъ, откуда они, подъ вліяніемъ ли напора со стороны другихъ народовъ, подъ вліяніемъ ли перемѣнъ, производимыхъ человѣкомъ въ первобытной природѣ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, двигались далѣе на сѣверъ.

Для архим. Палладія, очевидно, южное происхожденіе тазъ было внѣ сомнѣнія, какъ это видно изъ словъ, взятыхъ мною эпиграфомъ къ настоящему сочиненію. За южное происхожденіе тазъ высказался и другой авторитетъ по изученію инородцевъ Приамурскаго края академикъ Шренкъ. По его мнѣнію, распространеніе тазъ шло съ юга, съ границъ Кореи и верховьяхъ Уссури и исподоволь подвигалось вдоль берегового хребта и морского берега.

Г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи „Объ орочахъ Императорской гавани", доложенномъ въ музеѣ Общества Изученія Амурскаго края 1-го ноября 1896 г., пытался опровергнуть установленное Шренкомъ мнѣніе о южномъ происхожденіи орочей. Онъ пытался доказать [1]), что орочи явились съ сѣвера, съ низовьевъ Амура, а не съ юга, и въ старину были оленеводами. Для аргументаціи въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, онъ обращается сперва къ разсмотрѣнію географическаго распредѣленія поселеній орочей. Селенія эти расположены большею частью въ устьяхъ рѣкъ, но фактически они занимаютъ всю страну до хребта Сихота-Алгена, такъ какъ охота и рыбная ловля вызываютъ среди нихъ постоянныя перекочевки по всей системѣ рѣкъ, ими обитаемыхъ, а по р. Тумни встрѣчается цѣлый рядъ постоянныхъ орочскихъ селеній, въ среднемъ и верхнемъ ея теченіи. Даже при бѣгломъ взглядѣ

[1]) При изложеніи мнѣнія г. Штернберга и доказательствъ, пользуюсь отчетомъ газеты «Владивостокъ», къ которой авторъ доклада стоялъ близко (№№ 47, 48, 50 и 51 за 1896 г.).

на территорію орочей нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что рѣки, протекающія по этой территоріи, сближаются своими верховьями съ системой Амура и Уссури, и что хребетъ Сихота-Алинъ, кажется, служитъ скорѣе соединяющимъ звеномъ, нежели преградою между отдѣльными частями ихъ поселеній. Уже по одному этому можно предположить, что система Амура и Уссури были, если не родиной, то переходнымъ пунктомъ для нынѣшнихъ обитателей татарскаго побережья. Это живое сообщеніе между обитателями западнаго и восточнаго склоновъ Сихота-Алина наблюдается и въ наше время, и случаи переселенія съ одного склона на другой составляютъ обычное явленіе. „Наблюдая переселенія орочей въ настоящее время.— говоритъ г. Штернбергъ, — по аналогіи мы можемъ заключить, что именно съ низовьевъ Амура и притоковъ Уссури постепенно спускались тѣ одинокія семьи, которыя впослѣдствіи составили племя орочей“.

Вторымъ доказательствомъ сѣвернаго происхожденія орочей служатъ сохранившіяся среди нихъ (с. Дата нар. Тумни) преданія о томъ, что они когда-то были оленеводами. Наконецъ, о переселеніи орочей съ сѣвера свидѣтельствуетъ устройство юртъ и дѣтской колыбели.

Какъ легко замѣтитъ читатель, ни одинъ аргументъ г. Штернберга не отличается необходимою убѣдительностью, и его смѣлая гипотеза о сѣверномъ происхожденіи орочей падаетъ сама собою.

Во-первыхъ, логика учитъ, что аналогія не есть научное и прочное основаніе, тѣмъ болѣе аналогія отъ настоящаго къ далекому прошлому. Во-вторыхъ, мало пользы приносятъ рѣшенію вопроса о происхожденіи народа данныя, взятыя изъ современнаго быта орочей; при несохраненіи орочами племенной чистоты, что можетъ доказать устройство дѣтской колыбели, особенно, если принять во вниманіе, что у нихъ имѣются колыбели двухъ типовъ?

Въ-третьихъ, вопросъ о происхожденіи орочей можно рѣшить только на исторической почвѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, которыми совершенно пренебрегъ г. Штернбергъ. Эти-же данныя говорятъ противъ мнѣнія послѣдняго.

Такъ, въ японскомъ сочиненіи „San koki tsou ran to sets“, переведенномъ Клапротомъ, говорится, что въ XVI-столѣтіи японскія войска, преслѣдуя корейскихъ принцевъ, проникли чрезъ всю провинцію Хамъ-кіонъ, за Кіль-чу, до Тюменьулы и здѣсь вступили въ страну Оронкай (китайское чтеніе У-ляпъ-хай). Точно также іезуитскіе миссіонеры, посѣтивъ въ 1709 г. устье Суйфуна и мѣстность нынѣшняго Никольскаго, называютъ мѣстныя племена тазами. „Все это,—справедливо замѣчаетъ г. Пановъ, у котораго мы заимствовали приводимыя свѣдѣнія, и названіе „Оронкай“, и „тазы“,

и сравнительная густота ихъ на югѣ (здѣсь японцы, по ихъ исторіи, взяли оронкайскую столицу и сожгли 9 другихъ городовъ) — вполнѣ согласуется съ указаніемъ Шренка, что орочи (оронкайцы) распространялись именно съ юга (См. Дальній Востокъ 1896 г., № 114).

Мои личныя наблюденія и разспросы во время экспедиціи на Сучанъ и во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива приводили къ тому, что и нынѣ происходитъ отчасти движеніе тазовъ съ юга, съ долины р. Та-Судухэ, на сѣверъ, въ долины рр. Та-ухэ, Пху-сунъ, Вай-фудинь, Тазуши и др.

Въ виду сказаннаго, признаю доселѣ остающимся въ силѣ мнѣніе арх. Палладія и академика Шренка о южномъ происхожденіи тазовъ.

Больше затрудненій для своего рѣшенія представляетъ вопросъ о названіи народа, служащаго предметомъ настоящей монографіи.

Арх. Палладій по этому поводу высказалъ нѣсколько предположеній, называя тазовъ Кіакала или Кякала и отождествляя ихъ съ Куяла, самымъ крайнимъ на югѣ маньчжурскимъ родомъ, обитавшимъ по лѣвому берегу рѣки Тюмень-Ула.

Ак. Шренкъ, удѣлившій этому трудному вопросу нѣсколько страницъ въ названномъ классическомъ трудѣ (139—144 стр.), приводитъ слѣдующія названія: Та-цзе, Та-чже и Та-че (русское Тазы), названія китайскія, равно какъ Кіакала и Гокела; гольды называютъ тазъ — „Кэкаръ“ и „Ламука“. Затѣмъ слѣдуютъ различныя искаженія имени „Кіакала“, даннаго тазамъ въ китайской государственной географіи династіи Цинъ: „Кьякара“, „Кьэхкалъ“, „Кэкалъ“.

Наконецъ, есть еще названіе „Орочи“, данное Лаперузомъ и вошедшее во всеобщее употребленіе, и „Орочоны“, не менѣе часто встрѣчающееся въ русскихъ сочиненіяхъ о тазахъ. Академикъ Шренкъ совершенно отвергаетъ названіе „Орочи“. „Лучше всего было-бы, — говоритъ онъ, — вовсе бросить названіе „Орочи“ и замѣнить его какимъ-нибудь другимъ, хотя-бы названіемъ „Кэкаръ“, или тѣмъ, которое они даютъ себѣ сами, если только существуетъ такое названіе, общее у всѣхъ орочей и тазовъ отъ залива Де-Кастри до Суйфуна. До сихъ поръ, однако, еще совершенно неизвѣстно, какъ называютъ орочи асми себя“.

Еще менѣе, чѣмъ названіе „Орочи“, идетъ названіе „тазы“, „тацзы“ и т. п., коимъ китайцы, вслѣдствіе плохого знакомства съ этнографіей окраинъ Амура, коллективно обозначали тунгузскія племена или, по выраженію Риттера, „смѣсь народовъ“ на сѣверо-востокѣ Азіи.

Не рѣшивъ, такимъ образомъ, окончательно вопроса о названіи тазъ и оставшись при общеупотребительномъ „орочи“, акад. Шренкъ въ тоже время далъ толчекъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Многихъ изъ послѣдующихъ этнографовъ, изучавшихъ инородцевъ Приамурскаго края, интересовалъ вопросъ: „какъ называютъ сами себя орочи?“

Послѣдняя попытка рѣшить этотъ вопросъ принадлежитъ г. Штернбергу, который пришелъ къ слѣдующему заключенію: народъ, извѣстный въ этнографіи подъ именемъ орочей, самъ себя зоветъ „нана“=„нани“. Подъ вліяніемъ прозвищъ, данныхъ сосѣдями, это племя называетъ себя часто, особенно передъ другими, „орока“, на крайнемъ югѣ—кэха, кэра, хыды, тазы и пр. (См. „Владивостокъ“, 1896 г., № 47-й).

Но слово „нани“, служащее, по мнѣнію г. Штернберга, самоназваніемъ орочей, оказалось слишкомъ широкимъ терминомъ, охватывающимъ и гольдовъ, и мангунъ, и ороковъ; поэтому его нельзя предпочесть названію „орочей“, имѣющему болѣе тѣсный и опредѣленный смыслъ.

Какъ мнѣ кажется, ближе всѣхъ къ рѣшенію вопроса стоялъ удивительно прозорливый архимандритъ Палладій. Въ разныхъ мѣстахъ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣтокъ“ у него встрѣчаемъ интересныя по этому поводу замѣчанія. Такъ, подъ 21 іюня 1871 г. читаемъ: „Арóчи (т. е. орочи) несомнѣнно мангуны; по преданію, нѣкогда у нихъ были олени[1]), но всѣ померли отъ заразы; они боятся кѣкаровъ (т. е. тазъ). Медвѣдь у нихъ Мафа[2]), тигръ амба, у тазовъ—тасха“. Такимъ образомъ, здѣсь архм. Палладій ясно различаетъ орочей и тазъ, считая ихъ особыми народами. Подъ 16 мая 1870 г., будучи въ заливѣ св. Ольга, архим. Палладій заноситъ въ дневникъ слѣдующее: „По мнѣнію Борисова (кажется хозяинъ-капустоловъ, скупавшій у тазъ соболей), далѣе дацзъ живутъ орочоне, дацзы же одного племени съ гольдами“. Тутъ ужъ ясно противоположеніе тазъ орочамъ или орочонамъ.

Свѣдѣніями арх. Палладія слѣдуетъ дорожить, потому что они собраны человѣкомъ, вполнѣ подготовленнымъ къ изученію народовъ Приамурья. Если бы послѣдующіе этнографы были столь же внимательны къ изучаемымъ народамъ, какъ арх. Палладій, то акад. Шренкъ давно бы рѣшилъ столь запутанный теперь вопросъ о самоназваніи тазъ.

Лѣтомъ 1897 г. мнѣ надо было переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Коппи на сѣверѣ до бухты Терней на югѣ, или до р. Санденбея. На р. Коппи мною былъ взятъ переводчикомъ Сергѣй

---

[1]) Г. Штернбергъ въ упомянутомъ сообщеніи тоже самое доказывалъ объ орочахъ Императорской гавани и зал. Де-Кастри.

[2]) Такъ и теперь называютъ медвѣдя орочи Императорской гавани.

Тугину́, орочонъ, какъ онъ самъ себя называлъ [1]), хорошо знавшій языкъ жителей р. Коппи и другихъ, живущихъ сѣвернѣе до устья Амура, и довольно свободно объяснявшійся по-русски. Оказавъ мнѣ большую услугу на р. Коппи и ея притокахъ, этотъ переводчикъ оказался менѣе пригоденъ на р. Ботчи и другихъ на югъ, до того непригодны стали его услуги, какъ переводчика, что я принужденъ былъ взять еще одного переводчика, знавшаго тазовскій языкъ и китайскій, такъ что я говорилъ Тугину по-русски, онъ мою рѣчь переводилъ тазу по-китайски, тотъ эту рѣчь переводилъ по-тазовски жителямъ и передавалъ по-манзовски Тугину, который мнѣ говорилъ уже по-русски. Когда я на р. Ботчи обратился за разъясненіемъ, почему Тугину плохо передаетъ мнѣ рѣчь жителей, то переводчикъ и одинъ тазъ, знавшій немного по-русски, объяснили мнѣ, что отъ р. Коппи до Императорской гавани и сѣвернѣе живутъ „орочоны“, которые носятъ одну косу: а съ р. Ботчи на югъ, на р. Самарга и другихъ, живутъ „удиhэ“, которыхъ китайцы называютъ „тазы“, они носятъ двѣ косы.

Дѣйствительно, всюду по берегу Татарскаго пролива и Японскаго моря встрѣчавшіеся мнѣ аборигены страны говорили однимъ языкомъ, называли себя однимъ именемъ „удиhэ“, варьируя его въ произношеніи—удеэ, удэ. Такимъ образомъ, самоназваніемъ приморскихъ инородцевъ, начиная съ р. Ботчи на югъ до р. Та-Судухэ, слѣдуетъ признать названіе удиhэ (я обозначаю латин. буквою звукъ, для начертанія котораго нѣтъ въ русскомъ алфавитѣ буквы). Удивительно, что тоже самое находимъ и въ дневникѣ арх. Палладія. Подъ 19 іюня 1871 г. читаемъ: „Арк. Григ. Петровъ сдѣлалъ переѣздъ отъ Семеновской гавани къ верховьямъ Хунгари и по Хунгари (гдѣ гиляки); отъ рѣки же Ыкки (=Ботчи), на югъ начинается племя кѣкаръ... Указавъ рѣку Ыкки начальнымъ пунктомъ поселенія „кѣкаръ“ (=тазы) на сѣверѣ, арх. Палладій точнѣе опредѣлилъ ихъ мѣстожительство, назвавъ и другія рѣки. Такъ, подъ 16 мая 1871 г., говоря о тазахъ (дацзахъ) залива св. Ольга, онъ пишетъ: „Эти дацзы обитаютъ далѣе по рѣкамъ Дацзышу [1]), Чжучжихэ [2]), Яочжихэ [3]), Шенъ-Кебѣ [4]), Кэма и въ двухнедѣльномъ пути отъ села рѣки Кунъху [5]). Языкъ обитающихъ на послѣдней ему (т. е. тазѣ Кюйсюйли) непонятенъ“.

---

[1]) Замѣчу здѣсь, что на р. Коппи всѣ называли себя «орочонами», плохо соглашаясь съ названіемъ «орочи». Слышалъ я и другое названіе, въ смыслѣ собирательнаго: мой переводчикъ Тугину говорилъ часто: «на такой-то рѣкѣ много—много шляка живи», а тамъ жили орочоны или тазы. Другихъ названій мнѣ не говорили, не знали.

[1]) т. е. Тазуши (Лефуле); [2]) Тюлиха; [3]) Лудиху; [4]) Санхабэ или Санденбея, впадающая въ бухту Терней; [5]) Кэма и Кумгу не могу съ точностью переложить на современную географическую номенклатуру, но я не разъ слышалъ названія этихъ рѣкъ и переписалъ живущихъ по нимъ удиhэ. На существующихъ картахъ даны иныя названія рѣкамъ, чѣмъ даютъ имъ аборигены.

Зная границу поселеній тазъ по морскому берегу, мы узнаемъ изъ того же источника и границу сухопутную, на западъ отъ побережья. Въ отрывкѣ, взятомъ въ эпиграфъ къ настоящему изслѣдованію, ясно сказано, что тазы, или кякала, жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури. Дѣйствительно, г. Пальчевскій, переписывая инородцевъ по рр. Иману и Ваку, узналъ, что орочоны, живущіе „по вершинамъ правыхъ притоковъ р. Уссури“, называютъ себя „удэ“. Такимъ образомъ новѣйшія тщательныя изслѣдованія оставили внѣ сомнѣнія вопросъ о самоназваніи тазовъ. Это особый народъ, называющій себя удиһэ или удэ, занимающій и понынѣ тѣ мѣста, которыя указаны для него архим. Палладіемъ, объѣхавшимъ часть территоріи тазъ и весьма интересовавшимся изученіемъ этого народа. Само собою разумѣется, что удиһэ, разселившись по многимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Японское море и раздѣленнымъ продольными складками Сихота-Алина, могли образовать нѣкоторое разнообразіе говоровъ. Этимъ, думаю, можно объяснить замѣчаніе арх. Палладія, что тазу Кюйсюйли непонятенъ языкъ удиһэ, обитающихъ по р. Кумгу. И въ настоящее время языкъ жителей правыхъ притоковъ р. Уссури, Ботчи, Самарга, Та-Судухэ и др. представляетъ нѣкоторое разнообразіе, но послѣднее сводится скорѣе къ произношенію, чѣмъ къ словообразованію. Для примѣра укажу нѣсколько словъ: солнце-сý Уссури и Иа-Судухэ), шу или шю (Ботчи, Самарга, Нахту и др. р.), шунъ (зал. св. Ольга изъ дневника арх. Палладія); гора-уа̀ (Уссури), у́а (Ботчи, Самарга и др. р.), гоу (св. Ольга у Палладія).

Выше мною было сказано, что мой переводчикъ, хорошо говорившій по-орочонски на р. Копии, въ Императорской гавани и т. д., плохо понималъ жителей рр. Ботчи, Самарга и др. рѣкъ, впадающихъ въ Японское море южнѣе. Плохое пониманіе ясно указываетъ, что хотя тазы, или удиһэ, являются инымъ народомъ, чѣмъ орочоны Императорской гавани, зал. Де-Кастри, р. Тумнинъ, однако, какъ одноплеменные, имѣютъ нѣчто общее. Для убѣдительности привожу здѣсь параллельно нѣсколько числительныхъ именъ и другихъ словъ, записанныхъ мною у жителей рр. Копии, Ботчи, Самарга и Нахту (или Нахтуху).

Русскія.	р. Коппи и Майдата.	р. Ботчи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Одинъ	омỳ	омоцò	омỳ и омозò	омỳ
Два	дю̀	дю̀	дзиỳ или дзю̀ръ	джỳ
Три	элà	элà	элà	элà
Четыре	ды̀ или ды̀и	дп̄(и долгое)	ды̄ (ы долгое)	ды̄
Пять	тунгà	тунгà	тунhа 1)	тунгà 2)
Шесть	нюмỳ	нюмỳ	нюhмỳ	нюмỳ
Семь	надà	натà	надà	надà
Восемь	джяˣпỳ или джаптỳ	джактỳ	джакпỳ или джагпỳ	джякпỳ
Девять	хую̀	jій	jій	jей
Десять	дᵈя	дчà или джà	джй или дзà	джй
Одиннадцать	джёму	джамỳ	джа-омỳ	джя-амỳ
Двѣнадцать	дя̀ньдю	джадю̀	джа-джỳ	джя-джю̀
Двадцать	ой	уàй	уàй	ojй
Двадцать одинъ	ȍй-омỳ	уамỳ	уàй-омỳ	ojамỳ
Тридцать два	гуты̀-дю̀	эладжадю̀	эладза-джю̀	эладза джỳ
Сорокъ	дыньдя̀	диджà	дыджàя или дычàя	дыдза
Сто	ому-тангỳ	ому-тангỳ	омỳ-тангу	дзàдза(=омỳ) тангà
Двѣсти	дю-тангу	дю-тангỳ	дю-тангỳ	джу-тангỳ
Тысяча	ому-меньгà	оминьгà	оминьгà	оминьгà
Отецъ	аманà	абугỳ	абуhà	абуhà
Мать	анимпѝ	анигà	аниhà	аниhà
Сестра	хонадѝ	окà	старшая—оhгò младшая—покò	опадю̀
Братъ	ахлимпѝ	старшій—ахаhупỳ младшій—накогупà	агà	андỳ
Сынъ	hитапэ	hитà	hитэй или астэй	хитэмѝ
Дочь	hамэhитапэ	ситэ	аджигà	хитэмѝ
Мужъ	адэпэ̀	мапай	адэй	мафà
Жена	hампэ̀	мамачàи	мамазэи	аhапjай
Олень	эдаˣкэ̀	игдахкэ̀	ю̀	нѣтъ слова (не знаютъ оленя)
Собака	энахкэ̀	инай или инàй	энэй	инай
Хорошій	айà	аянѣ	айанѝ	айанѝ
Худой	уnhà	гаhанѣ	гоhонѝ	гоhонjè
Короткій	умѝ	омозà	омозà или омонà	умазà
Старый	hоопты̀	мафасà	сагдентà	сагбинтà
Слушаю	догдэвэ	—	догдэмэ̀	дугдэ̀
Говорю	бидыганивэ̀	биhанамѝ	бидагайэ̀	диhандэ̀.

[1]) Недостающія буквы беру изъ латинскаго алфавита.
[2]) Знакъ ⁀, поставленный надъ *нh* или *нг*, означаетъ, что звуки *h* и *г* слѣдуетъ произносить съ носовымъ призвукомъ.

Нѣкоторыя имена числительныя, а другія части рѣчи въ особенности, кажется, ясно свидѣтельствуютъ, что, при сходствѣ, жители рр. Ботчи, Самарга, Нахту, по языку ближе другъ къ другу, чѣмъ жители р. Копии и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Если прибавить, что удиһэ, какъ засвидѣтельствовано и г. Маргаритовымъ (у него шамаргинскіе орочи), по физическому типу нѣсколько разнятся отъ орочей Императорской гавани, то смѣло можно утверждать, что тунгузскій народецъ, извѣстный до сихъ поръ подъ именемъ тазъ, есть особое племя орочей или орочонъ, носящее особое названіе. Основаніемъ къ такому утвержденію служитъ для меня то, что при рѣшеніи вопроса о причисленіи какого-либо народа къ опредѣленному племени главную роль играютъ физическія свойства и языкъ (Шренкъ, Op. cit., 203 стр.). По моему мнѣнію, языкъ и физическія свойства тазъ таковы, что ихъ слѣдуетъ считать особымъ народомъ, имѣющимъ свое самоназваніе удиһэ и противополагающимъ себя орочонамъ Императорской гавани и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Этимъ-то тазамъ, или удиһэ, и посвящена настоящая монографія.

ГЛАВА III.

Географическій очеркъ территоріи Удиһэ и ея физическія свойства.

Народъ удиһэ занимаетъ въ настоящее время часть Приморской области въ слѣдующихъ границахъ: на сѣверѣ—р. Ботчи, отъ устья до верховьевъ, теряющихся въ горныхъ складкахъ берегового хребта, извѣстнаго подъ именемъ Сихота-Алинь; на югѣ—рѣка Та-Судухэ съ правымъ притокомъ Сяо-Судухэ и бухта Находка; на западѣ—поселенія удиһэ простираются за береговой хребетъ Сихота-Алинъ и по рр. Хору, Бикину и Иману доходятъ до р. Уссури; на востокѣ страну ихъ омываютъ непривѣтливыя и бурныя воды Японскаго моря съ Татарскимъ проливомъ.

Таковы, въ общемъ очеркѣ, предѣлы территоріи, на которой тамъ и сямъ, сплошными поселеніями и разбросанно, вперемежку и вперемѣшку съ другими инородцами—гольдами, орочонами, маньчжурами и китайцами,—обитаютъ нынѣ удиһэ. Такимъ образомъ, послѣдніе занимаютъ своими постоянными и временными жилищами большую часть Зауссурійскаго края [1]), въ сто слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ.

[1]) Я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію геолога Д. В. Иванова, что дѣленіе Приморской области на Сѣверно-и Южно-Уссурійскій край искусственно и не имѣетъ никакого физико-географическаго основанія. См. его брошюру «Основныя черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота-Алинь» (Записки пріамур. Отд. И. Р.-Г. Общ., т. I, вып. 3).

Обширный Зауссурійскій край можно по справедливости назвать горною страною. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ равнины на юго-западѣ его при озерѣ Ханка до прирѣчныхъ низменныхъ пространствъ вдоль праваго побережья рр. Уссури и Амура, онъ представляетъ сильно расчлененную гористую поверхность. „Собственно говоря,—справедливо замѣчаетъ геологъ Ивановъ,—даже нельзя провести строгой границы, гдѣ горная область на западѣ смѣняется равниною, такъ какъ среди послѣдней довольно часто встрѣчаются разбросанными отдѣльно стоящіе хребты и сопки, которые, по мѣрѣ движенія въ глубь страны, увеличиваясь въ числѣ, мощности и скученности, постепенно и незамѣтно сливаются съ предгоріями Сихота-Алина“ (Op. cit., стр. 49).

Главная возвышенность Зауссурійскаго края, въ предѣлахъ территоріи Удиһэ, Сихота-Алинъ, вопреки сложившемуся мнѣнію, является не обособленнымъ массивнымъ хребтомъ, а имѣетъ видъ цѣлаго ряда параллельныхъ складокъ, имѣющихъ общее сѣверо-восточное направленіе и заполняющихъ собою весь край отъ моря до береговъ р. Уссури. Также вопреки сложившемуся мнѣнію, сѣверо-западные склоны Сихота-Алина представляются болѣе высокими и крутыми, чѣмъ юго-восточные, т. е. обращенные къ Японскому морю и Татарскому проливу [1]). Имѣя въ среднемъ не болѣе $3-3^1/_2$ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, складки Сихота-Алина мѣстами достигаютъ значительной высоты, напримѣръ, гора Голая, верстахъ въ десяти сѣвернѣе мыса Олимпіада. Прорѣзанныя глубокими рѣчными долинами вкрестъ своему протяженію, складки кряжа ясно дробятся на рядъ отдѣльныхъ вытянутыхъ хребтовъ съ характернымъ макушками—гребнями конической формы („сопки“). Сѣверо-сѣверо-восточному направленію главныхъ складокъ Сихота-Алина соотвѣтствуетъ направленіе долинъ, по которымъ течетъ большинство рѣкъ этого края. Только на западномъ склонѣ хребта долины рѣкъ имѣютъ различныя направленія—сѣверо-восточное, юго-западное и др. Что касается береговой полосы территоріи удиһэ, то она характеризуется въ позднѣйшихъ чисто научныхъ сочиненіяхъ такъ. „Все наше побережье Сѣверо-Японскаго моря и Татарскаго пролива, по характеру своихъ береговъ, можетъ быть легко подраздѣлено на двѣ, совершенно различныя другъ отъ друга, части: южную, отъ залива Петра Великаго до залива св. Ольги, богатую бухтами и заливами, съ сильно развитой береговой линіей, и сѣверную, большую часть, отъ залива св. Ольги до залива Де-Кастри, отличающуюся недоступ-

[1]) «Мнѣніе, что гористость страны достигаетъ наибольшей своей интенсивности со стороны Татарскаго пролива и Сѣверо-Японскаго моря, зависитъ исключительно отъ рѣзкаго контраста горнаго ландшафта, сравнительно съ морской поверхностью, такъ какъ здѣсь горные хребты непосредственно обрываются въ море»... (Ивановъ, op. cit., 49 стр., примѣч. 2).

ностью своихъ береговъ и почти полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь значительныхъ бухтъ и заливовъ, за исключеніемъ развѣ только одной на всемъ этомъ протяженіи прекрасной фіордообразной Императорской гавани. Эта разница въ характерѣ береговъ обусловливается, главнымъ образомъ, орографическими особенностями страны; здѣсь на всемъ протяженіи береговой линіи тянется горная цѣпь хребта Сихота-Алина, которая крайними своими отрогами совпадаетъ съ направленіемъ берега; мѣстами же эти отдѣльныя параллельныя цѣпи горъ на юго-востокѣ какъ бы обрываются прямо въ море и тогда даютъ начало ряду бухтъ и заливовъ... Америка, св. Ольга, св. Владиміръ и др.“ (Ивановъ, Op. cit., 35).

На сѣверѣ отъ залива Св. Владиміра морскіе берега представляютъ почти непрерывные береговые хребты, параллельные береговой линіи моря, изрѣдка прерываемые горными рѣчками. Эти рѣчки являются единственно возможными путями для мѣстныхъ жителей, которые по нимъ переваливаютъ даже черезъ хребетъ Сихота-Алинъ, выходя на верховья р.р. Имана, Хора, Бикина и др. притоковъ Уссури [1]).

Зауссурійскій край богатъ водами, принадлежащими къ двумъ бассейнамъ: къ бассейну р. Амура и къ бассейну Японскаго моря и Татарскаго пролива.

Изъ рѣкъ Амурскаго бассейна по территоріи удиһэ′ протекаютъ три большихъ правыхъ притока р. Уссури—Хоръ, Бибинъ и Иманъ, съ своими многочисленными притоками [2]).

Рѣка Хоръ (кит. Маньюхе, орочон. Шоро) вытекаетъ изъ того горнаго узла, гдѣ сходятся наиболѣе высокія складки Сихота-Алина и откуда берутъ свое начало верховья другихъ рѣкъ, Самарги, Дондона, Буды и др. Имѣя протяженія (вмѣстѣ съ извилинами) болѣе 370-ти верстъ, она сначала течетъ въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи; затѣмъ, по принятіи притока Джукдами, поворачиваетъ и на протяженіи 70 верстъ течетъ въ юго-юго-восточ-

---

[1]) Вотъ до сихъ поръ извѣстные перевалы отъ моря на притоки Уссури. Геологъ Ивановъ на сѣверѣ переваливъ черезъ Сихата-Алинъ такъ: р. Тумнинъ, ея западный притокъ Хута, р. Бута, притокъ Хуты, ручей Омоа и хребетъ того же имени, ручей Пелагія р. Гобзиля, р. Дондонъ, р. Амуръ. Второй перевалъ его шелъ: съ р. Самарги на притокъ ея Кукчи, притокъ послѣдняго Японка, перевалъ Сололи, ручьи Дяди—Сололи, Ялядяго, Дягдосу и Колю, р. Такома, лѣвый притокъ Хора, р. Хоръ. (Ивановъ. Op. cit. 11 и слѣд.). Съ верховьевъ р. Бикина существуетъ два перевала: одинъ идетъ отъ лѣваго притока Бикина Уленгоу до притока послѣдняго р. Бегаму, переваль, р. Кушугоу и море. Другой перевалъ идетъ по р. Уленгоу до самаго перевала, затѣмъ по р. Тахобе спускаются къ морю.

Изъ долины р. Имана лучшій перевалъ черезъ Сихота-Алинъ находится въ 50 верстахъ выше впаденія въ него р. Армы (Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.).

[2]) Свѣдѣнія о рѣкахъ Зауссурійскаго края заимствую изъ слѣд. сочиненій: 1) г. Надарова: «Сѣверно-Уссурійскій Край». 2) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. и 3) Д. Ивановъ «Основныя черты оро-геологическаго строенія хребта Сихота-Алина.

номъ направленіи, а далѣе до самаго устья сохраняетъ западное направленіе, дѣлая два крутыхъ заворота—одинъ на сѣверъ, другой на югъ. На всемъ своемъ протяженіи рѣка Хоръ не имѣетъ цѣльнаго русла, а часто разбивается на нѣсколько переплетающихся между собою протоковъ, образующихъ большіе и малые острова, затопляемые въ большую воду. Тамъ, гдѣ Хоръ имѣетъ цѣльное русло, ширина различна: въ верховьяхъ 50-70 саж., въ средней части—доходитъ до 100 саж., а въ низовьяхъ иногда достигаетъ 150 саж. Глубина рѣки довольно значительна, но не всегда одинакова на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ вслѣдствіе наносовъ. Наибольшая глубина въ низовьяхъ рѣки колеблется между 35 и 70 фут., наименьшая 7 футовъ. Одинаковая на всемъ протяженіи Хора быстрота теченія значительна и въ среднемъ равняется 10 ф. въ секунду, исключая низовьевъ, гдѣ она доходитъ до 4 фут. въ секунду. Видное сквозь чистую, прозрачную и холодную воду дно рѣки покрыто, на всемъ протяженіи, галькою и, въ малую воду, выдается на многочисленныхъ перекатахъ иногда на одинъ футъ надъ поверхностью воды.

Въ верхнемъ и среднемъ теченіи берега Хора сопровождаются крутыми и скалистыми сопками, подходящими вплотную къ правому берегу и спускающимися высокими обрывами. Сопки лѣваго берега, отступая, образуютъ низину отъ 1 до 7 верстъ шириною. Эта низина переходитъ въ сплошную равнину нижняго теченія рѣки, гдѣ сопки значительно удаляются отъ береговъ и тонутъ, въ видѣ изолированныхъ хребтовъ, въ общей равнинной картинѣ. Вся равнина эта покрыта слоемъ суглинка, толщиною отъ 6 до 10 верш., лежащаго на глиняной или песчаной подпочвѣ.

Хоръ, какъ и многія быстрыя горныя рѣки, не подвергается сплошному замерзанію, хотя и покрывается въ срединѣ ноября льдомъ; въ концѣ февраля или началѣ марта онъ обыкновенно вскрывается. Тогда бываетъ такой подъемъ воды, что она выступаетъ изъ береговъ. Впрочемъ, разливы Хора, какъ горной рѣки, происходятъ и въ другое неопредѣленное время: стоитъ въ іюлѣ, сентябрѣ или въ какое-либо другое время, въ теченіе двухъ трехъ дней, пойти сильнѣе дождямъ,—и вода поднимается на 1—2 аршина. Вотъ почему въ равнинѣ Хора часты наводненія, разрушительная сила которыхъ не всегда одинакова.

Въ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ теченіяхъ Хоръ принимаетъ много притоковъ. Такъ, слѣва въ него впадаютъ—Чуй, Кефалу (лю), Сурфай, Танду, Чуха, Суя, Кефынъ, Кетенъ, Мутепъ [1]); справа:

[1]) Ивановъ еще называетъ въ числѣ лѣвыхъ притоковъ: Такома, Тянга, Адаки, Яву, Ходы, Ялоки, Тали, Сагди-Тали, Сагды.

Джукдами, Коломи, Гнулами, Октынъ, Боума, Келами, Миза, Лонто, Дукчи, Никонбисани [1]).

Изъ нихъ доселѣ изслѣдованы и описаны весьма немногіе. Наиболѣе важными слѣдуетъ считать Джукдами, Кетенъ и Мутенъ.

Рѣка Джукдами впадаетъ въ Хоръ справа, верстъ на 2—3 выше устья лѣваго притока Чуя, и беретъ начало изъ ключей на водораздѣлѣ рр. Хора и Немпту (впадающей въ оз. Синда). Сперва она течетъ въ восточномъ направленіи на протяженіи около 25 верстъ, но за 6—7 вер. до слія-нія съ Хоромъ поворачиваетъ на юго-востокъ. Незначительная въ верховьяхъ рѣчушка (до двухъ саженъ шириною), она въ нижнемъ теченіи достигаетъ ширины большой рѣчки (15 и 20 саж.), съ глубиною отъ 1 до 5, и въ устьѣ до 17 футовъ. Дно ея устлано мелкою галькою, пескомъ и кое-гдѣ вязкимъ иломъ. Заломы и карчи мѣшаютъ движенію по ней лодокъ; а берега представляютъ равнину—болото (въ 6—7 вер. шириною), затопляе-мую при разливахъ водою, температура которой очень низка.

Рѣка Кетенъ сливается съ Хоромъ на лѣвомъ берегу его, въ 160 верстахъ отъ устья послѣдняго. Истоки ея находятся въ ключахъ горнаго узла, служащаго водораздѣломъ бассейна р. Хора отъ бассейна р. Бикина. Въ верхнемъ своемъ теченіи (отъ истоковъ до впаденія притока Седженъ), на протяженіи 70—80 вер., она, сохраняя направленіе съ востока на запад, протекаетъ по долинѣ, стѣсненной справа высокими и обрывистыми, а слѣва пологими, но изрѣзанными множествомъ извилистыхъ падей сопками; узкость русла, быстрота теченія и заломы дѣлаютъ ее несудоходною. Приня-въ притокъ Седженъ, Кетенъ, на протяженіи 145 вер., течетъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи и становится довольно широкою рѣкою, протекая по обширнымъ площадямъ. Отъ устья притока Нево она поворачиваетъ на сѣверо-западъ и при слія-ніи съ Хоромъ образуетъ три рукава, изъ которыхъ самый большой имѣетъ до 16 саж. ширины. Вообще Кетенъ—большой при-токъ Хора, что видно изъ протяженія (до 250 верстъ) и ширины, доходя-щей до 55 саж.; глубина же колеблется между 1 и 13 футами. Самое бы-строе теченіе она имѣетъ въ верхнемъ теченіи (9 фут.), самое медленное—въ низовьяхъ (6 фут. въ сек.). Въ остальныхъ отношеніяхъ она походитъ на Хоръ: тѣже галька, песокъ и илъ на днѣ; тѣже наносные острова и ост-ровки, образуемые протоками; тѣже періоды замерзанія и вскрытія.

[1]) Иванов еще называетъ: Боггу, Даудя, Кочики, Талами, Олоса, Баумы, Юмми, Уфа, Типчангу, Омопа, Табау, Модяпу, Хунгари, Сагду, Воудя. У г. Надарова совершенно иныя названія для правыхъ притоковъ Хора: Мадьазотунъ Анбанъ, Чибисонгоуза, Итыкепъ, Талами, Цуке, Сумлай, Кабули, Сухали (Op. cit., стр. 15). Что значитъ эта пестрота номенклатуры? Въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г. перепутаны правые и лѣвые притоки (см. 7 стр. ст. «Ре-зультаты географич. изслѣдованій охотнич. командъ).

Р. Мутенъ [1]), направляясь съ юга на сѣверъ, имѣетъ мѣстами гористые, мѣстами равнинные берега. Глубина ея колеблется между 9 и 28 фут., ширина между 15 и 40 саж. Замерзаетъ она лишь въ первыхъ числахъ декабря, а вскрывается около середины марта.

Второй притокъ Уссури-Бикинъ. Вытекая изъ горныхъ складокъ Сихота-Алина, онъ, на протяженіи болѣе 275 вер., течетъ въ различныхъ направленіяхъ: съ юго-востока на сѣверо-западъ (73 вер.), на западъ (40 вер.), на юго-западъ (26 в.), снова на сѣверо-западъ (18 вер.), на западъ (52 вер.), на сѣверъ (52 в.) и еще разъ на западъ (17 вер.).

Позднѣйшими изслѣдователями все теченіе Бикина раздѣляется на четыре части.

Принявъ слѣва р. Уленгоу верстъ черезъ 25 послѣ выхода изъ Сихота-Алина, Бикинъ становится уже большою рѣкою саженъ въ 15 шириною, доходящею у горы Шифонтай до 50 саж. При очень большой быстротѣ теченія, глубина рѣки въ этой части достигаетъ отъ $^1/_2$ до 13 фут., причемъ встрѣчается множество перекатовъ, протокъ и заломовъ. Кромѣ Уленгоу на этомъ протяженіи втекаютъ въ Бикинъ —справа Байчелаза и Гунзюгоу съ притокомъ Ябкэ, слѣва—Метахеза и Байчехэза.

Принявъ въ себя только что поименованные притоки, Бикинъ за горою Шифонтай до перевала выростаетъ въ огромную горную рѣку до 100 саж. шириною и отъ $1^1/_2$ до 18 фут. глубиною, представляя и тутъ тѣ же перекаты, заломы и мели. И въ этой части въ главную рѣку вливаютъ свои воды мелкія рѣчки, каковы:—справа Тохоло, Се-туинъ, Чешуданза, Нюшидинза и Гонголаза, слѣва—Ситуха.

За переваломъ, Бикинъ сильно измѣняетъ характеръ: при той же ширинѣ и глубинѣ, онъ имѣетъ ровное, менѣе 4 фут. въ секунду, теченіе и русло, очищенное отъ заломовъ и перекатовъ. На этомъ протяженіи ему несутъ дань своими водами—справа Алчанъ, слѣва—Малый Силань, Хантроводи и Хамхэза.

Принявъ Алчанъ, Бикинъ еще болѣе расширяется (до 125 саж.) и еще медленнѣе несетъ свои воды въ р. Уссури.

Долина Бикина имѣетъ различную ширину: если сопровождающія его горы подходятъ къ руслу, то ширина долины не превышаетъ полуторыхъ верстъ; или же удаляются, то долина имѣетъ до 20 вер. въ ширину.

Принимая во вниманіе, что въ Бикинъ впадаетъ на 39-й верстѣ отъ устья Алчанъ, имѣющій до 110 верстъ теченія, достигающій 30 саж. въ ширину и 13 фут. въ глубину и принимающій въ себя множество ручьевъ

[1]) Г. Надаровъ называетъ ее еще Корзунову, по имени одного изъ партіи лѣсничихъ, работавшихъ въ Приморской области лѣтомъ 1861 года.

и рѣчекъ съ красною водою (особенность Алчана), можно согласиться съ г. Надаровымъ, что „Бикинъ составляетъ самый большой изъ правыхъ притоковъ р. Уссура“ (Op. cit., 21 стр.).

Третій притокъ Уссури Иманъ (Има по-мѣстному) до настоящаго времени остается не обслѣдованнымъ на всемъ своемъ протяженіи, которое по прямому направленію предположительно опредѣляютъ въ 275 верстъ.

По выходѣ изъ Сихота-Алина, эта рѣка, имѣя весьма извилистое русло, сохраняетъ въ общемъ направленіе отъ востока на западъ. Сперва мощный бурный потокъ, быстро несущійся по узкой долинѣ среди горъ, Иманъ, принявъ въ себя воды многихъ притоковъ, превращается въ большую рѣку, шириною отъ 30 до 70 и даже (въ низовьяхъ) до 100 саж. По незначительной быстротѣ своего теченія и по сравнительной чистотѣ своего русла, онъ болѣе другихъ правыхъ притоковъ Уссури способенъ къ судоходству. По словамъ г. Надарова, въ большую и среднюю воду по этой рѣкѣ могутъ плавать мелкосидящіе пароходы (Op. cit., 28 стр.). Сопровождающія Иманъ возвышенности не отходятъ далеко отъ него, и потому долина рѣки, исключая низовьевъ, не широка. Съ этихъ возвышенностей стекаетъ множество рѣчекъ, питающихъ своими водами главную рѣку. Изъ такихъ притоковъ извѣстны: справа—Арма, Вагун-бэ, Тайзибери, Сибича, Тунача, Байцехэ и нѣкоторые другіе. Важнѣе лѣвые притоки: Тчанчихэ, Синандза, Соситухэ, Соснлаза, Ситухэ, Соханхэза, Ханехэза, Нейцахэ (по мѣстному Лейцахэ) и Бѣлая. Но самымъ значительнымъ лѣвымъ притокомъ, безспорно, является Вакъ. Это названіе рѣка носитъ лишь на протяженіи 156 верстъ, отъ устья до сліянія составляющихъ ее рѣкъ—Санда-Вака и Туда-Вака.

Вытекая изъ параллельныхъ складокъ Сихота-Алина, Туда-Вакъ довольно извилисто, съ большими кривунами, съ разнообразною скоростью и глубиною, течетъ по равнинѣ, то съуживающейся, то расширяющейся, до горы Цуанинъ. Соединившись здѣсь съ Санда-Вакомъ, онъ течетъ подъ именемъ Вака сперва съ юга на сѣверъ, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Питаясь многими ручьями и рѣчками, вытекающими изъ падей и враговъ, которыми изрѣзаны горы, сопровождающія теченіе Вака, рѣка становится шире и многоводнѣе и впадаетъ въ Иманъ, пробѣжавъ съ изгибами болѣе 200 верстъ.

По берегамъ какъ описанныхъ притоковъ Уссури, такъ и многихъ другихъ, которыхъ тутъ не перечисляю, встрѣчаются озера и болотистыя топкія мѣста.

Что касается рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, то ихъ насчитываютъ до ста; но подробнаго описанія ихъ теченія не

имѣется въ географической литературѣ. Впрочемъ, для составленія понятія объ этихъ рѣкахъ, достаточно ознакомиться съ haBitus'омъ одной какой-нибудь, потому что въ общемъ онѣ всѣ сходны другъ съ другомъ. Избираю рѣку Самаргу (Бѣглянку), какъ наиболѣе извѣстную и особенно любимую удиһэ. Она вливается въ море вересъ на 15 южнѣе мыса Суфренъ. Вытекая изъ наиболѣе высокихъ складокъ Сихота-Алина, Самарга все время течетъ въ довольно узкой рѣчной долинѣ, стѣсненной высокими горными хребтами, которые, въ видѣ параллельныхъ горъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки. При общемъ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи, теченіе ея прерывается каменистыми порогами и уступами. Принимая цѣлый рядъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ [1]), она расширяется и раздѣляется на ряды отдѣльныхъ протоковъ.

Кромѣ рѣкъ, на побережьи Японскаго моря и Татарскаго пролива имѣются три большія озера: озеро Благодати близъ бухты Джигитъ, озеро Бурное у мыса Гладкаго и озеро Утиное у мыса Олимпіады.

Обиліе рѣкъ даетъ основаніе предполагать обиліе атмосферическихъ осадковъ и дѣлать заключенія о свойствахъ климата Зауссурійскаго края. Но слѣдуетъ замѣтить, что при сужденіи о климатѣ этого края необходимо принимать въ соображеніе, кромѣ географическаго положенія, много побочныхъ факторовъ, вліяющихъ на него.

Всѣ [2]) занимавшіеся метеорологическими изслѣдованіями Зауссурійскаго края свидѣтельствуютъ, что климатъ его въ общемъ гораздо суровѣе, чѣмъ то можно было бы предполагать по географическому положенію. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ различныхъ пунктахъ этого обширнаго края встрѣчается множество частныхъ, чисто мѣстныхъ, климатическихъ особенностей. Особенно это примѣнимо къ климату территоріи удиһэ.

Главными и существенными свойствами климата территоріи удиһэ слѣдуетъ признать крайнюю влажность воздуха лѣтомъ и не менѣе сильную сухость зимою, въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ, дующихъ съ правильностью муссоновъ. Послѣдніе являются здѣсь въ видѣ двухъ господствующихъ воздушныхъ теченій: зимою и осенью — сѣверо-западнаго, лѣтомъ и весною — юго-восточнаго.

Сѣверо-западный вѣтеръ, пронесшись надъ отличающимися сухостью воздуха Средней Азіей и Сибирью, въ Зауссурійскій край приходитъ съ 20% насыщенности атмосферы; а юго-восточный, несущійся съ поверхности

---

[1]) Справа: Силянн-Біосани, Туя, Умуда, Бого, Аутя, Дугда, Хулеми, Боктаги, Пекта, Кукча; слѣва: Омого, Тахто, Янтугени, Эй, Дугда, Кобохто, Агдя, Вайса, Ракки, Шапу и др.

[2]) Шренкъ, Воейковъ, Шперкъ, Макаровъ, Буссе, Надаровъ и др.

Великаго океана, весьма обиленъ влагою, которая, охлаждаясь надъ холодною водою Японскаго моря, превращается въ густой туманъ. Вотъ почему можно сказать, что, въ общемъ, климатъ территоріи удиһэ имѣетъ свойства континентальнаго и морского.

Параллельныя складки хребта Сихота-Алина, благодаря своему протяженію, являются, на ряду съ господствующими вѣтрами, важнымъ факторомъ, производящимъ еще одно общее свойство въ климатѣ страны, обитаемой удиһэ. Свойство это заключается въ томъ, что часть территоріи, прилегающая къ морю, обильна туманами и отличается недостаткомъ ясныхъ солнечныхъ дней, слѣдовательно климатъ ея можно назвать морскимъ по преимуществу. Наоборотъ, часть территоріи, расположенная по западнымъ склонамъ Сихота-Алина, солнечная, влажность воздуха въ ней, хотя и весьма значительная, выражается лишь дождемъ, росою и рѣдкими утренними туманами, т. е. климатъ этой части можно назвать континентально-морскимъ.

Ясно, такимъ образомъ, что параллельныя складки Сихота-Алина, дѣля территорію удиһэ на туманную и солнечную части, составляютъ въ то же время и границу непосредственнаго вліянія моря: въ прибрежной полосѣ нѣтъ такихъ контрастовъ между наибольшимъ морозомъ зимою и наибольшимъ тепломъ лѣтомъ, какъ въ полосѣ, расположенной по западнымъ склонамъ хребта.

Указанныя свойства климата страны удиһэ, въ отдѣльныхъ пунктахъ ея, разнообразятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, напримѣръ, отъ направленія отдѣльныхъ складокъ Сихота-Алина, отъ количества атмосферическихъ осадковъ, отъ близости океана и нѣкоторыхъ топографическихъ свойствъ данной мѣстности.

Такъ, нельзя опредѣлить для всего края сроки наступленія временъ года, а приходится дѣлить его на части. Для сѣверной части страны, занимаемой удиһэ, начало зимы совпадаетъ съ концомъ сентября мѣсяца, начало весны—съ началомъ марта, начало лѣта—съ началомъ іюня и начало осени—съ концомъ или половиною августа. Такимъ образомъ наиболѣе продолжительнымъ временемъ года здѣсь является зима, а самымъ короткимъ—лѣто.

По мѣрѣ передвиженія на югъ, къ заливу св. Ольги и южнѣе, передвигаются и мѣсяцы временъ года: на зиму приходится не болѣе трехъ мѣсяцевъ, самое большее — четыре. Въ Камнѣ-Рыболовѣ, находящемся при озерѣ Ханка, слѣдовательно въ захребетной части Зауссурійскаго края, времена года распредѣляются такъ: зима начинается около конца октября и

позднѣе, весна—въ началѣ марта, лѣто въ началѣ мая и осень въ концѣ августа [1]).

Весна и лѣто во всемъ краѣ характеризуются обиліемъ дождей, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ тумановъ. По періоды дождей не совпадаютъ по мѣсяцамъ на всемъ пространствѣ Заусурійскаго края: на сѣверѣ этотъ періодъ наступаетъ ранѣе, на югѣ—позднѣе. Туманамъ, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, подвергается приморская полоса края. Осень и зима характеризуются, наоборотъ, ясными и сухими днями. Снѣгъ идетъ рѣдко, но выпадаетъ его иногда много, при чемъ, благодаря вѣтрамъ, онъ не повсюду ложится равнымъ слоемъ. Замѣчено, напримѣръ, что въ устьяхъ приморскихъ рѣкъ толщина снѣгового покрова ничтожна, въ верховьяхъ же она превышаетъ аршинъ.

Во всемъ Заусурійскомъ краѣ съ паденіемъ дождей въ тѣсной связи стоитъ разлитіе рѣкъ. При горномъ характерѣ большей части рѣкъ, во время дождей разлитіе ихъ принимаетъ подчасъ грозный видъ и наноситъ народонаселенію огромный вредъ. Весною же, во время таянія снѣга, здѣсь рѣдко бываетъ чрезмѣрное переполненіе рѣкъ водою, потому что таежная растительность не позволяетъ лучамъ солнца расплавлять снѣгъ сразу, онъ таетъ медленно и прибыль воды рѣчной малозамѣтна.

Что касается времени вскрытія и замерзанія рѣкъ, то оно, насколько можно судить изъ сдѣланнаго выше описанія рѣкъ, весьма разнообразно для различныхъ мѣстностей края; но въ общемъ можно считать за исходный пунктъ вскрытія мартъ мѣсяцъ, а замерзанія ноябрь, допуская большую варіацію чиселъ указанныхъ мѣсяцевъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что многія горныя рѣки, при быстротѣ своего теченія, покрываются сплошнымъ льдомъ лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ, а иныя и совсѣмъ не покрываются, представляя огромныя и опасныя полыньи.

Распредѣленіе и характеръ почвы въ Заусурійскомъ краѣ слѣдуетъ тому же, наиболѣе характерному для этого края, закону разнообразія. При разнообразіи топографіи, почвенный слой имѣетъ различный характеръ. Такъ, гористые центральные участки предгорій Сихота-Алина въ большинствѣ случаевъ лишены почвеннаго покрова, потому что текучая вода сноситъ съ горныхъ крутизнъ образующійся перегной и частички вывѣтриванія мате-

[1]) По періодамъ растительности въ южной части края времена года распредѣляются такъ: Для Владивостока: зима начинается 10 ноября; весна—27 марта; лѣто 23 іюня; осень 17 сентября н. с. Для залива св. Ольги: зима начинается 7 ноября, весна 26 марта, лѣто 27 іюня, осень 14 сентября н. с. Такимъ образомъ и здѣсь зима преобладаетъ по количеству дней надъ другими временами года. (См. Надаровъ. Южно-Уссурійскій край въ современномъ его состояніи. Сообщ. въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 19 апрѣля 1889 г.).

рийской породы. Лишь на болѣе пологихъ склонахъ небольшихъ размытыхъ хребтовъ и сопокъ, на окраинахъ страны, встрѣчаются легкія перегнойныя почвы, около 2½—3 верш. толщиной; подпочвой служитъ такой же перегнойный слой, только съ большимъ процентнымъ содержаніемъ каменистыхъ угловатыхъ обломковъ горной породы. Это такъ называемыя первичныя аллювіальныя почвы.

На низинныхъ пространствахъ вдоль береговъ рѣкъ встрѣчаются другого рода почвы, которыя по своему происхожденію относятся къ вторичнымъ, намывнымъ, аллювіальнымъ почвамъ и распадаются на нѣсколько типовъ и разновидностей, въ зависимости отъ частной топографіи мѣстности. Отъ рельефа даннаго района зависятъ и варіаціи почвы. Но каковы бы ни были эти варіаціи, можно выдѣлить двѣ подгруппы наносныхъ почвъ. Первая подгруппа—почвы возвышенныхъ мѣстъ, залегающія на древнерѣчныхъ валахъ, косахъ и отмеляхъ: это почти исключительно супесчаныя, песчаныя, съ малымъ процентомъ глинистыхъ частицъ, и боровыя почвы, окрашенныя перегнойными веществами въ сѣроватый цвѣтъ.

Вторую подгруппу составляютъ почвы низинъ, встрѣчающіяся на относительно пониженныхъ мѣстахъ, на падяхъ, луговинахъ и низинахъ и, по-мѣстному, моревыхъ мѣстахъ; это—различнаго рода суглинистыя, собственно-глинистыя, иловатыя и болотно-перегнойныя почвы. Среди этихъ почвъ попадаются иногда бѣлесоватыя, мучнистыя, подзолистыя почвы [1]).

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что слой перегноя, вслѣдствіе обильной травянистой растительности, достигаетъ иногда внушительной толщины, переходя 1½ аршина.

Распредѣленіе растительности и ея характеръ находятся въ соотвѣтствіи съ устройствомъ поверхности и свойствомъ почвы той или другой мѣстности Зауссурійскаго края. Послѣдній, будучи страною гористою, является вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсистою страною. Въ сѣверной части края преобладаютъ хвойныя породы, въ южной—лиственныя; но распредѣленіе растительности въ обѣихъ частяхъ его одно и то-же.

Такъ, горные хребты представляютъ сплошную тайгу, образованную преимущественно елью, пихтою, лиственницею и кедромъ [2]). Обыкновенно, крутые склоны горъ покрыты елью (picea obovata vajanensis) и пихтою (abies sibirica), смѣняющимися въ покатыхъ подножіяхъ и невысокихъ перевалахъ лиственичнымъ лѣсомъ (larix sibirica). Всѣ эти деревья перевиваются безчисленными нитями дикаго винограда и другихъ ползучихъ растеній, порождае-

[1]) Подробности см. кн. Д. В. Иванова «Основныя черты С. Алина», 52—54 стр.

[2]) Подробное описаніе деревьевъ см. въ соч. Максимовича, Маака, Будищева и Пржевальскаго

мыхъ огромнымъ скопленіемъ влаги и достигающихъ здѣсь роскошнаго развитія; таковы: ledum palustre, vaccinium и rubus arcticus. Часто нога человѣка попираетъ каменистую почву лиственнаго лѣса, густо устланную моховымъ покровомъ (sphagnum). Въ такую тайгу рѣдко проникаютъ лучи солнца, и почти никогда здѣсь не гуляетъ вѣтеръ. „Нерѣдко приходилось наблюдать,—говоритъ г. Надаровъ,—что на верху тайги реветъ буря и ломаетъ верхушки деревьевъ, а у моего костра почти не шелохнетъ“ (Op. cit., 100 стр.).

Долины горныхъ рѣчекъ и каменистыя, галечниковыя наносныя почвы отмелей покрыты чернолѣсьемъ, которое весьма богато числомъ представителей: тополь, береза, дубъ, ясень, вязъ, осина, липа, рябина, черемуха, сибирская яблонь и груша, боярышникъ,—все это смѣшанное черноле́сье тянется длинными языками по горнымъ долинамъ далеко въ глубь края. Прирѣчныя низинныя пространства покрыты однообразною тальниковою растительностью—ивами и таволжникомъ (spirea salicifolia).

На югѣ и вообще тамъ, гдѣ появляются равнины, обнаженныя отъ лѣсовъ, преобладаютъ разныя травы. На мокрыхъ пространствахъ онѣ достигаютъ исполинскихъ размѣровъ, такъ что стебли нерѣдко закрываютъ всадника; на болѣе сухихъ мѣстахъ травы понижаются, но зонтиковыя растенія, особенно заря достигаетъ саженной высоты и вершковой длины въ діаметрѣ у корня. По народному выраженію, на сухихъ угодьяхъ ростетъ трава „кудрявая“, достигающая аршинной высоты и отличающаяся большимъ разнообразіемъ видовъ. „Между послѣдними, по словамъ Ѳ. Ѳ. Буссе, полевой горошекъ занимаетъ иногда обширныя площади, здѣсь-же растетъ пайза (кажется изъ семейства гречишныхъ), крайне питательная и излюбленная скотомъ“ [1]).

Кромѣ мховъ, почвеннымъ покровомъ равнинъ и лѣсовъ часто являются ягодныя растенія—малина, красная смородина, земляника, клубника, черемуха, брусника, клюква; но онѣ не высокаго достоинства. Кромѣ того, встрѣчаются барбарисъ, калина и кустовая черешня.

Такова флора Зауссурійскаго края въ своей первобытной неприкосновенности. Если-же посмотрѣть, какъ вліяетъ на нее человѣкъ, то на первомъ планѣ необходимо поставить лѣсные пожары или, по-мѣстному, палы. Обыкновенно палы случаются раннею весною и позднею осенью. Иногда лѣсной пожаръ охватываетъ нѣсколько десятковъ верстъ, и дымъ застилаетъ свѣтъ солнца, наполняя воздухъ удушливой гарью. Цѣли, съ которыми производятся палы, весьма различны. По словамъ г. Надарова [2]), лѣсные пожары припо-

[1]) Буссе: «Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ», стр. 13.

[2]) «Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края». Владивостокъ, 1884 г., стр. 5.

сятъ большую пользу краю, осушая мѣстность и способствуя проѣтриванію тайги, равно уменьшая количество „гнуса“ (комары, мошка, паутъ).

Кромѣ того, въ южной части Заусурійскаго края пожары производятся маньзами съ цѣлью болѣе удобнаго нахожденія пантовъ. Наконецъ, часто лѣса горятъ отъ небрежности человѣка; либо охотники забываютъ залить водою костеръ, и вѣтеръ, разнося угли, причиняетъ гибель деревьямъ, либо то-же самое дѣлаютъ искатели жень-шеня. Мнѣ не разъ приходилось видѣть по побережью Татарскаго пролива, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, лѣсъ послѣ пожара; печальное зрѣлище! Точно мертвецы, стоятъ обугливіяся и опаленныя деревья на покрытой пепломъ землѣ, и холодомъ смерти и разрушенія вѣетъ отъ такого „сухостоя“. Мнѣ кажется, стоитъ хоть одинъ разъ видѣть такую картину, и никакіе доводы въ пользѣ „палова“ не покажутся убѣдительными. Поэтому я всецѣло становлюсь на сторону изслѣдователей, говорящихъ о вредѣ лѣсныхъ пожаровъ. „Ежегодно огонь не только уничтожаетъ мѣстами молодую поросль и подлѣсокъ, — говоритъ Ѳ. Ѳ. Буссе [1]), — но вредитъ корнямъ и стволамъ здоровыхъ и вполнѣ развившихся деревьевъ; они хирѣютъ и, при дальнѣйшемъ ростѣ, дѣлаются дуплистыми, вѣтви частью умираютъ, и нерѣдко видно, какъ какой-нибудь исполинъ, вмѣсто красивой кроны, возноситъ къ небу сухія вѣтви. Иногда случается видѣть цѣлыя рощи сухостоя молодыхъ экземпляровъ, заваленныхъ колодами“.

Люди выжигаютъ не только лѣса, но и сухую траву на пашнѣ или сѣнокосѣ. Но дѣятельность человѣка не всегда носитъ характеръ губительности: тотъ-же человѣкъ, въ Заусурійскомъ краѣ, осушилъ множество болотистыхъ мѣстъ и мочежинъ и увеличилъ количество удобныхъ угодій. Г. Буссе [2]) свидѣтельствуетъ, что въ 1886 г., объѣзжая окрестности села Никольскаго [3]), онъ провалился въ топкихъ мѣстахъ по брюхо лошади, а на остальной площади конь шелъ часто по водѣ; къ 90-мъ-же годамъ вода держалась въ немногихъ и небольшихъ ложбинахъ, все-же остальное пространство представляло прекрасный сухой сѣнокосъ и выгонъ, даже встрѣчались пашни на такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше господствовали лягушки. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что человѣку трудно бороться съ буйною растительностью Заусурійскаго края: если лугъ или другое культивированное угодіе остается безъ обработки годъ-два, то появляются поросли молодыхъ деревьевъ и кустарниковъ или-же пашня превращается въ болото.

Фауна Заусурійскаго края необыкновенно богата по составу и обилію видовъ, но не всегда и не вездѣ являетъ одинаковое богатство по количеству особей.

[1]) Переселеніе крестьянъ моремъ, стр. 14.
[2]) Op. cit., 12 стр.
[3]) Нынѣ городъ Никольскъ-Уссурійскій.

Природа центральныхъ предгорій Сихота-Алина столь угрюма, что, по мнѣнію г. Д. Иванова [1]), къ ней примѣнимо названіе „лѣсной пустыни“, „которая, полной своей безжизненностью можетъ итти въ сравненіе развѣ съ песчанными пустынями Сахары“. Въ такой „лѣсной пустынѣ“ даже охотникъ-аборигенъ не можетъ найти для себя что-либо полезное, потому что тамъ замѣчается полное отсутствіе звѣря.

Иной характеръ и большее оживленіе представляетъ тайга по горнымъ скатамъ и въ невысокихъ падяхъ. „Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ,—говоритъ Пржевальскій [2]). Путника поражаетъ смѣшеніе формъ сѣвера и юга въ растительномъ и въ животномъ мірѣ. Пожалуй, еще больше поразитъ его тишина и отсутствіе какихъ бы то ни было проявленій жизни. Въ сѣверной части края тайга изрѣдка оживляется постукиваньемъ дятла и отрывистымъ кукованьемъ особаго вида кукушки, да трескомъ сучьевъ при бѣгѣ лося и еще рѣже при ходьбѣ медвѣдя. Что касается равнинъ въ южной части края, то мертвая тишина, царящая тамъ зимою, съ наступленіемъ весны, нарушается перелетомъ множества птицъ, наполняющихъ воздухъ тысячами писковъ, свистовъ и другихъ непередаваемыхъ человѣческимъ словомъ звуковъ. Въ то время какъ зимою здѣсь можно встрѣтить изъ птицъ—утокъ гоголей, снѣжныхъ стрепатокъ и бѣлыхъ совъ, а изъ звѣрей—енота, барсука, лисицу, ласку и хорька,—весною появляются лебеди, гуси, бакланы, журавли и многія пернатыя, которыхъ такъ подробно описалъ, по личнымъ наблюденіямъ, Пржевальскій въ VII гл. своего „Путешествія въ Уссурійскомъ краѣ“. Изъ міра животныхъ въ это время совершаютъ переходъ стада дикихъ козъ. Впрочемъ, съ полною увѣренностію можно сказать, что Зауссурійскій край круглый годъ имѣетъ и множество птицъ, и множество звѣрей. Рябчики, тетерева, фазаны, куропатки—постоянные обитатели лѣсовъ и равнинъ. Изъ звѣрей здѣсь преобладаютъ хищныя, затѣмъ грызуны и жвачныя; насѣкомоядныхъ мало, а еще меньше рукокрылыхъ и толстокожихъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ млекопитающихъ края является тигръ о продѣлкахъ котораго такъ много разсказано въ путешествіяхъ по Зауссурійскому краю и который нѣкогда пробирался въ сѣверную часть края. Недаромъ этотъ могучій и красивый звѣрь внушаетъ религіозный ужасъ дикарю. Рѣже встрѣчается здѣсь барсъ, наравнѣ съ тигромъ пользующійся божескими почестями у гольдовъ и удэйцевъ. Не менѣе рѣдкое явленіе здѣсь рысь, о которой китайцы отзываются, что она—„Ига-янъ ламаза“, т. е. „все равно, что тигръ“. На побережьи Японскаго моря, по глухихъ лѣсистымъ падямъ

[1]) Op. cit., 56 p. [2]) Путешествіе въ Уссурійскомъ краю, 26 стр.

и по горамъ, часто можно натолкнуться на дикую кошку. По всему почти краю во множествѣ истребляются—бурый и черный медвѣди, барсуки, куницы, соболи, выдры, волки, лисицы и енотовидныя собаки.

Представителей насѣкомоядныхъ мало—ежъ, кротъ и землеройка, а рукокрылые представлены здѣсь одною летучею мышью, которой насчитываютъ нѣсколько видовъ. Изъ отряда грызуновъ попадаются: летучая и обыкновенная бѣлки, бурундукъ, зайцы, мыши и крысы. Единственнымъ представителемъ толстокожихъ является кабанъ, за которымъ усердно охотятся человѣкъ и тигръ, но который, благодаря уничтоженію лѣсовъ пожарами, кое-гдѣ сдѣлался рѣдкимъ гостемъ.

Разнообразнѣе отрядъ жвачныхъ: антилопа (или горный баранъ), кабарга, лось (сохатый), изюбрь (олень настоящій), олень пискунъ (аксисъ) и дикая коза, или козуля,—вотъ предметъ постоянной охоты аборигеновъ края.

Изъ водныхъ млекопитающихъ въ устьяхъ рѣкъ и въ морѣ, куда эти рѣки втекаютъ, встрѣчаются во множествѣ нерпы, рѣже—сивучи, акулы и киты.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что воды, орошающія Зауссурійскій край и омывающія его, заключаютъ въ себѣ несмѣтные виды рыбъ, изъ которыхъ часть составляетъ главную пищу удиѣэ. Правые притоки Уссури—всѣ рыбныя рѣки: таймень, ленокъ, сазанъ, сигъ, карась, чебакъ, пискарь, красноперъ, верхоглядъ, щука, сомъ, касатка, осетръ, калуча и зубатка (кэта) встрѣчаются почти во всѣхъ нихъ. Въ устья же рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, рыба идетъ періодически. Наиболѣе цѣнными промысловыми для жителей являются принадлежащія къ лососевой семьѣ рыбы; горбуша, кэта, хоё и нѣкоторыя форелевыя породы. Горбуша и кэта идутъ въ два пріема. Кромѣ того, въ морѣ въ обиліи водятся—сельди, камбола, треска, не называя мелкой рыбы, въ родѣ бычковъ, коньковъ и т. п. Рѣки и моря изобилуютъ разными видами краббовъ, въ небольшомъ количествѣ потребляемыхъ удиѣэ.

Къ вреднымъ животнымъ и насѣкомымъ слѣдуетъ отнести множество видовъ, еще мало изслѣдованныхъ, змѣй, лягушекъ, „паутъ“ и „гнусъ“. Подъ именемъ „паута“ разумѣется оводъ довольно крупнаго разбора. „Паутъ, собственно говоря, здѣсь двухъ видовъ—бурый и черный“,—читаемъ въ дневникѣ г. Бѣлковича [1]). Бурый паутъ отличается нѣкоторою медлительностью характера: онъ садится деликатно и осторожно. Сѣвши, онъ сначала подумаетъ, пошевелитъ лапками и затѣмъ уже жалитъ, но чаще онъ улетаетъ, не причиняя никакого вреда человѣку. Черный же паутъ, хотя и меньше

[1]) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

бураго, отличается лютостью и стремительностью: онъ, словно пуля, налетаетъ на человѣка и причиняетъ жгучую боль. И бурый и черный пауты отличаются живучестью. Паутъ хотя и не признаетъ въ человѣкѣ царя надъ всѣмъ живущимъ на землѣ и жалитъ его куда вздумается, но все же съ нимъ жить можно. Зато мошка, или „гнусъ“, является положительно какою-то египетскою казнью въ здѣшнемъ краю, какимъ-то бичомъ Божіимъ. Она бываетъ двухъ видовъ—мелкая и крупная. Мелкая, наиболѣе опасная и назойливая, появляется съ начала весны, а крупная смѣняетъ ее во второй половинѣ мая. Противъ „гнуса“, который мріадами носится въ воздухѣ и нагло лѣзетъ въ глаза, въ уши, въ ротъ и въ носъ, забирается подъ рубаху, нѣтъ никакихъ положительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сѣтки, дымокуры и темнота до нѣкоторой степени предохраняютъ еще человѣка отъ „этихъ дьяволовъ“, изъ которыхъ, по Прженальскому [1]), безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, изслѣдователь можетъ собрать цѣлую коллекцію на самомъ себѣ; но бѣдныя животныя сильно страдаютъ отъ нихъ. Они, по словамъ Прженальскаго [2]), „мучимыя цѣлыми тысячами этихъ кровопійцъ, брыкаются, мотаютъ головою, машутъ хвостомъ, даже бросаются на землю—и все-таки не имѣютъ возможности освободиться отъ своихъ мучителей“. Недаромъ такой сильный звѣрь, какъ лось, и тотъ, преслѣдуемый „гнусомъ“, перекочевываетъ изъ глубины материка къ морю, гдѣ мошки, сравнительно, меньше.

Наконецъ, подъ вліяніемъ жаркаго и влажнаго лѣта, развиваются мріады червей и жучковъ, вредящихъ деревьямъ.

Изъ домашнихъ животныхъ на территоріи удиѣ встрѣчаются — звѣровыя, или охотничьи, и ѣздовыя собаки, низкорослыя лошади, огромные быки и коровы, свиньи, овцы, кошки; изъ птицъ—куры, гуси, рѣдко утки и голуби.

О другихъ естественныхъ богатствахъ края, напримѣръ, о минералахъ и металлахъ, не упоминаю, потому что аборигены не пользуются этими богатствами, да и болѣе культурные жители мало разработываютъ ихъ.

Въ заключеніе краткаго очерка физическихъ свойствъ территоріи удиѣ остановлюсь на спорномъ вопросѣ о культуро-способности Зауссурійскаго края. Этотъ вопросъ, имѣя огромное практическое значеніе для края и его будущности, не разъ уже трактовался въ нашей литературѣ. Выразителями двухъ противоположныхъ рѣшеній вопроса въ послѣднее время явились—покойный Ѳ. Ѳ. Буссе [3]) и геологъ Д. В. Ивановъ [4]).

---

[1]) Op. cit. 222.
[2]) ibidem.
[3]) Переселеніе крестьянъ моремъ.
[4]) Основныя черты орогеологич. строенія хр. С. Алина.

Для перваго внѣ сомнѣнія земледѣльческая способность Зауссурійскаго края. Онъ рѣшительно опровергаетъ мнѣніе о неплодородности края, которое составилось на основаніи лишь того, что первые русскіе, посѣтившіе его въ 1860 г., нашли здѣсь пустыню. Пустынность края объясняется покойнымъ изслѣдователемъ чисто-историческими причинами — разорительными войнами, внутренними неурядицами. „Въ древности край былъ густо заселенъ хлѣбопашцами, и въ немъ процвѣтала китайская культура, и если русскіе застали здѣсь въ 1860 г. ничтожное населеніе, то лишь потому, что страна, обращенная въ пустыню разгромомъ въ началѣ XVII-столѣтія, еще не успѣла вновь заселиться китайцами“ —вотъ окончательное сужденіе покойнаго Буссе по данному вопросу.

Г. Ивановъ, послѣ анализа физико-географическихъ условій края, пришелъ къ противоположному рѣшенію того-же вопроса. По его мнѣнію, большая часть площади Зауссурійскаго края, этой угрюмой и непривѣтливой страны, мало пригодна въ культурномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, скалистые хребты Сихота-Алина лишены даже почвеннаго покрова, и растительность ихъ, вопреки общему о ней мнѣнію, какъ о чемъ-то мощномъ, является крайне жалкою и ничтожною.

„Разсматривая эти лѣсные участки въ центральныхъ предгоріяхъ Сихота-Алина, невольно приравниваешь ихъ къ обширному кладбищу природы, одинъ видъ котораго невыразимо тяжело дѣйствуетъ на человѣка“, — говоритъ г. Ивановъ. Не болѣе отраднаго можно найти на низкихъ мѣстахъ, въ среднихъ теченіяхъ горныхъ рѣчекъ. Тутъ господствуетъ во всей своей первобытной красѣ угрюмая дѣвственная тайга; но использованіе ея инымъ, кромѣ охотничьяго, путемъ, напримѣръ, путемъ эксплоатаціи лѣсныхъ матеріаловъ (о земледѣліи здѣсь не можетъ быть и рѣчи), едва-ли будетъ возможно: отдѣльныя деревья, опять-таки вопреки сложившемуся мнѣнію, поражаютъ своими скромными размѣрами и чахлымъ, болѣзненнымъ видомъ. Такимъ образомъ, остаются западные равнинные участки, ничтожные въ количественномъ отношеніи, по сравненію съ площадью всей территоріи. Но и эти участки не особенно пригодны для земледѣлія: во-первыхъ, они подвержены затопленію отъ разливовъ горныхъ рѣчекъ Сихота-Алина; во-вторыхъ, „они въ общей сложности, представляютъ такой ничтожный процентъ удобной земли, сравнительно съ общей площадью территоріи, что едва-ли могутъ быть принимаемы во вниманіе при разсмотрѣніи общей производительности всей страны“.

Отсюда, по мнѣнію г. Иванова, ясно, что земледѣліе въ Зауссурійскомъ краѣ должно уступить главную роль, въ экономическомъ отношеніи, рыболовству, охотничьему промыслу и горному дѣлу. „Использованіе именно этихъ

естественныхъ богатствъ страны, говоритъ онъ,—является, по нашему мнѣнію, самымъ раціональнымъ для края"... По мнѣнію того же автора, на вопросъ: „неужели этотъ дикій, пустынный край отъ вѣка былъ таковымъ, съ такимъ ничтожнымъ инородческимъ населеніемъ, имѣя подъ бокомъ столь переполненныя населеніемъ территоріи сосѣдей?" — слѣдуетъ, на основаніи ознакомленія съ естественно-историческими и физико-географическими условіями страны, отвѣчать утвердительнымъ „да", съ прибавкою, что условія, неблагопріятныя для культуры, выражались рѣзче и были интенсивнѣе тогда, чѣмъ теперь.

Какъ примирить столь противоположныя мнѣнія о культуроспособности Заусурійскаго края? По-моему, Ѳ. Ѳ. Буссе и г. Д. Ивановъ оба неправы, становясь на крайнія точки зрѣнія: первый увлекается насчетъ историческихъ причинъ пустынности края, второй — естественно-историческими и физико-географическими данными.

Свѣдѣнія Ѳ. Ѳ. Буссе о земледѣліи у переселенцевъ [1]), данныя, собранныя агрономомъ П. А. Крюковымъ [2]), представляемыя въ послѣдующемъ изложеніи данныя о существованіи пашенъ и огородовъ у удиһэ ясно убѣждаютъ, что земледѣліе въ краѣ возможно и существуетъ, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей его. Рисуя мрачную картину природы Заусурійскаго края, г. Д. Ивановъ упускаетъ изъ виду, что земледѣліе и его развитіе обусловливаются тремя факторами: климатомъ, почвою и экономическими условіями. Климатъ, конечно, зависитъ отъ силъ природы, и человѣкъ не научился еще измѣнять его, но онъ умѣетъ приспособляться къ климату. Въ отношеніи земледѣлія, такое приспособленіе будетъ заключаться во времени посѣвовъ, подборѣ зеренъ и другихъ злаковъ. Китайцы, близко знакомые съ климатическими условіями края, отлично приспособились къ нему и поэтому являются первыми культуртрегерами среди аборигенъ. Что касается почвы и экономическихъ условій, то человѣкъ можетъ оказать на нихъ большое вліяніе. Напримѣръ, указаніе г. Иванова, что равнинные участки ничтожны по количеству, справедливо только теперь, когда край мало заселенъ, потому что площадь годной для посѣвовъ земли можетъ быть значительно увеличена осушеніемъ мокрыхъ земель, о чемъ убѣдительно и обстоятельно трактуетъ капитанъ Львовъ въ статьѣ „Опытъ изысканій для осушенія и воздѣлыванія мокрыхъ земель въ Приморской области (Записки Примур. Отд. И. Р. Г. Общ., т. III, вып. I, Хабаровскъ, 1897 г.).

Въ силу вышесказаннаго я склоняюсь и считаю болѣе справедливымъ

---

[1]) Op. cit. стр. 140—152.

[2]) Опытъ описанія землепользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амур. и Примор. областей; Приамурскій край на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

мнѣніе, что земли Зауссурійскаго края удобны для земледѣльческой культуры; но, какъ дѣвственныя, требуютъ упорнаго труда и многихъ горькихъ опытовъ, при первоначальной обработкѣ. Исторіей человѣчества доказано, что энергическій трудъ и знанія часто обращаютъ малоплодородныя мѣста и пустыни въ зеленѣющія нивы. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потребны трудъ и знаніе здѣсь, и я не сомнѣваюсь, что, съ усиленіемъ русской колонизаціи, они явятся, непремѣнно явятся, тѣмъ болѣе, что охотничій промыселъ (на который возлагаетъ большія надежды г. Д. Ивановъ) съ каждымъ годомъ падаетъ, и аборигену края по необходимости прійдется въ скоромъ будущемъ перейти къ земледѣлію, если только онъ не желаетъ окончательно исчезнуть съ лица страны, своей родины.

ГЛАВА IV.

Разселеніе.

Въ предѣлахъ очерченной и описанной, въ предыдущей главѣ, территоріи обитаютъ удиһэ, которыхъ едва ли въ настоящее время насчитается двѣ-три тысячи. Этотъ незначительный полубродячій, полуосѣдлый народецъ свободно переходитъ по рѣкамъ и переваламъ обширной страны, которую, вѣроятно, занималъ искони. Развернувъ этнографическую карту Шренка, приложенную къ его классическому труду, легко увидимъ, что въ 50-хъ гг., удиһэ жили тамъ же, гдѣ застаемъ ихъ и нынѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что полоса земли отъ р. Уссури до моря, т. е. территоріи удиһэ, при неоднократныхъ войнахъ маньчжуръ съ китайской имперіей, при движеніи русскихъ, не подвергалась крупнымъ передвиженіямъ и измѣненіямъ въ составѣ населенія. Отмѣченное академикомъ Шренкомъ молчаніе китайскихъ историковъ объ амурскихъ инородцахъ, по-моему, исключительно объясняется полнымъ невѣдѣніемъ китайцевъ относительно Зауссурійскаго края. Стоитъ припомнить исторію присоединенія Амурскаго края къ Россіи, подвиги Невельскаго и другихъ славныхъ русскихъ моряковъ [1]), чтобъ признать несомнѣнной истиной положеніе, что китайцы не знали Зауссурійскаго края и имѣли весьма смутное представленіе объ обитателяхъ его. Вотъ почему извѣстія китайскихъ источниковъ и не заходятъ далѣе XVII столѣтія, да и эти свѣдѣнія не отличаются ясностью и опредѣленностью.

Всѣ измѣненія, происшедшія, можно сказать, на глазахъ русскихъ на территоріи удиһэ въ недавнее прошлое, исчерпываются передвиженіемъ южной границы ихъ.

[1]) См. Записки Невельскаго.

По свидѣтельству архим. Палладія [1]), тазы жили нѣкогда въ Хуньчунской области: по свидѣтельству Пржевальскаго [2]), въ концѣ 60-хъ годовъ истекающаго столѣтія тазы обитали по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, начиная отъ устья р. Суйфуна, впадающей въ Амурскій заливъ. Въ настоящее время эту границу необходимо передвинуть еще дальше къ востоку почти не одинъ градусъ.

Въ экспедицію на Сучанъ, лѣтомъ 1896 г., я нашелъ около бухты Находка одну семью тазъ, а населеніе въ нѣсколько семей впервые встрѣтилъ на р. Сяо-Судухэ, верстахъ въ 7 — 8 отъ впаденія ея въ Та-Судухэ. На пространствѣ же отъ р. Суйфунъ до Сяо-Судухэ тазы вытѣснены русскими и манзами. По причинѣ бродячаго и полубродячаго образа жизни огромнаго большинства удиѣ трудно дать опредѣленную картину ихъ разселенія на искони занимаемой территоріи; но, въ виду особаго интереса при сравненіи съ недалекимъ прошлымъ, на нижеслѣдующихъ страницахъ предлагается подробный перечень поселеній удиѣ, насколько можно было собрать о томъ позднѣйшія свѣдѣнія [3]).

Начну съ правыхъ притоковъ р. Уссури.

Объ удиѣ, живущихъ по р.р. Бикину, Иману и Ваку, говорятъ, что часть ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни, часть находится въ переходномъ положеніи отъ кочевого къ осѣдлому быту, наконецъ, нѣкоторыя семьи, живущія по Иману, переходятъ съ одного мѣста на другое (Труды Прамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.). Долженъ при этомъ замѣтить, что осѣдлость удиѣ на одномъ мѣстѣ едва ли превышаетъ десятокъ два лѣтъ,— въ большинствѣ случаевъ она моложе.

Удиѣ бассейна р. Хора и его притоковъ—кочующій народъ. По свѣдѣніямъ г. Бѣльковича, по Хору и его притокамъ кочуютъ три большія семьи или фамиліи: Кямунджига, Кимонку и Сыгдыри. Фамилія Кямунджига кочуетъ въ бассейнѣ р. Кетень, фамилія Кимонку—въ бассейнѣ р.р. Чуй, Сурфай, Чуна и Суя, фамилія Сыгдыри—по р. Мутену и въ низовьяхъ Хора. Самое верхнее становище по этой послѣдней рѣкѣ найдено ниже впаденія рѣки Чуй [4]). Затѣмъ идутъ ихъ временныя становища внизъ по теченію рѣки до устья. „Опредѣлить численность всѣхъ

---

[1]) Неизданный дневникъ.

[2]) Путешествіе въ Уссур. край въ 1867—69 гг.

[3]) Къ сожалѣнію, автору не были доступны свѣдѣнія, добытыя послѣднею переписью на всемъ районѣ, занимаемомъ нынѣ тазами.

[4]) Такимъ образомъ опровергается сказанное у акад. Шренка на 25 стр., «Говорятъ, что на р. Поръ(Хоръ) можно встрѣтить орочей не ближе, какъ въ 60 верстахъ разстоянія отъ устья впадающей въ него рѣки Кхетчъ-дабанъ. Но начиная отсюда, они живутъ какъ по главной рѣкѣ, такъ и по ея притокамъ, напр., по Корсонѣ и др.

орочонъ, кочующихъ въ бассейнѣ Хора, было почти невозможно, такъ какъ во время нашего плаванія по этой рѣкѣ орочоны постоянно переѣзжали съ мѣста на мѣсто“,—говоритъ г. Бѣльковичъ. „По словамъ трехъ китайцевъ, живущихъ на Хорѣ и знающихъ каждый по счету всѣхъ орочонъ, кочующихъ въ окрестностяхъ той или другой китайской фанзы, выходитъ, что всѣхъ орочонъ кочуетъ на Хорѣ до 50 семействъ; такъ какъ каждая семья, въ среднемъ, состоитъ изъ 10 членовъ, считая тутъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, то, слѣдовательно, всѣхъ орочонъ надо считать до 500 душъ обоего пола и разнаго возраста“. Цифра 500 совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова, который, однако, насчитывалъ 98 семей (См. Свв.-Уссур. край, 19). По-моему, въ виду заявленія г. Пальчевскаго, что учетъ орочонъ произведенъ не совсѣмъ точно г. Альфтаномъ (Дал. Вост., 1897, №№ 46—47), можно допустить, что по Хору кочуетъ около 1000 человѣкъ (оставляя 98 семей г. Надарова и допуская для семьи цифру 10 человѣкъ).

Съ р. Хора удиһэ заходятъ (по р. Амуру или инымъ путемъ?) на р. Немпту, впадающую въ озеро Синда, гдѣ ихъ встрѣчали охотничьи команды въ 1894 г. (Труды Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895). Едва ли, поэтому, не будетъ справедливо признать оз. Синда и рѣку Немпту за сѣверную границу удиһэ съ западной стороны.

О поселеніяхъ удиһэ по р. Бикину имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Самымъ верхнимъ населеннымъ пунктомъ, выше котораго по Бикину уже никто не живетъ, является селеніе Та-Байчелаза. Оно состоитъ изъ одной семьи удиһэ въ 19 человѣкъ (10 муж., 9 жен.), живущихъ здѣсь уже 7 лѣтъ въ трехъ балаганахъ. За нимъ слѣдуетъ селеніе Мушиджійдзэ, состоящее изъ двухъ балагановъ и 23 жителей (12 муж., 11 жен.). Далѣе еще—селеніе Даусинцы, имѣющее 2 балагана и 24 жителя (12 муж. и 12 жен.), живущихъ здѣсь уже третій годъ. Четвертое поселеніе—Гангатоу состоитъ изъ 3 балагановъ и двухъ семей въ 22 человѣка (10 м., 12 ж.), живущихъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Пятое селеніе—Ся-Байчелаза—состоитъ изъ 3 балагановъ и 16 жителей (7 м., 9 жен.). Шестое — Тунгоуза—2 балагана и 13 жителей (11 м., 2 жен.). Седьмое -Гундзюгоу имѣетъ одинъ балаганъ и одну семью удиһэ въ 7 человѣкъ (4 м., 3 ж.). Восьмое Метахоза заключаетъ 4 балагана при 22 жителяхъ (13 м., 9 ж.). Девятое—Фунсулаза состоитъ изъ двухъ семей удиһэ въ 17 человѣкъ (9 м., 8 ж.). Десятое Тохоло имѣетъ 1 фанзу и 3 балагана, въ которыхъ живутъ три семьи въ 38 человѣкъ (24 м., 14 ж.). Въ слѣдующемъ селеніи Кукчинтэ, лежащемъ на протокѣ близъ р. Чамудиндзы, имѣется 1 большая фанза и 1 балаганъ, въ послѣднемъ живетъ 14 удиһэ (7 м., 7 ж.). Селеніе Сигоу, состоящее въ настоящее время изъ 6 фанзъ и 1 балагана и

имѣющее смѣшанное населеніе—китайцевъ и удиһэ, лѣтъ 30 тому назадъ было большимъ поселеніемъ заключавшимъ болѣе 25 фанзъ. Эпидемія (оспенная?) разогнала и уничтожила жителей, которыхъ теперь всего 70 (35 м., 35 ж.). Въ селеніи Ся-Мутиджійдзэ имѣется небольшая фанза и 1 балаганъ, въ которыхъ обитаютъ 10 жителей (6 м., 4 ж.). Послѣднимъ селеніемъ удиһэ по р. Бикину является Табань, въ 60 верстахъ отъ устья рѣки. Въ немъ удиһэ перемѣшаны съ китайцами, живутъ замѣчательно грязно, неуютно, сами — угрюмые, непривѣтливые, что и составляетъ ихъ отличительную особенность среди другихъ удиһэ, обитающихъ по Бикину. Съ послѣдняго удиһэ бродятъ и по его притокамъ ради охоты и рыбной ловли, напримѣръ, по берегамъ Алчана можно встрѣтить нѣсколько балагановъ изъ кедровой коры, гдѣ зимою обитаютъ кочующіе удиһэ.

Во всѣхъ перечисленныхъ выше поселеніяхъ всего на все насчитывается 301 житель обоего пола, что совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова [1]): послѣдній насчиталъ отъ 50 до 60 семействъ, т. е., полагая на семью по 5—6 душъ, получимъ отъ 250 до 360 человѣкъ обоего пола. По сообщенію же старожила-китайца Сунзуи, до оспенной эпидеміи 1877 года, удиһэ было по Бикину въ 5—6 разъ болѣе.

По Иману имѣются поселенія удиһэ въ слѣдующихъ мѣстахъ. На р. Армѣ находится юрта съ 15 жителями (10 м., 5 ж.); нѣсколько далѣе, внизъ по теченію р. Имана, находится еще юрта съ 14 жителями (8 м., 6 ж.); еще далѣе юрта съ 3 жителями (1 м., 2 ж.); на 168 верстѣ отъ устья рѣки имѣется юрта съ 9 обитателями (5 м., 4 ж.); на 164 верстѣ—юрта съ 11 жителями (7 м., 4 ж.), на 73½ вер.—юрта съ 7 жителями (6 м., 1 ж.); на 72½ вер.—фанза съ 10 жителями (4 м., 6 ж.). Есть и еще нѣсколько поселей удиһэ, но на основаніи моего источника [2]) трудно съ точностью указать, какія изъ нихъ принадлежатъ удиһэ', какія китайцамъ, живущимъ по Иману вперемежку съ аборигенами [3]). Во всякомъ случаѣ, по Иману наиболѣе точный учетъ насчитываетъ 337 удиһэ (199 м., 148 ж.), а по притоку его Вяку—83 (49 м., 34 ж.). Такимъ образомъ, по правымъ притокамъ Уссури, т. е. въ западной части территоріи такъ, по наиболѣе свѣжимъ даннымъ, насчитывается 1731 человѣкъ обоего пола [4]).

---

[1]) Сѣв. Уссур. край, 25 стр.

[2]) Результаты географич. изслѣдованій охотничьихъ командъ В.-С. стрѣлковыхъ бригадъ лѣтомъ 1894 г. Въ Трудахъ Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

[3]) Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться матеріаломъ, добытымъ И. А. Пальчевскимъ во время переписи инородцевъ по р. Иману и Вяку. Весьма желательно, чтобы онъ обнародовалъ списокъ поселеній удиһэ по названнымъ рѣкамъ, потому что его списокъ, очевидно, полнѣе и точнѣе другихъ.

[4]) Допуская, что не всѣ кочующіе удиһэ учтены, можно указанную цифру увеличить до 2000 человѣкъ.

Что касается прибрежной части страны удиһэ, то поселенія ихъ на основаніи собранныхъ мною лѣтомъ 1897 г. свѣдѣній, имѣются въ слѣдующихъ мѣстахъ.

При устьѣ р. Ботчи находимъ двѣ юрты: въ одной 11 жителей (7 м., 4 ж.), въ другой—6 (4 м., 2 ж.). Пройдя вверхъ по рѣкѣ съ версту или менѣе, встрѣчаемъ юрту съ 5 жителями (3 м., 2 ж.); еще далѣе вверхъ находятся двѣ юрты, изъ коихъ въ одной—12 жителей (6 м., 6 ж.), въ другой—7 (4 м., 3 ж.); еще далѣе, въ верховьяхъ рѣки, юрта заключаетъ въ себѣ 7 человѣкъ (5 м., 2 ж.) [1]. На слѣдующихъ за Ботчи маленькихъ рѣчкахъ, на югъ до р. Нельма, появляются лишь временно охотники-удиһэ,—напримѣръ, съ послѣдней рѣки пріѣзжаютъ для охоты за сохатымъ. Лѣтомъ 1897 г. я засталъ на одной изъ такихъ едва замѣтныхъ рѣчушекъ двѣ семьи удиһэ, удачно охотившихся за лосемъ.

При устьѣ небольшой и, сравнительно, небыстрой рѣки Нельма расположено селеніе удиһэ, называемое ими Нельмы. Въ поселеніи двѣ семьи—одна въ 7 (5 м., 2 саж.), другая—въ 3 (2 м., 1 ж.) человѣка. Въ началѣ 80-хъ годовъ, по свѣдѣніямъ г. Надарова, на этой рѣкѣ существовало болѣе многочисленное населеніе; въ 1897 г., при моемъ посѣщеніи, жители Нельмы и другихъ рѣчекъ (напр., Луды, Адами) переселились на рѣку болѣе южную, называемую удиһэ Самаргй, а на картахъ обозначаемую именемъ „Бѣглянка“. Послѣдняя дѣйствительно является своего рода центромъ и самымъ многочисленнымъ поселеніемъ удиһэ въ сѣверной части территоріи ихъ. Лѣтомъ юрты разбиты на низменной полосѣ, которая тянется отъ устья рѣки на 10 верстъ, пока рѣка не вступитъ въ горы. При впаденіи въ море, рѣка эта разбивается на нѣсколько протокъ, поросшихъ рѣдколѣсьемъ (ветлы, вербы, ели и др.) и высокою травою. Въ этомъ мѣстѣ видъ на рѣку довольно живописенъ, особенно раннимъ утромъ или тихимъ вечеромъ. Зимнія юрты расположены ближе къ горамъ, въ разстояніи 10 верстъ отъ лѣтнихъ.

На лѣвой протокѣ находятся два селенія: ближе къ берегу моря (въ разстояніи 40—50 саж.) Кунд я һа [2] въ двѣ юрты съ 18 жителями (7 м., 11 жен.); по другую стороны протоки, наискось, с. Ги также въ 2 юрты, въ которыхъ 22 человѣка (15 м., 7 ж.). При устьѣ рѣки находится село Тикій въ двѣ юрты, въ коихъ 21 житель (9 м., 12 ж.). Верстахъ

---

[1]) Интересно сопоставить съ моею записью записи г.г. Надарова и Маргаритова. Надаровъ въ первыхъ 80-хъ годахъ записалъ: «При устьѣ этой (Ботчи) рѣки стоятъ двѣ орочонскія юрты». Маргаритовъ въ концѣ 80 годовъ указалъ: «С.-Ботчи въ 8 юртъ съ 30 жителями». У меня 48 жителей, слѣдовательно, число обывателей селенія Ботчи увеличилось.

[2]) Въ языкѣ удиһэ часто слышится глухой *h*, который я вездѣ обозначаю латинскою буквою *h*.

въ 4—5 отъ устья расположено село Биһаулэни, состоящее изъ 5 юртъ съ 52 жителями (30 м., 22 ж.). Наконецъ, верстахъ въ 25 отъ устья рѣки находится село Мухтаху́, состоящее изъ 8 юртъ съ 13 жителями (8 м., 5 ж.).

Слѣдующимъ населеннымъ пунктомъ по берегу Японскаго моря является рѣка Иди́ (можетъ быть, р. Перетолчина существующихъ картъ) [1]). По этой рѣкѣ, на разстояніи 1½—2 вер. другъ отъ друга, разбросано семь юртъ съ 66 жителями (40 м., 26 ж.). На р. Кюмоны́ (можетъ быть, Бархатовка), при моемъ посѣщеніи, удиһэ не оказалось, хотя г. Надаровъ указалъ при устьѣ ея 4 юрты. На р. Нахту́ (вѣроятно, Торопыгина) найдено шесть юртъ, при чемъ одна расположена на р. О́канъ, въ 20 вер. отъ Нахту́. Во всѣхъ шести юртахъ 55 жителей (35 м., 20 ж.).

Второю наиболѣе населенною рѣчкою является Кушу́нъ (на картахъ обыкновенно называемая Кушунго́у). Жители этой рѣки временно живутъ, во время охоты на сохатаго, по рѣчкѣ Токо (на картахъ Тахобей), впадающей въ море сѣвернѣе Кушуна. Послѣдняя рѣка въ настоящее время является границею, до которой по побережью океана проникли китайцы, или манзы, двигаясь съ юга. Здѣсь-же сказываются первые признаки манзовскаго вліянія на удиһэ. Рѣка Кушунъ не широкая, раздѣляется, при впаденіи въ море, на нѣсколько рукавовъ, обильна мелями. Лѣвый берегъ покрытъ густымъ чернолѣсьемъ, правый свободенъ отъ густоты деревъ и часто представляетъ огромныя равнины, покрытыя слоемъ жирнаго чернозема (болѣе 1½—2 четвертей [2]). На одной изъ такихъ равнинъ, верстахъ въ 6—7 отъ устья, расположено поселеніе удиһэ и китайцевъ [3]). Поселеніе состоитъ изъ 11 жилищъ (фанзы, одна юрта и одинъ балаганъ), въ которыхъ насчитывается 53 жителя (39 муж., 14 ж.).

Слѣдующая рѣка Амгу́ въ настоящее время заселена многолюднѣе, чѣмъ-то было въ началѣ 80-хъ годовъ, потому что г. Надаровъ упоминаетъ лишь объ одной юртѣ. Лѣтомъ 1897 г. мною найдено 5 жилищъ (фанзы и одинъ балаганъ). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что увеличеніе населенія этой рѣки произошло исключительно на счетъ манзъ, а не удиһэ. Можно положи-

---

[1]) Далѣе называю рѣки именами, слышанными мною отъ удиһэ̀. Иди́нскій старшина нарисовалъ мнѣ рѣки по морскому берегу въ слѣд. порядкѣ: Иди́, Ая́, Кюмоны, Нахтаһу́, Иса̀, Уйканчу́, Халанку́, Кумһу́, Таһіа̀. Нѣкоторые удиһэ называли еще другія рѣчки на томъ же пространствѣ, наприм.: Казо̀, Пянсу́.

[2]) Мнѣ довелось быть на р. Кушунѣ въ дождь. Идя по равнинѣ къ фанзамъ, я испытывалъ то же, что бываетъ съ путникомъ во время дождя, напримѣръ, въ Подольской губерніи: жирный липкій черноземъ тянется за сапогомъ.

[3]) «На устьѣ этой рѣки стоитъ 1 юрта орочоновъ, а выше по теченію рѣки расположено еще нѣсколько орочонскихъ юртъ и китайскихъ фанзъ. Китайцы и орочоны по р. Бикину говорили мнѣ, что на р. р. Кушунгоу живетъ много орочоновъ», говоритъ объ этой рѣкѣ г. Надаровъ (Op. cit. 36 стр.).

тельно сказать, на основаніи видѣннаго мною, что эта рѣка отвоевана у удиһэ китайцами. По сообщенію г. Большева, долина р. Амгу́ способна и благопріятна къ населенію. Дѣйствительно, я видѣлъ хорошія нивы вокругъ жилищъ; за пашнями высится различной породы лѣсъ. Рѣка не особенно быстрая и довольно глубокая, на пройденномъ мною 7—8-верстномъ разстояніи отъ устья, течетъ въ высокихъ берегахъ, едва-ли позволяющихъ водѣ выходить изъ русла. Жилища, составляющія поселеніе на р. Амгу, разбросаны на большомъ пространствѣ.

Въ 4-хъ фанзахъ живетъ 6 манзъ и одна женщина удиһэ; въ балаганѣ-же — семья удиһэ, состоящая изъ 6 человѣкъ (5 м., 1 ж.), да еще одного работника—манзы,—всего въ селеніи 14 жителей (12 м., 2 ж.).

На р. Такхомѣ, въ 10 верстахъ отъ устья, расположено село Кэміэ. Время и сюда внесло значительныя перемѣны, судя по тому что сообщилъ г. Надаровъ. „Въ нижнемъ теченіи ея (Такхомы) расположена, — говоритъ онъ [1]) — деревня орочоновъ, состоящая изъ 19 домовъ, а при устьѣ одна орочонская юрта“. При моемъ посѣщеніи, никакой юрты при устьѣ рѣки не оказалось; верстахъ въ 10—15 отъ устья находится и нынѣ село, состоящее изъ удиһэ и манзъ, но въ немъ всего-на-все ш е с т ь жилищъ. Еще г. Большевъ призналъ долину Такхомы вполнѣ способной и благопріятной для заселенія. Дѣйствительно, при самомъ устьѣ рѣки, параллельныя складки Сихота-Алина, окружающія ее, значительно удаляются справа и слѣва и образуютъ обширную долину, по которой проложена даже колесная дорога жителями с. Кэмэ. Идя по этой долинѣ, покрытой черноземомъ, буйною растительностью и пестрымъ ковромъ разнообразныхъ цвѣтовъ, я невольно припомнилъ долины ранѣе видѣнныхъ рр. Сучана и Та-Судухэ: такъ всѣ онѣ сходны между собою. По долинѣ Такхомы тамъ и сямъ разбросанъ рѣдкій лѣсъ, который сплошнымъ кольцомъ облегаетъ далекій горизонтъ и чернѣется тамъ широкою лентою. Породы лѣса разнообразны, по склонамъ-же горъ исключительно растетъ низкорослый и корявый дубъ.

Къ сожалѣнію, долина эта въ нижней части подвержена наводненіямъ при разливѣ рѣки, вотъ почему село Кэмэ и отодвинулось верстъ на 10—15 въ глубь страны. Жилища, составляющія село Кэмэ, разбросаны на большомъ разстояніи и образуютъ двѣ группы: одна состоитъ изъ трехъ рядомъ стоящихъ фанзъ, другая тоже изъ трехъ фанзъ, но сильно разбросанныхъ. Семьи тутъ смѣшанныя, потому что манзы поженились на женщинахъ удиһэ; происшедшее поколѣніе женится между собою, и происходитъ сильное смѣшеніе крови удиһэ и манзовской. Лучше всего это будетъ видно изъ слѣдующаго

[1]) Op. cit. стр. 37.

указанія на составъ семей. Въ первой фанзѣ 10 жителей: хозяинъ-китаецъ, женатъ на женщинѣ удиһэ; родившійся отъ этого брака сынъ женатъ на удиһэ и имѣетъ отъ брака съ нею двухъ дочерей и одного сына. Кромѣ названныхъ членовъ семьи, здѣсь живетъ — работникъ съ женою, оба удиһэ и работникъ—манза (5 м., 5 ж.). Въ другой фанзѣ изъ 8 жителей—два китайца, одинъ корсецъ, остальные —удиһэ (6 м., 2 ж.); въ третьей фанзѣ всѣ пять жителей—удиһэ (3 м., 2 ж.), въ четвертой изъ 9 жителей (6 м., 3 ж., три китайца; пятая состоитъ изъ 3 манзъ; шестая изъ удиһэ (2 м., 2 ж.). Во временномъ балаганѣ, встрѣченномъ при устьѣ Такхомые жили пастухи—одинъ удиһэ, другой—китаецъ. Р. Санденбея, впадающая въ бухту Терней, является въ настоящее время однимъ изъ населенѣйшихъ пунктовъ побережья отъ р. Копии до зал. св. Ольги. Значительное увеличеніе населенія объясняется притокомъ китайцевъ.

Если г. Надаровъ въ началѣ 80-хъ годовъ по р. Санденбеѣ нашелъ 4 фанзы, то теперь, верстахъ въ 6—7 отъ устья рѣки, расположено большое село Санхабэ, состоящее изъ 32 фанзъ, разбросанныхъ на протяженіи 10—15 верстъ по обоимъ берегамъ Санденбеи. Это поселеніе можно считать вполнѣ манзовскимъ, потому что изъ 32 фанзъ только 9 имѣютъ жителями удиһэ или семьи смѣшанныя. Поэтому и обозначаю здѣсь лишь эти 9 фанзъ. Въ первой фанзѣ хозяинъ—китаецъ, женатъ на вдовѣ удиһэ, имѣющей отъ перваго мужа—удиһэ двухъ сыновей (3 м., 1 ж.). Во второй фанзѣ изъ 10 жителей (6 м. 4 ж.) три китайца-работника, остальные — удиһэ; въ третьей -два китайца и двѣ женщины—удиһэ (2 м. 2 ж.); въ четвертой—одинъ удиһэ, два китайца (3 м.); въ пятой изъ 10 жителей (2 м., 8 ж.) всѣ удиһэ; въ шестой 9 жителей (5 м., 4 ж.): хозяинъ—китаецъ, хозяйка—удиһэ, у нихъ три сына и три дочери да работникъ—китаецъ; въ седьмой—шесть жителей (5 м., 1 ж.)—всѣ китайцы, лишь женщина — удиһэ; въ восьмой всѣ 10 жителей (5 м., 5 ж.)—удиһэ; девятая фанза изъ 10 человѣкъ (8 м., 2 ж.) имѣетъ такой составъ: хозяинъ—солонъ, женатый на женщинѣ удиһэ и дѣти отъ этого брака. Вполнѣ подтверждая сообщеніе г. Большева о пригодности долины р. Санденбеи для заселенія, долженъ указать, что долина затопляется рѣдко, лишь въ исключительныя наводненія, каково, напримѣръ, наводненіе 1896 г. Долина покрыта довольно глубокимъ слоемъ чернозема, очень плодородна и тщательно воздѣлывается китайцами. По моему мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ село Санхабэ будетъ играть видную роль въ экономической и промышленной жизни края. Сама по себѣ рѣка отличается глубиною и сплавна на всемъ почти теченіи; въ устье ея свободно проходятъ нагруженныя рыбою японскія шкуны. Рыбы въ эту рѣку идетъ много, и этотъ участокъ считается наилучшимъ на побережьи Япон-

скаго моря. Горы, окружающія долину, покрыты прекраснымъ кедровымъ лѣсомъ, къ разработкѣ котораго уже приступила лѣтомъ 1898 г. компанія владивостокскихъ коммерсантовъ. Разработка лѣсныхъ богатствъ сильно оживитъ рѣку, привлечетъ сюда еще большее населеніе, при чемъ тутъ поселятся и русскіе; потребности лѣсопильни вызовутъ спросъ на продукты сельскаго хозяйства, что заставитъ жителей расширить и безъ того обширныя пашни.

За рѣкою Санденбею прекращаются на большое разстояніе поселенія удиһэ, или тазъ, уступивъ мѣсто одинокимъ фанзамъ манзъ. Вновь селенія удиһэ появляются на р. Тадушу, или Тазуши (Лефуле); но здѣсь, какъ и дальше по другимъ рѣкамъ, удиһэ живутъ уже островками среди мензовскаго моря и теряютъ основу національности—языкъ. По сообщенію ольгинскаго пристава г. Шкуркина, переданному мнѣ лично лѣтомъ 1897 г., на р. Тадушу только тѣ удиһэ говорятъ, лучше сказать, знаютъ еще свой языкъ, которымъ болѣе 40 лѣтъ; молодое же поколѣніе забыло родную рѣчь и говоритъ по-манзовски. Подобное явленіе, печальное для національности удиһэ, замѣчается повсемѣстно на югѣ.

Не имѣя подъ руками свѣдѣній, добытыхъ послѣднею переписью, затрудняюсь сказать что-либо опредѣленное о количествѣ тазъ, обитающихъ на рр. Тазуши, Аввакумовкѣ и другихъ; могу сказать лишь то, что количество ихъ значительно уменьшилось: г. Пржевальскій въ концѣ 60-хъ годовъ насчиталъ на р. Шерудинѣ 25 фанзъ китайцевъ и удиһэ, т. е., полагая по 5 жителей на фанзу, 125 человѣкъ, а г. Шкуркинъ, переписывая жителей по той же рѣкѣ лѣтомъ 1897 г., нашелъ лишь 97 человѣкъ [1]). Во время экспедиціи на Сучанѣ, лѣтомъ 1896 г., мною добыты слѣдующія свѣдѣнія о поселеніяхъ и количествѣ удиһэ!

На р. Сяо-Судухэ, верстахъ въ 7—8 отъ впаденія ея въ Та-Судухэ, имѣются удиһэ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ Ли-чанга проживаютъ жена хозяина и ея братъ, родителями которыхъ были отецъ-манза и мать-тазачка, и работникъ, родители котораго были удиһэ. Въ фанзѣ Шуэнцая (или Тисеръ) жителей 8 (4 м., 4 ж.)—всѣ удиһэ; въ фанзѣ Лойси—5 жителей (2 м., 3 ж.) всѣ тазы, или удиһэ, въ фанзѣ Лянсыра—1 удиһэ. На р. Та-Судухэ, по обѣимъ ея сторонамъ, находятся удиһэ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ манцы Лю-мин-хэ жена-удиһэ и работникъ-удиһэ (1 м., 1 ж.), далѣе идетъ семья удиһэ Тонара (1 м., 1 ж.), Канжара (2 м., 2 ж.), старухи Оригуэго (2 м., 2 ж.). Семья Кохолуна состоитъ изъ хозяина-таза, жены-корейки и дѣтей отъ этого брака—двухъ сыновей и дочери (3 м., 2 ж.). Въ фанзѣ Чанчуна мужъ и жена — удиһэ, а товарищъ мужа —

[1]) «Поѣздка на р. Лифудинъ для переписи населенія въ 1897 г.», («Приамурскія Вѣдомости», №№ 202—203).

китаецъ; въ фанзѣ китайца Лію—два удиѣ (2 м.); въ фанзѣ Чуй-фў и Тен-дю-фў тазъ 6 (4 м. и 2 ж.); въ фанзѣ Тодина 5 жителей — удиѣэ (4 м., 1 ж.). Въ мѣстности, называемой Тудугоу, есть фанза, хозяинъ коей полутазъ, жена-тазачка; у нихъ три сына и одна дочь, при чемъ меньшій сынъ, двухлѣтній ребенокъ, имѣетъ русые курчавые волосы — явленіе, весьма рѣдкое среди удиѣэ. Въ фанзѣ манзы Цуй-шен-юна одинъ тазъ (1 м.).

Въ бухтѣ Чутовѐ, недалеко отъ впаденія Та-Судухэ въ море, находится фанза таза-капустолова Павлу́на (1 м.); въ бухтѣ Лонгувай (близъ *б. Находка), въ фанзѣ, 3 жителя—удиѣэ (2 м., 1 ж.).*

Изъ сказаннаго ясно, что въ восточной части Заусурійскаго края насчитывается около 500 удиѣэ обоего пола. Если присоединить сюда неизвѣстное количество по рр. Тауху, Лифудину и другимъ; если прибавить тѣхъ удиѣэ, которые, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, обитаютъ близъ гор. Никольска-Уссурійскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, то всего удиѣэ едвали наберется $3^1/_2$ тысячи.

Сосѣдями удиѣэ на сѣверѣ, западѣ и югѣ являются различные родственные и неродственные народы, которые оказываютъ на нихъ сильное вліяніе. На сѣверѣ они примыкаютъ и постоянно сталкиваются съ орочами или орочонами р. Коппи и Императорской гавани [1]). На западѣ и сѣверо-западѣ сосѣдямм удиѣэ являются гольды и манзы; на югѣ—исключительно манзы и отчасти русскіе.

Изъ названныхъ народовъ наибольшую роль въ жизни удиѣэ въ настоящее время играютъ китайцы, или манзы. Столкновеніе удиѣэ съ китайцами, однимъ изъ культурнѣйшихъ народовъ восточной Азіи, уходитъ въ почтенную давность: начало его восходитъ къ XVII столѣтію. Китайцы, этотъ практичный, предпріимчивый и ловкій народъ, подчинившій своему культурному вліянію своихъ побѣдителей маньчжуровъ и образовавшій особый народъ манзъ (т. е. маньчжуро-китайцевъ), уже давно пробрались въ Заусурійскій край и распространяютъ здѣсь свой языкъ, религію, нравы и обычаи, вліяя даже на измѣненіе физическаго типа аборигеновъ его—удиѣэ и гольдовъ. Надвигаясь съ юга (по арх. Палладію, съ Хуньчуна), манзы тѣснили удиѣэ и отодвигали ихъ постепенно на сѣверъ. Если взять недавнее прошлое, то въ долинѣ Сучана, напримѣръ, со временъ г. Пржевальскаго, впервые указавшаго на присутствіе большого количества манзъ на Сучанѣ, и со времени доклада г. Надарова („Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“, Владивостокъ, 1886 г.) многое измѣнилось. Въ настоящее время

[1]) Объ этихъ орочахъ писалъ г. Маргаритовъ: «Объ орочахъ Императорской гавани», С.-Петербургъ, 1888 г.

Сучанъ не является мѣстомъ главнаго скопленія манзъ, потому что распоряженіе покойнаго военнаго генералъ-губернатора бар. А. Н. Корфа о выселеніи съ долины этой рѣки манзъ, ежегодно увеличивающееся поселеніе русскихъ переселенцевъ сильно измѣнили этнографическую физіономію данной мѣстности. Быть можетъ, упомянутыя только что обстоятельства явились причиною дальнѣйшаго движенія манзъ на сѣверъ, безостановочно совершающагося и понынѣ. Благодаря этому движенію, давно уже позади оставлена манзами граница, 46-й градусъ сѣверной широты, указанная г. Венюковымъ, какъ предѣлъ поселеній ихъ на сѣверѣ. Мы видѣли, что манзы проникли и осѣлись уже на р. Кушунгоу, не говоря о томъ, что для торговыхъ цѣлей они проникаютъ зимою гораздо сѣвернѣе. Сказанное о приморской части Зауссурійскаго края вполнѣ примѣнимо и къ захребетной: и здѣсь манзы проникли далеко въ глубь страны удиѣ, подчиняя послѣднихъ своему вліянію.

Всестороннему разсмотрѣнію вліянія китайскихъ выходцевъ на различныя стороны матеріальнаго и духовнаго быта удиѣ отчасти посвящены всѣ послѣдующія главы настоящей монографіи, потому что, изслѣдуя бытъ удиѣ, нельзя не говорить о вліяніи на нихъ манзъ.

ГЛАВА V.

Физическія особенности удиѣ.

Расовые признаки удиѣ никѣмъ еще научно не изучались. Не беря на себя подобной тяжелой и непосильной по спеціальности работы, я рѣшаюсь представить въ этой главѣ нѣкоторый матеріалъ и нѣсколько заключеній и соображеній по этому важному вопросу, опираясь на результаты, добытые учеными относительно другихъ народовъ, въ частности относительно инородцевъ Сибири.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о классификаціи инородцевъ Амурскаго края, будемъ исходить изъ той мысли, что удиѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими инородцами принадлежатъ къ тунгузскому племени. Поэтому вся наша задача, при изложеніи этой главы, будетъ состоять въ сообщеніи матеріала, который можетъ дать возможность къ установленію отношенія удиѣ ко всему племени, а равно и къ отдѣльнымъ вѣтвямъ того народа, который извѣстенъ въ этнографіи инородцевъ Азіи подъ названіемъ орочей.

Принимая во вниманіе, что на территоріи удиѣ едва ли происходили

въ историческія времена сильныя передвиженія народовъ и племенъ, а равно считая отчасти справедливымъ мнѣніе геолога Д. В. Иванова, что сѣверная часть Зауссурійскаго края, угрюмая и суровая, всегда была непривлекательною для человѣка, слѣдовало бы предположить, что чистый физическій типъ удиһэ долженъ былъ сохраниться въ неприкосновенной цѣлости. Но подобнаго рода предположеніе было бы слишкомъ прямолинейнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что Зауссурійскій край, не смотря на гористый характеръ, при обиліи рѣкъ и переваловъ, представляетъ возможность для всякаго рода передвиженій и сближеній населяющихъ его народовъ; не надо упускать изъ виду и то обстоятельство, что уже въ историческія времена, издавна, удиһэ приходили въ соприкосновеніе съ различными родственными и неродственными племенами; стоитъ припомнить, что удиһэ, мирный и безпечный, не сторонится приходящихъ на его территорію народовъ, но скоро и легко входитъ въ общеніе съ ними, подчиняясь вліянію болѣе культурнаго изъ нихъ,—слѣдуетъ имѣть все сказанное въ виду, чтобы признать, что удиһэ, какъ и многіе другіе инородцы Амурскаго края, не сохранили чистоты своего физическаго типа.

На основаніи современныхъ данныхъ положительно можно сказать, что удиһэ представляютъ помѣсь многихъ народовъ. Браки удиһэ съ орочами Императорской гавани, пріобрѣтеніе или похищеніе женщинъ-удиһэ гольдами, въ позднѣйшее время все усиливающееся сожительство манзъ съ женщинами этого народца—произвели такую этнографическую мѣшанину, что изъ нея трудно выдѣлить цѣльный физическій типъ. Послѣ только что сказаннаго вполнѣ станетъ понятнымъ то разнообразіе характеристикъ физическаго типа удиһэ, какое представляетъ литература. Венюковъ, впервые описавшій тазовъ, или удиһэ, нашелъ, что они менѣе худощавы, въ отношеніи рукъ и ногъ болѣе мускулисты, сравнительно съ прибайкальскими тунгусами; лицо ихъ не имѣетъ угловатости исто-монгольскихъ племенъ, каковы буряты, калмыки и др.; скуловыя дуги у нихъ выдаются меньше, носъ не плоскъ, промежутокъ между глазами не такъ широкъ и, наконецъ, глаза часто лишь сѣрые, а не черные [1]). Максимовичъ замѣтилъ, что на рѣкѣ Хорѣ тазы даже выше средняго роста, красиво сложены, съ пріятнымъ лицомъ и высокимъ носомъ, но съ рѣдкою бородою [2]). г. Надаровъ [3]) пишетъ: „Лицо орочона нѣсколько продолговатое и не такое плоское и широкое, какъ лицо гольда; скулы у орочона такія же выдающіяся, какъ у гольда, носъ менѣе приплюснутый и зачастую даже острый. Разрѣзъ глазъ косой. Волосы на головѣ у орочона

[1]) Цитирую Венюкова по сочиненію Шренка, стр. 302.
[2]) Тамъ же.
[3]) Op. cit. 74 стр.

черные, густые и жесткіе; усы и борода черные, рѣдковатые. Кисти рукъ и ступни ногъ малыя. Вообще по фигурѣ орочонъ представляется сухощавымъ, но мускулистымъ. У женщинъ формы тѣла очень округленныя. Губы у мужчинъ и женщинъ толстыя".

Въ трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г. читаемъ: „Орочонъ средняго роста, стройнаго и краснваго тѣлосложенія, съ плавными, граціозными движеніями. Женщины, наоборотъ, низкаго роста, широкаго, приземистаго сложенія, съ неуклюжей, переваливающейся походкою. Лицомъ орочоны совершенно похожи на китайцевъ [1]). Хотя г. Маргаритовъ говоритъ въ своей работѣ объ орочахъ Императорской гавани, но такъ какъ онъ включилъ въ нее и удиһэ, живущихъ на р. Ботчи (у него названа Ботиль), и такъ какъ орочи Императорской гавани являются ближайшими родичами удиһэ, то я позволю себѣ привести сдѣланную имъ характеристику общаго физическаго типа орочей, характеристику, наиболѣе полную изъ всего, что писалось доселѣ. „Голова небольшая,—пишетъ онъ [2]),—лицо большое, лобъ прямой и невысокій, лобные бугры слабо развиты и сближены; виски (отъ полукружныхъ линій идутъ прямо назадъ) плоскіе. Затылокъ плоскій и у большинства спускается почти прямой линіей отъ макушки къ шеѣ; затылочный бугоръ неясно ощупывается, или же ощупывается въ видѣ поперечнаго вала, лежащаго несимметрично... Лицо плоское и широкое у скулъ и немного съужено къ верху и къ низу; при томъ бываетъ какъ короткое (квадратъ), такъ и продолговатое (прямоугольникъ). Носъ у большинства съ низкой спинкой и незамѣтно расплывающійся въ стороны... Курносыхъ и длинноносыхъ, собственно говоря, нѣтъ... Глаза вообще небольшіе, черные... Челюсти сильно развиты и вооружены большими, крѣпкими и частыми зубами... Руки и ноги не мускулистыя, ноги съ кривизною у колѣнъ наружу, кисти рукъ и ступни ногъ маленькія"... Къ сказанному необходимо добавить, что г. Маргаритовъ различаетъ двойственный типъ орочей Императорской гавани: одинъ плосколицый и безволосый или маловолосый, другой—длиннолицый и многоволосый.

Не предрѣшая напередъ вопроса объ общемъ физическомъ типѣ удиһэ, я постараюсь ниже привести тѣ антропометрическія данныя, которыя удалось мнѣ добыть въ экспедиціи 1896 г. Подвергнуто было измѣренію 32 особи-удиһэ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, взрослыхъ и дѣтей. А чтобы читатель могъ судить о достоинствѣ крови, текшей въ жилахъ мною измѣренныхъ субъектовъ, я предварительно приведу краткія свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и жизни до періода измѣренія.

[1]) Подобное же замѣчаніе см. у А. Максимова, «С.-Петер. Вѣдом.» 1880 г. № 178.
[2]) Op. cit. 37 стр.

Таза Шуюнцáй (говоритъ, въ молодости звали его Тисéръ) родился отъ чистокровныхъ тазъ на р. Та-Судухѣ; 22-хъ лѣтъ перешелъ на р. Сучанъ, и черезъ 10 лѣтъ на Сяо-Судуху. Жена его Инчéръ—также чистокровная тазачка. Изъ ея дѣтей измѣренъ сынъ Шонсй. Племянникъ Шуюнцая Пхáръ родился отъ тазъ: отца Соцáра и матери Сигёръ на Сучанѣ. Перебрался на Сяо-Судухэ въ 1884 г., когда, по приказанію покойнаго генералъ-губернатора Приамурскаго края барона Корфа, выгоняли съ Сучана манзъ. Приставъ Марковъ, не зная племеннаго состава населенія Сучанской долины, принялъ тазъ за манзъ и выселилъ первыхъ вмѣстѣ съ послѣдними.

Таза Лойсй родился на Сучанѣ, а въ 1884 г. переселился на Сяо-Судухэ. Жена его Юэ родилась отъ тазачки и манзы на Сучанѣ. Племянникъ его Шуá—чистокровный таза.

Лакáза родился на Сучанѣ отъ тазачки и манзы.

Суá—родной братъ Шуюнцая, чистокровный таза.

Сичáръ—чистокровная тазачка, родилась на р. Та-Судухэ, гдѣ и вышла замужъ за манзу Лю-мин-хэ. Кáръ ея дочь отъ этого брака.

Тоцáръ и его жена Цайнэръ—чистокровные тазы; родились: мужъ на р. Тауху, жена—на Сучанѣ.

Канжáръ и жена его Чогóръ—чистокровные тазы. Онъ родился на р. Ихусунѣ, она—на Та-Судухэ.

Чумúнда—чистокровный таза, родился на Та-Судухэ, бродилъ по Сучану, Сяо-Судухэ.

Чумуйэ—родился на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кохолýнъ (имя манзовское) считаетъ себя чистокровнымъ тазою, хотя сосѣди утвердительно заявляли мнѣ, что онъ происхожденія смѣшаннаго. Сынъ его Сáръ родился отъ брака съ корейкою.

Ленгáръ—чистокровная тазачка, родилась и выросла на Сучанѣ.

Братья Юнхiэ и Чюнщiэ родились на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кинцáръ родился на Сучанѣ, какъ и жена его Ямй отъ чистокровныхъ тазъ. Ихъ сынъ Шоръ.

Таза Чингáръ родился на Та-Судухэ отъ родителей тазъ.

Чистокровный таза Тодйнъ родился на Та-Судухэ, а женился на Сучанѣ на Кыръ, отцомъ которой былъ—манза, матерью—тазачка.

Братья Оршáо и Сыръ родились—первый на Та-Судухѣ, второй—въ бухтѣ Ченсазавай отъ тазъ.

Чистокровный таза Чангыръ глубокій старикъ.

Шанъ родилась на Сучанѣ отъ чистокровныхъ тазъ, но вышла замужъ за Чан-Сугýна, у котораго отецъ—манза, мать—тазачка.

Измѣренія означенныхъ удиніэ производились самодѣльнымъ приборомъ, устроеннымъ по образцу краніометра, и метрическою лентою. Поэтому цифры моихъ измѣреній слѣдуетъ считать лишь приблизительными; величины мною всюду показываются въ сантиметрахъ.

Измѣренія тѣла дали слѣдующія цифры:

ИМЕНА И ПОЛЪ.	Сложеніе.			Размѣры тѣла.																
	Худое.	Среднее.	Толстое.	Ростъ стоя.	Ростъ сидя.	Высота слухового отверстія.	Высота нижняго края подбородка.	Высота acromion'a.	Высота Epicondylus'a.	Высота верхняго края средняго пальца.	Объемъ груди.	Ширина плечъ.	Длина плеча.	Длина предплечія.	Длина кисти руки.	Обхватъ ладони.	Длина голени.	Длина ступни.	Обхватъ ступни.	Лѣта.
Шуюнца́й м.	худ.	—	—	174	90,2	158,4	150,2	143	111,2	63	87,9	41	35,5	26,8	19,2	19,2	44	23	23,5	42
Инче́ръ ж.	—	ср.	—	154,7	79,7	144,2	128,9	132,5	98,7	57,6	85[1])	37,2	28	24,4	18,3	18,3	36	23,3	21,1	41
Шонси́ м.	—	ср.	—	137,8	74,1	123,8	118,7	112,2	85,4	50	66	27,6	24,5	21	14,8	16,8	31,9	21,2	20,6	13
Пха́ръ м.	—	ср.	—	169	87	153,2	142,8	139,7	105,5	64,5	91	38,8	33,4	24	20	20,3	41	25,3	24,8	28
Лойси́ м.	—	ср.	—	177	96,7	165	159	151,3	116,4	66,8	92	36,8	38	27	19,5	20,5	43,5	26,7	25	26
Юэ ж.	—	ср.	—	157,7	80,3	148,3	136,7	129,8	102,5	59,7	85,3	34,5	36,2	24,2	18,9	19,1	37	24,2	22	20
Шуа́ м.	—	ср.	-	156,6	79	144	135,5	129,6	97	58,2	81,6	35,7	28,8	24,7	18,8	19,4	39	24	22	17
Лака́за м.	—	ср.	—	134,5	69,4	125,7	116,9	106	82,4	45,5	67,3	30	24	19,3	15,7	16,2	28,5	20,9	18,9	12
Суа́ м.	худ.	—	—	178,4	94	167,6	156	148,3	117,3	70,6	87,3	41	32,9	27,8	18,8	18,5	40,5	27	24,6	30
Сича́ръ ж.	—	—	тол.	160,3	82,9	149	138,5	133,2	103,8	64,9	89	40	30,7	23,6	16,3	17,8	35,5	22,3	23,5	32
Каръ ж.	худ.	—	—	125,6	67,2	115,5	107	98,6	75,1	42,7	60,4	30,2	27,7	16,3	14	14,4	29,5	69,3	19	11
Топа́ръ м.	худ.	—	—	178,8	92,3	165,7	155	150,8	115,3	70	90,8	40	34	25	21,7	21	41,2	26,4	23,5	35
Цайhэръ ж.	—	—	тол.	153,8	81,6	110,7	121,9	125,1	91,9	53,8	89,5	35,5	28,1	22	18,6	19,7	38,5	21,4	23	36
Канжа́ръ м.	худ.	—	—	170,5	88,7	159	149,7	142,5	108,7	64,3	89,2	32,2	32	28	21,1	23,1	39,4	27,4	25,8	21
Чого́ръ ж.	худ.	—	—	158,1	81	146,1	137,8	132,2	101,8	62,2	80	32,5	30	23,3	18	17,5	37	23	24	21
Чуминда́ м.	—	ср.	—	168,8	91	157,7	148,3	133,3	106	62,8	77,8	39	27,7	24	19	17,5	37,9	24	24,3	60
Чумуйэ ж.	—	ср.	—	165,4	86,2	157	147	139	105,2	60	84,8	39,7	31,2	24,7	19,3	20,1	39,8	24,7	25	27
Кохолунъ м.	худ.	—	—	169,1	78	156,7	149,2	141,9	109,7	63,1	80,8	37,6	33,7	27,5	21,2	19,5	42,5	27	21	41
Сяръ м.	—	ср.	—	159,4	74,7	145,9	137,3	131,6	101,5	58,3	76,3	35,7	27,6	23,3	18,2	19	37,4	23,9	22,9	17
Ленга́ръ ж.	худ.	—	—	155	75,2	143,3	135,7	125,9	95,3	59,4	78	35,4	29,8	23	17	16,5	37,5	21	19,5	27
Юнхіэ м.	—	ср.	—	161,2	81,2	149,8	142	132,8	97,9	56	79,9	40,5	33,1	25,7	18,8	21	38,5	24,3	23,9	20
Чунщіэ м.	—	ср.	—	144,5	70,8	135,5	130,6	117,9	88,1	50	73	36,5	26,7	21	16	16,8	34,9	23,8	22,3	12
Кинцаръ м.	—	ср.	—	166,5	86,4	153,1	143,8	141,5	108,8	62,4	89	42	35,2	28,7	20,2	19,8	39	26,2	23,5	38
Ями́ ж.	—	ср.	—	147,4	83,7	134,5	126	124,8	93,8	58	81	33,5	29,3	24,5	17,5	17	32	23,5	22,6	38
Шоръ м.	худ.	—	—	116,8	59,5	104,2	100	92	70,7	42	57	28	21	18,5	14,3	14	27	20,1	19,2	9
Чангаръ м.	—	ср.	—	161,7	86	150,1	141,5	136,8	106	64	82,3	34,7	30,5	23,6	20	20	39,7	26,4	24	49
Тодинъ м.	худ.	—	—	175,3	95,2	163,3	150,8	139,8	109	67	89,8	40	35,2	26	23,5	22	42,5	26,3	25	40
Кыръ ж.	—	ср.	—	161,4	89,1	150,7	142,5	131,4	100,7	64,7	81,8	38,5	33	24	18,4	18,9	37	25	22,8	31
Орша́о м.	—	ср.	—	160,4	89,8	148,6	137,8	129,7	99,2	61,5	81,5	38	31,8	23,3	19,9	18,8	38,8	24,4	21,8	32
Сыръ м.		ср.	—	164,2	87	156,3	142	134,5	102,8	63,4	88,3	42,3	34,7	25	20,5	22	38	24,8	24,1	25
Чангыръ м.	худ.	—	—	171	85,9	159,4	148,6	141,5	112	65,5	90,1	40,3	33,8	26,5	21,3	21,3	37,8	28,5	27,5	72
Шанъ ж.	худ.	—	—	156,4	79,2	146,3	133,8	126	95,5	61,5	81	35,4	31,5	21,2	18,1	18,3	36	24,4	21,8	28

[1]) Женщинъ нельзя было измѣрять, обнаживъ ихъ, поэтому объемъ груди измѣрялся чрезъ платье (двѣ рубахи).

Примѣчаніе: 1) У Чумуйэ на обѣихъ ногахъ выдается второй отъ большого палецъ. 2) При измѣреніи Ленгаръ и др. женщинъ оказалось, что измѣрять женскія головы мѣшаютъ обильные волосы. 3) У Тоди́на на ногахъ, при обхватѣ ступни, шишка; на обѣихъ ногахъ большой палецъ и слѣдующіе равны. 4) У Орша́о на обхватѣ ладони, около мизинца, шишка. 5) У старика Чангыра на объемѣ голени, съ обѣихъ сторонъ, шишки; на обѣихъ ногахъ второй отъ большого палецъ длиннѣе. Шишки ревматическаго происхожденія.

Представленная таблица позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы: во-первыхъ, толстые субъекты среди удиһэ явленіе весьма рѣдкое; большая часть ихъ средняго или худощаваго (тощаго) тѣлосложенія. Во-вторыхъ, примѣсь манзовской крови влечетъ увеличеніе роста и другихъ частей тѣла. Въ-третьихъ, сравненіе моей таблицы съ таблицею г. Маргаритова [1]), измѣрявшаго орочей Императорской гавани, показываетъ почти полное совпаденіе цифръ роста, длины кисти руки, обхвата ладони, если перевести его миллиметры на мои сантиметры. Поэтому весьма вѣроятно, что ростъ, длина кисти и обхватъ ладони, въ отношеніи размѣра тѣла, являются наиболѣе устойчивыми физическими признаками для различныхъ вѣтвей одного народа, извѣстнаго подъ именемъ орочей, а затѣмъ, можетъ быть, и для всего тунгузскаго племени [2]).

По цвѣту волосъ всѣ измѣренные субъекты оказались черноволосыми, два имѣющими красный отливъ, одинъ—чернорыжеватые волоса. На бровяхъ, вѣкахъ, бородѣ и усахъ [3]) волосы совершенно такого же цвѣта, какого цвѣта волоса на головѣ [4]). Растительность на усахъ и бородѣ рѣдкая, на бровяхъ гуще, но не настолько густая, какъ у орочей Императорской гавани. Сѣдыхъ въ обѣ экспедиціи приходилось видѣть мало; сѣдѣть начинаютъ съ 60 лѣтъ и позднѣе. Въ бассейнѣ Та-Судухѣ, на Сучанѣ и по побережью Татарскаго пролива мнѣ встрѣтилось не болѣе десятка сѣдоволосыхъ, вообще старыхъ мужчинъ и женщинъ. Весьма вѣроятно, что до старости доживаютъ немногіе удиһэ, потому что невзгоды жизни, а особенно оспенныя эпидеміи поражаютъ, главнымъ образомъ, взрослое населеніе. Да, по правдѣ сказать, старикъ и старуха представляютъ нѣчто невыразимо жалкое и безпомощное въ современномъ быту удиһэ. Слѣпота, глухота, подчасъ общее разслабленіе организма лишаютъ удиһэ возможности принимать дѣятельное участіе въ жизни юрты или фанзы; такіе старики и старухи почти совершенно заброшены,—и имъ остается только поскорѣе сойти въ могилу, чтобы не обременять своимъ безполезнымъ существованіемъ другихъ. Живя изо дня въ день, ничего не сберегая про черный день, удиһэ готовитъ себѣ самую грустную старость!

Подобно цвѣту волосъ весьма однообразенъ и цвѣтъ глазъ. Основнымъ цвѣтомъ глазъ для удиһэ является карій съ нѣкоторыми немногочи-

---

[1]) Op. cit. 38—39.

[2]) Труды антропологическаго общества 1894—1895 уч. года, т. II, статья г. Никольскаго: «Этнографическо-антропологическій очеркъ восточныхъ черемисъ», стр. 54.

[3]) Борода и усы имѣются у очень немногихъ мужчинъ.

[4]) Свѣтлые волосы у мальчика, о которомъ упоминалось на стр. 59, являются единичнымъ и рѣдкимъ исключеніемъ.

сленными оттѣнками. Такъ, изъ 32 субъектовъ, измѣренныхъ мною, у 24 встрѣтился карій цвѣтъ глазъ, у 4-хъ—темно-карій, у 2-хъ—свѣтло-карій, черный—у одного и сѣрый—у одного. При этомъ слѣдуетъ оговориться, что у стариковъ, напримѣръ, у семидесятидвухлѣтняго Чангыра, трудно опредѣлить цвѣтъ глазъ, потому что онъ измѣнился отъ времени, вылинялъ такъ сказать. Каріе или черные глаза встрѣчались мнѣ исключительно и по побережью Татарскаго пролива.

Труднѣе мнѣ было опредѣлить цвѣтъ кожи: я видѣлъ удиһэ лѣтомъ, когда они загорѣли подъ вліяніемъ жаркихъ лучей лѣтняго солнца. Но на основаніи свѣдѣній другихъ изслѣдователей, видѣвшихъ удиһэ зимою, можно сказать, что основнымъ цвѣтомъ кожи ихъ слѣдуетъ признать темновато-бурый. На открытыхъ мѣстахъ тѣла—на шеѣ, лицѣ, ногахъ—этотъ цвѣтъ приближается къ темному, а у нѣкоторыхъ, особенно у тѣхъ, которые являются дѣтьми мапзъ и тазачекъ, онъ переходитъ въ темно-оливковый. Свѣтлый цвѣтъ кожи, какъ рѣдкое исключеніе, я встрѣтилъ лишь у одного субъекта, который явился плодомъ любовныхъ похожденій лѣсной стражи.

Перехожу къ нѣкоторымъ частнымъ измѣреніямъ.

Остановлюсь сперва на данныхъ, полученныхъ отъ измѣренія и изслѣдованія глазъ.

Имена и полъ.	Велики или малы.	Углублены или выдаются.	Прямые или косые.	Ясно, неясно или вовсе прикрытъ слезный бугорокъ.	№№.
Шуюнцай мужч.	малые	углуб.	слабо косы	не закрытъ.	44
Инчеръ жен.	маловаты	не углуб.	наружн. углы припод.	не закрытъ.	41
Шояси муж.	малые	углуб.	косые	неясно	13
Пхаръ »	большіе	выдаются	прямые	ясно	28
Лойси »	малые	нормал.	верх. углы припод.	ясно	26
Юэ жен.	малые	средн.	верх. углы припод.	ясно	20
Шуа муж.	сред. вел.	не углуб.	полупрямые	неясно	17
Лаказа муж.	узкіе	не углуб.	наруж. углы припод.	закрытъ	12
Суа муж.	малые	углуб.	косые	неясно	30
Сичаръ жен.	малые	средн.	наруж. углы припод.	неясно	32
Каръ дѣв.	сред. вел.	средн.	наруж. углы припод.	неясно	11
Тоцаръ муж.	сред. вел.	средн.	прямые	ясно	35
Цайгэръ жен.	сред. вел.	средн.	наруж. края припод.	ясно	36
Канжаръ муж.	большіе	средн.	нар. края немного прип.	неясно	21
Чагоръ жен.	малые	средн.	косые	неясно	21
Чуминдà муж.	сред. вел.	углуб.	прямые	ясно	60
Чумуйэ муж.	сред. вел.	не углуб.	косые и нар. края прип.	ясно	27
Кохолунъ муж.	большіе	не углуб.	прямые	ясно	41
Сяръ муж.	большіе	не углуб.	косые	ясно	17
Ленгàръ жен.	малые	впалые	косоватые	неясно	27
Юнхіэ муж.	сред. вел.	не углуб.	прямые	неясно	20
Чуншіэ муж.	сред. вел.	не углуб.	наруж. края припод.	неясно	12
Клинцаръ муж.	большіе	не углуб.	почти прямые	немного закр. (неясно)	38
Ями жен.	сред. вел.	средн.	немного косые	неясно	38
Шоръ мальч.	сред. вел.	нормал.	наруж. края припод.	закрытъ	9
Чангаръ муж.	сред. вел.	нормал.	прямые	неясно	
Тодйнъ муж.	малые	углуб.	немного косые	неясно	
Кыръ жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно	
Орпад муж.	малые	углуб.	прямые	закрытъ	
Сыръ муж.	сред. вел.	не углуб.	верх. вѣко опущено	неясно	
Чангыръ муж.	малые	углуб.	косые	неясно	
Шанъ жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно.	

Примѣчанія: 1) У Инчеръ верхнее вѣко толстое; наружный край его свѣшивается; нижнее вѣко тоже свѣшивается.
2) У Лойси верхнее вѣко виситъ.
3) У Шояси правый глазъ пораженъ катарактой.
4) У Лаказы оба вѣка такъ толсты, что глаза представляютъ щели

Изъ представленной таблицы ясно, что большіе глаза среди удэhэ встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Преобладающими являются или среднія или малыя, причемъ они не сидятъ въ глубинѣ глазной впадины; нельзя признать глаза удэhэ и косыми, тѣмъ болѣе, что слезный бугорокъ, какъ

видно изъ представленной выше таблицы, часто ясно или совершенно закрытъ верхнимъ вѣкомъ. Такимъ образомъ, среди удэhэ наблюдается то же явленіе, какое подмѣчено г. Маргаритовымъ среди орочей Императорской гавани [1].

Измѣренія носа, губъ, рта и зубовъ дали слѣдующую таблицу:

Имена.	Полъ.	Возрастъ.	Носъ. Длина.	Ширина.	Длина въ ступ.	Очертаніе.	Междуглазное пространство.	Губы. Толстыя или тонкія.	Сжатыя или раскрытыя.	Ротъ. Величина.	Форма.	Зубы. Прямые или косо направл. впередъ.	Частые или рѣдкіе.	Сжатые или не сжатые.	Крупные или мелкіе.	Мѣсто ложныхъ до-жутося.
Шупноай. .	м.	42	4,3	3,6	8,3	съ небол. горбин.	2,7	тол.	полураскр.	бол.	прямой	напр. назадъ	частые	сжатые	средн. вел.	нѣтъ
Ничеръ. . . .	ж.	41	4,3	3,5	8,5	прям.	3	тол. [illegible]	раскр.	больш.	прямой.	прямые	частые	сжаты	мелкіе	нѣтъ
Шенсп. . . .	м.	13	4,1	3,3	7,6	распл.	2,4	тол.	вер. губ. полу	обыкн. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Пхаръ . . .	м	28	4,9	3,6	8,1	курн	3,1	сред. вел.	ниж. губ. [illegible]	больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Лойен	м.	26	5,2	3,5	8,8	съ больш. горб.	5,1	ниж. губ. толст	сжат	больш.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Юэ.	ж.	20	4,8	3	8,8	распл.	3,8	тол.	вер. губ. [illegible]	сред. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	сред. вел.	нѣтъ
Шуа	м.	17	4,4	3,8	8	прям.	3	тол.	раскр.	больш.	прямой.	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
Лагаза .	м.	12	3,4	3,2	6,6	распл. въ стор.	3,4	тол.	раскр.	больш.	оба угла опрѣщены.	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Суа	м.	30	4,5	3,3	8,2	прям.	3,1	средн. вел.	вер. губ. [illegible]	сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	различн. вел.	нѣтъ
Эпари	ж	32	4	3,5	7,3	прям. распл. въ стор.	3,3	средн. вел.	сжат	сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
Каръ	ж.	11	3,7	3,2	7	вогнут. распл.	3,8	ниж. губа тол.	раскр.	сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
Тодаръ . .	м.	35	5,7	3,9	8,4	прям.	3,4	сред. вел	сжат.	сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
Лайгаръ . .	ж	30	4,2	4,3	8,1	курн.	3,8	тол.	раскр.	сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
К..харъ . . .	м.	21	4,5	3,6	9,5	прям.	3,2	тол.	полураскр.	сред. вел.	прямой	прямые	рѣдкіе	не сжатые	крупные	нѣтъ
Чагаръ . .	ж.	[illegible]	4	3,2	8,1	курн.	[illegible]	тол.	ниж. губ. [illegible]	сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Чумпеда . . .	м.	60	[illegible]	3,8	5,2	прям	3,5	тол.	сжат.	больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Чучейэ. . . .	м.	27	4,7	3,7	8,4	прям	3,3	ниж. губ. тол.	сжат.	сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Кос..ръ .	м.	41	5	3,7	9,5	[illegible]	[illegible]	тол.	раскр.	больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Сэръ . .	м.	17	4,7	3,3	8,2	прям. съ горб.	2,9	тол.	раскр.	больш.	прямой	прямые	рѣдкіе	сжатые	крупные	нѣтъ
Легаръ . .	ж.	27	4,8	3,4	7,9	прям	3,4	ниж. губ. тол.	раскр.	средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Юкхэ . . .	м	20	4,5	3,1	8,3	прям	3,1	тол.	полураскр.	средн. вел.	прямой	прямые	рѣдкіе	сжат. [illegible]	крупные	нѣтъ
Чуашэ. . . .	м.	12	4	3,6	7,3	курн	[illegible]	тол.	раскр.	средн. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣтъ
Канзаръ . . .	м.	38	5,5	3,8	[illegible]	прям.	[illegible]	тол.	вер. губ. пр.	больш.	углы опущены	прямые	частые	сжатые	средн. вел.	нѣтъ
[illegible] . . .	ж.	38	4	3	8,7	курн	[illegible]	ниж. губ. тол.	полураскр.	средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
Кор. . .	м.	9	[illegible]	2,8	6,5	курн	3,2	средн. вел	сжат.	средн. вел	прямой	прямые	частые	не сжатые	рѣдкіе	нѣтъ
[illegible]аргаръ .	м.	49	5	3,6	7,3	курн.	[illegible]	средн. вел	сжат.	средн. вел.	прямой	прямые	частые	стерты	крупные	нѣтъ
[illegible]лгъ . .	м.	[illegible]	5,2	3,8	9,7	[illegible]	3,3	ниж. губ. тол	полураск.	средн. вел	прямой	не ровн.	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
[illegible]аръ.	ж.	[illegible]	4,4	3	9	прям.	2,7	ниж. губ. тол.	полураск.	средн. вел	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
[illegible]рпаэ	м.	32	4,8	3,4	8	прям	3,3	ниж. губ. тол.	полураск.	средн. вел	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
[illegible]ыр .	м.	28	4,5	3,3	8	прям. съ горб.	3,3	средн. вел.	сжат	средн. вел	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ
[illegible]лгаръ . . .	м.	72	4,9	4,1	8	распл.	5,7	тол.	сжат	средн. вел	прямой	зубовъ отъ старости мало				нѣтъ
[illegible]	ж.	[illegible]	3,7	3	7,3	вогнут.	2,7	ниж. тол.	сжат.	средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣтъ

[1]) См. Ор. стр. 36—37.

Какъ видно изъ таблицы, а еще болѣе къ тому приводятъ многочисленныя личныя наблюденія, носъ у большей части удиһэ не великъ и прямой, но высота его незначительна. У большинства субъектовъ, мною наблюденныхъ, носъ при основаніи вогнутъ и расплывается по сторонамъ. Носы вздернутые или курносые встрѣчались не рѣдко; меньше попадалось горбоносыхъ, но таковые встрѣчались и по побережью Татарскаго пролива. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что обычай женщинъ—удиһэ носить въ носу большія серьги сильно портитъ носъ. Ноздри у многихъ субъектовъ, особенно у женщинъ, рѣзко выраженныя и видѣлъ довольно часто. Ширина носа незначительная: нормою для нея можно принять 3 сантиметра съ незначительными отступленіями.

Губы у большей части удиһэ—толстыя. Сколько я могъ наблюдать, у многихъ пожилыхъ удиһэ нижняя губа всегда толста и отвисла, хотя верхняя средней толщины. Ротъ средней величины —преобладаетъ, но большіе рты встрѣчаются особенно часто среди мужчинъ. Что касается ушей, то большихъ и оттопыренныхъ я не встрѣчалъ. Преобладаютъ уши средней величины; но у женщинъ, вслѣдствіе привычки съ ранняго дѣтства носить тяжелыя серьги, нижняя часть уха сильно оттянута. Довольно часто встрѣчаются и маленькія уши.

По виду и формѣ, зубы у большинства измѣренныхъ—прямые; кривые встрѣтились у трехъ-четырехъ субъектовъ. Крупные и сжатые, равно частые зубы преобладаютъ надъ мелкими, несжатыми и рѣдкими. Бѣлый цвѣтъ зубовъ встрѣчается у весьма немногихъ, чаще всего у женщинъ; обыкновенно преобладаетъ или желтовато-бѣлый или бурый съ черною каймою на границѣ десенъ съ зубами. Порча бѣлаго цвѣта зубовъ и сравнительная рѣдкость его среди удиһэ, повидимому, объясняется обычаемъ курить трубку съ пяти-семилѣтняго возраста. Курятъ трубки съ длинными чубуками, оканчивающимися каменными или металлическими мундштуками. Привычка не выпускать изо рта трубку причиняетъ зубамъ удиһэ, помимо порчи естественнаго бѣлаго цвѣта, другой вредъ. Такъ, у Шуюнцая внутренніе углы верхнихъ рѣзцовъ стерты (въ верхней челюсти); вторые рѣзцы на той же челюсти, параллельно, стерты. У Киндара верхніе и нижніе зубы съ лѣвой стороны искрошены мундштукомъ, исключая клыковъ. Подобнаго рода порча зубовъ встрѣчается часто. Зубовъ каріозныхъ и порченныхъ отъ другихъ причинъ я встрѣчалъ мало. Зубною болѣзнью по всему побережью Татарскаго пролива при мнѣ страдало всего два-три человѣка. У 72-лѣтняго старика Чангыра почти половины зубовъ, въ верхней и нижней челюстяхъ, не было. Не могу сказать, въ какой степени вліяетъ на зубы куреніе опіума, и вліяетъ ли вообще это вещество на зубы; но среди удиһэ, особенно въ южной части ихъ территоріи, куреніе опіума сильно распространено.

Измѣренія головы и лица дали слѣдующую таблицу:

ИМЕНА.	Голова.											Лицо.						
	Пол.	Возраст.	Горизонтальная окружность.	Поперечная окружность.	Вертикальная окружность.	Наибольший длинотный диаметр.	Наибольший широтный диаметр.	Ушной диаметр.	От Glabella до соседнего отростка.	От соседнего отростка до затылочн. бугра.	Между соседними отростками.	Полная длина лица.	Длина верхняго лица.	Верхний поперечный диаметр.	Наибольший широтный диаметр.	Разстояніе между скуловыми дугами.	Нижний поперечный диаметр.	Длина горизонт. вѣтви нижней челюсти.
Шуюнцай	м.	42	55,8	33,5	36	21	15	13,8	16	8,7	13,2	11,2	5,5	12,5	14,8	11,7	11,9	10,5
Инчеръ	ж.	41	54,4	34,8	31,8	17,7	14,8	13	14,8	8,7	12,9	12	5,1	11,8	13,7	10	13,5	8,8
Шонси	м.	13	52	32	35,8	15	14,8	13,3	12,9	8	12	10	5,1	11,2	13,4	10,4	10	9
Пхарь	м.	28	60,2	34,2	35	19,1	15,2	15	16	8,7	14	12	6,1	13	15,3	12	11,3	10,7
Лойси	м.	26	56,6	35,9	33,1	19	15,1	14	15,9	7	13,3	14,7	6,2	12,4	14,9	11	11,3	10,6
Юэ	ж.	20	53,4	32,4	36	18	15,1	13	14,5	13,3	12,8	11,3	5,4	13	13,3	11,2	11,1	10,5
Шуа	м.	17	54,6	33	35	15,2	15,8	14,3	15	8,2	13,4	10,6	5,3	13	13,2	10,6	10,8	9,2
Лаказа	м.	12	50,2	33,8	36	16,2	14,7	12,9	13	8	12,2	9	4,4	11,4	12,8	10	10,2	9,4
Суа	м.	30	56,6	33,9	35,4	19	15	14,3	16	9,1	14	10,9	5,1	12,4	14,4	11,9	10,5	10,4
Сичаръ	ж.	32	56	33,5	37,4	17,4	16	14	15,5	8,5	13,5	11,2	5,3	12,9	14,1	11	13	11,5
Каръ	ж.	11	50,4	32	32,3	16,8	14,7	13,2	14	9,3	12,5	9,2	4,6	12	13,2	11	12,3	9
Тоцаръ	м.	35	56	33,9	36,5	18,9	15	14,2	15	7,8	14,3	12,8	6,4	13	14,8	11,5	11,8	10,1
Цайгэръ	ж.	36	55	32	37	19,8	16	14,5	16,2	9,8	13,5	11	5,4	13,1	14,8	11,9	12,8	11,3
Калжаръ	м.	21	56	34,5	38	18,7	15,8	14	14,2	9,6	14,5	14	6	12,4	14,6	10,7	12,5	10,8
Чагоръ	ж.	21	49	34,7	35,2	17	15	13,1	14,8	8,8	12,2	11,2	5,3	11,8	13,6	11	11	10,2
Чумшида	м.	60	56	34,3	36,5	19,8	16,2	14,1	16	15	14	12,6	6,3	13,2	14,7	11,3	11	10,7
Чумуйэ	м.	27	57,4	34,7	35,6	18,2	15,2	13,8	15,4	9,4	13,4	11,7	6,2	13	14,3	11,1	11	10,5
Кохолунъ	м.	41	55	35	36	19,6	14,6	14	16,2	9,3	13,2	12,3	6,3	12,2	14,7	11	11,2	10
Сяръ	м.	17	54,7	33,8	34	18,7	14,9	13,7	15,6	10	12,7	11,7	6,3	12,4	14	11	10,6	9,7
Ленгаръ	ж.	27	52,8	33,1	35,6	17,7	15	13,5	13,5	9,5	12,1	11,4	6	12,4	14	11,3	11,2	9,7
Юнхіз	м.	20	53,1	31	35	17,3	14,3	13,3	15,7	10,1	13	11,8	6	12,2	13,4	11	10,8	11
Чуншіэ	м.	12	53,5	32,7	36	17,7	15	13,8	14,9	9,2	13	10,8	5,6	12	13,8	11	11,1	9,7
Кинцаръ	м.	38	57,1	30,6	33,4	20	15,6	14,5	16	9,2	14	13	6	12,5	15	11,5	12	10,8
Ями	ж.	38	55	33	35	18,9	15,6	15,2	14,7	10,8	12,8	10,4	5	12,8	13,2	11,1	9,9	10,3
Шоръ	м.	9	52	34	33	16,5	14,6	12,6	12,8	10	12	10,5	4,8	10,9	11,3	9	9	7,8
Чангаръ	м.	49	55,1	34,5	34	19,3	15,2	15,4	14,8	11	14	11,6	6,1	12,5	15,1	9,9	13,8	10,1
Тодинъ	м.	40	56,8	36,5	37	18,3	15	15,1	15	10,1	14	14,5	5,5	13,7	15,2	12,7	10,1	10
Кыръ	ж.	31	52,3	34,7	37	16,2	15,3	15,9	13,2	8,5	12,3	11,4	5,2	12,4	13,4	11	10,2	10
Оршао	м.	32	53,7	33	35,8	18,4	13,7	13,7	14	9,5	13	11,1	5,6	12,1	13,5	11	9,9	9
Сырь	м.	25	55,9	33	34,5	18,6	13,5	13,9	14,3	10	13,2	12	5,5	13,9	14,3	11	10,3	10,5
Чангыръ	м.	72	56	31,5	33,5	19,3	14,1	14,2	15,1	9,6	13,9	11,2	5	12,1	14,1	10,1	10,9	10,1
Шанъ	ж.	28	51,5	34,5	33,5	18,5	13,2	14,2	13,6	9,9	13	10,5	4,2	12,2	13,1	9,9	9,5	9,8

Сравнивая цифры трехъ главныхъ размѣровъ окружности головы—горизонтальной, поперечной и вертикальной,—находимъ, что для мужчины максимальной величиной будетъ: для горизонтальной окружности—60,2, для вертикальной—38, поперечной—36,5; для женщины—горизонтальная окружность—56, вертикальная—37, поперечная 34,7. Минимальной величиной для мужчины будетъ: гориз. окр.—50,2, вертик.—33, поперечная—30,6; для женщины: горизонт.—49, вертик.—31,8 и поперечная—32 сантиметра. Такимъ образомъ, по вышеназваннымъ тремъ окружностямъ голова женщины-удиһэ немногимъ разнится отъ головы мужчины.

Беря одну горизонтальную окружность головы измѣренныхъ субъектовъ, видимъ, что наибольшее количество имѣетъ 55—56 сант. съ долями, одинъ—50 сант., два—52 сант. съ долями. Иначе говоря, если разгруппировать эти величины на имѣющихъ малую окружность головы, до 50 сант., среднюю, отъ 50 до 52, и большую, отъ 52 сант. и болѣе, то станетъ ясно, что удиһэ имѣютъ довольно значительную горизонтальную окружность головы.

Сравненіе величинъ верхняго поперечнаго и нижняго поперечнаго діаметровъ лица показываетъ, что разность между ними незначительная, иногда же показатель нижняго поперечнаго діаметра превосходитъ показателя верхняго поперечнаго діаметра. Такимъ образомъ, удиһэ въ этомъ случаѣ близко примыкаютъ къ своимъ сѣверянымъ сосѣдямъ и родичамъ, орочамъ Императорской гавани, о которыхъ г. Маргаритовъ сообщаетъ слѣдующее: „Сильное развитіе скуловыхъ и челюстныхъ костей одинаково присуще всѣмъ орочамъ, причемъ ширина нижней челюсти (между задними углами), а также ширина между скулами и между лобными скуловыми отростками на глазъ мало разнятся, почему лицо кажется почти одинаково широкимъ на всемъ своемъ протяженіи. Мало того, у нѣкоторыхъ женщинъ ширина между скуловыми костями превосходитъ ширину самого черепа, почему, глядя на орочку, вамъ зачастую представляется, что у нея на плечахъ не голова, а одно лишь лицо [1]). Мнѣ кажется, этотъ физическій признакъ, повторяющійся въ различныхъ отрасляхъ орочей, можно признать однимъ изъ основныхъ и типическихъ.

Перехожу къ описанію менѣе устойчивыхъ физическихъ свойствъ, въ значительной степени, зависящихъ отъ упражненія, питанія и другихъ условій жизни.

Мышечной силою едва ли удиһэ отличаются: видѣнные мною въ обѣ экспедиціи проводники и переводчики значительно уступали по силѣ рус-

[1]) Op. cit. 37.

скимъ солдатамъ, которые, неся по непривычнымъ лѣснымъ дебрямъ трехпудовую тяжесть, не утомлялись такъ, какъ утомлялись удиѣэ съ незначительною кладью. Привелось видѣть на р. Самаргѣ борьбу удиѣэ; въ ней гольдъ оказался сильнѣе и удалѣе, а съ моимъ Калачинымъ никто не посмѣлъ вступать въ борьбу. Съ другой стороны, въ ходьбѣ вообще удиѣэ неутомимы и терпѣливы при невзгодахъ: отправившись на охоту, удиѣэ исходитъ десятки верстъ, голодаетъ днями, но все перенесетъ и добьется звѣря. Равно не меньшую способность къ продолжительной дѣятельности обнаруживаютъ они при ѣздѣ по рѣкамъ на лодкахъ. Но этимъ и исчерпывается кругъ терпѣливости и выносливости удиѣэ. Въ общемъ удиѣэ неподвиженъ и малодѣятеленъ по природѣ: лишь крайняя нужда побуждаетъ его приняться за дѣло; нѣтъ этой нужды,—и удиѣэ апатично лежитъ въ своемъ жилищѣ, не менѣе апатично покуривая трубку въ промежуткахъ между сномъ и бодрствованіемъ. Не сомнѣваюсь, что всякій русскій, жившій среди удиѣэ, невольно возмущался этою неподвижностью, если ему доводилось искать проводника или переводчика, если ему требовалось послать удиѣэ куда-нибудь за лодкою. Въ движеніи удиѣэ, обыкновенно, медленъ и тяжеловатъ, но у него въ мышцахъ хранится значительный запасъ готовности сразу перейти въ движеніе. За все время своихъ скитаній среди удиѣэ я встрѣтилъ только двухъ (одного старика, другого молодого), полныхъ вѣчнаго трепета и порывовъ къ движенію и дѣятельности. Несмотря на сказанное, я глубоко убѣжденъ, что всякій удиѣэ способенъ перейти отъ неподвижности и покоя къ самой хлопотливой дѣятельности. Стоитъ посмотрѣть на удиѣэ тогда, когда онъ длиннымъ шестомъ гонитъ вверхъ по рѣкѣ свою оморочку и споритъ съ быстротою теченія; стоитъ обратить вниманіе на то, съ какою настойчивостью онъ слѣдуетъ за „чужакомъ“, чѣмъ-либо его заинтересовавшимъ. Припоминается мнѣ, сколько оживленнаго говора, толковъ и предположеній, сколько любопытства вызвало среди удиѣэ мое появленіе, для переписи ихъ. Еще сильнѣе врѣзался мнѣ въ память тотъ энтузіазмъ, съ какимъ они провожали меня, послѣ пятичасоваго пребыванія на р. Нахтý. Надо видѣть удиѣэ въ такіе моменты пробужденія быстрыхъ и сильныхъ движеній, чтобы не признать его безнадежно апатичнымъ. Легко впасть, въ данномъ отношеніи, въ ошибку. На обыкновенно равнодушномъ и тупомъ лицѣ удиѣэ не прочтешь подчасъ ни испуга, ни горя, ни гнѣва. Слушая жалобы безпомощной старухи, горькіе вопли пораженной смертью мужа и разстройствомъ хозяйства жены, вы въ равнодушныхъ чертахъ лица не прочтете никакихъ слѣдовъ переживаемаго горя. Только гнѣвъ у нѣкоторыхъ, очень немногихъ субъектовъ вызываетъ особый блескъ глазъ. Поражая европейца своимъ, подчасъ невѣроятнымъ, равнодушіемъ, удиѣэ можетъ

удивить и общей нечувствительностью кожи. Послѣдняя, лишенная чистоты и холи, подверженная дѣйствію атмосферы различнаго свойства, теряетъ, въ значительной степени, свою чувствительность. Ни ужасныя раны на головѣ отъ объятій медвѣдя, ни адская боль отъ вонзившейся въ кость ноги стрѣлы, настороженной на сохатаго, но по несчастной случайности угодившая въ человѣка, никакія другія физическія страданія не вызываютъ ни стоновъ, ни криковъ, ни оханій.

Что же касается органовъ внѣшнихъ чувствъ, то они (особенно зрѣніе и слухъ) у полудикаго удиѣэ развиты въ высшей степени. Неуловимый для европейца шорохъ и трескъ въ лѣсу, незамѣтное движеніе въ чащѣ тайги или на глубинѣ рѣчной — ничто не ускользнетъ отъ зоркаго и быстраго взгляда и чуткаго уха удиѣэ. Въ этомъ отношеніи онъ тѣмъ болѣе поражаетъ европейца, что ѣдкій дымъ жилища, поражая глаза краснотою и слезливостью, не уменьшаетъ зоркости зрѣнія, нечистоплотность уха не ослабляетъ тонкости и чуткости слуха. Насколько развито у удиѣэ обоняніе, трудно сказать безъ достаточныхъ спеціальныхъ наблюденій. Вонь употребляемой иногда пищи, дурной запахъ атмосферы жилищъ еще не служатъ вѣскимъ основаніемъ для утвержденія о полной неразвитости этого внѣшняго чувства. Вкусъ развитъ достаточно: горькое, соленое, кислое, сладкое легко различались удиѣэ, предпочитающими въ пищѣ прѣсное и сладкое. Вообще можно сказать, что полудикарь удиѣэ способенъ различать и запахи и вкусы, но не имѣетъ возможности, живя въ убогой обстановкѣ, въ достаточной степени развивать и упражнять заложенные матерью-природою вкусовые, обонятельные и другіе задатки. Въ развитіи внѣшнихъ чувствъ большое значеніе имѣютъ упражненія и спеціализація этихъ упражненій. Занимаясь съ раннихъ лѣтъ рыболовствомъ, звѣроловствомъ и охотою, удиѣэ прекрасно видитъ и слышитъ въ таежной обстановкѣ, обнаруживаетъ поразительную чуткость къ шороху тайги и плеску рѣчной волны; при всемъ томъ весьма возможно, что онъ окажется весьма невосприимчивымъ къ варіяціямъ пѣнія или музыки. Въ заключеніе описанія физическихъ особенностей удиѣэ необходимо упомянуть объ уродствахъ и болѣзняхъ, часто встрѣчающихся среди нихъ.

За весь періодъ моего пребыванія среди удиѣэ мнѣ удалось встрѣтить одного горбатаго, двухъ кривыхъ, одного на костылѣ и одного безрукаго. Горбатымъ сдѣлался видѣнный мною удиѣэ въ дѣтствѣ, упавъ съ дерева; окривѣлъ одинъ отъ старости, другой — отъ медвѣдя, который „лапою вынулъ глазъ“; безъ руки сталъ удиѣэ, благодаря шалости тигра, охотившагося, какъ и пострадавшій, за козулями. Полагаю, что указанныхъ уродствъ еще немного на все количество удиѣэ.

Косоглазыхъ я не встрѣчалъ, но болѣзни глазъ сильно распространены

среди нихъ. Причиною весьма распространенной красноты [1]) и слезливости глазъ является свойственная удиһэ нечистоплотность [2]) и дымъ жилищъ. Весьма часто болѣзнь глазъ является слѣдствіемъ оспы. Не могу сказать, чѣмъ объяснить весьма частую, по сообщенію г. Пальчевскаго (Дал. Вост., № 46, 1897 г.), слѣпоту среди женщинъ р. Имана. Глухоту встрѣчалъ лишь у старыхъ, какъ слѣдствіе притупленія всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ слѣдствіе неряшливости, большое распространеніе среди удиһэ имѣютъ всевозможныя накожныя болѣзни. Вотъ, какъ образецъ, описаніе болѣзни кожи у 24-лѣтней женщины Яръ, вышедшей замужъ за манзу Сунфа (на Сяо-Судухэ).

Все тѣло ея поражено ранами, похожими на мокрый лишай и переносящимися съ мѣста на мѣсто. Мѣста прежняго пораженія похожи на зажившія раны, причиненныя кипяткомъ. Болѣзнь началась въ 1891 году и, въ моментъ осмотра мною пораженій черезъ 5 лѣтъ, имѣла такой видъ: на носу, верхней губѣ и вокругъ нихъ—мокнущіе, рубцующіеся прыщи, но полное отсутствіе боли, даже при давленіи прыщей. Правое ухо и до средины щека покрыты сплошнымъ рубцоватымъ пятномъ; такой же рубецъ на лбу; сзади лѣвой брови—зажившее рубцеватое пятно величиною съ трехкопеечную монету. Раны имѣются на правой рукѣ отъ кисти, внутри, въ видѣ четырехъ серебряныхъ рублей; на изгибѣ локтя, внутри же, рубецъ; на плечевомъ сочлененіи продольная язва въ 2 вершка. Такой болѣзни не было ни у кого изъ ея родителей; у нея появилась она послѣ 4-хъ лѣтъ супружеской жизни. Ни на кого изъ живущихъ съ нею вмѣстѣ эта болѣзнь не переходитъ. Противъ болѣзни никакихъ средствъ не предпринималось; попробовали обмывать теплою водою, но замѣтили, что отъ обмыванья болѣзнь усиливается, и оставили.

Весьма часто встрѣчаются среди удиһэ ревматическія и другія простудныя болѣзни, порождаемыя устройствомъ жилищъ и условіями быта. Охота и рыболовство, главныя занятія ихъ, заставляютъ подчасъ весьма долго находиться на холодѣ и въ водѣ. Перемѣнить или высушить платье онъ еще

---

[1]) Это въ большинствѣ случаевъ трахома. См. Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. г. Бѣлькевича.

[2]) Удиһэ не имѣютъ обыкновенія умываться и купаться, хотя лѣто проводятъ близъ рѣкъ; но подъ вліяніемъ указаній и совѣтовъ русскихъ охотно пріучаются къ этимъ гигіеническимъ привычкамъ. Такъ, я не однократно объяснялъ, почему надо мыться и купаться, раздавалъ куски ячнаго мыла и видѣлъ, что мой совѣтъ исполняется. При этомъ замѣчу, что женщина являлась наиболѣе воспріимчивою къ моимъ наставленіямъ. Теперь странствующій среди удиһэ часто встрѣтитъ и умытыхъ, и причесанныхъ, и разряженныхъ женщинъ-удиһэ. Къ сожалѣнію, я не могъ убѣдить и нигдѣ не видѣлъ обыкновенія мыть платье или перемѣнять его.

не научился: оно сохнетъ на немъ. Устройство жилищъ съ двумя противоположными дверями, со множествомъ щелей, съ вѣчно пылающимъ очагомъ, нагрѣвающимъ лишь ту часть тѣла, которая обращена къ нему, прямо ведетъ къ сильнымъ ревматизмамъ. Въ долинѣ рр. Та-Судухэ и Сяо-Судухэ мнѣ не такъ часто доводилось встрѣчать эти болѣзни, какъ на побережьи Татарскаго пролива. Можетъ быть, такое явленіе объясняется тѣмъ, что удиһэ долинъ названныхъ рѣкъ обзавелись фанзами, представляющими болѣе надежную защиту отъ холода и сквозняковъ, чѣмъ убогій шалашъ или юрта.

Сравнительно малую, но весьма гибельную распространенность среди удиһэ имѣетъ сифилисъ, которому даже названія не придумали до сихъ поръ эти полудикари. Замѣчательно, что эту ужасную болѣзнь, со всѣми ея гибельными для организма послѣдствіями, мнѣ доводилось встрѣчать лишь въ южной части территоріи удиһэ. Несомнѣнно, что болѣзнь имѣетъ заносное происхожденіе, и, по моему мнѣнію, ее принесли сюда манзы. Чтобы читатель могъ судить, что дѣлаетъ съ человѣкомъ сифилисъ, при отсутствіи средствъ для борьбы съ нимъ, я опишу 16-ти лѣтнюю дочь Шуньцая, пораженную этой болѣзнью въ 1891 г. За пять лѣтъ болѣзнь успѣла до того разрушить организмъ молодой и здоровой дѣвушки [1]), что она представляла нѣчто невыразимо ужасное. Нельзя было равнодушно смотрѣть на это заживо гніющее существо, съ выпавшимъ носомъ, вытекшимъ глазомъ; нельзя было равнодушно слушать хрипѣнье въ пораженномъ горлѣ. Вотъ картина болѣзни, замѣченная мною: на правой сторонѣ лба двѣ гнойныя язвы величиною съ трехкопеечную монету, язвы расположены одна надъ другой; на мѣстѣ праваго глаза—зарубцевавшееся углубленіе; правая щека превратилась въ гнойную язву величиною въ $1^1/_2$ кв. вершка, носъ провалился и видна кость (оконечность); часть верхней губы сгнила, и чрезъ образовавшуюся щель видны зубы; лѣвый глазъ едва открывается—онъ пораженъ и скоро вытечетъ; руки чрезвычайно тонки: это буквально кости, обтянутыя кожею. Судя по тому, что больная хрипитъ, глухо покашливаетъ и часто сплевываетъ гнойную слюну, надо предположить, что сифилисъ поразилъ уже горло.

По словамъ родителей, болѣзнь началась небольшимъ прыщомъ на плечѣ, превратившимся затѣмъ въ язву; потомъ тоже повторилось на другомъ плечѣ, наконецъ болѣзнь перешла на лицо; на другихъ частяхъ тѣла язвъ нѣтъ. Прыщикъ вскочилъ вскорѣ послѣ того, какъ въ ихъ фанзѣ заночевалъ бродячій манза.

Какъ ни грустна картина больной дѣвушки, но еще грустнѣе то, что сифилитичка не удалена изъ семьи, спитъ на нарахъ рядомъ съ другими

[1]) Къ сожалѣнію, удачно снятый съ нея портретъ погибъ въ ночь съ 6-го на 7-ое августа 1896 г., когда тайфунъ разбилъ вешую меня шампунку.

дѣтьми, плюетъ на земляной полъ, на которомъ играютъ маленькіе братья и сестры.

Такою же заносною, но болѣе безпощадною и частою среди удиһэ является эпидемическая болѣзнь—оспа, называемая китайскимъ именемъ ч у ф а. Больше всего разсказовъ объ этой страшной гостьѣ пришлось мнѣ услышать на югѣ, что, какъ и слово ч у ф а, прямо указываетъ на источникъ, откуда болѣзнь появилась. Сѣвернѣе, по побережью Татарскаго пролива я меньше слышалъ разсказовъ объ оспѣ и рѣдко встрѣчалъ пораженныхъ ею. На югѣ особенно хорошо помнятъ двѣ эпидеміи оспы 1874—75 гг. и 1882—83 гг. Первая эпидемія оспы поразила всѣхъ взрослыхъ, оставивъ малолѣтнихъ, такъ что хоронить мертвецовъ было некому. По словамъ стариковъ, въ первую эпидемію оспы на Сучанѣ было мало манзъ, которые не умираютъ отъ оспы, потому что переносятъ ее въ дѣтствѣ; во вторую эпидемію ихъ было уже много, и они хоронили умершихъ удиһэ. Противъ оспы они не знаютъ средствъ. Лишь очень немногіе начинаютъ прививать оспу, пользуясь услугами знахарей-корейцевъ. Въ чемъ состоитъ эта прививка, что за лѣкари корейцы, мнѣ не удалось узнать, потому что видѣнный мною знахарь ничего не сообщилъ моему переводчику-корейцу о своемъ врачебномъ искусствѣ. Судя по видѣннымъ мною орудіямъ врачевальнаго искусства, напоминающимъ инструменты русскихъ коноваловъ, можно предположить, что эти врачи скорѣе губятъ, чѣмъ спасаютъ отъ болѣзни довѣрчивыхъ паціентовъ. Впрочемъ, жена манзы Лю-мин-хэ сообщила мнѣ, что за 4 р. 50 к. ея четырехлѣтнему сыну привилъ оспу кореецъ, и болѣзни не было у сына. Слѣдуетъ предположить, что въ качествѣ лѣкарей практикуютъ среди удиһэ манзы, лѣчащіе посредствомъ травъ и растеній, пантовъ, жень-шеня и т. п. Можетъ быть, вполнѣ самобытнымъ является слѣдующій способъ лѣченія простуды: больное мѣсто растираютъ докрасна твердою костяжкою [1]).

Изъ другихъ болѣзней, встрѣчающихся среди удиһэ, приходилось наблюдать: параличъ рукъ, усыханіе спинного мозга, водянку и болѣзни желудка. Другіе изслѣдователи наблюдали чахотку [2]), да и мнѣ не разъ говорили, напримѣръ: „умерла мать не отъ чуфы, а отъ другой болѣзни, кашляла“. На р. Самарѣ я видѣлъ больного, который не можетъ принимать никакой пищи, потому что его тошнитъ, тотчасъ же по принятіи пищи, и рветъ. Одинъ жаловался на сильную головную боль. Вообще приходится здѣсь повторить почти общее мнѣніе, что удиһэ нуждаются въ медицинской помощи [3]). При наличности ея и при заведеніи другихъ санитарныхъ и ги-

[1]) См. ст. Бѣлькевича въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Теперь, какъ и вообще при каждой встрѣчѣ съ инородцами, они сейчасъ же обращались къ охотникамъ за медицинскою помощью; пріѣзжали больше взрослые, приводили

ніеническихъ условій, къ которымъ, конечно, рано или поздно приведетъ удиһэ дѣйствительность, они могутъ дать закаленное, выносливое и искусное населеніе, могущее, по словамъ г. Надарова [1]), во время войны принести, въ качествѣ партизановъ, значительныя услуги Россіи.

ГЛАВА VI.

Экономическія основы быта.

Удиһэ, подобно другимъ своимъ родичамъ, искони извѣстны за рыболововъ и охотниковъ. Рыболовство и охота являются не только главными занятіями, но и главными экономическими основами быта ихъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рыболовство, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ территоріи удиһэ, буквально обусловливаетъ самое существованіе жителей. Этотъ промыселъ питаетъ, отчасти одѣваетъ и даже доставляетъ домашнюю обстановку удиһэ. Вотъ почему, вѣроятно, они не оставляютъ совершенно рыболовства даже тамъ, гдѣ, вслѣдствіе измѣнившихся условій, пришлось переходить къ земледѣлію, между тѣмъ какъ охота многими совершенно заброшена. Весна и лѣто, можно сказать, самое горячее время для рыбнаго промысла на побережьи Великаго океана [2]). Для этого промысла все населеніе рр. Ботчи, Самарги и др. съѣзжается къ устью, къ берегу моря, потому что здѣсь и породы рыбъ разнообразнѣе, и рыба свѣжей и здоровѣе. Хотя удиһэ не пренебрегаютъ никакой рыбой (ѣдятъ бычковъ, тайменя, красноперу, щукъ и т. п.), однако запасаютъ на прокормъ себѣ и собакамъ, главнымъ образомъ, горбушу и кэту, даже предпочтительно послѣднюю. Несомнѣнно, кэта предпочитается горбушѣ вслѣдствіе своей величины и мясистости [3]). По крайней мѣрѣ, во время перваго хода горбуши, предшествующаго ходу кэты, въ іюнѣ мѣсяцѣ, жители рр. Ботчи, Нельмы и др. не спѣшили ловлей ея для юколы, хотя рыба во множествѣ выкидывалась

больныхъ дѣтей. Хининъ, антипирринъ, касторка, скипидаръ и валеріанъ—вотъ всѣ медикаменты, которыми лѣчили націстовъ, и большая часть ихъ выздоравливали. Часто приходилось жалѣть, что въ командѣ не было фельдшера и было взято такъ мало лѣкарствъ съ собою. Много добра можно было бы сдѣлать этимъ несчастнымъ дикарямъ, вымирающимъ постепенно отъ различныхъ болѣзней и не имѣющимъ возможности обращаться къ кому-нибудь за помощью» (ст. г. Альфтана въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.).

[1]) Сѣв.-Уссур. край, 100 стр.

[2]) Сперва буду говорить объ этомъ районѣ территоріи удиһэ, какъ менѣе извѣстномъ. Затѣмъ скажу объ удиһэ, живущихъ на правыхъ притокахъ р. Уссури.

[3]) Мое утвержденіе нисколько не противорѣчитъ сказанному г. Маргаритовымъ на стр. 17, потому что горбуша предпочитается кэтѣ только при спѣшномъ заготовленіи юколы, когда нѣтъ времени хорошо прокоптить и просушить рыбу.

на поверхности рѣкъ. На мой вопросъ, почему не ловятъ рыбы, мнѣ отвѣчали, что подождутъ кэты [1]).

Добываютъ рыбу сѣтями, остогами и крючками.

Во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива, я не только въ каждой юртѣ встрѣчалъ принадлежности для вязанья сѣтей (иглы—ильма, ручка для поддерживанія сѣти—халá), но нашелъ жителей, которые спеціально занимались вязаньемъ сѣтей, какъ занятіемъ, дающимъ средство къ жизни. Сѣти вяжутъ изъ нитокъ, добываемыхъ изъ дикорастущей крапивы, хотя предпочитаются нитки русскаго приготовленія, доставляемыя услужливыми китайцами и русскими купцами изъ Владивостока. Помню, какъ удиѣэ, упрашивая меня пріѣхать къ нимъ на слѣдующее лѣто съ товарами, говорили: „привези, капитанъ, нитокъ для сѣтки“. Видѣнныя мною сѣти не отличались своею величиною, и удиѣ не безъ зависти говорили о японскихъ неводахъ, сдѣланныхъ изъ травы и рисовой соломы и отличающихся огромными размѣрами и шириной. Одинъ старикъ, разсматривая на пикуѣ „Сторожъ“ заарестованный у японцевъ неводъ и удивляясь его величинѣ и доброкачественности, говорилъ: „Одного такого невода достаточно, чтобы прокормить все наше село рыбою“. Помню ту радость, которою преисполнились жители р. Кушуна, по случаю подарка имъ нѣсколькихъ кусковъ японскаго невода. Поплавки для сѣтей дѣлаются изъ дерева: это небольшія, въ четверть длиною, дощечки, шириною вершка въ два, толщиною около вершка, съ подструженными концами. У этихъ концовъ находятся дырочки, чрезъ которыя проходятъ нитки, прикрѣпляющія ихъ къ веревкѣ, обходящей сѣть внизу и вверху. Грузилами служатъ куски желѣзныхъ вещей, гладко обтесанные камни или добытыя на брошенныхъ японскихъ рыболовняхъ глиняныя грузила. Веревки, тяжи и клячи къ сѣтямъ дѣлаются изъ крапивныхъ веревокъ собственнаго издѣлія.

Несмотря на малый размѣръ сѣтей, на ихъ, въ большей части случаевъ, значительную ветхость, обиліе рыбы, во время ея хода, позволяетъ вытаскивать сотни штукъ за одну тоню. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ ловли горбуши: за двѣ тони дрянною сѣтенкою пойманъ почти полный ботъ рыбы.

Къ сожалѣнію, употребленіе сѣтей распространено среди удиѣэ очень мало: незначительный ли бюджетъ, или просто неумѣнье и нежеланье заставляютъ ихъ довольствоваться большею частью, а на правыхъ притокахъ р. Уссури, исключительно острогою. Правда, умѣнье владѣть острогою до-

[1]) Подробное описаніе кэты и горбуши сдѣлано г. Маргаритовымъ, къ работѣ котораго и отсылаю читателя. Op. cit. 15 л. дальше.

водено у нихъ до такого совершенства, что этотъ способъ добыванія рыбы слѣдуетъ признать исконнымъ и самымъ основнымъ. Удаһэ съ острогою въ рукѣ на своемъ батѣ является удивительнымъ виртуозомъ: разъ замѣчена рыба, она не уйдетъ отъ него; онъ погонится за нею и на разстояніи до двухъ саженъ вонзитъ въ нее свою острогу.

Остроги бываютъ двухъ видовъ—цѣльныя и привязныя. Цѣльная острога состоитъ изъ желѣзнаго лезвія, насаженнаго неподвижно на тонкую и длинную (до 4½ арш.) палку. Лезвіе иногда имѣетъ видъ трезубца [1]). Такою острогою бьютъ и колютъ небольшую рыбу. Для болѣе крупной рыбы (тайменя, сома) употребляется привязная острога, потому что большая рыба, послѣ удара острогой, бьется и ломаетъ древко или срывается. Привязная острога тѣмъ, именно, и отличается отъ цѣльной, что лезвіе ея не насаживается на древко неподвижно, а такъ, чтобы его легко можно было снять. Лезвіе у этой остроги за ушко привязывается тонкою и крѣпкою веревкою къ противоположному концу древка или къ его серединѣ. Когда такая острога вонзается въ рыбу, то послѣдняя быстрымъ движеніемъ срываетъ вонзившееся въ нее лезвіе съ древка и продолжаетъ плыть, таща за собою бросаемое изъ рукъ древко, служащее въ данномъ случаѣ поплавкомъ и указателемъ, куда направилась раненая рыба. Когда рыба выбьется изъ силъ, удаһэ подплываетъ къ добычѣ и осторожно, взявъ за древко, подтягиваетъ ее.

Крючками ловятъ рыбу различно. Мнѣ не разъ приводилось видѣть ловлю крупной и мелкой рыбы на наживку [2]). По сообщенію г. Надарова [3]), осетръ и калуга ловятся желѣзными крючками, привязанными къ веревкѣ съ поплавками: играя, рыба цѣпляется за крючки. Кромѣ желѣзныхъ крючковъ, употребляются самодѣльные, какъ остатокъ глубокой старины, состоящіе изъ рѣзца кабарги (самца), прикрѣпленнаго подъ прямымъ угломъ къ деревянной палочкѣ. На такой крючекъ, съ насаженною наживкою, при мнѣ на р. Нахтý поймали тайменя, при чемъ наживкой служила горбуша [4]).

При ловлѣ рыбы употребляются лодки двухъ типовъ: болѣе помѣстительныя—баты и меньшія—оморочки. Батъ выдалбливается изъ цѣльнаго дерева, при чемъ такъ, что передъ носомъ на 1½—2 арш. выдается доска, продолженіе плоскаго дна. Онъ очень легокъ, идетъ хорошо противъ теченія и поднимаетъ до 40 пуд. Но онъ требуетъ осторожнаго и умѣлаго обращенія, потому что очень валокъ и легко ломается. Оморочка также выдалби-

---

[1]) Подробности см. въ цитиров. кн. г. Маргаритова, стр. 19.
[2]) То же говоритъ и г. Маргаритовъ, Op. cit. 18.
[3]) Op. cit. 102.
[4]) По сообщенію г. Маргаритова, такъ ловится рыба хоѣ, Op. cit. 18.

вается изъ цѣльнаго куска дерева, но корма и носъ у нея острые. Оморочки—ходки, легки и тонки и поднимаютъ до 10 пуд., но требуютъ весьма умѣлаго обращенія, иначе легко переворачиваются. Въ настоящее время уже почти не встрѣчаются оморочки изъ бересты, потому что онѣ крайне непрочны [1]).

Вся работа по добычѣ рыбы лежитъ, главнымъ образомъ, на мужчинѣ, хотя я встрѣчалъ (напримѣръ, на р. Самаргѣ) и промышляющихъ женщинъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло объяснялось вдовствомъ и отсутствіемъ дѣтей мужского пола хотя бы 10-лѣтняго возраста. Во всякомъ случаѣ въ рыболовствѣ мужчинѣ весьма часто помогаетъ женщина: она правитъ батомъ и направляетъ его туда, куда смотритъ съ приготовленною острогою мужчина. При ловлѣ рыбы сѣтью, послѣднюю вмѣстѣ съ мужчинами часто тянутъ и женщины.

Гораздо рѣже ловятъ рыбу ловушками. По нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Татарскій проливъ, мнѣ встрѣчались такого рода нехитрыя ловушки. Зная обыкновеніе горбуши и другой рыбы, при ходѣ противъ теченія, выпрыгивать изъ воды, удиѣэ изъ тонкихъ жердей среди рѣки ставятъ загороду, полъ которой покатъ: низкій конецъ его постепенно понижается въ воду, а противоположный поднимается надъ водой. Съ того мѣста, гдѣ полъ выдается изъ воды, начинаются стѣнки изъ травы или вѣтвей. Рыба, идя вверхъ противъ теченія и вскидываясь, попадаетъ на помостъ загороды и тамъ остается, потому что стѣнки мѣшаютъ ей свалиться въ воду. Ловушки осматриваются хозяевами раза два—три въ день. Мнѣ передавали, что за ночь иногда попадаетъ рыбъ 10—20. Обыкновенно, подобнаго рода ловушки устраиваются близъ жилья, чтобы не тратить много времени на осмотръ ихъ.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о количествѣ ежегодно добываемой удиѣэ рыбы: никто еще не дѣлалъ попытки подсчитывать уловъ за весь рыбный сезонъ хотя бы въ одномъ селеніи, а сами жители на вопросъ объ этомъ не говорятъ, да и не могутъ сказать ничего точнаго, потому что не считали. Сказать, что „каждая семья запасаетъ на зиму 1500—3000 рыбъ [2]), едвали значитъ точно опредѣлить цифру дѣйствительно добываемой рыбы.

Что касается правыхъ притоковъ р. Уссури, то тутъ ловля рыбы (кэты) производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ почти исключительно острогою, которою колютъ съ носовой выдающейся части бата.

---

[1]) Подробности и рисунки см. у Маргаритова, стр. 14 и слѣд.

[2]) См. Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

Во время пребыванія на морскомъ берегу ради добычи рыбы, до наступленія времени хода ея и въ промежутки между ходами, удиѣэ занимаются охотою, которая является второю послѣ рыболовства основою ихъ экономическаго быта.

Во всякое время, когда только представится случай, удиѣэ бьетъ нерпу (рѣдко сивуча). Нерпа на всемъ побережьи Татарскаго пролива не составляетъ предмета спеціальной охоты для жителей, а убивается ими, такъ сказать, между дѣломъ. Тѣмъ не менѣе въ обиходѣ жителей нерпа играетъ важную роль, доставляя мясо, жиръ и шкуру. При мнѣ нерпу стрѣляли изъ ружей, весьма распространенныхъ въ настоящее время среди удиѣэ. Большею частью встрѣчается пестрая нерпа темновато-сѣраго цвѣта, рѣже бѣлая или, лучше сказать, блѣдно-желтая. Точно также между дѣломъ часто бьютъ изъ ружей и выдру, водящуюся во всѣхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ океанъ. На этого звѣря, впрочемъ, охотятся и зимою, настораживая на него снаряды и лучки. Въ долинѣ р. Та-Судухэ мнѣ попался охотникъ, который круглый годъ, особенно лѣтомъ, ловилъ выдръ капканомъ, по своему устройству совершенно напоминающимъ обыкновенные капканы на крысъ.

Въ іюнѣ и отчасти іюлѣ мѣсяцахъ удиѣэ сильно охотятся на сохатаго (лося), мясо котораго, подобно мясу кэты, приготовляется на зиму. И лось, подобно нерпѣ, доставляетъ мясо, жиръ („масло“) и матеріалъ для различныхъ подѣлокъ. Лѣтомъ лось появляется на морскомъ побережьи, спасаясь отъ „гнуса“, зимою же онъ перекочевываетъ въ глубь материка, но охота на него продолжается и тамъ. Куда я ни пріѣзжалъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, всюду въ деревняхъ удиѣэ встрѣчалъ сушившееся и коптившееся мясо сохатаго, равно растянутыя на палкахъ кожи. Въ это время охотились на лося, главнымъ образомъ, ради мяса и кожи: шкура лѣтомъ никуда не годится, потому что шерсть линяетъ даже на ногахъ, а въ пахахъ и на головѣ имѣются голыя плѣшины, выѣденныя мошкой, оводомъ и комарами. При мнѣ били лося изъ ружей. Для этого охотникъ на оморочкѣ отправлялся въ извѣстное излюбленное лосемъ мѣсто вечерняго и утренняго водопоя и подкарауливалъ тамъ звѣря. Зимою же, обыкновенно, охотятся на лося съ ружьемъ и на лыжахъ съ копьемъ и собаками. Кромѣ того, зимою по преимуществу настораживаютъ на тропинкахъ къ водопою лука— самострѣлы. Въ южной части территоріи удиѣэ лѣтомъ усиленно охотятся на изюбря, главнымъ образомъ, ради пантовъ, т. е. молодыхъ роговъ. На югѣ лучшими считаются панты пестрыхъ оленей. Бьютъ изюбря двоякимъ образомъ: или, разъѣзжая по рѣкѣ въ оморочкѣ, выслѣживаютъ звѣря, когда онъ подходитъ полакомиться различными водорослями и водяными лиліями, или же бьютъ его по „трубѣ“. Послѣдній способъ охоты практикуется осенью

и основанъ на томъ, что съ сентября мѣсяца изюбрь-самецъ начинаетъ реветь, отыскивая самку. Призывая ревомъ самку на свиданіе, самецъ въ это время очень свирѣпъ и изъ-за обладанія ею идетъ на страшный бой со своимъ соперникомъ. Пользуясь этимъ, удиѣ трубою подражаютъ реву изюбря, который, предполагая увидѣть соперника, идетъ прямо на охотника. Вотъ очень интересное описаніе охоты подобнаго рода.

„Еще засвѣтло пришли охотники къ рѣчкѣ Сядунгоу и стали ждать. Когда стемнѣло, и показалась луна, издали послышался ревъ изюбря; онъ подходилъ все ближе и ближе, и вдругъ въ одной верстѣ отъ стоянки охотниковъ раздался ревъ громаднаго быка. Гольдъ Ильсянъ взялъ свою трубу изъ бересты [1]) и, подражая реву изюбря, проигралъ на ней. Тотчасъ же послышался отвѣтъ изюбря. „Онъ сердится, пойдемъ!“ сказалъ Ильсянъ, и охотники тронулись къ нему навстрѣчу. Отойдя шаговъ 200 отъ табора, остановились на полянѣ за сломленнымъ бурею дубомъ. Поляна, на которой стояли, освѣщалась полной луной... На полянѣ, въ полуверстѣ отъ притаившихся охотниковъ, большой изюбрь-самецъ искалъ свою возлюбленную. У небольшого дерева онъ увидалъ самку, которая еще раньше примѣтила его и поспѣшила принять граціозную позу... Увидѣвъ самку, изюбрь закричалъ во всю свою мощную грудь, на что получилъ въ отвѣтъ слабый крикъ самки, которая приглашала его подойти. Но въ это время Ильсянъ опять проигралъ „арію возлюбленнаго“ на своей трубѣ. Встрепенулся изюбрь и въ ярости готовъ былъ броситься въ чащу, чтобы скорѣе покончить съ воображаемымъ своимъ соперникомъ. Изюбрь сгоралъ отъ ревности и, въ нетерпѣніи, рылъ копытами землю... Послышался опять звукъ трубы; старый быкъ отвѣтилъ ему самымъ грознымъ вызовомъ, но противникъ все не шелъ... Рѣшили подойти къ нему, и, во время подхода, по временамъ, Гольдъ останавливался и игралъ въ трубу. Наконецъ, подошли шаговъ на 80 къ полянѣ... остановились на краю ея за толстой осиной и Ильсянъ заигралъ въ рогъ. Раздался отвѣтный грозный крикъ изюбря, и онъ поскакалъ къ гольдамъ [2]) ..“

По побережью Татарскаго пролива знаютъ цѣну пантамъ лишь тѣ удиѣ, которые живутъ на югъ, начиная отъ р. Кушунгоу. На югѣ, гдѣ много манзовскихъ купцовъ, панты являются предметомъ самымъ интереснымъ и заманчивымъ для обитателя. Нѣтъ сомнѣнія, что охоту за пантами создали манзы. По разсказамъ старожиловъ, глубокихъ стариковъ, до прихода манзъ въ долину р. Та-Судухэ, тамъ было очень много пантовъ, такъ много, что имъ не придавали никакой цѣны и проигрывали въ карты. Когда же пришли сюда манзы, панты повысились въ цѣнѣ, но ихъ стало совсѣмъ мало. Опыт-

[1]) На р. Санденбеѣ я видѣлъ подобную же трубу изъ дерева.
[2]) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. I, Альфтана.

ные охотники говаривали въ шутку, что прежде на одного охотника приходилось двадцать пантачей (звѣрей съ молодыми рогами), а теперь (въ 1896 г.) на одного пантача приходится двадцать охотниковъ. Убылью звѣря, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что очень многіе удиһэ, наскучивъ неудачною охотою за пантами, бросаютъ ее и переходятъ къ другимъ болѣе вѣрнымъ занятіямъ. Добываніе пантовъ является дѣломъ труднымъ не потому только, что звѣрь съ каждымъ годомъ значительно уменьшается, а и потому, что пантачи, спасая отъ комаровъ и мошекъ свои молодые, нѣжные и чувствительные къ уколамъ рога, прячутся въ чащу тайги, и рѣдко выходятъ на открытыя мѣста. Поэтому охотнику приходится бродить по непроходимой тайгѣ, ища случайной встрѣчи съ изюбремъ или оленемъ. Впрочемъ, такъ какъ ночью звѣри приходятъ на солонцы, то ихъ по большей части тамъ и бьютъ охотники.

Особенно цѣнятся молодые рога пестраго оленя (cervus axis), который водится въ южной части территоріи удиһэ. Изюбриные же панты считаются лучшими лишь тогда, когда сняты съ лобовою костью черепа съ изюбря, убитаго въ концѣ іюня. Уменьшеніе звѣря и дороговизна пантовъ побудили нѣкоторыхъ охотниковъ держать изюбрей и оленей въ засадкахъ и ежегодно спиливать панты. Мнѣ нигдѣ не приходилось въ селеніяхъ удиһэ видѣть подобныя засадки, да и никто изъ изслѣдователей быта ихъ не сообщилъ о засадкахъ у нихъ. Весьма возможно, что удиһэ не имѣютъ засадокъ, при своемъ подвижномъ и временномъ хозяйствѣ.

Если рыба (кэта и горбуша) и лось питаютъ и одѣваютъ удиһе, то охота на соболя, главное занятіе ихъ зимою, доставляетъ средства для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ несложныхъ потребностей; соболь—единственное богатство удиһе.

Этотъ драгоцѣнный звѣрь водится по всей территоріи удиһэ и только на югѣ (бассейнъ Сучана, Та-Судухэ) онъ съ каждымъ годомъ попадается рѣже и рѣже, не составляя предмета спеціальной охоты.

Добываютъ соболя различными способами: ловятъ силками, сѣткою, настораживаютъ лукъ, наконецъ охотятся на него съ ружьемъ и собакою. Наиболѣе цѣннымъ считается соболь, имѣющій темный цвѣтъ шкурки; такіе соболи встрѣчаются въ сѣверной части Зауссурійскаго края и при томъ, насколько извѣстно, въ прибрежной полосѣ; по притокамъ же Уссури соболь плохого качества. Весь добываемый удиһэ соболь поступаетъ въ продажу, и никогда не употребляется ими для своихъ нуждъ. Лѣтомъ на р. Ботчи и другихъ я лишь у нѣкоторыхъ видѣлъ по одной, по двѣ шкурки этого дорогого звѣрька, которыя удиһэ носили за пазухой и обращались съ ними, какъ съ ходячей монетой. Такимъ образомъ, весь соболь, добываемый зимою,

поступаетъ на рынокъ и является главнымъ предметомъ торговаго оборота, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь впереди. Зимою же, по пути, добываются и другія животныя: кабарга, мѣточки струи которой продаются повсюду среди удиһэ, козуля, медвѣдь, лисица, барсукъ, хорекъ, бѣлка и кабанъ. Лисицу добываютъ отравою и ловятъ собаками. Ко мнѣ часто обращались удиһэ съ просьбою достать имъ во Владивостокѣ и переслать черезъ пароходъ „Байкалъ“ стрихнина для отравленія лисицъ. Среди лисицъ преобладаютъ красныя. Съ каждымъ годомъ увеличивается добываніе медвѣдя, котораго или бьютъ изъ ружей, или поднимаютъ изъ берлоги на копье (т и g а). Въ южной части Заусурійскаго края охотятся еще на волка и енота. Особенно интересна охота на послѣдняго съ собаками въ долинѣ рр. Имана и Вака. Охота производится ночью, потому что звѣрь этотъ для своихъ прогулокъ выбираетъ обыкновенно это время. Промышленникъ, имѣя одну или нѣсколько собакъ, „привязываетъ имъ на шею небольшіе бубенчики и съ заходомъ солнца выходитъ на охоту. Собака, найдя енотовый слѣдъ, идетъ по слѣду, догоняетъ звѣрька и душитъ его. Осенью еноты бываютъ очень жирны и неуклюжи и потому собака безъ труда догоняетъ ихъ. Звонъ бубенчика указываетъ промышленнику, гдѣ его собака душитъ енота. Промышленникъ отправляется на это мѣсто и подбираетъ звѣрка [1]). Енотъ даетъ шкурки и сало.

Удиһэ охотятся и на птицъ, но рѣже, и это производится скорѣе какъ развлеченіе. Охотятся, главнымъ образомъ, на утокъ, которыхъ насчитывается нѣсколько породъ. Бьютъ изъ ружей-дробовиковъ и почти оставили бить деревянными стрѣлами изъ ручныхъ луковъ. Въ каждой юртѣ, гдѣ есть много маленькихъ дѣтей, вы непремѣнно увидите украшенія и побрякушки на дѣтскихъ поясахъ, сдѣланныя изъ ножныхъ костей и носовъ утокъ. Особенно много утокъ бываетъ по веснѣ, когда однимъ выстрѣломъ легко убиваютъ по 10—15 штукъ. Осенью силками и петлями ловятъ, а изъ ружей бьютъ много рябчиковъ. Въ странѣ удиһэ существуетъ два рода рябчиковъ: обыкновенный сѣрый и такъ называемый „каменный“ рябчикъ, почти чернаго цвѣта. Особенно считается вкуснымъ послѣдній, добыть котораго весьма легко, потому что онъ непугливъ и близко подпускаетъ къ себѣ. При мнѣ разъ убила дѣвушка-удиһэ сѣраго рябчика палкою. Рѣже бьютъ гуся и лебедя. Изъ шкурки послѣдняго, тщательно выдѣланной, шьютъ иногда одежду, чаще же она идетъ на отдѣлку къ ней.

Орудіями при охотѣ служатъ копья, луки, стрѣлы, ружья и всевозможные снаряды. Изъ копій обращаютъ вниманіе тѣ, которыми бьютъ мед-

[1]) Надаровъ: «Сѣверно-Уссурійскій Край», 118—119 стр.

вѣдя. „Копье дѣлается большое съ маленькими поперечниками на ремняхъ, въ 2—3 четвертяхъ отъ передняго конца. Копье прикрѣпляется къ крѣпкому, но легкому и прямому древку въ $2^1/_2$ аршина длины сыромятными ремнями [2]). Луки бываютъ двухъ видовъ—обыкновенный ручной лукъ и „самострѣлъ“. Насколько могу судить по личнымъ наблюденіямъ, стрѣлы, копья и луки съ каждымъ годомъ уступаютъ мѣсто ружьямъ. Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ удиһэ, и я всегда слышалъ отъ нихъ восторженные отзывы о ружьѣ. Едва ли ошибусь, если скажу, что завѣтною мечтою каждаго удиһэ является —скопить денегъ или соболя и пріобрѣсти ружье. Уже теперь на побережьи Татарскаго пролива я не встрѣчалъ юрты, въ которой не имѣлось бы ружья. Только дороговизна заставляетъ удиһэ довольствоваться „дѣдовскимъ оружіемъ“.

Пока имѣются ружья курковыя, заряжающіяся съ дула, рѣдко берданки и больше „винчестера“, особенно на югѣ Зауссурійскаго края. Стрѣляютъ удиһэ удивительно мѣтко, не тратя даромъ пороха. Мой проводникъ Кинцаръ попадалъ пулею въ воробья, билъ изъ двухъ десятковъ созванныхъ куръ намѣченную птицу въ голову. Попавшаяся на глаза удиһэ добыча рѣдко уходитъ въ лѣсъ или воду. Помню разсказъ моего проводника по р. Амгу объ одномъ странномъ случаѣ съ нимъ: ѣхалъ онъ разъ въ оморочкѣ по рѣкѣ, и вотъ въ заливчикѣ, близко отъ него, стоитъ у воды сохатый. Онъ схватилъ винчестеръ, выстрѣлилъ разъ. Сохатый, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, остановился, точно удивляясь, какъ это пуля пролетѣла мимо. Охотникъ выстрѣлилъ вторично, пуля снова пролетѣла мимо, и сохатый скрылся въ чащѣ таежной. Разсказчикъ самъ не могъ понять, какъ онъ промахнулся на такомъ близкомъ разстояніи. Часто мнѣ доводилось слышать желаніе пріобрѣсти берданки. Ружья эти они предпочитаютъ винчестерамъ. Любовное и удивительно аккуратное обращеніе удиһэ съ ружьемъ, даже самымъ плохимъ, ясно показываетъ, насколько ему необходима и цѣнна эта вещь. Онъ часто протираетъ ружье, чиститъ его, хранитъ въ чехлѣ изъ кожи нерпы или изъ барсуковаго или кабаньяго мѣха и вѣшаетъ на самое почетное мѣсто въ юртѣ. Въ виду сказаннаго понятно будетъ, сколько горя причиняло удиһэ заарестованіе ружей на Сучанѣ лѣсною стражею вслѣдствіе того, что эти дикари не понимали сущности закона, запрещавшаго охоту въ тѣ мѣсяцы, когда матки ходятъ беременными или производятъ дѣтенышей.

Снарядовъ и ловушекъ, которыми удиһэ ловятъ звѣрей, много, но по своему виду и устройству они напоминаютъ и совершенно сходны на таковые же

---

[2]) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г., ст. г. Альфтана.

у другихъ инородцевъ Зауссурійскаго края [1]). Само собою разумѣется, что наибольшее количество ловушекъ приходится на долю драгоцѣннаго звѣрка-соболя. Немало ихъ и на оленя, особенно интересна одна, весьма часто практикуемая на югѣ, напримѣръ, въ бассейнѣ р. Та-Судухэ [2]). Ловушка эта по-манзовски называется „лутхауза“ [3]) и состоитъ изъ такъ называемаго „оленьяго башмака“ и веревочной петли. Башмакъ представляетъ четыреугольную деревянную рамку, убитую гвоздями, загнутыми вовнутрь такъ, что образуютъ нѣчто въ родѣ конуса. Эта рамка кладется конусомъ изъ гвоздей въ ямку, выкапываемую на тропѣ, по которой ходятъ олени. На рамку набрасывается сверху веревочная петля съ привязанною на свободномъ концѣ веревки палкою. Олень, идя по тропѣ, попадаетъ ногою въ раму, проваливается, раздвигая гвозди, которые не позволяютъ вынуть ногу обратно. Чувствуя на ногѣ тяжесть, олень старается сбросить башмакъ, рвется и бьетъ ногою и хотя ломаетъ раму, зато затягиваетъ петлю. Уйти далеко послѣ этого онъ не можетъ, палка цѣпляется за кусты и деревья, а кровавый слѣдъ изъ пораненой гвоздями ноги приводитъ охотника къ добычѣ.

Въ качествѣ орудій охоты, для удиһэ имѣютъ большое значеніе лыжи и собаки.

Собака исполняетъ двѣ роли въ быту удиһэ: она возитъ и ловитъ или отыскиваетъ звѣря. Впрочемъ, на территоріи удиһэ, въ сѣверной части, зимою рѣдко употребляютъ собакъ для ѣзды, чаще на нихъ перевозятъ по рѣкамъ товары. Но начиная съ р. Кушунгоу, нѣтъ ѣздовыхъ собакъ, держатъ здѣсь исключительно такъ называемыхъ „звѣровыхъ“, т. е. для охоты назначенныхъ. Если употребляютъ собакъ для ѣзды, то впрягаютъ ихъ ремнями въ легкія и небольшія санки, называемыя нартами. Хорошія ѣздовыя собаки рѣдко встрѣчаются у удиһэ, а если встрѣчаются, то продаются за 100 рублей, каковую сумму едва ли можетъ скопить какой-либо изъ нихъ.

Звѣровыя собаки доступнѣе по цѣнѣ: средняя стоимость ихъ—10 руб., самая низкая цѣна плохой собаки—5 руб.

И звѣровыя и ѣздовыя собаки—одного типа. Онѣ—небольшого роста, пропорціональнаго сложенія, съ небольшой острой мордою, съ характерно торчащими ушами, съ небольшими глазами, съ стройными сильными ногами и маленькими лапами; хвостъ у нихъ длинный, пушистый и крючкомъ загнутый, на груди, брюхѣ и ногахъ шерсть свѣтлѣе, чѣмъ на спинѣ, при

---

[1]) Не желая здѣсь повторять извѣстное о ловушкахъ, отсылаю читателя къ книгѣ г. Маргаритова, гдѣ находятся подробное описаніе и рисунки (стр. 12—13).

[2]) Даю подробное описаніе, потому что въ литературѣ не встрѣчалъ подробныхъ извѣстій.

[3]) Отсутствіе «тазовскаго» названія, вѣроятно, указываетъ на манзовское происхожденіе ловушки.

этомъ шерсть длинная, особенно на шеѣ, и торчащая въ разныя стороны. Такую собаку можно встрѣтить въ каждой юртѣ и фанзѣ. Онѣ очень злы, часто грызутся съ собаками сосѣдей, нападаютъ на прохожаго, и только крикъ хозяина „thà“ унимаетъ ихъ. Нѣкоторые хозяева держатъ днемъ своихъ собакъ на привязи, большинство же—на полной свободѣ, при чемъ собаки, прячась отъ мошки и мухъ, вырываютъ у берега глубокія ямы и скрываются тамъ.

Необходимою принадлежностью каждаго охотника въ зимнюю пору являются лыжи. Онѣ въ длину бываютъ отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ, дѣлаются изъ бархатнаго дуба или ильмоваго дерева и подбиваются изюбриными или козьими голенями, которыя подклеиваются калужьимъ клеемъ. При ходьбѣ на лыжахъ необходимъ посохъ, чтобы спуститься съ горы и управлять движеніями. Посохъ этотъ представляетъ обыкновенно палку отъ 2 до $2^1/_2$ арш. въ длину. Къ одному изъ концовъ палки прикрѣпляется клыкъ отъ сѣкача или какая-нибудь острая кость (иногда желѣзное остріе), а чтобы этотъ конецъ не увязалъ, при упорѣ на него, въ 5 — 6 вершкахъ отъ конца привязывается ремнями колесо съ четверть или болѣе въ діаметрѣ. На другомъ концѣ посоха дѣлается лопаточка, для копанья барсучьихъ норъ.

Около юрты и въ юртѣ удиѣэ нерѣдко встрѣчаются нѣкоторыя дикія животныя, которыя живьемъ достаются ему на охотѣ. На сѣверѣ Зауссурійскаго края мнѣ лично не разъ приходилось видѣть небольшіе срубы для содержанія медвѣжатъ, выращиваемыхъ для особаго, такъ называемаго „медвѣжьяго праздника“. Часто приходилось встрѣчать срубы поменьше, въ которыхъ содержались лисята, продаваемыя потомъ японцамъ либо живьемъ, либо шкуркою. Любители держатъ въ клѣткахъ, а чаще на привязи, ради потѣхи и удовольствія, орловъ и другихъ хищныхъ птицъ. Наконецъ, въ качествѣ пѣвчихъ, попадаются синія сороки и другія мелкія птички.

До сихъ поръ, говоря объ охотѣ, я нигдѣ не называлъ времени и количества добываемаго звѣря. При нѣкоторомъ разнообразіи климатическихъ условій въ сѣверной и южной частяхъ Зауссурійскаго края, время охоты колеблется и опредѣляется различно, учесть же количество добываемаго звѣря на всей территоріи удиѣэ невозможно, потому что добываемаго звѣря никто не считалъ и не считаетъ. Поэтому я рѣшаюсь нѣсколько послѣдующихъ страницъ занять добытыми лично свѣдѣніями о срокахъ охоты и количествѣ добываемаго звѣря, насколько мнѣ удалось собрать ихъ въ разныхъ селеніяхъ.

На р Ботчи соболя ловятъ четыре мѣсяца: ноябрь, декабрь, январь и февраль. Вѣроятно, впрочемъ, что этотъ срокъ слѣдуетъ варьировать такъ: съ половины октября мѣсяца—начало, съ половины февраля—конецъ охоты

на соболя, потому что удиһэ не научились еще точному обозначенію времени мѣсяцами и числами. Количество добываемаго звѣря весьма различно: въ хорошій годъ одинъ охотникъ добываетъ отъ 40 до 50 соболей, въ плохой— 2—3 соболя. Весь добываемый соболь идетъ въ продажу, при чемъ покупщиками являются русскіе и манзы: при мѣновой торговлѣ хорошій соболь идетъ за 5—6 и даже за 8 руб. Выдръ на р. Ботчи—мало; въ хорошій годъ ихъ добывается не болѣе 2 штукъ, которыя продаются исключительно манзамъ за 5—6 рублей одна товаромъ. Медвѣдей бьютъ осенью и зимою въ хорошій годъ на одного охотника выпадетъ 6 медвѣдей, въ неудачный годъ—не болѣе 2-хъ. За шкуру хорошаго, большого и чернаго, медвѣдя товаромъ манзы даютъ 10 руб., за плохую же — 5 руб. Сохатыхъ бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ при удачной охотѣ добывается по 20 штукъ на охотника. Кожу и шкуру продаютъ манзамъ по 3 руб. товаромъ. Нерпъ въ р. Ботчи водится мало: одинъ охотникъ въ годъ добываетъ 10 штукъ. Кожу нерпы покупаютъ манзы по 2 рубли деньгами и товаромъ. На р. Самаргѣ соболя начинаютъ ловить съ октября и прекращаютъ охоту въ мартѣ до схода снѣга. Наибольшій уловъ одного охотника равняется 30—50 соболямъ, наименьшій—10. Соболя покупаютъ гольды и китайцы, платя за хорошаго соболя—8 руб., средняго—5—6 руб. и за худого — 2 — 3 руб. товаромъ. Количество соболя въ данной мѣстности зависитъ отъ урожая кедровыхъ орѣховъ. „Много орѣховъ—много бѣловъ, много бѣловъ—много соболя“, говорили мнѣ на Самаргѣ. Выдръ и здѣсь мало; охотятся на нихъ лѣтомъ и зимою, добывая, при удачѣ, 4—5 штукъ. Гольды и китайцы, при мѣновой торговлѣ на товары, установили цѣну на выдру по 1 рублю за четверть шкурки. Здѣсь хорошая выдра имѣетъ 4—5 четвертей. Медвѣдя бьютъ лѣтомъ и зимою, добывая, при счастливой охотѣ, до 5 медвѣдей на человѣка. Шкура хорошаго медвѣдя оцѣнивается товарами въ 8 — 9 руб., плохого—въ 5 р. Сохатаго бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ наибольшая добыча на охотника исчисляется въ 8—10 штукъ. Шкура или кожа сохатаго, смотря по качеству, продается отъ 1 до 3 руб.

На р. Кушнгоу соболя добываютъ съ ноября по февраль мѣсяцъ (рѣдко по мартъ). На охотника за сезонъ приходится отъ 10 до 20 соболей. Покупателями являются манзы, платя деньгами и товаромъ за хорошаго соболя 6—8 руб., за плохого—4—5 руб. Сохатаго бьютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ удачный годъ приноситъ охотнику 10 штукъ. Кожу продаютъ за 1—2 рубля, а хорошіе панты [1]) доходятъ до 80 — 100 руб. Пантовъ ежегодно добывается не болѣе 2—3. Выдра встрѣчается въ не-

[1]) Здѣсь уже, благодаря сосѣдству манзъ, знаютъ имъ цѣну, и имѣются спеціалисты-охотники на пантачей.

большомъ количествѣ, такъ что на охотника приходится лишь до 5 штукъ; цѣна шкуркѣ отъ 3 до 4 рублей. Козуль тоже мало: ежегодно на охотника приходится 2—3. Медвѣдей въ осень и зиму каждый охотникъ добываетъ 5—6, продавая шкуры манзамъ за деньги или товары; цѣна хорошему медвѣдю—9—10 руб., худому—4—5 руб. Тутъ охотятся и на лисицъ, добывая въ удачный годъ до 10 шкуръ на охотника. Шкурка лисицы оцѣнивается въ 2 руб. Бѣлокъ на охотника приходится въ годъ удачный по 50 штукъ; десятокъ шкурокъ продаютъ за 2 руб. товаромъ. Кабарговую струю при мнѣ покупалъ мой проводникъ на р. Иди за 1 р. 70 к. мѣшечекъ.

На р. Тахомѣ сохатыхъ бьютъ мало—1—2 штуки: соболя въ удачный годъ добываютъ по 50 штукъ на охотника; выдръ по 10 штукъ; медвѣдей—то же количество; бѣлокъ по 3—4; козуль по 10. Продаютъ: шкурку сохатаго за 2 руб.; хорошаго соболя—за 6—7 руб.; хорошую выдру — за 5 руб., плохую —за 2—3 руб., медвѣдя хорошаго—за 12 руб., плохого—до рубля, шкурку бѣлки по 1 коп., козули — по 3 коп. Хорошіе панты (рога пятнистаго оленя) стоятъ 200 руб., а плохіе доходятъ до 10 руб. Перечисленныя мною разспросныя свѣдѣнія, кажется, даютъ возможность заключить, что охота должна давать сильную поддержку хозяйству удиһэ, особенно предполагая, что количество добываемаго звѣря показывалось менѣе дѣйствительнаго [1]); если же на самомъ дѣлѣ она не приноситъ охотнику возможныхъ выгодъ, то причиною являются нѣкоторыя ненормальныя явленія быта, о чемъ подробно будетъ сказано ниже.

Почти тождественное значеніе въ экономическомъ быту удиһэ съ „пантами“ имѣетъ женьшеневый промыселъ. Съ женьшенемъ познакомили удиһэ манзы, приписывающіе этому растенію способность „поправить человѣка, возвратить ему силу и свѣжесть молодости, сдѣлать кожу красноватой, какъ у молодой дѣвушки“ [2]). Этотъ корень растетъ по скатамъ горъ въ тѣнистомъ лѣсу. Онъ бѣлаго цвѣта длиною въ 2—3 дюйма, со многими тонкими отростками въ видѣ бѣлыхъ нитокъ; толщина корня въ среднемъ около $^1/_3$—$^1/_2$ дюйма, но встрѣчаются и болѣе толстые. Поверхъ земли этотъ корень выпускаетъ стебель, длиною фута въ $1^1/_2$, толщиною 1,5 линіи. Отъ стебля, на разстояніи 6—8 дюймовъ отъ земли, отходятъ 4 листа, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 5 отдѣльныхъ, расположенныхъ вѣерообразно листковъ; въ срединѣ находится самый большой листокъ, достигающій до 5 дю-

[1]) Допускаю такую возможность особенно съ рѣки Кушункоу на югѣ, потому что манзы никогда не показываютъ въ истинномъ видѣ своихъ доходовъ, боясь, что за показанное придется платить въ русскую казну пошлину.

[2]) Падаровъ, Сѣв.-Уссур. край, 115 стр.

мовъ въ длину и до 2-хъ въ ширину; слѣдующіе листки съ боку немного меньше, а крайніе еще незначительнѣе, величиною до одного дюйма; каждый листокъ овальной формы, съ острымъ концомъ; края листковъ мелкозубчатые. Стебель оканчивается пучкомъ красно-яркихъ ягодъ, числомъ до 10; но эти ягоды появляются и пріобрѣтаютъ красный цвѣтъ только позднимъ лѣтомъ. Искатели женьшеня удиѣэ раздѣляются на два класса: одни ищутъ корень по собственной волѣ, для собственнаго прибытка, чтобы сразу разбогатѣть, другіе ищутъ поневолѣ, по порученію своихъ хозяевъ—манзъ. И тѣ и другіе отправляются искать женьшень съ іюля по сентябрь мѣсяцъ. Должники-удиѣэ-т. е. искатели поневолѣ, отправляются за корнемъ артелью, получая продовольствіе отъ своего кредитора-китайца. Снаряжаются въ походъ такъ: „надѣваютъ короткую куртку, наколѣнники изъ толстой ткани поверхъ штановъ, улы; голени обертываютъ длинной лентой изъ дабы или кожей; для предохраненія отъ сырости и для сохраненія одежды у каждаго имѣется холщевой промасленный передникъ. Кромѣ того, берется сумочка съ огнивомъ и трутомъ, костяная палочка или деревянныя вилочки для выкапыванія корня, ножъ и длинный посохъ". Впереди идетъ опытный и зоркій искатель. Идутъ всѣ въ линію, иногда въ двѣ, идутъ тихо, раздвигая траву посохами. Когда корень найденъ, то опытный искатель осторожно, чтобы не повредить самыхъ тонкихъ отпрысковъ, выкапываетъ его. Выкопанный корень обкладываютъ мохомъ, укладываютъ въ коробку и обсыпаютъ землею, которую изрѣдка поливаютъ водою. Все добытое за полтора-два мѣсяца отдаютъ своему хозяину-китайцу, который продаетъ на ископномъ женьшеневомъ рынкѣ въ китайскомъ селеніи Има-Хоузѣ, противъ Графскаго поселка. Цѣна женьшеня зависитъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и достоинства корня. Молодой корень, съ тремя листьями, считается хорошимъ, и за фунтъ его даютъ отъ 85 до 150 руб. Если стебель женьшеня имѣетъ 4 листа, то корень его считается лучше и цѣнится отъ 200 до 600 руб. за фунтъ. Когда на стеблѣ 5 листьевъ, то корень считается очень дорогимъ, и его продаютъ не фунтами, а штуками и по высокой цѣнѣ. Еще дороже цѣнится корень женьшеня, на стеблѣ котораго 6 листьевъ. Такъ, передаютъ, что въ 1879 г. одинъ удиѣэ нашелъ по р. Ваку женьшеневый корень около 1 вершка въ діаметрѣ и отъ 6 до 7 вершковъ длиною, за который получилъ 1500 металлическихъ рублей.

Кромѣ достоинства корня, на оцѣнку его сильно вліяетъ количество добытаго въ данномъ году женьшеня и число покупателей [1]). Но женьше-

[1]) См. Надарова Сѣв.-Уссур. край, 114 и слѣд.; Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.; Приамурскія Вѣдомости №№ 205 и 209.

невый промыселъ ненадеженъ: можно исходить цѣлое лѣто и ничего не найти; тутъ нужно особое счастье, или „фартъ“, какъ говорили мнѣ удиһэ р. Та-Судухэ. Приготовленіемъ женьшеня, равно разведеніемъ искусственнаго корня, болѣе дешеваго, удиһэ не занимаются, предоставляя эти занятія китайцамъ, какъ хорошимъ и опытнымъ знатокамъ, поэтому я и не буду говорить объ этомъ [1]).

Истребленіе лѣсовъ пожарами и уменьшеніе изъ года въ годъ звѣря, случайность нахожденія женьшеня, не всегда удачный ловъ рыбы, побуждаютъ удиһэ, особенно тамъ, гдѣ онъ соприкасается съ манзами, ввести новый факторъ въ свое экономическое существованіе. Я говорю о земледѣліи.

Вдоль побережья Татарскаго пролива легко можно прослѣдить тѣ первоначальныя фазы, которыя переживаетъ земледѣліе: сперва оно имѣетъ видъ огородовъ, на которыхъ воздѣлывается картофель. Съ р. Нельмы и далѣе на югъ, при опросѣ жителей о занятіяхъ, всюду называли, кромѣ рыболовства и охоты, и огородничество. На р. Ботчи не знаютъ еще этой отрасли хозяйства, но не разъ высказывали желаніе научиться садить картофель, который, какъ пищевой продуктъ, имъ очень нравится. Тѣхъ удиһэ, которые умѣютъ садить картофель, научили этой отрасли хозяйства манзы. Садятъ пока мало: самое большее $^1/_2$—1 десятину. На р. Самаргѣ въ огородахъ, кромѣ картофеля, начинаютъ воздѣлывать немного буды, тоже по примѣру китайцевъ. На слѣдующихъ къ югу рѣкахъ огороды постепенно увеличиваются въ размѣрахъ (до $1^1/_2$—2 десятинъ) и переходятъ уже въ пашни, гдѣ, кромѣ картофеля и буды, встрѣчаются пшеница, ячмень и макъ. На рр. Кущугоу и Санденбея путникъ уже встрѣчаетъ огромныя поля подъ будою, пшеницею, кукурузою и макомъ. Послѣдній, по мѣрѣ движенія на югъ, получаетъ все большее распространеніе и воздѣлывается исключительно для добыванія опіума. За заливомъ св. Ольги, къ югу, земледѣліе является для нѣкоторыхъ удиһэ исключительнымъ и главнымъ занятіемъ, хотя необходимость имѣть земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, помѣщеніе для храненія зерна еще не сознается многими изъ удиһэ, какъ условіе, безъ котораго нѣтъ прочнаго земледѣльческаго хозяйства. За все время пребыванія своего среди удиһэ, и на Сучанѣ и на побережьи Татарскаго пролива, я нигдѣ не встрѣтилъ такого хорошаго (относительно) земледѣльческаго инвентаря, какой всюду имѣется у манзъ. Не видя въ дворахъ удиһэ ни плуга, ни быка, ни лошади, я съ удивленіемъ спрашивалъ, какимъ образомъ они обрабатываютъ подчасъ довольно обширныя поля. Отвѣтъ получался всегда одинъ и тотъ же: „манзы даромъ даютъ“. Впрочемъ, по словамъ ольгинскаго пристава г. Шкур-

[1]) Желающихъ прочитать объ этомъ отсылаю къ книгамъ гг. Маака, Аляѣьева и др.

кина, удиһэ, живущіе близъ залива св. Ольги, нѣкогда, не такъ давно, имѣли большой сельскохозяйственный инвентарь и скотъ, но манзы съумѣли все прибрать къ своимъ рукамъ.

Вообще дикарю-удиһэ, привыкшему къ бродячему или кочевому образу жизни, трудно сразу подавить сильно укоренившіяся привычки и перейти къ вполнѣ осѣдлой жизни. Можно положительно сказать, что количество годовъ осѣдлой жизни любого изъ удиһэ на побережьи Татарскаго пролива измѣряется семью-восемью годами.

Единственно безпечностью удиһэ и его наклонностью къ бездѣйствію можно объяснить то обстоятельство, что посѣяннаго не хватаетъ на годовое потребленіе. Когда я, бесѣдуя съ жителями долины Та-Судухэ, указывалъ на необходимость большей запашки, то получалъ въ отвѣтъ одно: „не хватитъ, у манзы взаймы возьмемъ“. Столь же ничтожно земледѣліе и у тѣхъ удиһэ, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. Г. Надаровъ въ восьмидесятыхъ годахъ насчиталъ всего 6 десятинъ пахатной земли. Съ того времени, впрочемъ, судя по результатамъ изслѣдованій охотничьихъ командъ, земледѣліе сдѣлало значительный шагъ впередъ, но въ очень многихъ случаяхъ оно носитъ характеръ огорода и только изрѣдка переходитъ въ пашню. На огородахъ и здѣсь встрѣчаемъ излюбленные китайцами овощи: картофель, кукурузу, бобы, лукъ, чеснокъ, тыкву, огурцы и арбузы; на пашняхъ—чумизу, ячмень, гаолянъ и табакъ [1]).

Если охота и рыболовство позволяютъ и отчасти заставляютъ удиһэ вести кочевой и бродячій образъ жизни, то земледѣліе неизбѣжно приводитъ ихъ къ осѣдлости, полагая первыя начала культуры и перемѣняя бытовую обстановку. Не сомнѣваюсь, что рано или поздно большая часть территоріи удиһэ должна будетъ отойти подъ пашни; что аборигены ея должны будутъ перейти къ земледѣлію и его поставить краеугольнымъ камнемъ своего благосостоянія. Весьма желательно, чтобы этотъ тяжелый переломъ въ экономической жизни удиһэ, при содѣйствіи русскихъ, совершился скорѣе и возможно легче, потому что на югѣ онъ совершается, при содѣйствіи китайцевъ, слишкомъ тяжело и разорительно.

Трудно сказать, что побуждаетъ удиһэ къ такимъ промысламъ, какъ трепанголовство и капустоловство. Оба эти промысла только что начинаютъ проникать въ жизнь удиһэ, особенно на югѣ, по побережью Великаго океана. Мною встрѣчено здѣсь только три самостоятельныхъ капустолова (въ бухтѣ Находкѣ и на р. Санденбея), но много тазъ занимается ловлею морской капусты въ качествѣ работниковъ у манзъ. Трепанголововъ очень мало: мнѣ извѣстны только два.

[1]) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

Нѣкоторымъ намекомъ на мотивы, побуждающимъ тазъ приниматься за упомянутые промыслы, можетъ служить слѣдующая бесѣда, которую я велъ съ женщиною удиһэ на р. Та-Судухэ. Ея мужъ лѣтомъ 1896 г. впервые ушелъ на ловлю трепанговъ, занимаясь дотолѣ хлѣбопашествомъ. На мое замѣчаніе о случайности этой добычи и о большей надежности расширенія пашни, она отвѣтила: „мы пробуемъ, что выгоднѣе—пашню пахать или трепанговъ ловить“. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что она хотѣла мнѣ сказать: „мы пробуемъ, что легче и прибыльнѣе — землю пахать или трепанговъ ловить“. Долженъ замѣтить, что оба трепанголова, видѣнные мною, равно какъ и капустоловы относились къ числу „захудалыхъ“ удиһэ или бездомныхъ бобылей; при этомъ, какъ они сами разсказали мнѣ, трепанголовство и капустоловство соблазнило ихъ надеждою на большіе барыши, о чемъ они узнали изъ разсказовъ манзъ. Въ виду сказаннаго осмѣлюсь выразить боязнь, что трепанголовство и капустоловство являются въ рукахъ манзъ-культуртрегеровъ лишь средствами окончательно сбить съ выгодной экономической позиціи удиһэ и привести его къ нищетѣ [1]).

Мое опасеніе находитъ себѣ маленькое основаніе и въ томъ, что трепанголовство и капустоловство, для одиночнаго веденія ихъ, не требуютъ большихъ средствъ, что ясно при ближайшемъ ознакомленіи съ этими промыслами.

Морская капуста (laminaria sacchalina или iapanica) представляетъ водоросль съ лапчатымъ или мочковатымъ корнемъ, прикрѣпляющимся къ камнямъ и скаламъ. Въ свѣжемъ видѣ листъ капусты имѣетъ зеленобурый цвѣтъ. Эта водоросль встрѣчается по всему побережью Японскаго моря. Наиболѣе цѣнною считается морская капуста, листья которой имѣютъ одинаковую толщину по серединѣ и по краямъ, возможно большую длину и высушены такъ, что сохраняютъ свой зеленый цвѣтъ. У нашихъ береговъ промыселъ начинается въ концѣ марта и продолжается до сентября мѣсяца. При ловлѣ капусты употребляются, во-1хъ, лодки, въ три сажени длиною съ кормою и носомъ отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ шириною; онѣ плоскодонны и имѣютъ вышину по борту въ 1 аршинъ. Во-2-хъ, кромѣ лодки, требуется шестъ, имѣющій въ длину 10 и не болѣе 28 футовъ. На одномъ концѣ его укрѣпленa рукоятка, на другомъ врѣзаны четыре желоба, въ которые вкладываются и прикрѣпляются 4 палочки, до 5 четвертей длиною. Эти палочки на половину выдаются впередъ шеста, и, такимъ образомъ, получаются вилы, съ зубьями, расположенными по окружности круга. Иногда эти палочки дѣлаются желѣзныя. Капустоловъ въ тихую погоду выѣзжаетъ

[1]) По сообщенію г-жи Васильевой, около зал. св. Ольги капустоловство стало г л а в н ы м ъ занятіемъ тазъ (См. Извѣстія И. Р. Г. Об. 1872 г., т. VIII, № 2, 65 стр.).

на лодкѣ не далѣе полуверсты отъ берега и, опуская вилы въ воду и наматывая на нихъ листья морской капусты, вытягиваетъ растеніе въ лодку Наловленную капусту просушиваютъ, сортируютъ и связываютъ въ пучки [1]) (до 1 пуда 33 ф.). Въ наиболѣе удачный для ловли капусты годъ одинъ капустоловъ можетъ получить рублей 30—40 чистаго заработка, проживъ на морскомъ берегу съ марта до сентября или половины октября мѣсяца. Такимъ образомъ, при одиночномъ добываніи, промыселъ этотъ нельзя считать особенно прибыльнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторые годы, какъ напримѣръ въ 1896 г., на моихъ глазахъ разсвирѣпѣвшій подъ вліяніемъ тайфуна океанъ обратно взялъ отданное въ теченіе пяти мѣсяцевъ капустное богатство, какъ бы за проценты взломавъ снасти и разбивъ лодки. Многіе манзы, а съ ними и одинъ удиһэ остались тогда безъ хлѣба, чулицы и табаку.

Что касается трепанголовства, то и оно не сулитъ богатыхъ барышей удиһэ.

Трепангъ представляетъ одинъ изъ видовъ голотурій (holothuria edull.) и похожъ на червя. Покровы его тѣла кожистаго характера; щупальцы вокругъ рта пластинчатыя, способныя втягиваться внутрь тѣла. Брюшная сторона трепанга снабжена многочисленными амбулякральными ножками, разсѣянными весьма неправильно, а на спинѣ и по бокамъ замѣчается пять рядовъ кожистыхъ отростковъ, расположенныхъ по оси тѣла.

Удиһэ ловятъ трепанговъ двумя способами, заимствованными у манзъ,— колютъ и неводятъ. При первомъ способѣ орудіями ловли являются лодка и особый снарядъ, состоящій изъ длиннаго (отъ 2 до $3^1/_2$ саж.) тщательно выстроганнаго шеста, толщиною отъ $2^1/_2$ до 3 сантиметровъ. Нижняя часть шеста, всегда приставная, оканчивается деревяннымъ цилиндромъ, до 5 сантим. въ діаметрѣ и до 12 сант. длиною. Въ этомъ цилиндрѣ, съ внѣшней стороны, продолблены четыре желобка. Въ эти желобки вставлены металлическій иглы, выходящія до 7 сантим. наружу и имѣющія на концахъ крючки, на подобіе остроги. Орудіе это примитивное и дешевое, такъ какъ стоимость его не превышаетъ 1 р. 50 к. Ловлю посредствомъ такого орудія производитъ одинъ человѣкъ, лежа въ лодкѣ [2]) и бросая шестъ въ намѣченныхъ трепанговъ. Само собою разумѣется, что ловить трепанговъ шестомъ возможно лишь при тихой погодѣ, когда хорошо видно морское дно, и при незначительной глубинѣ (не болѣе $2^1/_2$ саж.). Обыкновенно ловля шестомъ происходитъ въ концѣ марта, въ апрѣлѣ и въ концѣ сентября.

---

[1]) Подробности см. въ ст. Семенова «Промыселъ морской капусты въ Японскомъ морѣ». Владивостокъ, 1885 г., и въ Запискахъ Общ. Изд. Амур. края т. VI. вып. I, стр. 62 и слѣд.

[2]) Въ бухтѣ Находкѣ я видѣлъ нѣсколько лодокъ-трепанголовокъ: онѣ — небольшихъ размѣровъ, и борты ихъ выдаются надъ поверхностью моря не болѣе какъ на полъ-аршина.

При второмъ способѣ добычи трепанговъ орудіемъ служитъ китайская драга, состоящая изъ желѣзной рамы, толщиною въ 1 сантим., снабженной сѣткою. На одной изъ длинныхъ сторонъ рамы, вмѣсто желѣзной связи, протягивается ремень, на которомъ помѣщаются чугунныя подрѣзалы. Эти подрѣзала имѣютъ форму сплошной подковы, снабженной ушками, сквозь которыя проходитъ связывающій раму ремень. Стоимость драги не превышаетъ 6 руб., а ловля ею требуетъ двухъ человѣкъ: одинъ управляетъ лодкою, другой волочитъ заброшенную драгу по дну моря съ помощью веревки до 10 саж. длиною. Такимъ способомъ ловятъ съ конца марта по іюнь и со второй половины сентября до первыхъ чиселъ октября [1]). Трепанговый промыселъ точно такъ же нельзя считать особенно прибыльной статьей въ хозяйствѣ удиһэ, особенно при одиночной ловлѣ. Если одинъ ловецъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ поймаетъ 100 фунтовъ трепанговъ [2]) (хорошій уловъ), то, считая за фунтъ 55 коп., получимъ доходъ въ 55 руб., половину каковой суммы онъ успѣетъ проѣсть за время ловли. Но вѣдь часто цѣна приготовленнымъ трепангамъ падаетъ на рынкѣ до 35 коп. за фунтъ, тогда ничтожность заработка для всякаго очевидна. Въ виду сказаннаго легко понять, почему удиһэ занимаются трепанголовствомъ, такъ сказать, между дѣломъ.

Если территорію удиһэ нельзя считать страною съ богатою природою, щедро надѣляющею своихъ обитателей земными благами, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что она, за исключеніемъ сѣверной части, въ состояніи прокормить населеніе, вдвое-втрое многочисленнѣйшее нынѣшняго. Присоединивъ сюда незначительность потребностей удиһэ и простоту ихъ полудикой жизни, легко прійти къ заключенію, что аборигены страны должны жить въ довольствѣ и даже богатствѣ. Къ тому же, на первыхъ порахъ, наблюдателя жизни удиһэ поражаетъ пренебреженіе или (вѣрнѣе) бросаніе денегъ, проявляемое ими. „Что дорожить деньгами? Деньги у таза-охотника всегда есть! Будетъ соболь, будетъ выдра—деньги у таза будутъ“— такъ говорилъ, подвыпивъ, мой переводчикъ, котораго я уговаривалъ не платить за бутылку отвратительной японской водки (саки) рубль. Но такъ можетъ показаться лишь съ перваго взгляда. Ближайшее ознакомленіе съ бытомъ удиһэ приводитъ къ заключенію, что ни о какомъ богатствѣ и благосостояніи въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Во всей бытовой обстановкѣ удиһэ нѣтъ ни малѣйшаго намека на богатство или зажиточность. Если васъ, при входѣ въ жилище удиһэ, поразитъ относительное довольство обитателей, нарядность одежды женщинъ, сравнительно богатая домашняя обстановка, то не спѣшите заключать о состоятельности и исправности хозяйства. Вотъ вамъ примѣръ. Въ деревнѣ на р. Такхомѣ я встрѣтилъ един-

[1]) Подробности см. въ ст. г. Масленникова въ IV томѣ Зап. Зап. Общ. Изуч. Амур. Край, а также въ VI т. тѣхъ же записокъ.

[2]) Считаю приготовленныхъ.

ственную богато обставленную фанзу у удиhэ. По внѣшнему виду ее никакъ нельзя было отличить отъ богатой усадьбы китайца. Близъ двора, на прекрасной равнинѣ, пасся рогатый скотъ, въ количествѣ 15 головъ, много куръ бродило по двору, до десятка свиней лежало въ хлѣвахъ, двѣ или три лошади стояли подъ навѣсомъ; жена и дѣти нарядно одѣты и причесаны. Признаюсь, что послѣ примелькавшихся картинъ бѣдноты и нищеты удиhэ мнѣ весьма пріятно было встрѣтить среди нихъ такое довольство. Но—увы!—разспросы показали, что богатство и довольство настоящей семьи—чистѣйшій миражъ; все видѣнное мною имущество всецѣло принадлежало находившемуся здѣсь манзѣ. На мои вопросы, кого записать хозяиномъ, манза называлъ себя, а удиhэ себя. Оказалось, что лѣтъ десять назадъ на этомъ дворѣ жилъ удиhэ съ семьей. У него была фанза, быки и лошадь. Жилъ онъ хорошо (слово—которымъ удиhэ выражаютъ довольство своею матеріальною обстановкою). Къ этому удиhэ присталъ, въ качествѣ работника, видѣнный мною манза. Послѣдній работалъ сперва за харчи и вдобавокъ получалъ плату чулицою. Замѣтивъ расположеніе хозяина къ лѣни и безпечность его, услужливый манза предложилъ хозяину такія условія: пусть хозяинъ передастъ все свое хозяйство ему, работнику, который будетъ давать хозяину половину урожая. Скотъ принадлежитъ хозяину, а приплодъ — работнику. Когда прежняя фанза пришла въ ветхость, работникъ предложилъ хозяину, что выстроитъ новую, болѣе обширную. „Все равно, что твое будетъ!“ утѣшилъ хитрый манза добродушнаго и простоватаго хозяина-лѣнтяя. Между тѣмъ проходили годы; семья у хозяина увеличивалась, дѣти подростали, потребности увеличивались. Хозяинъ, пользуясь услугами китайца, совершенно забросилъ хозяйство и окончательно облѣнился. За десять лѣтъ скотъ хозяина сталъ негоднымъ къ работѣ, а приплодъ работника былъ въ силѣ. Старая фанзушка хозяина исчезла, замѣнившись большою новою фанзою, которую соорудилъ и считалъ своею собственностью манза. Когда отъ хозяйства удиhэ остались однѣ жалкія руины, китаецъ нашелъ невыгоднымъ соблюдать нѣкоторыя изъ прежнихъ условій, напримѣръ, онъ призналъ невозможнымъ давать хозяину половину своего дохода и орочъ-удиhэ помирился на трети дохода. Недостающее для содержанія семьи бралъ у манзы-работника въ долгъ, въ счетъ выкупа усадьбы. Когда я посѣтилъ эту фанзу, то поведеніе манзы ясно показывало, что онъ считаетъ усадьбу выкупленною, почему и назвалъ себя хозяиномъ. Нетрудно предсказать—или вѣрнѣе—досказать печальный конецъ этой вѣчно одной и той же исторіи хозяйства орочона-удиhэ; хозяинъ проѣстъ жену и дѣтей, затѣмъ навсегда закабалитъ себя манзѣ-работнику, который очень скоро приметъ видъ богатаго хозяина и заставитъ удиhэ работать на себя, не разгибая спины. Впрочемъ, можетъ

легко статься и то, что орочонъ не дотянетъ до такого печальнаго конца: онъ можетъ прежде времени умереть отъ усиленнаго куренія опіума, къ которому обыкновенно пріучаютъ манзы такихъ неудачниковъ.

Въ другихъ посѣщенныхъ мною мѣстахъ я нигдѣ не видѣлъ вполнѣ зажаточныхъ орочонъ-удиһэ. Особенно меня поразила нищета аборигеновъ страны въ бассейнѣ р. Та-Судухэ, о чемъ я говорилъ уже въ печати [1]).

На основаніи близкаго личнаго знакомства съ бытомъ удиһэ и разныхъ печатныхъ источниковъ осмѣливаюсь утверждать, что основною нормою хозяйства ороча-удиһэ слѣдуетъ считать незадолженность манзѣ или какому-нибудь другому кредитору. Такихъ чистыхъ отъ долговъ хозяйствъ среди орочей-удиһэ въ настоящее время насчитаешь очень мало.

Точно такъ же рисуютъ картину экономическаго уклада жизни орочей-удиһэ и мои предшественники. Такъ, г. Надаровъ (Сѣвер.-Уссур. край, 114 стр.) пишетъ: „При изученіи на мѣстѣ экономическаго состоянія инородческаго населенія Сѣверно-Уссурійскаго края, прежде всего бросается въ глаза рѣзкое раздѣленіе всѣхъ инородцевъ на два элемента—эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ... Экономическое состояніе второго элемента (т. е. орочонъ) крайне печальное... Орочоны... мало того, что состоятъ въ неоплатномъ долгу у китайцевъ, они еще находятся почти что въ крѣпостномъ состояніи у послѣднихъ... Я готовъ даже сказать, что орочоны состоятъ въ рабствѣ у китайцевъ. Китаецъ считаетъ себя въ правѣ во всякое время безъ суда учинить расправу надъ орочономъ и отобрать у него все имущество, не исключая оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Еще не такъ давно то время, когда тѣ же китайцы позволяли себѣ отбирать женъ и дѣтей и продавать ихъ другимъ орочонамъ или китайцамъ“...

Чтобы читатели не подумали, что экономическое господство китайцевъ надъ орочонами прекратилось въ послѣдующее время, благодаря воздѣйствію русскихъ, приведу слова г. Альфтана (Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.), позднѣйшаго изслѣдователя быта интересующихъ насъ инородцевъ. „Экономическое состояніе орочонъ“,—пишетъ онъ,—„въ большинствѣ случаевъ крайне печально. Всѣ орочоны раздѣлены между нѣсколькими китайцами-хозяевами. Они ихъ кормятъ, одѣваютъ, но за то берутъ все, что орочоны добываютъ на промыслахъ, пользуются ими, какъ своими рабочими и безстыдно эксплоатируютъ ихъ. Вотъ почему нельзя не видѣть слишкомъ благодушную идеализацію въ слѣдующихъ словахъ г-жи Васильевой, которая

[1]) См. газету «Сибирь», 1897 г., № 35, фельетонъ, подъ заглавіемъ «Угасающее племя.» Статья эта представляетъ собою заключительную часть моего доклада въ Общ. изученія Амур. края 20 ноября 1896 г. (См. Отчетъ Об—ва за тотъ же годъ).

такъ говоритъ объ экономическихъ отношеніяхъ манзъ и орочонъ-удиһэ: „Сближеніе между манзами и тазами самое тѣсное; они нуждаются другъ въ другѣ: манзъ снабжаетъ таза различными товарами и жизненными припасами тазъ же хорошій охотникъ и снабжаетъ манза плодами своей охоты; самая же главная причина сближенія—холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ“ (Извѣстія Русск. Геогр. Общ. 1872 г., т. VIII, № 2-й, стр. 70). Тутъ сказано все, но слишкомъ обще: авторъ не потрудился изслѣдовать, кто остается въ барышахъ отъ мѣны продуктами, и при какихъ условіяхъ совершаются браки китайцевъ съ орочонками. Если бы основательно изслѣдовать указанные вопросы, то экономическая неурядица въ жизни тазовъ стала бы очевидна.

Все благосостояніе удиһэ находится въ зависимости отъ случая, поэтому-то и нельзя ожидать особенно веселой картины экономической жизни ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, главными основами экономическаго быта удиһэ являются, какъ было сказано выше, рыболовство и охота, занятія всегда подверженныя большой случайности. Недаромъ сами удиһэ различаютъ удачные и неудачные годы. Правда, рыболовство, по крайней мѣрѣ, на побережьи Великаго океана, рѣдко не удается жителямъ; но и оно иногда подвергается неудачѣ, въ концѣ подрывающей и безъ того слабый бюджетъ удиһэ. Такъ, въ 1896 г., вслѣдствіе большой воды, пригнанной къ берегу ужаснымъ тайфуномъ, въ рѣки плохо шла рыба, главное питаніе орочонъ на сѣверѣ, отчасти и югѣ Зауссурійскаго края.

О случайностяхъ охоты, особенно съ уменьшеніемъ, вслѣдствіе лѣсныхъ паловъ, звѣря, говорить не приходится, потому что объ этомъ ежегодно свидѣтельствуется мѣстною прессою и отчетами администраціи. Перекочевка соболя, главной драгоцѣнности края, рѣдкость пантовъ и женьшеня—все это важные факторы, доводящіе хозяйство орочей-удиһэ до трагической подчасъ крайности. Отсюда вытекаетъ необходимость для орочонъ-удиһэ кредита, притомъ возможно дешеваго кредита, въ видѣ ли казенныхъ складовъ или чего-либо другого.

Но отбросимъ случайности, подрывающія благосостояніе удиһэ. Путь воды всегда обильны рыбою, дебри—звѣремъ. Даетъ ли орочу-удиһэ удачная охота и удачный ловъ рыбы все то, что необходимо ему и семьѣ на годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любая семья удиһэ, при несложности своихъ потребностей и при отсутствіи платежей [1]), легко могла бы даже не совсѣмъ удачною охотою добыть потребное для нея количество денегъ. Но, при отсутствіи въ настоящее время правильной торговли въ странѣ орочей-удиһэ, послѣдніе по-

[1]) Живущіе въ предѣлахъ Китая орочоны-удиһэ платятъ ясакъ по соболю или по два равно обязаны являться разъ или два раза въ годъ на ученье.

купаютъ очень дорого необходимые товары, а добычу свою, пушнину, продаютъ очень дешево, слѣдствіемъ чего является то, что охота не даетъ всего необходимаго имъ. Недостающее дается услужливыми купцами въ долгъ. Такимъ образомъ и здѣсь приходится сдѣлать тотъ же выводъ, что сдѣланъ раньше: удиһэ необходимъ кредитъ.

Тутъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе о торговлѣ въ странѣ удиһэ.

Торговля эта мѣновая и состоитъ въ развозѣ товаровъ купцами. Вся она находится въ рукахъ китайцевъ, немногихъ гольдовъ, а изъ русскихъ весьма рѣдко заглядываетъ довѣренный купца Берсенева, главныя торговыя операціи котораго сосредоточены въ землѣ родичей удиһэ, орочонъ Императорской гавани, р.р. Тумни и Копии [2]). Предметами торговли являются: жизненные продукты, даба, ситцы яркихъ цвѣтовъ, преимущественно синяго, желтаго и краснаго, бязь, дрель, бумажные и шерстяные платки, порохъ, свинецъ, подпилки, топоры, котлы, разныя желѣзныя и мѣдныя издѣлія, кольца, серьги, браслеты, раковины, бусы, нитки, иголки, шелкъ для вышиванья, одѣяла, улы, цвѣтная тесьма, ленты, спички, оружіе, патроны, чашки, китайскія трубки съ длинными чубуками и каменными мундштуками, мѣдные тазы, трубки для куренія опіума и другія принадлежности, къ опіекуренію относящіяся, мѣткузы, толстыя сукна и т. п.

Въ обмѣнъ дается исключительно пушнина, которая и является главною цѣлью торговцевъ, особенно китайцевъ и русскихъ; кромѣ того, принимаются панты и женьшень. Весьма часто торговцы платятъ за пушнину и деньгами, хотя слѣдуетъ замѣтить, что орочи-удиһэ не придаютъ „презрѣнному металлу“ той цѣны, какую онъ имѣетъ среди цивилизованныхъ народовъ: тамъ главное—продукты и товары.

Купцы съ товарами появляются изъ гг. Хабаровска и Владивостока, главнымъ образомъ, зимою, когда станутъ рѣки и товары удобно перевозить по льду на собакахъ, и когда у орочонъ всегда имѣется пушнина. Лѣтомъ по всему побережью Великаго океана случайными торговцами являются японцы, арендующіе у русской казны участки для рыбной ловли и промѣнивающіе на пушнину, рыбу, кабарговую струю и рога изюбря или продающіе за деньги рисъ, японскую водку (саки), табакъ и тростниковый сахаръ.

Очень рѣдко (мнѣ извѣстенъ только одинъ случай) торговлею занимаются сами удиһэ; мнѣ, напримѣръ, извѣстно, что на р. Самаргѣ торговлю велъ нынѣ покойный старшина Индинý.

При полномъ незнакомствѣ удиһэ съ цѣнами на товары и необходи-

---

[2]) См. ст. Леонтовича: «Природа и населеніе бассейна р. Тумни, журн. Землевѣдѣніе» т. IV, 1897 г., стр. 37. Маргаритовъ, Орочи Импер. гавани.

мости брать товары въ долгъ, хозяиномъ и безконтрольнымъ оцѣнщикомъ является торговецъ. Нечего и говорить, что при этомъ произволу купцовъ открывается большой просторъ. Для иллюстраціи привожу скопированную долговую запись-памятку умершаго старшины Индину, который занимался, какъ только что сказано, торговлею на р. Самаргѣ. Вотъ что гласитъ эта запись: „Орочонъ Левли по р. Кусунъ долженъ за 27 соболей: 200 папушъ табаку, 33 китайской дабы, 50 патроновъ. За 32 дабы—8 соболей, за 50 патроновъ—1 соболь, за 200 папушъ табаку—8 соболей".

Стоитъ хорошенько вдуматься въ этотъ преинтересный документъ, чтобы воочію видѣть, до какихъ геркулесовскихъ размѣровъ простирается эксплоатація торговцевъ, непосильнымъ бременемъ ложащаяся на орочонъ—удиһэ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на цѣны товарамъ: 200 папушъ табаку маньчжурскаго, считая по 20 папушъ въ 1 ф., составятъ 10 фунтовъ. Лѣтомъ 1897 г., собираясь въ экспедицію для переписи инородцевъ по Татарскому побережью, я покупалъ во Владивостокѣ, при дорогой цѣнѣ на табакъ, по 30 коп. за фунтъ. Такимъ образомъ, за табакъ, стоющій во Владивостокѣ 3 рубля ($30\times10=300$ к.), старшина орочей—удиһэ. не постѣснялся взять съ своего же брата—орочона 8 соболей, т. е., при предположеніи, что соболи были средняго качества, стоимостью 5 руб. каждый, 40 рублей (вмѣсто 3-хъ)! На другіе товары наложены тоже не менѣе драконовскія цѣны.

Но въ этой записи имѣется еще одно свидѣтельство о томъ, какими принципами руководятся кредиторы-купцы при взиманіи долговъ. На самомъ дѣлѣ долгъ ороча—удиһэ Левли равняется 17 соболямъ ($8+1+8=17$), а Индину показалъ 27. Это описка, или ошибка, или начетъ?

Если такъ поступалъ съ должниками—удиһэ Индину, самъ удиһэ, слѣдовательно свой человѣкъ, то что сказать о чужихъ людяхъ, китайскихъ купцахъ, которые и пробираются въ тайгу къ орочонамъ съ цѣлью получить побольше барыша за плохой товаръ, чтобы уѣхать затѣмъ на родину въ Шань-дунь или Чифу.

Что подобныя произвольно-высокія цѣны на товары существуютъ по всей территоріи удиһэ, объ этомъ можно собрать множество указаній у моихъ предшественниковъ. Такъ, г. Надаровъ записалъ слѣдующія цѣны, по которымъ продаются товары жителямъ правыхъ притоковъ р. Уссури, именно:

„По р. Хору:

1 пудъ буды отъ 3 до 5 руб., или	2—3	соболя
1 „ табаку маньчжурскаго 12—16 р., или . .	6—8	„
1 „ соли	2—3	„
2 фун. китайскихъ (болѣе 2 русскихъ фун.) свинцу	1	„

По Бикину:

1 пудъ буды отъ 3 до 5 руб., или	2—3 соболя
3 ручныя саженн китайской дабы	1 „
1 пудъ табаку отъ 12 до 12 руб., или	5—6 „
2 фунта свинцу	1 „
1 пудъ соли	2—3 „
3 фун. ханшина (китайская водка, около 4 бут.)	1 „

По р.р. Иману и Ваку:

1 пудъ буды 3 руб., или	1 соболь
1 „ табаку отъ 8 до 10 руб., или	4—5 „
3 ручныя саженн китайской дабы	1 „
3 фун. ханшина	1 „

(См. Надарова „Сѣв.-Уссур. край“, стр. 122 – 123) [1])

Русскій купецъ И. П. Берсеневъ, торгующій въ предѣлахъ удиһэ только по р. Ботчи, установилъ слѣд. цѣны на товары:

Пружинные вѣсы	1 соболь,
30 пачушъ табаку (5 ф.) . .	1 „
Винчестеръ—ружье	18 хорошихъ соболей.

Неудивительно, что при такихъ цѣнахъ на товары, особенно при мѣновой торговлѣ, рѣдкій удиһэ не запутается въ долгахъ. Стоитъ разъ попасть въ должники,—и орочъ никогда уже не сдѣлается свободнымъ отъ нихъ: безпечный, какъ дитя, удиһэ никогда не помнитъ суммы своего долга, вполнѣ полагаясь на купца, которому нѣтъ никакого расчета выпускать должника изъ плѣна. Опасаясь развивающейся изъ года въ годъ конкурренціи, купцы стремятся заручиться возможно большимъ количествомъ покупателей-инородцевъ, и потому навязываютъ кредитъ, чтобы обязать себѣ удиһэ и,

---

[1]) Съ отмѣченными, по Надарову, цѣнами интересно сопоставить цѣны, сообщаемыя подполковникомъ Альфтаномъ, посѣщавшимъ тѣ же мѣста въ недавнее время.

	При мѣновой торговлѣ.	При покупкѣ на деньги.
Пудъ чумизы	8 р.	3—4 р.
» табаку	9 »	8 »
» муки майзы . . .	8 »	4—8 »
» кукурузы	» »	1—1 » 50 к.
» картофелю	» »	35—40 к.
Фунтъ ханшина	» »	»
» опіума	20 »	—
» бобоваго масла .	36 к.	30—35 к.
пороху	8 »	—
» сахару	1 »	50 к.—1 р.
» улы	4— 5 »	2—3 »
100 патроновъ	24—30 »	—
Пудъ соли	»	10 »

(«Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.»).

такъ сказать, закрѣпить его за собою. Мнѣ самому не разъ приходилось удостовѣряться, какъ орочи-удиһэ боятся нарушить разъ данное купцу обязательство—доставлять всю добычу охоты одному ему, какъ своему кредитору. При нарушеніи орочономъ обязательства, кредиторъ можетъ въ раздраженіи потребовать немедленной уплаты долга и разорить несостоятельнаго должника.

Особенною свирѣпостью и неумолимостью по отношенію къ орочамъ-удиһэ отличаются, какъ кредиторы, купцы—китайцы. Запутавъ удиһэ въ долгахъ, китаецъ становится ихъ „хозяиномъ“. Многіе изслѣдователи быта орочей-удиһэ упоминаютъ о такихъ купцахъ-эксплоататорахъ и „хозяевахъ“ Такъ, на р. Хорѣ, по словамъ подполковника Бѣльковича, три такихъ китайца-хозяина: Джонь-шань-джинь, Ди-дун-чуй и Джонъ-ля-уль [См. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.]. Вообще, по словамъ подполковника Альфтана, во всѣхъ населенныхъ орочами-удиһэ пунктахъ по р.р. Бикину, Иману и Баку живетъ нѣсколько китайцевъ, которые, на правахъ „хозяина“–купца, держатъ въ страхѣ и подчиненіи слабыхъ и закабаленныхъ ими жителей (ibidem).

На побережьи Татарскаго пролива мнѣ называли двухъ такихъ китайцевъ-хозяевъ: одинъ приходитъ съ Амура, а постоянно живетъ на р. Уссури, по имени Ваг-ню-сынъ, другой живетъ на Хорѣ, по имени Ван-ху.

Названные „хозяева“ и другіе купцы-кредиторы, пріѣзжая въ поселенія удиһэ для торговли, не только кормятся, во все время производства своихъ торговыхъ операцій, за счетъ своихъ должниковъ, но и ставятъ ловушки на соболя, отчасти лишая этимъ своихъ кліентовъ средствъ къ жизни. Мало того, Ваг-ню взялъ за долги у одного непокорнаго удиһэ съ р. Самарги не только имущество, но и такую драгоцѣнность, какъ ружье, единственное орудіе промысла, т. е. въ концѣ разорилъ должника.

Что существовавшій прежде, по словамъ г. Надарова (Сѣв.-Уссур. (Сѣв.-Усур. край, 123 стр.), обычай брать за долги семью ороча, особенно женщинъ, не прекратился до настоящаго времени, это доказываетъ ниже приводимый и уже опубликованный мною (см. Пріамурскія Вѣдомости 1897, № 191-й: „Инородческое населеніе побережья Татарскаго пролива. Изъ впечатлѣній по переписи) документъ,—прошеніе орочона „русскому начальству“ [1]).

---

[1]) Прошеніе привожу дословно, беря въ скобки слова, прибавленныя мною для большей ясности. Интересно, что прошеніе это написано Панжѣ какимъ-то грамотнымъ китайцемъ, проживающимъ въ гор. Хабаровскѣ и сумѣвшимъ научиться по-русски. О вознагражденіи китайцу за прошеніе Панжа ничего не сказалъ.

„1896 года, февраля 13 дня.

Заявленіе орочона рѣчки Амура, около рѣчки Кусунъ (-Кусиунгоу),

русскому начальству.

„Отдалъ я свою дочь замужъ за орочона, живущаго по рѣчкѣ Кэмэ, Енси. У этого орочона, т. е. зятя моего, проживалъ, т. е. квартировалъ, китаецъ. Наконецъ, этотъ (китаецъ) сталъ меня притѣснять за долгъ. Зять мой заплатилъ сполна этому китайцу долгъ (мой). Китаецъ же этотъ сталъ еще требовать съ зятя моего долгъ и говорить, что зять мой этому китайцу (-ему) много не доплатилъ, напримѣръ, соболей и хунто (-пантовъ), почиталъ его должникомъ. Наконецъ, этотъ китаецъ сталъ у зятя моего отбирать (за мнимый долгъ) жену, т. е. мою дочь; даже китаецъ этотъ жену зятя, т. е. мою дочь, бралъ къ себѣ на постелю на ночь спать. Наконецъ, зять мой вышелъ изъ терпѣнія (и) убилъ этого китайца, (а) самъ убѣжалъ, до сихъ поръ неизвѣстно куда. Теперь же другіе китайцы изъ-за (проступка) зятя моего хотятъ меня убить, словомъ, не даютъ мнѣ ничѣмъ заниматься, чтобы прокормить мое семейство. Дочь же (свою) я взялъ къ себѣ до тѣхъ поръ, пока не явится мой зять.

Покорнѣйше прошу русское начальство защитить меня и мое семейство отъ грозящей мнѣ обиды: всепокорнѣйше прошу (защитить насъ, потому что) вообще проживающіе здѣсь по рѣкамъ китайцы насъ обираютъ.

Къ сему (руку приложилъ) орочонъ Панжа и сынъ мой Ченсли“.

Вообще слѣдуетъ сказать, что удиһэ, жители побережья Татарскаго пролива, не сносятъ молчаливо ига китайцевъ, крайне озлоблены противъ нихъ и если не всегда расправляются съ ними, подобно зятю Панжи, то потому, во-1-хъ, что боятся русскихъ властей и закона, наказывающихъ убійство, во-2-хъ, потому, что боятся мести со стороны китайцевъ, сильныхъ своею сплоченностью, своимъ „кхету“, т. е. братствомъ, обязывающимъ горою стоять другъ за друга. Зато о единичныхъ случаяхъ расправы съ китайцами-обидчиками со стороны орочей-удиһэ приходилось слышать очень часто.

Помимо высокой цѣны на товары, есть еще одинъ факторъ, подвергающій удиһэ кабалѣ китайцевъ. Это—тяжелыя условія кредита, при которыхъ 50% считается самымъ обычнымъ явленіемъ. Вотъ почему выше я и говорилъ о необходимости дешеваго кредита для нихъ.

Первоначально, по условіямъ своего быта, всѣ удиһэ были экономически самостоятельными; но разнаго рода стихійныя и нестихійныя случайности, вродѣ оспенной эпидеміи, неудачной охоты и рыбной ловли, часто разрушали весьма несложное хозяйство и заставляли ихъ переходить на положеніе работниковъ, тѣмъ болѣе, что на лицо существовали эксплоататоры маньы. На

побережьи Великаго океана, отъ г. Владивостока до р. Кушунгоу, можно часто встрѣтить бобылей-удиһэ, которые едва ли когда-нибудь встанутъ на самостоятельную ногу: такъ они запутались въ сѣтяхъ китайской кабалы!

При наймѣ запутавшихся удиһэ въ работники, китайцы не стѣсняются условіями. Обыкновенно плата рабочему дается натурою, т. е. продуктами хозяйства. Чтобы дать понятіе объ условіяхъ найма, приведу здѣсь нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ.

Шестнадцатилѣтній тазъ Шопханъ служитъ пастухомъ у манзы Цуйшенъ-юна. За свой трудъ онъ получаетъ—годовое пропитаніе и жалованья полтора дана чистой чумизы, т. е. 28—30 пудовъ, или 11 рублей деньгами; одежда своя. Если хорошенько вдуматься въ положеніе этого бѣдняка, то ясно станетъ, что онъ всю жизнь свою будетъ работникомъ. Онъ—круглый сирота; весь свой годовой заработокъ тратитъ онъ на прокормленіе маленькаго брата; онъ до того бѣденъ, что ходитъ въ лохмотьяхъ, два года куритъ и доселѣ не можетъ пріобрѣсти трубку и кисетъ на сумму 2—3 рубля.

Другой тазъ Павшунь ловитъ въ устьѣ р. Та-Судухэ капусту на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ снасти, фанза и кормъ даются хозяиномъ-манзою Добытая капуста продается; выручка, за вычетомъ стоимости корма, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и работникомъ. Условія, на первый взглядъ, кажется, сносныя: но цѣны на продукты существуютъ такія, что тазъ проѣстъ всѣ деньги, полученныя за работу. Деньги, само собою разумѣется, идутъ въ карманъ манзы-хозяина, который является и продавцомъ продуктовъ.

Попадаются среди орочей-удиһэ и такіе, которые въ наемномъ трудѣ ищутъ подспорья своему хозяйству. Обычная плата такимъ работникамъ—половина выручennаго продукта и хозяйская ѣда. Такихъ работниковъ-половинщиковъ чаще всего встрѣтишь по р.р. Та-Судухѣ, Тауху и др. до залива св. Ольги во время сбора опіума, когда требуется много рабочихъ рукъ. Обращеніе съ работниками хорошее: китайцы-хозяева, тутіе при заключеніи условій, держатъ себя наравнѣ съ рабочими: ѣдятъ за однимъ столомъ, одну и туже пищу, только спятъ на особыхъ, „хозяйскихъ“ нарахъ. Рабочіе точно такъ же держатъ себя съ хозяевами просто, непринужденно, такъ, какъ бы они были товарищи ихъ.

Зажиточные манзы часто ссужаютъ удиһэ-хозяевамъ рабочій скотъ безплатно, но пользуются со стороны одолженныхъ множествомъ мелкихъ услугъ. Что касается хозяевъ изъ орочонъ, то они, при своей незажиточности и при незначительности пашенъ, въ работникахъ, собственно говоря, не нуждаются; если же имъ и помогаютъ въ хозяйствѣ, то свои люди, родные или пріятели-сосѣди.

О кооперацiяхъ удиһэ не имѣютъ понятія и никогда не составляютъ

большихъ артелей. Зато у нихъ распространены мелкіе союзы; двое сосѣдей вмѣстѣ съ своими семьями копаютъ „земляную картошку“, которую дѣлятъ поровну; рѣже соединяются для охоты и рыбной ловли, хотя кооперативные союзы въ послѣднемъ случаѣ могли бы принести орочамъ много пользы.

Для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о распредѣленіи труда у нихъ, укажу здѣсь всѣ занятія ихъ по временамъ года.

Едва тронется ледъ (это происходитъ въ апрѣлѣ—маѣ мѣсяцахъ въ различныхъ частяхъ обширной территоріи орочей-удиһэ), начинается промыселъ морскихъ звѣрей, гдѣ къ этому существуетъ какая-нибудь возможность. Затѣмъ наступаетъ охота за лосемъ, оленемъ (панты) и посѣвы пашенъ и огородовъ (конецъ мая и іюнь). Далѣе начинается ходъ рыбы и продолжается охота на лося (по берегу морскому); въ это же время охотятся и на выдру. Съ іюля отправляются на промыселъ жень-шеня (гдѣ существуетъ это занятіе); затѣмъ происходитъ осенній ходъ рыбы; слѣдуетъ перекочевка на зимнія становища и охота на соболя, лисицу и др. пушныхъ звѣрей.

Вышеназванныя занятія исполняются всѣми членами семьи, но на долю женщинъ приходятся преимущественно молочныя заботы и хлопоты. Спеціальныхъ праздниковъ или досуговъ отъ работъ у орочей-удиһэ нѣтъ: при отсутствіи правильнаго распредѣленія труда, они всегда могутъ устроить себѣ досугъ, если не устроитъ имъ праздника обильная дождями въ маѣ, іюнѣ и отчасти іюлѣ мѣсяцахъ погода.

Незавидное, подчасъ просто-таки тягостное экономическое состояніе орочей-удиһэ побуждало многихъ изслѣдователей рекомендовать нѣкоторыя мѣры, какъ средства для облегченія участи ихъ.

Такъ, г. Надаровъ считалъ необходимымъ, какъ подготовительную мѣру, распространеніе миссіонерской дѣятельности среди удиһэ. По его мнѣнію, миссіонеры могутъ способствовать обрусенію орочей-удиһэ и закрѣпленію ихъ территоріи за Россіею. Кромѣ того, отцы-миссіонеры могутъ развивать замѣчающуюся у нихъ наклонность къ осѣдлой жизни и земледѣлію. Они же могутъ поселить въ нихъ убѣжденіе, что всѣ безъ исключенія подданные русскаго царя равны передъ закономъ, и что китайцы самовольно властвуютъ надъ ними. Для этой цѣли г. Надаровъ предложилъ назначить трехъ миссіонеровъ.

Другою болѣе рѣшительною мѣрою онъ считаетъ выселеніе манзъ изъ территоріи орочей-удиһэ и уничтоженіе долговъ. Необходимость удаленія манзъ признана была и на съѣздѣ губернаторовъ и другихъ представителей Пріамурскаго края въ г. Хабаровскѣ въ 1886 году. На томъ же съѣздѣ

признали необходимымъ продавать потребные орочамъ-удиһэ товары изъ казенныхъ складовъ, съ надбавкою 20% къ ихъ покупной стоимости. Рекомендовалось также открыть въ этихъ магазинахъ кредитъ съ тѣмъ, чтобы долги собирались черезъ административныя власти. (См. Надарова „Сѣв.-Уссур. Край", 124—126 стр.).

Болѣе десяти лѣтъ прошло со времени появленія въ свѣтъ книги г. Надарова, а положеніе орочей-удиһэ равно какъ и другихъ инородцевъ Пріамурья нисколько не улучшилось; наоборотъ, можно сказать, что оно ухудшилось по побережью Татарскаго пролива и ухудшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе все возрастающей на территоріи удиһэ манзовской эксплоатаціи.

Если бы мы спросили, что за причина такого печальнаго явленія, примѣнялись ли указанныя г. Надаровымъ и хабаровскимъ съѣздомъ мѣры, и какіе результаты вышли изъ примѣненія ихъ, то не получили бы никакого отвѣта.

Поэтому попробуемъ разобраться въ рекомендуемыхъ мѣрахъ, чтобы судить объ ихъ состоятельности.

Исторія собственнаго нашего отечества полна разсказовъ о подвижникахъ, уходившихъ въ лѣсныя дебри къ дикимъ людямъ и вносившихъ, благодаря терпѣнію, энергіи и высокимъ личнымъ качествамъ, въ среду ихъ свѣтъ христіанскаго просвѣщенія, а съ нимъ начатки цивилизаціи, гражданственности и культуры (Леонтій Ростовскій, св. Стефанъ Пермскій и др.). Поэтому едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться, съ общей точки зрѣнія, въ цѣлесообразности предложенной г. Надаровымъ мѣры. Привитіе цивилизаціи къ орочамъ-удиһэ чрезъ миссіонеровъ тѣмъ возможнѣе, что они, подобно своимъ ближайшимъ родичамъ, орочамъ Императорской гавани, рр. Тумни, Коппи и др., охотно принимаютъ продукты цивилизаціи и благосклонно относятся къ ней. Но для благотворнаго воздѣйствія на нихъ, въ указанномъ смыслѣ, миссіонеру необходимы *извѣстныя личныя качества*. Вполнѣ правъ г. Максимовъ, утверждающій, что „на неразвитого дикаря наиболѣе сильное впечатлѣніе производитъ внѣшность, а не внутреннее содержаніе проповѣдуемыхъ ему новыхъ религіозныхъ началъ. Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустрашимость—вотъ главныя основы, обусловливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей (С.-Петербургскія Вѣдом., 1880 г., № 178). Если, въ дѣйствительности встрѣчаются подобнаго рода идеальные миссіонеры, стоящіе на высотѣ своего призванія и на уровнѣ пониманія своей задачи, то они очень рѣдки и посѣщаютъ становища орочей въ два-три года разъ [1]),

[1]) См. объ этомъ прекрасныя признанія въ дневникѣ миссіонера о. Аѳанасія Протодіаконова, въ Камчатскихъ Епархіальныхъ Вѣдом. за 1896—97 гг. Ср. мою замѣтку «Памяти о. Аѳанасія Протодіаконова», Пріамур. Вѣдом. № 310, 1899 г.

поэтому воздѣйствіе ихъ на дикарей-удиһэ оказывается недѣйствительнымъ. Ясно послѣ сказаннаго, что предложеніе г. Надарова назначить трехъ миссіонеровъ (одного на р. Хоръ, другого—на Бикинъ и третьяго—на Иманъ) нельзя признать состоятельнымъ. Передвиженіе какъ по указаннымъ рѣкамъ, такъ и по морскому берегу сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ много времени; поэтому желательно имѣть миссіонера въ каждомъ болѣе или менѣе многолюдномъ поселеніи удиһэ, напримѣръ, на рр. Вотчи и Иди, Самаргѣ и Кушунгоу. Какъ бы то ни было, но постоянное присутствіе миссіонера среди орочей-удиһэ необходимо, если не желаютъ, чтобы въ результатѣ просвѣтительной дѣятельности его получился тотъ нуль, о которомъ говоритъ г. Леонтовичъ въ статьѣ объ орочонахъ р. Тумни, (См. Журналъ „Землевѣдѣніе“, 1897 г., кн. III—IV, стр. 58—59). Наконецъ успѣхъ миссіонерской проповѣди много зависитъ и отъ знанія языка удиһэ, чтобы священникъ могъ изложить имъ истины христіанской вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Но если трудно было провести въ жизнь удиһэ правильную миссіонерскую дѣятельность, и они остаются доселѣ полушаманистами и полубуддистами, то, повидимому, легче было осуществить другую мѣру—о казенныхъ складахъ товаровъ. Особенно легко привести въ исполненіе эту мѣру теперь, когда проведенъ по западной части территоріи орочей-удиһэ рельсовый путь, тѣмъ болѣе легко привести въ исполненіе эту мѣру, что, по словамъ г. Пальченскаго, можно совсѣмъ не обременять мѣстныя власти устройствомъ означенныхъ складовъ. „Исходя изъ того, говоритъ г. Пальченскій, что нѣкоторые орочоны лишь за частью припасовъ (главнымъ образомъ—травяное масло), а другіе, имѣющіе своихъ „хозяевъ“-манзъ въ Имахоузѣ, за всѣмъ годичнымъ запасомъ ежегодно, осенью, спускаются на устье р. Има и Ваку на лодкахъ, а манзы и искатели жень-шеня въ началѣ лѣта поднимаются по этимъ же рѣчкамъ со своими припасами и осенью съ добычею, спускаются тоже на лодкахъ,—**является возможность создать въ низовьяхъ р. Има соболино-женьшеневый рынокъ.** Потребность въ этомъ рынкѣ прямо вытекаетъ изъ того, что рынокъ, исконно бывшій въ Има-хоузѣ, что на китайской сторонѣ, противъ устья р. Има, палъ, такъ какъ безсильная и продажная китайская власть не можетъ охранять благосостояніе торговцевъ отъ той массы голытьбы, которая явилась на постройку дороги, и потому теперь скупщики пріѣзжаютъ на Иманъ, или манзы-продавцы свозятъ товаръ во Владивостокъ... При наличности такого рынка орочоны, сходясь въ одинъ сборный пунктъ, будутъ имѣть обмѣнъ мыслей о своихъ житейскихъ интересахъ...; затѣмъ, войдя въ соприкосновеніе съ русскимъ элементомъ, они начнутъ выходить изъ повиновенія у своихъ кровопійцъ-манзъ... Здѣсь... они будутъ... продукты охоты продавать пред-

ложившимъ высшую цѣну, а не одному своему „хозяину“-манзѣ, гоняющемуся за охотникомъ по пятамъ съ запасомъ губительнаго зелья-китайской водки; здѣсь они узнаютъ цѣну деньгамъ и товарамъ въ тѣхъ 25 китайскихъ и 10 русскихъ лавкахъ, которыя возникли около станціи Иманъ и предлагаютъ свой товаръ по владивостокскимъ цѣнамъ, такъ бережно скрываемымъ отъ нихъ ихъ эксплоататорами...

Въ виду особой важности для орочей-удиһэ огнестрѣльнаго оружія желательно, чтобы, при урегулированіи торговли, обязали купцовъ продавать винтовки по 14 руб. съ 30 патронами, подобно тому какъ это сдѣлано бывшимъ генералъ-губернаторомъ Пріамурскаго края С. М. Духовскимъ для инородцевъ далекой Камчатки [1]).

Что касается побережья Великаго Океана, то здѣсь пока что прійдется довольствоваться или казенными складами товаровъ, или посылкою торговцевъ отъ казны лѣтомъ, воспользовавшись для этого плавающими пароходами, напримѣръ, „Байкаломъ“ Шевелева и Ко. Если бы устроить склады товаровъ въ Императорской гавани и заливѣ св. Ольги, то орочи-удиһэ могли бы сами на своихъ лодочкахъ доставлять изъ нихъ товары во всѣ лѣтнія поселенія по побережью Татарскаго пролива.

ГЛАВА VII.

Постройки.

Ни въ преданьяхъ старины глубокой, ни въ произведеніяхъ народнаго творчества вѣтъ ясныхъ указаній на то, какова была самая древняя форма жилища орочей-удиһэ. Въ единственномъ доселѣ извѣстномъ преданіи о происхожденіи ихъ говорится: „орочоны разошлись по разнымъ рѣкамъ, жили безъ домовъ, лишь на зиму дѣлая себѣ шалаши изъ прутьевъ и древесной коры“. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, шалашъ есть первоначальная и древнѣйшая форма жилища удиһэ.

Принимая во вниманіе бродячій образъ жизни удиһэ въ прежнія времена, слѣдуетъ думать, что первобытный шалашъ имѣлъ форму и устройство, похожія на тѣ, какія имѣютъ юрты, устраиваемыя въ настоящее время охотниками-орочонами на скорую руку. Такой охотничій шалашъ состоитъ изъ 5—6 кольевъ, вбитыхъ въ землю конусообразно и покрытыхъ корою или

---

[1]) См. «Пребываніе главнаго начальника края въ гор. Петропавловскѣ и празднованіе 200-лѣтія присоединенія Камчатки», Пріамур. Вѣдом., 1897 г., № 179.

пологомъ изъ рыбьихъ шкуръ. Онъ имѣетъ въ діаметрѣ обыкновенно около двухъ аршинъ (при основаніи, конечно), а высота его равняется полуторамъ аршинамъ.

Изъ подобной простой и несложной юрты-шалаша, путемъ постепеннаго усложненія, возникла форма наичаще встрѣчающагося теперь въ селеніяхъ удиһэ жилища—двускатной юрты. Послѣднія бываютъ зимнія и лѣтнія, при чемъ въ языкѣ удиһэ существуютъ различныя даже названія для этихъ двухъ видовъ юртъ: зимняя называется чукди́, лѣтняя—чолбо́. Несмотря, однако, на различныя названія, устройство тѣхъ и другихъ юртъ въ общемъ довольно сходно. Вся разница сводится къ качеству и сорту строительнаго матеріала. Такъ лѣтнія юрты строятся изъ тонкихъ тальниковыхъ жердей или кольевъ, а зимнія изъ толстыхъ: крокотся лѣтнія юрты исключительно березовою берестою, зимнія—корою кедра, иногда подъ нее подстилается для тепла и береста. Въ другихъ отношеніяхъ зимнія и лѣтнія юрты совершенно сходны, но первыя строятся вообще болѣе прочно, тѣмъ болѣе, что устраиваются онѣ большею частью на мѣстахъ постояннаго шумного промысла. Основаніе, напримѣръ, юрты имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника, углы котораго иногда закругляются. Длина четыреугольника весьма различна, что обусловливается количествомъ обитателей юрты; обыкновенно она колеблется между 2—4 саженями; ширина же — отъ 2 до 3 саженъ.

По длиннымъ сторонамъ прямоугольника въ землю вбиваются тальниковыя жерди въ наклонномъ положеніи; вверху онѣ соединяются и связываются тальниковою корою, а затѣмъ прикрѣпляются къ продольной перекладинѣ (бревну), которая является чѣмъ-то въ родѣ конька въ крышѣ нашихъ построекъ. Для большей прочности, по высотѣ наклонныхъ жердей въ двухъ или трехъ мѣстахъ прикрѣпляются тальниковою же корою поперечныя жерди. Такими же жердями укрѣпляются и короткія стороны юрты. Приготовленный такимъ образомъ остовъ юрты съ наружной стороны покрывается берестой или еловою корой, а сверху кладется еще рядъ изъ кедровой коры. Иногда довольствуются одною еловою или кедровою корою, но тогда покрываютъ юрту такъ тщательно, что щелей не замѣтно. Съ наружной стороны накладываютъ жердей, чтобы вѣтромъ не снесло коры. Гребень юрты покрываютъ согнутою корою, оставляя одну или двѣ четыреугольныя дыры для выхода дыма. На короткихъ сторонахъ юрты устраиваются двери, для чего остается незабранными поперечными жердями четыреугольникъ. Дверей бываетъ двѣ или одна; въ зимней юртѣ большею частью—одна дверь. Первоначально дверь (уапты или уапте́) дѣлалась, несомнѣнно, изъ бересты, а потомъ стали употреблять рыбью кожу, шкуру нерпы, сохатаго или медвѣдя. Если дверь дѣлается изъ бересты, то она состоитъ изъ нѣсколькихъ положенныхъ

одинъ на другой и хорошо пришитыхъ нитками кусковъ ея. Дверь, обыкновенно, верхнимъ своимъ краемъ привязывается веревкою къ отверстію, не покрытому корою и оставленному для входа; въ лѣтней же юртѣ иногда такая дверь приставляется къ упомянутому отверстію, а когда она не нужна, то лежитъ на полу у отверстія. Въ нѣкоторыхъ юртахъ мнѣ приходилось видѣть особаго устройства дверь, очевидно, позднѣйшаго происхожденія: деревянная рама, имѣющая видъ растянутаго прямоугольника, затянутая кожею или берестою, привязывалась къ дверному косяку веревкою вверху и внизу, по длинной своей сторонѣ, и открывалась наружу. Такая дверь, нѣтъ сомнѣнія, появилась какъ подражаніе дверямъ въ манзовскихъ фанзахъ. Въ общемъ, профиль юрты имѣетъ видъ трапеціи, высота которой колеблется отъ одной до полуторы сажени.

Оставляемыя для выхода дыма дыры, въ случаѣ дождя, закрываются берестою или корьемъ. Зимою юрты обкладываются со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, если ихъ не заноситъ вьюгою: „такъ бываетъ теплѣе“, говорили мнѣ удиһэ.

Внутренній видъ зимнихъ и лѣтнихъ юртъ одинъ и тотъ же. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ удиһэ, напримѣръ на р. Хорѣ, внутренность юрты представляетъ три отдѣленія: среднее—жилое, а крайнія служатъ для помѣщенія домашняго скарба, орудій промысла и собакъ. Перегородками между отдѣленіями являются стѣнки изъ древесной коры.

Жилое отдѣленіе всякой юрты раздѣляется по длинѣ своей двумя бревнами на три части, почти равныя, или средняя немногимъ меньше двухъ остальныхъ.

Боковыя части юрты засыпаются, въ уровень съ бревнами, землею и образуютъ нары. Послѣднія покрываются берестовою настилкою, сверху которой разбросаны шкуры, старое платье и другой домашній хламъ.

Средняя часть занята очагомъ, который устраивается весьма различно. Обыкновенно очагъ представляетъ сдѣланный изъ жердей четыреугольникъ, длиною около 3-хъ и шириною—около одного аршина. Огороженное подъ очагъ пространство также засыпается землею, и на убитомъ грунтѣ всегда тлѣетъ огонь. Свободное пространство между очагомъ и сторонами юрты образуетъ проходы, шириною около аршина. Довольно значительная длина очага объясняется тѣмъ, что по длиннымъ сторонамъ его втыкаются съ нанизанною для сушенья рыбою деревянныя спицы. Иногда въ юртахъ бываетъ по два-три очага, устраиваемыхъ въ той же средней части. Въ такомъ случаѣ каждый изъ очаговъ устраивается нѣсколько иначе: вырываютъ яму вершка 3—4 глубиною, вершковъ 8 шириною и около 12 вершковъ длиною. Края этой ямы обкладываютъ крупной галькой. Надъ такими очагами на двухъ или трехъ нарахъ жердей, воткнутыхъ въ землю и достигающихъ

крыши, устраивается два-три ряда помостовъ изъ тонкихъ жердей, предназначенныхъ для копченія и сушенія юколы изъ рыбы или мяса сохатаго. Къ нижнему помосту прикрѣпляются одинъ или два крючка (о б о̀) для подвѣшиванія надъ огнемъ котла, во время приготовленія пищи.

Въ простѣнкахъ между дверями и продольными стѣнами придѣлываются досчатыя палочки, поддерживаемыя иногда мастерски вырѣзанными стойками: онѣ замѣняютъ наши шкапчики для храненія посуды. Такія же полки устраиваются иногда и по длиннымъ стѣнамъ юрты, вверху, но на нихъ кладутъ преимущественно одежду и другое исключительно женское добро.

Таково внѣшнее и внутреннее устройство юрты орочей-удиһэ. Варіаціи, попадающіяся то тамъ, то здѣсь по обширной территоріи удиһэ, весьма незначительны. По побережью Татарскаго пролива попадаются иногда юрты съ крышами изъ соломенныхъ цыновокъ, которыя добываются отъ японцевъ—рыболововъ.

Изъ двускатной только что описанной юрты, думается мнѣ, возникла форма о д н о с к а т н а г о шалаша, устраиваемаго такъ: на двѣ сошки изъ тальника или другого дерева кладутъ перекладину, къ которой приставляютъ, въ наклонномъ положеніи, нѣсколько жердочекъ. Поверхъ жердей разстилаютъ брезентъ изъ бересты, соломенныхъ цыновокъ или, наконецъ, изъ дрели, пріобрѣтаемой покупкою у китайцевъ. Покрышки изъ дрели я встрѣчалъ и на конусообразной юртѣ; въ такомъ случаѣ неститые края покрывала служатъ вмѣсто двери.

Рядомъ съ юртами удиһэ въ настоящее время строятъ свои жилища по образцу китайскихъ фанзъ. Можно даже вдоль побережья Татарскаго пролива и рѣкъ, впадающихъ въ Японское море, прослѣдить переходную форму отъ юрты къ китайской фанзѣ. Такъ, въ верховьяхъ р. Та-Судухэ я встрѣтилъ жилище ороча-удиһэ, представляющее форму юрты, но крытое камышомъ и длинною болотною травою; короткія стороны этой юрты обмазаны глиною. Внутренность этого жилища представляетъ тѣ же переходныя ступени отъ юрты къ фанзѣ: нары, напримѣръ, устроены изъ дерева и глины уже высотою двѣ—три четверти отъ пола; подъ ними идетъ труба отъ печи, устроенной изъ камня и глины поддѣ нары; эта труба выходитъ наружу черезъ заднюю стѣну юрты-фанзы. Входъ въ нее закрывается дверью, совершенно похожею на тѣ двери, которыя будутъ описаны мною, когда поведу рѣчь о фанзахъ.

На рѣкѣ Кушнгоу, гдѣ сильно сказывается въ бытѣ орочей-удиһэ манзовское вліяніе, жилища представляютъ дальнѣйшее приближеніе юрты къ фанзѣ. Прежняя двускатная юрта здѣсь поставлена на низенькія, не выше двухъ аршинъ, прямыя, вертикальныя стѣны. Послѣднія сдѣланы изъ

дерева и вымазаны глиною; крыша покрыта травою и сверху—землею. Дверь—одна, такая, какъ въ китайскихъ фанзахъ. Нары, очагъ—все скопировано съ китайскихъ образцовъ, хотя рядомъ можно встрѣтить и старый очагъ орочей-удиhэ, выше мною описанный. Надъ очагомъ такихъ жилищъ я не встрѣчалъ уже тѣхъ приспособленій для сушенья и копченья юколы и мяса сохатаго, о которыхъ при описаніи юрты.

Наконецъ къ югу отъ р. Кушунгоу и по правымъ притокамъ р. Уссури всѣ осѣдлые удиhэ имѣютъ китайскія фанзы, все отличіе которыхъ отъ оригиналовъ состоитъ единственно въ меньшихъ размѣрахъ и бѣдности внутренней обстановки.

Фанза строится орочами-удиhэ слѣдующимъ образомъ. На избранномъ подъ постройку мѣстѣ, представляющемъ продолговатый четыреугольникъ, врывается въ землю по три-четыре столба (бруса) на каждой изъ длинныхъ сторонъ и по два, или по три столба на каждой изъ короткихъ сторонъ. На крайніе столбы кладутся поперечные и продольные брусья, которые образуютъ вверху четыреугольникъ. Если фанза большихъ размѣровъ, то кладется, для большей скрѣпы, посрединѣ продольный и два поперечныхъ бруса. На среднюю балку верхняго прямоугольника опираются два вертикальные столба, поддерживающіе конекъ крыши. Основаніе крыши образуютъ жерди, укрѣпленныя на каждой изъ продольныхъ балокъ и на конькѣ, а равно и жерди, положенныя поперекъ первыхъ жердей, параллельно продольнымъ балкамъ. Образованный такимъ образомъ переплетъ крыши покрываютъ мелкимъ камышомъ, соломою или травою; поверхъ такой покрышки или кладутъ, для обезпеченія отъ разрушительныхъ вѣтровъ, жерди, или насыпаютъ земли. Въ послѣднемъ случаѣ крыша не высока.

Промежутки между столбами забираются досками, жердями или прутьями и вымазываются глиною или землею, съ незначительною примѣсью глины.

Дверь всегда одна и устраивается на продольной сторонѣ, которая составляетъ лицевой фасъ жилища. По обѣ стороны двери, на небольшомъ разстояніи отъ нея, дѣлаются окна; такія же окна устраиваются и по короткимъ стѣнамъ фанзы (иногда не бываетъ), а иногда небольшое окошечко имѣется и на задней стѣнѣ. Входная дверь почти всегда одностворчатая и большею частью состоитъ изъ двухъ частей: верхняя половина рѣшетчатая и выклеена тонкою китайскою бумагою различныхъ цвѣтовъ (преобладаютъ бѣлый и красный); нижняя половина двери глухая и дѣлается изъ досокъ. Окна состоятъ изъ рамъ, съ тонкими деревянными рѣшетками, подклеенными съ внутренней стороны тонкою китайскою бумагою. Рама или вставляется въ окно и придерживается деревянными заверточками, или прикрѣпляется къ окну верхнимъ

концомъ на петляхъ. Когда нужно, рама снимается или откидывается внутрь или наружу и подпирается палочками или перевязывается веревочкой.

Внутри фанза ороча-удиhэ представляетъ большею частью одно отдѣленіе. Въ немъ, при входѣ, справа или слѣва дѣлается очагъ, представляющій низкую, не болѣе двухъ-трехъ четвертей вышиною, широкую печку, сооруженную изъ глины и камня. Въ эту печку вмазывается одинъ или два манзовскихъ (широкіе и мелкіе) чугунныхъ котла, для согрѣванія воды и варки пищи. Котлы имѣютъ обыкновенно деревянную крышку. Огъ печи идетъ труба подъ нары и, пройдя подъ ними, выходитъ сквозь стѣну лицевого фаса наружу и оканчивается подставкою, сдѣланною изъ корья или изъ цѣльнаго толстаго древеснаго ствола.

Иногда, передъ нарами, посрединѣ, устраивается другой очагъ, представляющій ящикъ, набитый глиною, съ углубленіемъ для углей, которые обыкновенно выгребаются изъ очага, выше описаннаго. У бѣдныхъ вмѣсто такого ящика среди фанзы лежитъ нѣсколько камней, образующихъ четыреугольникъ, на которомъ и разводятъ огонь.

Близко отъ печки устраиваются нары, высотою въ одинъ, рѣдко въ полтора аршина, а ширины различной, но всегда такъ, чтобы удобно было на нихъ лежать. По краямъ наръ идутъ обтесанныя бревна, положенныя на подставки, вбитыя въ землю. Наружная сторона наръ забирается досками и обмазывается глиною, а средина или набивается глиною, или покрывается досками. Поверхъ глины или помоста кладутъ бересту или соломенныя циновки. Нары играютъ большую роль въ жизни орочей-удиhэ: на нихъ сидятъ, спятъ, ѣдятъ.

По стѣнамъ фанзы обыкновенно висятъ на деревянныхъ гвоздяхъ чуманы, пилы и другіе хозяйственные предметы; кое-гдѣ стоятъ коробa и даже манзовскіе ящики отъ ханшина (сули); по стѣнамъ же, недалеко отъ очага, съ другой стороны отъ наръ, устраиваются досчатыя палочки для кухонной посуды. Тамъ, гдѣ манзовское вліяніе сказалось особенно сильно, на внутреннихъ стѣнахъ можно встрѣтить наклеенными продольныя полосы красной бумаги съ крупными китайскими письменами: это изреченія о счастьи, богатствѣ, здоровьи и другихъ благахъ человѣческой жизни. Надъ нарами часто къ крышѣ подвѣшиваются жерди, на которыхъ виситъ платье. Потолка въ фанзахъ не бываетъ.

У богатыхъ (сравнительно) орочей-удиhэ фанза устраивается съ двумя отдѣленіями, причемъ въ большомъ помѣщается печь и короба съ добромъ, а въ меньшемъ—нары для хозяевъ, шкапъ съ посудою, сундуки съ пожитками. Второе чистое, такъ сказать, отдѣленіе отгораживается досчатою перегородкою и соединяется двухстворчатою неширокою дверью.

Дворовъ, въ нашемъ смыслѣ, мнѣ не приводилось встрѣчать у орочей-удиһэ; но около юртъ встрѣчаются нѣкоторыя надворныя постройки. Сюда относятся, во-1-хъ, навѣсы изъ корья съ помостомъ изъ жердей; навѣсы эти устраиваются на четырехъ столбахъ, а помостъ изъ жердей прикрѣпляется къ нимъ на высотѣ отъ полутора до двухъ аршинъ. На помостѣ хранятся: нарты, береста, остроги, шкуры, нертичьи кожи и др. подобный громоздкой хламъ. Во-2-хъ, для храненія жизненныхъ припасовъ, юколы, копч ёнаго мяса сохатаго, чумидзы, кукурузы, сооружаются тоже на столбахъ особые сараи, крытые корою, травою или камышомъ, съ дверцою, которая при творяется бревномъ съ зарубками, по которому и лазятъ въ эти сараи, въ случаѣ надобности. Кромѣ сараевъ, отстоящихъ отъ земли (для предохраненія запасовъ отъ крысъ и хищныхъ звѣрей) на два, два съ половиною аршина, около юрты можно встрѣтить приспособленія для сушки сѣтей и рыбы. Эти приспособленія состоятъ изъ вбитыхъ попарно кольевъ, на которые горизонтально положено нѣсколько жердей и жердочекъ. Иногда недалеко отъ юрты имѣется срубъ изъ бревенъ, въ которыхъ содержится какой-либо звѣрь—медвѣдь или лисица. На югѣ и на правыхъ притокахъ р. Уссури, гдѣ орочи-удиһэ живутъ среди манзъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ юрты или фанзы находятся кумирни. Самая простая кумирня, какую мнѣ довелось видѣть въ долинѣ р. Сяо-Судухэ, представляла большой пень сломаннаго бурею дерева, съ котораго была содрана кора. Въ пнѣ этомъ на полтора аршина отъ земли сдѣлано топоромъ углубленіе, куда горизонтально вставлена дощечка. Дощечка эта исполняла роль жертвенника, потому что на ней лежала буда, лоскутки кумача—приношенія богу, котораго въ данномъ случаѣ изображала стоявшая вертикально узенькая красная дощечка (въ четверть величиною) съ китайскими письменами.

Болѣе сложный видъ кумирни представляетъ сооруженіе другого рода. Это нѣчто вродѣ часовни или храмика такихъ размѣровъ, что едва вмѣстится пять молящихся. Длина такого храма не болѣе двухъ саженъ; ширина 1 или $1^1/_2$ саж.; высота около 2 саж. Строится онъ изъ дерева; крытъ соломою, травою и тесомъ. Крыша—двускатная. На лицевой сторонѣ—одностворчатая или двустворчатая дверь, съ мелкорѣшетчатою верхнею частью, которая съ внутренней стороны выклеена прозрачной китайской бумагою. Иногда кумирня окружается жердевымъ или досчатымъ заборомъ, съ лицевой стороны котораго имѣется дверь. Заборъ—не высокій, не выше двухъ аршинъ. Передъ храмомъ, внутри ограды или внѣ ея, ставятся два деревянныхъ шеста, иногда окрашенныхъ въ разноцвѣтную краску. Кромѣ того, на перевалахъ, равно у прибрежныхъ скалъ часто можно встрѣтить божнички, которыя тоже позаимствованы орочами-удиһэ отъ манзъ вмѣстѣ съ буддій-

скою религіею. Эти божнички представляютъ шкапики съ двускатною крышею; съ лицевой стороны—двустворчатая дверца. Эти божнички помѣщаются или на столбахъ или на высокихъ камняхъ.

Внутренній видъ храмовъ и божничекъ почти одинъ и тотъ же: на задней стѣнѣ—изображенія манзовскихъ боговъ, передъ ними чашечки или ящики съ пескомъ, куда воткнуты жертвенныя свѣчи, т. е. коричневые прутики или обломки отъ кукурузъ; можно встрѣтить здѣсь и кусочки кумача, ленточки, которыми иногда украшается божничка снаружи.

Передъ юртами и фанзами рѣдко встрѣтите чистоту, потому что удиһэ еще не научился понимать ея пользу и необходимость. Отбросы отъ рыбы и животныхъ, корыта съ остатками собачьяго корма, мясо сохатаго, валящееся на солнцѣ и усѣянное мухами и червями, людскіе экскременты (въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, истребляемые собаками)—все это можно встрѣтить около жилища орочей-удиһэ, и все это обдастъ посѣтителя—европейца отвратительнымъ ароматомъ. Впрочемъ, и внутренняя чистота жилищъ нисколько не лучше: тотъ же ароматъ, но съ примѣсью ѣдкаго очажнаго дыма поражаетъ обоняніе и самаго неизбалованнаго человѣка. Особенно ярко выступаетъ непривлекательность внутренняго вида жилища вечеромъ: при слабомъ мерцаніи свѣтильня, при слабомъ освѣщеніи отъ очага прокоптѣлыя стѣны его вмѣстѣ съ полуобнаженными косматыми орочами-удиһэ производитъ тяжелое, гнетущее душу впечатлѣніе.

Нельзя не выразить удивленія по поводу построекъ орочей-удиһэ, что въ нихъ послѣдніе не обнаружили никакого архитектурнаго вкуса, тогда какъ чувства изящества и красоты, свойственныя имъ, въ значительной степени сказались въ продуктахъ ремеслъ и искусствъ.

ГЛАВА VIII.

Пища.

По характеру и физическимъ свойствамъ территорія орочей-удиһэ не принадлежитъ къ тѣмъ благословеннымъ и обѣтованнымъ землямъ, которыя доставляютъ человѣку сносное существованіе безъ всякаго съ его стороны труда. Нѣтъ, „на пиру природы“ орочъ-удиһэ не пользуется особыми благами: только путемъ, подчасъ тяжкихъ усилій, съ опасностью для жизни онъ добываетъ себѣ пропитаніе. Хотя Ш. Летурно утверждаетъ [1]), что „че-

[1]) См. «Соціологія, основанная на этнографіи». С.-Петербургъ. 1895 г., вып. I, стр. 33.

ловѣкъ живетъ такъ, какъ онъ можетъ, извлекая пользу болѣе или менѣе цѣлесообразно изъ даровъ природы, и нѣтъ такого абсолютнаго правила или закона, которому бы онъ подчинялся, создавая тотъ или другой образъ жизни", тѣмъ не менѣе, можно оставить въ силѣ утвержденіе, что питаніе человѣка въ значительной степени обусловливается основами экономическаго быта.

Поэтому для ороча-удиһэ, по утвержденію всѣхъ моихъ предшественниковъ (гг. Надаровъ, Бѣльковичъ, Альфтанъ и др.) и по моимъ личнымъ наблюденіямъ, главными пищевыми продуктами являются предметы рыболовства и охоты. Но вынужденный климатическими и физическими свойствами своей территоріи искать средствъ пропитанія въ животномъ мірѣ, орочъ-удиһэ не потерялъ вкуса и къ растительной пищѣ, которая, по утвержденію соціологовъ, является первоначальною пищею первобытнаго человѣка.

Сохранивъ, такимъ образомъ, слѣды первобытности въ продуктахъ пищи, орочъ-удиһэ не утратилъ первобытности и въ способѣ приготовленія ея. Зная очагъ и посуду для приготовленія пищи, онъ въ то же время употребляетъ нѣкоторую часть животныхъ продуктовъ и въ сыромъ видѣ, т. е. безъ всякаго приготовленія, такъ, какъ дѣлалъ это первобытный человѣкъ, недалеко ушедшій отъ своего звѣринаго прообраза.

Вышесказанное подтвердитъ болѣе подробное разсмотрѣніе пищи и ея приготовленія, къ чему я и перехожу.

Главнымъ продуктомъ питанія для большей части, если не для всѣхъ удиһэ является рыба, причемъ въ дѣло идетъ всякая рыба, водящаяся въ рѣкахъ и моряхъ ихъ территоріи, но преимущество отдается красной рыбѣ — гербушѣ и кэтѣ. Рыбу употребляютъ въ пищу безъ всякаго предварительнаго приготовленія и напередъ приготовивъ. Сырую рыбу потребляютъ въ двухъ видахъ. Во-1-хъ, ее мелко крошатъ, перемѣшиваютъ съ лукомъ, посыпаютъ солью (не то и безъ нея) — и блюдо готово. „Намъ случалось", говоритъ г. Бѣльковичъ, „пробовать такое кушанье, и нельзя сказать, чтобы оно было невкусно" (Труды Пріамур. отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.). Во-2-хъ, употребляютъ только голову и жиръ свѣжепойманной рыбы. Это считается лакомымъ блюдомъ. Его приготовляютъ такъ: „пойманную рыбу ороченъ беретъ за голову, дѣлаетъ два надрѣза кожи на хребтѣ, вырѣзая полосу хребтоваго жира. Затѣмъ отдѣляетъ голову рыбы отъ туловища, которое тутъ же бросаетъ. Послѣ того ороченъ подноситъ рыбью голову къ своему рту, беретъ въ зубы хребтовый жиръ и у самыхъ губъ отрѣзаетъ кусокъ жира. Проглотивъ отрѣзанный кусокъ, не разжевывая, ороченъ отрѣзаетъ новый кусокъ, идущій по слѣдамъ перваго, и продолжаетъ дѣйствовать такъ до тѣхъ поръ, пока не объѣстъ жиръ съ головы" (См. Нада-

ровъ, Сѣв. Уссур. край, 80 стр.). Я самъ не одинъ разъ видѣлъ дѣтей и взрослыхъ, съ наслажденіемъ сосущихъ свѣжія рыбьи головы.

Только что пойманную рыбу употребляютъ въ приготовленномъ видѣ: ее варятъ и жарятъ. Предназначенную для варки рыбу потрошатъ, не заботясь тщательно объ удаленіи чешуи; затѣмъ варятъ въ чугунномъ котлѣ и, вытащивъ ее въ чумашку, ѣдятъ палочками или руками. Рыбу костистую орочи-удиһэ мастерски приготовляютъ для ѣды: посредствомъ остраго ножа они изрѣзываютъ поперекъ туловища съ обѣихъ сторонъ рыбу, напримѣръ, щуку, причемъ надрѣзы дѣлаются не въ вертикальной, а нѣсколько наклонной къ хребту плоскости. Изрѣзавъ такимъ образомъ всю рыбу на мелкія пластинки, вмѣстѣ съ тѣмъ перерѣзываютъ всѣ кости и уничтожаютъ опасность проглотить длинную и колючую кость (см. Бѣльковичъ, Труды Пріамур. отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.). Жарятъ рыбу такъ: если она не велика, то ее протыкаютъ черезъ ротъ къ хвосту деревянною спицею, которую и втыкаютъ около горящаго очага; поворачивая рыбу къ огню то одною, то другою стороною, поджариваютъ ее и потомъ ѣдятъ. Съ большой рыбой поступаютъ нѣсколько иначе: предварительно съ обѣихъ сторонъ ея ножемъ снимаютъ мясо, а потомъ вышеописаннымъ образомъ насаживаютъ на спицы и жарятъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно сказать, что отъ китайцевъ позаимствованъ одинъ способъ приготовленія рыбы для ѣды: ее жарятъ съ лукомъ на бобовомъ маслѣ. Иногда къ рыбѣ, положенной въ котелъ, примѣшиваютъ тыквы, буды и мяса, получается какой-то оригинальный винегретъ въ китайскомъ духѣ.

Но орочъ-удиһэ не всегда можетъ пользоваться въ достаточномъ количествѣ свѣжею рыбою, особенно кэтою и горбушею, поэтому приходится дѣлать запасы ея. Приготовленная въ запасъ рыба называется ю к о л о ю, которую получаютъ путемъ слѣдующаго процеса.

Пойманная рыба поступаетъ въ распоряженіе женщинъ. Выгрузивъ ее изъ лодки на землю, устланною травою или вѣтками тальника, онѣ вооружаются небольшими, но острыми ножами и принимаются за пластованіе ея. Работа эта производится на маленькихъ столикахъ, на обрубкахъ дерева, на дощечкахъ или на тальниковыхъ вѣтвяхъ. Отрѣзавъ голову, орочонка, минуя позвоночникъ, отдѣляетъ ножомъ съ обѣихъ сторонъ мясо отъ костей со спины и реберъ, разрѣзая рыбу надвое по хребту. Когда такимъ образомъ распластована вся пойманная рыба, ее распредѣляютъ на извѣстныя части и приготовляютъ различными способами. Одну часть, разрѣзавъ снятыя полосы мяса поперекъ, насаживаютъ на тонкія длинныя деревянныя спицы и наклонно втыкаютъ вокругъ очага, чтобы она поджарилась. Затѣмъ ее кладутъ на помосты изъ жердей надъ очагомъ, гдѣ она сушится и коптится. Вторую

часть, послѣ распластовки, вѣшаютъ на жердяхъ, прорѣзавъ въ хвостѣ дыру, и оставляютъ вялиться на солнцѣ. Точно также сушится на солнцѣ рыба, предназначенная для корма собакъ, кости и головы, если послѣднія не съѣдены сырыми. На жердяхъ рыба вялится отъ двухъ до четырехъ и болѣе недѣль, смотря по погодѣ и по количеству солнечныхъ дней. Подвергаясь дѣйствію дождя, рыба не вялится, а гніетъ, распространяя вокругъ себя убійственный смрадъ; въ ней заводятся черви, которые или сами осыпаются, или смываются дождемъ. Но орочи-удиһэ не смущаются ни червями, ни гніеніемъ: часто они берутъ такую рыбу, обтираютъ ее слегка, ударяютъ разъ-другой обо что-нибудь твердое, сдираютъ кожу зубами и ѣдятъ, какъ самое вкусное блюдо. Когда рыба окончательно провялится, тогда ее несутъ въ юрту и на помостахъ изъ жердей надъ очагомъ сушатъ и коптятъ. Юкола, когда предназначается для собакъ, остается только вяленою. Совершенно готовую юколу складываютъ въ берестовыя коробки и хранятъ въ особыхъ амбарахъ вмѣстѣ съ другими различными припасами и предметами домашняго обихода. Иногда жарятъ рыбу цѣликомъ, сушатъ на очагѣ; иногда для собакъ просто разрѣзаютъ рыбу надвое съ костями и вялятъ на солнцѣ; иногда сушится и вялится рыба, съ которой предварительно была содрана кожа на выдѣлку, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Юколы орочи-удиһэ ѣдятъ такъ, какъ мы хлѣбъ: пьютъ съ нею, напримѣръ, чай. Иногда ее варятъ или пекутъ на горячихъ угольяхъ, отчего она становится мягкой и довольно вкусной. Наконецъ, приготовляютъ изъ юколы еще одно лакомое блюдо: жуютъ юколу, перемѣшиваютъ пожеванное съ какою-нибудь ягодою (брусника, морошка и т. п.) и ѣдятъ. Ѣдятъ ее также и съ нерпичьимъ жиромъ.

Наваръ ни изъ свѣжей рыбы, ни изъ юколы въ пищу не употребляется.

Второе мѣсто занимаетъ мясная пища, продукты охоты. Удиһэ употребляютъ въ пищу мясо всѣхъ дикихъ промышляемыхъ ими звѣрей: козы, изюбря, олена, выдры, барсука, кабана, медвѣдя, бѣлки, даже иногда тигра; но мяса собаки не ѣдятъ. Изъ птицъ ѣдятъ мясо утокъ и рябчиковъ, гусей, лебедей и многихъ другихъ. Орловъ и совъ не употребляютъ въ пищу. На основаніи личныхъ наблюденій долженъ сказать, что главнымъ пищевымъ продуктомъ, послѣ рыбы, служитъ въ сѣверной части территоріи орочей-удиһэ мясо сохатаго (лося), въ другихъ частяхъ—изюбря. Не даромъ они приготовленное въ запасъ мясо лося или изюбря называютъ, какъ мясо рыбы, юколою.

Мясо звѣрей употребляютъ въ приготовленномъ и неприготовленномъ видѣ; мясо птицъ, сколько мнѣ извѣстно, употребляютъ только въ приготовленномъ видѣ. По свидѣтельству большинства лицъ, изучавшихъ бытъ удиһэ, въ сы-

ромъ видѣ употребляютъ только жиръ, мозгъ, печень, сердце, почки и желудокъ звѣрей. Мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы ѣли мясо въ сыромъ видѣ [1]). Но г. Альфтанъ сообщаетъ, что по притокамъ р. Уссури употребляютъ въ пищу сырое замороженное мясо (см. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.).

Мозгъ или высасываютъ изъ костей, или раздробляютъ кости и складываютъ его въ чашечку, а потомъ ѣдятъ. Сырую печенку рѣжутъ на мелкіе кусочки, перемѣшиваютъ съ лукомъ и черемшой и ѣдятъ. Точно такимъ же образомъ ѣдятъ сердце и почки, а желудокъ уничтожаютъ, если и не со всѣмъ содержимымъ, то плохо очищеннымъ, потому что, по словамъ г. Бѣлковича, блюдо это распространяетъ очень сильный и не особенно пріятный запахъ. Безъ особеннаго приготовленія ѣдятъ, въ видѣ лакомства, вшей, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ гг. Бѣлковичъ и Альфтанъ. Лично я не видѣлъ, чтобы удиѣэ ѣли вшей, хотя не разъ созерцалъ охоту за „этими звѣрями“. При мнѣ вычесывали изъ головы деревянными гребнями паразитовъ, снимали ихъ руками изъ складокъ рубахи, панталонъ и бросали въ тлѣющій очагъ, гдѣ они и потрескивали. Въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ вшей, вычесанныхъ на потухшій очагъ: тогда онѣ покрывали пространство вокругъ него, подобно просыпанной бѣлой крупѣ.

Большею частью мясо звѣрей и птицъ употребляется въ вареномъ видѣ. Для этого мясо рѣжутъ большими кусками, не отдѣляя костей, кладутъ въ котелъ съ водою и кипяткомъ. Варятъ по вкусу и долго и недолго. Затѣмъ берутъ изъ котла куски простывшаго мяса, захватываютъ его зубами, а правой рукою, вооруженною ножемъ, обрѣзаютъ его у самыхъ губъ. Нельзя не удивляться при этомъ ловкости, съ которою владѣютъ при этомъ всѣ орочи-удиhe,—мужчины и женщины, взрослые, старики и дѣти,—ножемъ. Только въ особенно торжественныхъ случаяхъ варятъ изъ мяса супы, пельмени и китайскую лапшу. Всѣ эти блюда заимствованы у китайцевъ.

Кромѣ вареного, часто употребляютъ въ пищу жареное мясо, причемъ оно мелко крошится. И этотъ способъ приготовленія мяса, по всей вѣроятности, заимствованъ у китайцевъ.

Приготовленіе мяса лося и изюбря въ запасъ на зиму заключается въ слѣдующемъ: мясо разрѣзывается на тонкія полоски, затѣмъ вялится на жердяхъ и наконецъ сушится и коптится надъ очагомъ, подобно рыбьей юколѣ. Другой способъ заготовленія мяса впрокъ таковъ: долго кипятятъ въ котлѣ, а затѣмъ разрѣзаютъ его на тонкія пластинки, сушатъ и вялятъ на солнцѣ. Приготовленное такимъ способомъ мясо сохраняется очень долго. Такъ какъ

[1]) На побережьи Татарскаго пролива самымъ лакомымъ блюдомъ считаютъ мало провареный языкъ лося.

заготовка мяса впрокъ происходитъ лѣтомъ, то вывѣшенное для вяленья мясо обсѣдаютъ мухи, кладутъ свои яички, да оно и гніетъ. Лѣтомъ 1897 г. мнѣ приводилось близъ каждой юрты встрѣчать черныя ленты мяса сохатаго и цѣлые ворохи уже готоваго, сложеннаго въ коробы. Эту, такъ сказать, „звѣриную юколу“ хранятъ въ особыхъ амбарахъ, какъ и юколу изъ рыбы.

Юколу изъ звѣринаго мяса употребляютъ различно: въ непосредственномъ видѣ, варятъ съ приправами и поджариваютъ на угольяхъ. Любимымъ блюдомъ считается, по словамъ г. Надарова (Op. cit., 79 стр.), мелко настроганное мясо, облитое рыбьимъ жиромъ. По внѣшнему виду это блюдо, налитое въ чашку, похоже на сотовый медъ, а по вкусу при свѣжемъ рыбьемъ жирѣ сносно, при испорченномъ—получается смѣсь, которую невозможно поднести ко рту. Не менѣе лакомымъ блюдомъ считается сушеная „блонь“, или скребки съ высушенной пыльной кожи убитаго звѣря.

Наичаще употребляемыми въ пищу жирами являются: рыбій, лосиный и нерпичій. Жиръ лося употребляютъ въ трехъ видахъ: сыромъ, топленомъ и сушено-вяленомъ. Мнѣ не разъ предлагали въ подарокъ топленый жиръ лося въ пузыряхъ, говоря: „не хочешь ли масла сохата“?

Не могу сказать съ увѣренностью, ѣдятъ ли удиһэ устрицъ и другихъ морскихъ животныхъ, относимыхъ къ разряду голотурій. Можетъ быть, ѣдятъ ихъ только тѣ, которые занимаются ловлей морской капусты и совершенно „оманзѣли“. Насколько мнѣ удалось понять изъ разспросовъ, удиһэ употребляютъ въ пищу улитокъ.

Для большей части удиһэ растительная пища и въ настоящее время является на третьемъ планѣ, но въ южной части ихъ территоріи она начинаетъ занимать второе, если не первое мѣсто.

Наиболѣе древними по времени употребленія въ пищу орочами-удиһэ надо признать тѣ съѣдобныя растенія, которыя и встрѣчаются на территоріи ихъ. Сюда относятся нѣкоторыя травы и корнеплоды. Въ большомъ количествѣ, напримѣръ, всѣ удиһэ употребляютъ черемшу (сыды) и полевой лукъ; кромѣ того, травы—чугуній и хансимоній, особенно же часто можно встрѣтить лѣтомъ связки „земляной картошки“,—это луковичное растеніе, имѣющее бѣлаго или блѣдно-розоваго цвѣта клубень, идущій въ пищу, какъ прибавка къ рыбѣ или мясу. На сѣверѣ, по побережью Татарскаго пролива, это растеніе въ большомъ ходу. Какъ лакомство, лѣтомъ на томъ же побережьи ѣдятъ растеніе, называемое „латуцки“. Въ пищу идетъ стебель этого растенія. Оно растетъ на сырыхъ низинахъ и имѣетъ много воды въ стеблѣ, который слегка сладкій. Вообще удиһэ ѣдятъ многія дико растущія травы и корнеплоды, но собрать вполнѣ основательныя свѣдѣнія о нихъ въ короткое время нельзя, потому что на лицо не всегда бы-

ваютъ эти растенія, а описать ихъ обстоятельно удиһэ не могутъ. Подробное перечисленіе такихъ съѣдобныхъ травъ и растеній, собраніе изъ нихъ коллекціи—дѣло будущаго ботаника-изслѣдователя.

Всѣ орочи-удиһэ являются большими любителями ягодъ, растущихъ въ изобиліи въ ихъ странѣ. Брусника, клюква, морошка, голубица, дикій виноградъ и дикія яблоки потребляются въ большомъ изобиліи, иногда служа приправою къ мясу или рыбѣ. Дикія яблоки употребляются въ пищу только хорошо проваренныя; въ сыромъ же видѣ ихъ ѣдятъ только позднею осенью, когда небольшіе морозы прибьютъ ихъ и сдѣлаютъ вкуснѣе.

Наконецъ, тамъ, гдѣ орочи-удиһэ находятся въ сосѣдствѣ съ китайцами или русскими, гдѣ существуютъ пашни и огороды, или тамъ, куда проникаютъ пароходы и китайскіе или русскіе купцы,—тамъ въ пищу идутъ продукты земледѣлія и огородничества. Изъ огородныхъ растеній идутъ въ пищу—кукуруза, тыква, рѣдька, огурцы, бобы, стручковый перецъ, фасоль, брюква и картофель. Большая часть названныхъ растеній служитъ приправою къ мяснымъ и рыбнымъ продуктамъ, а меньшая употребляется самостоятельно. Кукуруза въ сухомъ видѣ и картофель приготовляются даже въ запасъ. Не имѣя теплыхъ помѣщеній, въ родѣ нашихъ погребовъ, удиһэ приготовляютъ картофель впрокъ слѣдующимъ образомъ: разрѣзавъ его на тонкія пластинки, высушиваютъ на солнцѣ. Конечно, при такомъ приготовленіи картофель теряетъ свой вкусъ и питательность.

Изъ продуктовъ земледѣлія въ пищу идутъ исключительно „буда“ или „чумидза“ (китайское пшено) и „майцза“ (пшеница китайская). По рр. Тэ-Судухэ, Пфусунъ, Тазуши и др. буда и чумидза составляютъ, можно сказать, основное питаніе. Въ плоскихъ котлахъ изъ чумидзы или буды приготовляютъ кашу, которую ѣдятъ съ бобовымъ или травянымъ масломъ. Въ этомъ случаѣ къ будѣ или чумидзѣ иногда прибавляютъ немного бобовъ или гороху. Чаще же всего потребляютъ буду или чумидзу немного сваренными въ водѣ. Изъ муки майцзы или кукурузы приготовляютъ хлѣбцы, сваренные на пару, по китайскому способу; кромѣ булочекъ (величиною съ кулакъ), жаратъ коржи на бобовомъ маслѣ и нерпичьемъ жиру. Послѣдняго рода печенья я самъ ѣлъ цѣлыя недѣли и находилъ ихъ очень вкусными, особенно когда они только что сняты съ котла. Тѣсто дѣлаютъ орочи-удиһэ плохо, такъ напримѣръ, между складками коржа встрѣчались прослойки муки. Очень любятъ удиһэ рисъ, который попадаетъ къ нимъ отъ купцовъ русскихъ и китайскихъ, а иногда и отъ японскихъ рыболововъ. Ржаной хлѣбъ и гречневая крупа сдѣлались извѣстны удиһэ, благодаря столкновенію съ русскими. По словамъ г. Падарова [1]), орочоны съ удовольствіемъ ѣдятъ ржаной хлѣбъ

[1]) Op. cit. 91 стр.

и сухари. „Бывали случаи,—говоритъ онъ,—когда я, приглашая орочонъ въ гости къ своему костру, угощалъ ихъ женъ и дѣтей конфектами и шоколадомъ. Но какъ женщины, такъ и дѣти предпочитали конфектамъ ржаные сухари и, набрасываясь на нихъ съ жадностью, истребляли большое количество".

Мои личныя наблюденія говорятъ совершенно противоположное утвержденію г. Надарова. Хотя я въ обѣ экспедиціи не имѣлъ съ собою шоколада и конфектъ, все же у меня былъ сахаръ, который орочи-удиһэ ѣдятъ съ большимъ удовольствіемъ и ставятъ его выше остальныхъ пищевыхъ продуктовъ европейца. Что же касается ржаныхъ сухарей, то проводники и переводчикъ, равно другіе удиһэ, неохотно ѣли ихъ, хотя сухари были очень вкусные. Нѣкоторые удиһэ-проводники рѣшительно отказывались ѣсть ржаные сухари, и я кормилъ ихъ крупчатными американскими галетами. Такую же нелюбовь обнаруживаютъ они и къ гречневой кашѣ. Многіе мнѣ прямо заявили, что ржаные сухари и гречневая каша пагубно дѣйствуютъ на непривычный желудокъ.

Въ заключеніе обозрѣнія пищи необходимо упомянуть о способѣ, коимъ сохраняется на 2—4 дня свѣжая провизія во время лѣта, когда солнце палитъ по-тропически. Рыбу нанизываютъ на тальниковую вѣтку или на веревку и погружаютъ въ воду, привязывая къ камню и иногда сверху прикрывая ее тальниковыми вѣтвями. Мясо же сохатаго погружаютъ въ воду и сверху наваливаютъ камнями. Въ этомъ случаѣ холодная вода горныхъ рѣчекъ замѣняетъ наши ледники.

Выше было сказано, что часто рыба и мясо потребляются орочами-удиһэ вмѣстѣ съ растительными продуктами. Лукъ, тыква, чеснокъ и бобы являются въ этомъ случаѣ чѣмъ-то вродѣ нашихъ приправъ. Послѣднихъ, въ собственномъ смыслѣ слова, у нихъ нѣтъ, потому что если они потребляютъ очень малое количество, хотя въ настоящее время въ каждой почти юртѣ можно ее встрѣтить. Предпочитается прѣсная пища. Чаще и съ большимъ удовольствіемъ сдабриваются кушанья сахаромъ. Я не разъ видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ ѣли удиһэ японскій тростниковый сахаръ съ коржами на нерпичьемъ жиру, а о русскомъ сахарѣ, особенно цѣнимомъ даже японцами, и говорить нечего!

Когда я раздавалъ куски русскаго сахару, то причмокиванью губами, похваламъ и восторгу конца не было. Довольно сказать, что удиһэ приготовляютъ и ѣдятъ пельмени съ сахаромъ.

Теперь поведу рѣчь о напиткахъ, употребляемыхъ орочами-удиһэ. Кромѣ воды, удиһэ, какъ и другіе многіе дикари, употребляютъ исключительно такіе напитки, которые возбуждаютъ нервы и опьяняютъ человѣка.

Какъ засвидѣтельствовано всѣми моими предшественниками, порокъ пьянства и опьяненія сильно развитъ среди нихъ. Но въ этой потребности возбудительныхъ напитковъ едва ли слѣдуетъ видѣть одну только наклонность къ пороку или одну только порочность природы удиһэ. Чтобы правильно взглянуть на эту сторону жизни удиһэ, слѣдуетъ припомнить, что, съ точки зрѣнія исторіи жизни вообще человѣчества, въ чисто животной жизни низшихъ расъ потребность въ опьяненіи является *признакомъ извѣстнаго прогреса*: чтобы опьяниться, надо изобрѣсти или найти въ природѣ вещества съ опьяняющими свойствами. Кромѣ того, пьянство, по словамъ г. Ш. Летурно, „является наслажденіемъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ суровѣе жизнь, чѣмъ большими опасностями и затрудненіями она бываетъ окружена“. (См. Соціологія, основанная на этнографіи, 47 стр.).

Если орочъ-удиһэ самъ и не изобрѣтаетъ опьяняющихъ веществъ, пользуясь услугами китайцевъ, японцевъ и русскихъ, то отрицать въ нихъ потребность „подняться надъ обыденными условіями повседневной жизни“ нельзя, потому что эта повседневная жизнь очень сурова, какъ это достаточно показано на предыдущихъ страницахъ и какъ будетъ показано не разъ на послѣдующихъ. Для удиһэ, постоянно борющагося съ голодомъ, вѣчно бродящаго, какъ дичь, имъ преслѣдуемая, вѣчно работающаго для уплаты долговъ манзѣ и не видящаго конца-края своей долговой кабалѣ,—для него нѣтъ большаго счастья, какъ испытать, хотя бы на единый мигъ, чувство безграничнаго довольства, радостное чувство жизни, побуждающее забыть удары и уколы физическихъ и соціальныхъ условій окружающей жизни. Такія счастливыя минуты, несомнѣнно, и переживаетъ онъ во время опьяненія. Вотъ почему онъ съ такою страстностью предается опьяненію, доходя до того, что пропиваетъ шкуру медвѣдя за бутылку плохой пьяниковской водки [1]), выдру—за бутылку отвратительной японской саки (водки). Какъ и другіе дикари, орочъ-удиһэ безпеченъ и никогда не думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

Послѣ сказаннаго обращаюсь къ перечню всѣхъ способовъ опьяненія, практикуемыхъ удиһэ съ цѣлью забвенія суровой дѣйствительности. Самымъ легкимъ изъ возбуждающихъ напитковъ является чай, который удиһэ не особенно любятъ. Чай употребляютъ кирпичный и пьютъ его безъ сахару; часмъ запивается ѣда, а лѣтомъ его пьютъ вмѣсто воды.

Главное мѣсто среди возбуждающихъ напитковъ принадлежитъ алкоголю. Вина удиһэ не знаютъ, хотя на ихъ территоріи растетъ много дикаго винограда. Хотя удиһэ пьютъ водку китайскую (ханшинъ), японскую (саки), но преимущество отдается русской.

Китайская водка (*шаоцзю, ханшинъ* и *сули*) есть спиртный напи-

[1]) Братья Пьяниковы самые крупные винные заводчики въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

токъ, выдѣлываемый китайцами и корейцами во многихъ мѣстахъ Заусурійскаго края изъ каоляна (гаоляна) или изъ буды— сяомидзы (чумидзы). Выдѣлывается ханшинъ на заводахъ, главнымъ образомъ, въ зимнее время (съ ноября по январь включительно). Ханшинный заводъ представляетъ обыкновенную китайскую фанзу, въ которой устраивается квасильная яма и перегонный аппаратъ съ заторнымъ чаномъ. Чтобы получить ханшинъ, гаолянъ или сяомидзу насыпаютъ въ заторный чанъ и распариваютъ паромъ. Затѣмъ, подмѣшавъ въ распаренную массу извѣстное количество ячменныхъ дрожжей, укладываютъ въ квасильную яму, которую засыпаютъ слоемъ земли, замазываютъ глиною и покрываютъ крышкою. Черезъ 15 дней, когда заторъ пріобрѣтаетъ спиртуозность, начинается перекурка его въ ханшинъ. Остатки отъ куренія ханшина, въ видѣ сухой черной массы, поступаютъ въ кормъ скоту. Приготовленный изъ сяомидзы ханшинъ противенъ на вкусъ, и его пьютъ обыкновенно подогрѣтымъ; ханшинъ же изъ гаоляна не противенъ и напоминаетъ собою хорошую картофельную или плохую пшеничную водку. Въ общемъ ханшинъ—плохо очищенная и плохо приготовленная водка. Обычная цѣна ханшину въ сѣверной части территоріи удиѣэ 1 рубль за бутылку, въ южной— на половину дешевле. Крѣпость его равняется 50°—55° по Траллесу [1]).

Японская водка или с а к и, выгоняется изъ риса. Для полученія саки, приготовляютъ маточный разсолъ изъ равнаго количества воды и риса. Для болѣе быстраго броженія къ разсолу прибавляютъ извѣстное количество рисоваго фермента, принявшаго изъ воздуха достаточное количество бродильныхъ началъ. Всю эту смѣсь выдерживаютъ продолжительное время при ровной и не слишкомъ высокой температурѣ. Когда маточный разсолъ перебродилъ въ достаточной степени, къ нему прибавляютъ свѣжаго риса и воды въ равной пропорціи. Послѣ того какъ вся масса перебродила, жидкая часть ея, содержащая алкоголь, выжимается и фильтруется, затѣмъ отстаивается въ боченкахъ Полученныя послѣ осадка мути, прозрачная жидкость, содержащая около 10—12% алкоголя и называется „с а к и“. Саки довольно непріятный на вкусъ напитокъ и скоро опьяняетъ. Удиѣэ покупаютъ его неохотно и пьютъ только по нуждѣ: выпить хочется, а нѣтъ ни сули, ни русской водки. Бутылка саки продается на побережьи Великаго океана въ лѣтнее время за 1 рубль.

Какъ ни любятъ удиѣэ водку, но мнѣ не приводилось наблюдать слишкомъ неумѣреннаго употребленія ея. Равно я не знаю случаевъ, чтобы удиѣэ пропивалъ свою дочь или жену. Могу сказать, что, при самомъ сильномъ желаніи выпить, самое большое, на что способенъ онъ, это отдать за бутыл-

[1]) Подробно см. у Надарова, op. cit., 105—114 стр.

ку водки или сулл все, что добылъ охотою. Знакомы орочамъ-удиһэ и нѣкоторые возбуждающіе наркотики. Изъ нихъ почти повсемѣстно употребляется табакъ, рѣже, особенно на югѣ, опіумъ. Трудно сказать, когда и отъ кого позаимствовали они обычай курить табакъ, но куреньe послѣдняго сильно распространено между ними. Курятъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти, хотя между женщинами, какъ рѣдкое исключеніе, можно встрѣтить не курящихъ или, лучше сказать, мало курящихъ. Начинаютъ курить съ 4—7 лѣтъ, а нѣкоторые съ 13—14. Курятъ исключительно маньчжурскій табакъ, но не отказываются отъ турецкаго и американскаго; зато не любятъ японскаго, напоминающаго по виду плохой турецкій, но безъ крѣпости и аромата. Курятъ такъ часто, что почти не выпускаютъ изо рта трубки. Для куренія употребляютъ китайскія или маньчжурскія трубки, съ маленькимъ металлическимъ резервуаромъ и прямымъ длиннымъ чубукомъ, который заканчивается металлическимъ или прозрачнымъ цвѣтнымъ каменнымъ мундштукомъ. Табакъ хранится въ кожаныхъ (нерпа, собака и др. звѣрей) кисетахъ, носимыхъ за поясомъ, причемъ застежкою служитъ лягушка, мышь или другое изображеніе изъ такого же камня, изъ какого дѣлаются и мундштуки. Трубка хранится или въ кисетѣ или въ особомъ чехлѣ, висящемъ за поясомъ, или же ее носятъ за пазухой. Въ трубку входитъ мало табаку: на три—пять втягиваній, причемъ онъ или набивается, или листья табачные сворачиваются въ сигару и вставляются въ резервуаръ. У очень немногихъ удиһэ доводилось мнѣ видѣть болѣе цѣнныя трубки. Эти трубки, цѣною въ 5—6 рублей, представляютъ коробочку изъ мѣди, съ нѣсколькими, чаще двумя, отдѣленіями, изъ которыхъ одно предназначено для храненія табаку, другое служитъ резервуаромъ, куда вкладываются металлическія трубочки. Резервуаръ наполняется водою, черезъ которую и проходитъ дымъ въ чубукъ, имѣющій изогнутую форму. На всемъ побережьи отъ р. Боучи до залива Пластунъ я встрѣтилъ такія трубки только у двухъ удиһэ,—фактъ, до нѣкоторой степени свидѣтельствующій о матеріальномъ благосостояніи этихъ инородцевъ. Названныя трубки, кромѣ своей дороговизны, требуютъ турецкаго или японскаго табаку и даютъ два—три втягиванья.

Подъ вліяніемъ китайцевъ и по ихъ внушенію, удиһэ начали курить опіумъ. Сколько мнѣ ни приходилось разспрашивать опіскуровъ—удиһэ, всегда получался одинъ отвѣтъ, что научили курить опій манзы. Поводовъ къ началу куренія опіума очень много, и они весьма разнообразны: у одного болѣла голова—и манза посовѣтовалъ курить опіумъ, который дѣйствительно уменьшалъ болѣзнь, и къ которому больной съ теченіемъ времени привыкъ; у другого ломило спину, и болѣло „брюхо“—манза опять указалъ на опіумъ, какъ на лѣкарство; третій видѣлъ, что манза—сожитель курилъ опій, захо-

тѣлъ попробовать, хорошо ли, да и втянулся въ куреніе. А разъ втянешься, отстать невозможно, потому что безъ опіекуренія чувствуется недомоганіе всего организма. Куреніе опіума распространено, кажется, между жителями побережья на югъ отъ р. Кушунгоу и усиливается по мѣрѣ большаго и большаго сближенія удиһэ съ манзами. Курятъ опіумъ только взрослые люди: самый молодой изъ видѣнныхъ мною опіекуровъ—удиһэ имѣлъ 25—26 лѣтъ. Подражая мужчинамъ, курятъ опіумъ и женщины, но ихъ очень мало.

Научивъ удиһэ курить опіумъ, китайцы научили ихъ и добывать его. Въ настоящее время во многихъ поселеніяхъ удиһэ по рр. Та Судухэ, Пфусунъ и др. до Кушунгоу можно встрѣтить посѣвы мака, исключительно съ цѣлью добыванія опіума. Посѣвъ мака производится, по большей части, раннею весною, чтобы до наступленія лѣтнихъ дождей (съ 15 іюля) собрать опіумъ. Орудія посѣва и способъ его—все заимствовано удиһэ у манзъ: сѣютъ макъ бороздками, потомъ не одинъ разъ пропахиваютъ углубленія между грядками. Когда опадутъ съ мака цвѣты, и головки увеличатся, и не созрѣютъ, тогда начинается сборъ опіума. Съ этою цѣлью ежедневно, отъ восхода до захода солнца, небольшими тонепькими ножичками дѣлаютъ на головкахъ мака горизонтальные порѣзы по такъ, чтобы не разрѣзать оболочку

Изъ порѣзовъ выступаетъ капельками бѣлый сокъ, который собираютъ пальцами въ небольшія липовыя коробочки. Изъ послѣднихъ онъ поступаетъ въ большую берестовую чумашку и выставляется на 15—20 дней на солнце. Подъ лучами его сокъ густѣетъ и темнѣетъ, и, такимъ образомъ, получается опій-сырецъ. Въ такомъ видѣ онъ хранится въ бумагѣ, пропитанной свинымъ саломъ, и поступаетъ въ продажу. Для куренія опіумъ-сырецъ подвергается вываркѣ, потому что курятъ вытяжку изъ опія. Выварка опія, или полученіе изъ него вытяжки, происходитъ слѣдующимъ образомъ: опій-сырецъ варятъ въ водѣ въ особой мѣдной чашкѣ, потомъ процѣживаютъ его черезъ китайскую фильтрующую бумагу; полученную жидкость снова варятъ, снова процѣживаютъ,—и подобную операцію продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не получится черная блестящая и тягучая, какъ смола, масса. Это и есть опійная вытяжка.

Приборъ для куренія опіума весьма сложенъ: трубка, лампочка, щипчики, лопаточка, чашечки, подносикъ—все это доходитъ до 40 рублей цѣною. Купить такой приборъ полностью не возможно для бѣдняка—удиһэ, поэтому обходятся самымъ необходимымъ: трубкою, лампочкою, щипчиками или иглою.

При всемъ разнообразіи деталей, устройство трубокъ для куренія опіума въ сущности заключается въ слѣдующемъ: длинный бамбуковый чубукъ имѣетъ отверстіе, соединяющееся съ каналомъ; отверстіе это дѣлается на разстояніи трехъ четвертей всей длины чубука. Въ отверстіе вставляется трубка, имѣющая

видъ небольшой чашечки, причемъ въ верхней ея части посрединѣ находится дырочка, такъ что трубка можетъ соединяться съ каналомъ. Къ этой-то дырочкѣ особаго устройства стальною или желѣзною иглою прикрѣпляется опійная вытяжка, предварительно „подсушенная“ [1]) какъ выражаются, на огнѣ лампочки. Курящій ложится, подноситъ трубку къ огню лампочки и сжигаетъ на немъ опіумъ, втягивая густой и сильно пахнущій дымъ. Пріемъ куренія повторяется одинъ или нѣсколько разъ въ день, смотря по степени, до какой дошелъ въ этомъ порокѣ курильщикъ опія. Но среди удиѳэ мнѣ не встрѣчался ни одинъ, который бы курилъ въ день болѣе 3-хъ разъ; куреніе опіума дорогое удовольствіе, и потому курить много не дозволяетъ орочамъ—удиѳэ матеріальная необезпеченность.

Немногіе изъ курильщиковъ опія говорили мнѣ на вопросъ о свойствахъ его „худо есть“. Этими словами они обозначаютъ то пагубное дѣйствіе, какое производитъ опій на курящихъ. Дѣйствительно мнѣ случилось наблюдать два случая разрушительнаго дѣйствія опія на удиѳэ. Особенно поразилъ меня Кохолунъ, о которомъ я упоминалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Стоитъ мнѣ вспомнить его имя — и передъ моимъ взоромъ встаетъ изможденное, изжелта блѣдное лицо, съ широко раскрытыми глазами. Такой видъ онъ имѣлъ, когда послѣ пріема опіума неподвижно лежалъ на нарахъ полутемной фанзы. Онъ уже года четыре куритъ опіумъ, и на его слабомъ организмѣ ярче всего сказалось пагубное дѣйствіе этого наркотика: нервная система у него разстроена, аппетита нѣтъ, сильное исхуданіе тѣла, кожа приняла уже зловѣщій изжелта пепельный цвѣтъ. Онъ изъ тѣхъ несчастныхъ опіекуровъ, которые ликвидируютъ свое имущество и жизнь. Работать онъ уже давно не можетъ, потому что и двигается съ трудомъ. Безотрадная дѣйствительность побуждаетъ его все чаще и чаще заглушать физическія и нравственныя страданія куреніемъ опія, и трудно сказать, лежитъ ли онъ понынѣ на нарахъ, или давно покоится въ сырой землѣ. Таково видимое, физическое дѣйствіе опія. Что же касается внутренняго, нравственнаго, то на мои разспросы я не могъ получить отвѣта, потому что удиѳэ не могутъ на своемъ бѣдномъ языкѣ выражать внутреннихъ движеній. По всей вѣроятности, опій притупляетъ сознаніе и причиняетъ полное забвеніе всего окружающаго. Не могу сказать

---

[1]) Проф. Таранецкій говоритъ о полужидкомъ состояніи опіума и о высушиваніи его на лампочкѣ. Я разспросами добился, что опійная вытяжка, которая подчасъ бываетъ твердая, какъ хорошо застывшая смола, не подсушивается на огнѣ, а перепаливается, потому что безъ перегорѣнія опій не даетъ дыма. Работу проф. Таранецкаго см. въ «Трудахъ Антропологич. Общ. при Имп. Военно-Медиц. Академіи», т. II., стр. 113.

насколько правъ Wernich (цитируемый профессоромъ Таранецкимъ), утверждающій, что всѣ курильщики опіума чувствуютъ полное довольство [1]).

Подводя итогъ всему сказанному доселѣ о пищѣ орочей-удиһэ, слѣдуетъ сказать, что никакого крупнаго переворота не произошло въ этой сферѣ жизни удиһэ: рыба и мясо, какъ были искони, такъ остаются и понынѣ главными пищевыми продуктами. Если въ настоящее время жителямъ южной части территоріи приходится переходить на растительную пищу, то нужно полагать, что этотъ переходъ, происходя исподволь, не будетъ слишкомъ вреднымъ для здоровья ихъ. Правда, ржаной хлѣбъ дѣйствуетъ на желудки ихъ, какъ слабительное, а гречневая каша, наоборотъ, сильно крѣпитъ. Но по физическимъ условіямъ края едва-ли когда-нибудь орочамъ-удиһэ приведется воздѣлывать рожь и гречу, слѣдовательно и питаться ими. Покупаемые же рисъ, буда и пшеничная мука потребляются съ удовольствіемъ и пользою.

Наиболѣе сытымъ временемъ для удиһэ является лѣто, осень и начало зимы, когда въ рѣки идетъ рыба, въ лѣсахъ много сохатыхъ и другого звѣря, когда много припасено пушнины, а услужливые купцы навозятъ всякой всячины. Наиболѣе голоднымъ временемъ слѣдуетъ признать вторую половину весны и начало лѣта, когда запасы истощаются. Впрочемъ, при отсутствіи печальныхъ случайностей, о которыхъ рѣчь была выше, орочу—удиһэ не приходилось бы никогда голодать.

Въ отношеніи ѣды и ежедневныхъ работъ, день удиһэ проходитъ слѣдующимъ образомъ: встаютъ они съ разсвѣтомъ. Женщины тотчасъ принимаются за приготовленіе пищи. Къ шести—семи часамъ, когда сойдутся послѣ работъ всѣ обитатели юрты, готова п е р в а я ѣда: ѣдятъ рыбу, мясо или чумидзу, смотря по мѣстности. Около полудня ѣдятъ в т о р о й разъ то-же самое, т. е. рыбу, мясо, буду и булочки изъ муки. Наконецъ, вечеромъ, при заходѣ солнца, ѣдятъ т р е т і й разъ, а затѣмъ ложатся спать. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ утромъ пьютъ чай съ юколою; въ другихъ—послѣ каждой ѣды пьютъ чай, равно въ теченіе дня пьютъ тогда, когда захочется пить, потому что иногда на очагѣ постоянно находится чайникъ. Бѣдныя семьи ѣдятъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Вѣдные и богатые удиһэ послѣ каждой ѣды обязательно курятъ табакъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ столъ бываетъ обильнѣе по количеству блюдъ. Вотъ, для примѣра, описаніе такого торжественнаго обѣда: „сперва была подана, — говоритъ участникъ [2]). сырая, мелкоискрошенная рыба съ лукомъ, но безъ соли; на второе—пельмени, но не съ мясомъ, а почти съ однимъ сахаромъ; потомъ

---

[1]) Подробное описаніе культуры опія и его потребленія см. въ моей монографіи: «Опіумъ. Его культура и потребленіе въ Зауссурійскомъ краѣ».

[2]) Г. Альфтанъ въ Трудахъ Пріам. Отд. за 1895 г.

лепешки изъ муки, жареныя на бобовомъ маслѣ; вареная рыба съ картофелемъ и фасолью; китайская лапша съ мясомъ; супъ изъ козули, при чемъ мясо было почти сырое и, наконецъ, жареный въ котлѣ мелко изрѣзанный пѣтухъ. Въ промежуткахъ между кушаньями угощали ханшиномъ (дзюбэ), который пили въ маленькихъ чашкахъ, въ $^1/_2$ рюмки и подогрѣтымъ. Орочоны ѣли очень много, страшно пыхтѣли и потѣли. Послѣ обѣда угощали чаемъ, а затѣмъ началась уборка. Сначала вымыли посуду, а послѣ этого обѣ бывшія въ балаганѣ хозяйки занялись расчесываньемъ волосъ. Если при этомъ на гребнѣ попадались насѣкомыя, то ихъ брали въ ротъ, раскусывали зубами, а черезъ нѣкоторое время ихъ выплевывали по нѣсколько штукъ въ разъ".

Подробное разсмотрѣніе способовъ приготовленія пищи орочами-удиһэ показываетъ, что они далеко ушли отъ той первобытной дикости, когда человѣкъ пожиралъ безъ всякаго разбора и безъ всякаго приготовленія все, что является съѣдобнымъ. Такъ они умѣютъ варить и жарить мясо и рыбу, для чего имѣютъ въ домашнемъ обиходѣ посуду; у нихъ есть очагъ, вокругъ котораго группируется семья; они садятся за столъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми— все это яркіе признаки сравнительной цивилизаціи.

Не забудемъ при этомъ, что орочу-удиһэ трудно прогрессировать въ данномъ отношеніи потому, что обѣдъ его зависитъ отъ тысячи случайностей. Хотя выше и указано было, сколько разъ принимаются удиһэ за ѣду въ теченіе дня, однако въ ихъ жизни нѣтъ той механической регулярности, съ какою, напримѣръ, мы по нѣсколько разъ въ день садимся за столъ. Поэтому про всѣхъ почти удиһэ можно сказать, что они ѣдятъ тогда, когда могутъ, и ѣдятъ такъ, какъ могутъ, стремясь при случаѣ употребленіемъ большого количества пищи вознаградить себя за невольный, подчасъ продолжительный голодъ. Послѣднее, между прочимъ, объясняетъ, почему наблюдателя поражаетъ иногда обжорство орочей-удиһэ.

Послѣ сказаннаго понятно станетъ и то, что для нихъ сущность духовной жизни заключается въ отысканіи пищи и въ удовольствіи, получаемомъ при насыщеніи ею. Много покушавшій удиһэ ложится спиною на нары и преаппетитно нѣсколько разъ рыгаетъ на всю юрту, затѣмъ засыпаетъ сладкимъ сномъ для того, чтобы проснувшись снова приняться за ѣду. Голодъ является большимъ стимуломъ для удиһэ: по требованію голода, онъ проявляетъ необычайную энергію, садится въ оморочку и разъѣзжаетъ цѣлыми днями по рѣкамъ и протокамъ, пока не убьетъ звѣря.

Для болѣе правильнаго отношенія къ удиһэ въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ забывать, что забота о насущномъ кускѣ хлѣба стоитъ на первомъ планѣ и для большинства цивилизованныхъ европейцевъ, что изъ „членовъ такъ называемыхъ командующихъ классовъ весьма многіе находятъ

свое первѣйшее удовольствіе въ услажденіи именно желудка, сопровождаемомъ употребленіемъ различнаго рода пріятныхъ вкусовыхъ веществъ". И если „взявъ въ общемъ все человѣчество, можно сказать, что высшія потребности чувства и разума являются лишь побочными явленіями", то зачѣмъ же быть строгими въ отношеніи удиѣэ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ употребленіи ими наркотиковъ. Психо-физіологія только въ будущемъ дастъ точныя свѣдѣнія о дѣйствіи табаку и опіума на центры сознанія въ человѣческомъ мозгу. Но пока что, можно утвердительно сказать, что, разрушая организмъ, наркотики не лишены благотворнаго дѣйствія; табакъ и опіумъ позволяютъ удиѣэ „доставить себѣ, по выраженію Ш. Летурно [1]), минуту забвенія и призракъ счастья среди потопа бѣдствій, окружающихъ его". Грустно сознаться, но слѣдуетъ сказать, что для удиѣэ, какъ и для многихъ другихъ дикарей, опьяненіе есть тяжкою цѣною покупаемая переходная ступень отъ грубаго физическаго довольства къ жизни духовной, о которой будетъ рѣчь впереди.

ГЛАВА IX.

Одежда.

Въ одеждѣ орочей-удиѣэ въ настоящее время мало сохранилось первобытной старины; въ этомъ отношеніи они сильно подчинились вліянію китайцевъ и гольдовъ; европейское вліяніе тоже начинаетъ проникать пока скромно, въ видѣ подареннаго русскимъ путешественникомъ пиджака, фуражки, офицерскаго сюртука или высокихъ сапоговъ.

Разсмотримъ сперва головные уборы, потомъ собственно платье, обувь и различныя мелкія принадлежности мужского и дамскаго туалетовъ, равно необходимое бѣлье.

Какъ мужскіе, такъ и женскіе головные уборы бываютъ зимніе и лѣтніе. Зимній мужской головной уборъ состоитъ изъ конусообразной шапочки. Это такъ называемая охотничья шапочка. Она шьется такъ: нижній кругъ, околышъ ея, дѣлается изъ тонкой рыбьей кожи; затѣмъ поверхъ ея, съ наружной стороны, нашивается нѣсколько полосъ, напримѣръ, по самому краю— оторочка изъ бѣличьяго мѣха, затѣмъ идетъ полоса изъ цвѣтной матеріи или цвѣтного сукна, далѣе еще нѣсколько такихъ же различной ширины полосъ изъ сукна и дабы (всего 6—7 полосъ). Само собою разумѣется, что каждая слѣдующая полоска дѣлается меньше предыдущей. Верхъ ея дѣлается

[1]) Лет., 57 стр.

изъ мѣха козьихъ ногъ или сплошь съ шерстью, или послѣдняя оставляется только полосками. Въ центрѣ донышка снаружѣ пришивается бѣличій хвостъ, одинъ или съ цвѣтными шнурками и шелковыми цвѣтными кисточками. Внутри по бокамъ шапочки пришиваются кожаныя ленты, вверху раздвоенныя и внизу, подъ подбородкомъ, сшитыя. Этими лентами, играющими роль резинки у нашихъ дамскихъ и мужскихъ шляпъ, шапочка держится на головѣ. Цвѣта матерій на шапочкахъ—синій, желтый, зеленый, красный и голубой.

Лѣтомъ мужчины носятъ круглыя войлочныя шляпы или конусообразныя соломенныя, чаще берестовыя. По словамъ г. Вѣльковича, соломенныя и войлочныя шляпы не выдѣлываются самими удиѣэ, а покупаются у русскихъ и китайскихъ купцовъ изъ гор. Хабаровска. Трудно сказать, насколько составляютъ берестовыя шляпы продуктъ самобытности. Зато слѣдуетъ прибавить, что мужчины не любятъ лѣтомъ носить головные уборы, а ходятъ съ непокрытыми головами.

Женскіе головные уборы не разнообразны: лѣтомъ женщины носятъ на головахъ куски синей китайской ткани или ситцевые платки, покупаемые у русскихъ купцовъ, въ дождь—мужскія берестовыя шляпы. Зимою покрываютъ голову теплыми платками или мѣховыми наушниками, прикрывающими большую часть головы.

Существуетъ одинъ головной уборъ, общій для мужчинъ и женщинъ, и надѣваемый лѣтомъ для защиты отъ комаровъ и мошекъ. Шьется онъ изъ синей и бѣлой дрели и формою совершенно напоминаетъ старинный дамскій капоръ, отверстіе котораго плотно облегаетъ лицо. Личное отверстіе имѣетъ обшивку, состоящую изъ нѣсколькихъ полосъ синей и черной дабы или коленкора и желтой, красной и черной тесьмы (обыкновенно бываетъ три полосы: широкая изъ матеріи и двѣ изъ тесьмы поуже). Такую же обшивку, но до $^1/_2$ четверти шириною, имѣютъ затылочная часть и низъ капора. Обшивка накладывается поверхъ дрели и состоитъ изъ различной ширины полосъ цвѣтной дабы, цвѣтного русскаго ситца и разноцвѣтной тесьмы. Образуемые полосами обшивки углы и самыя полосы вышиваются шелками или цвѣтными нитками въ узоръ, при чемъ преобладающими цвѣтами являются—синій, красный, желтый, бѣлый, черный, зеленый и розовый. Бываютъ капишоны глухіе, т. е. сшитые на затылкѣ, бываютъ и открытые, съ подшитыми по разрѣзу двумя клиньями. Послѣдніе сильнѣе защищаютъ плечи и шею, плотнѣе облегая голову. Видѣнные мною головные уборы были сшиты нитками и жилами животныхъ, при чемъ нитками шьются капишоны изъ дрели и дабы, а жилами животныхъ пришивается кожа.

Слѣдуетъ замѣтить, что удиѣэ не знаютъ того, что мы называемъ бѣльемъ: у нихъ одна и та же одежда исполняетъ роль верхняго и нижняго

платья, а равно и бѣлья. Лишь у очень немногихъ можно встрѣтить короткія рубахи изъ кумача или китайской дабы, носимыя подъ верхнимъ платьемъ и представляющія подобіе бѣлья. Кромѣ того, одежда ихъ неразнообразна и одинакова для мужчинъ и женщинъ, различаясь только длиною и названіемъ. Матеріаломъ для одежды служитъ рыбья кожа, китайскія матеріи и шкура звѣрей. По мѣрѣ того, какъ орочи-удиѣэ приходятъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ китайцами, китайскія матеріи вытѣсняютъ остальные матеріалы при постройкѣ платья, особенно рыбью кожу.

Главною частью костюма является рубаха, у мужчинъ до колѣней, у женщинъ гораздо длиннѣе. Она строится изъ рыбьей кожи или изъ китайской матеріи, а иногда оба эти матеріала соединяются, при чемъ китайская даба служитъ подкладкою, изъ нея же дѣлается внизу оборка. Покрой рубахи мужской и женской, независимо отъ матеріала, одинъ и тотъ же: это халатъ, съ широкими рукавами, съ вырѣзомъ въ воротѣ и косымъ разрѣзомъ во всю длину, состоящій изъ спинки и двухъ полъ. Если рубаха построена изъ рыбьей кожи, то воротникъ, плечи, края рукавовъ (обшлага), край верхней полы и низъ одежды раскрашиваются минеральными красками и представляютъ нѣчто въ родѣ каймы съ красивымъ узоромъ, въ которомъ перемежаются черный, красный, желтый, свѣтло-зеленый и свѣтло-голубой цвѣта. Очень красивая по узору кайма идетъ по бокамъ рубахи, отъ нижней каймы до пояса, равно и по серединѣ спины. Для подкладки или для всей рубахи, кромѣ рыбьей кожи, употребляется преимущественно синяя даба. Иногда вся рубаха изъ кожи раскрашивается разноцвѣтными полосами, идущими горизонтально, напримѣръ, полоса зеленая, черная, красная, кайма внизу изъ синей дабы. Вообще трудно перечислить всѣ варіаціи, которыя встрѣчаешь, какъ въ количествѣ узоровъ, такъ и въ ихъ расположеніи и чередованіи цвѣтовъ. Одно можно сказать, что женскія рубахи значительно превосходятъ мужскія рисункомъ, яркостью красокъ и обиліемъ ихъ. Если вся рубаха строится изъ китайской матеріи, то узоръ каймы дѣлается изъ разноцвѣтной тесьмы, полосокъ цвѣтныхъ матерій, и весьма часто вышивается разноцвѣтными нитками. Весьма не рѣдко весь низъ рубахи обшивается металлическими блестками и бляшками, а на р. Самаргѣ у вдовы старшины Индину я видѣлъ рубаху, унизанную въ два ряда русскими двугривенными. Пуговицъ обыкновенно бываетъ три; одна застегиваетъ воротъ у самаго горла, другая помѣщается на правомъ плечѣ и третья подъ мышкою той же правой руки, потому что у орочей-удиѣэ лѣвая пола играетъ роль верхней. Пуговицы—металлическія, покупныя, или самодѣльныя, ременныя; петли изъ кожи—самодѣльныя.

Второе мѣсто въ костюмѣ занимаютъ штаны. Они отличаются весьма

простымъ покроемъ, если дѣлаются изъ рыбьей кожи: это двѣ штанины, привязываемыя веревочками или ремешками, продѣтыми въ петельки, къ поясу. Въ настоящее время эти штаны вытѣсняются шароварами китайскаго покроя и изъ китайской дабы. Сверхъ штановъ надѣваются наколѣнники, охватывающіе ногу отъ щиколотковъ и прикрѣпленные ремешками или веревочками къ поясу. Наколѣнники, какъ и штаны, дѣлаются или изъ синей китайской дабы или изъ рыбьей кожи, рѣже изъ кожи нерпы или другого звѣря. Зимою и при отправленіи на охоту надѣваются наколѣнники послѣдняго рода. Штаны у щиколотковъ иногда перевязываются широкою тесемкою. Зимою носятъ покупаемые у китайцевъ шубы и ватныя курмы или самодѣльныя изюбриныя мѣховыя куртки. Предназначаемые для женщинъ и сдѣланные изъ рыбьей кожи штаны и наколѣнники внизу украшаются узорчатою каймою, подобною той, какую мы видѣли на рубахахъ.

Наконецъ, третья основная часть костюма-обувь, одинаковая для мужчинъ и женщинъ. Матеріаломъ для нея служитъ рыбья кожа, кабанья, оленья и дрель. Улы и олочи (унты) представляютъ собою подобіе китайскихъ башмаковъ, но безъ подошвъ, съ невысокими голенищами. Впрочемъ, бываетъ эта обувь и съ высокими голенищами, щеголеватая; ее носятъ только женщины и молодые парни. Дѣлаемая изъ рыбьей кожи обувь преимущественно носится зимою, потому что тогда, при ходьбѣ на лыжахъ, она не такъ быстро изнашивается. Улы, похожія по фасону на глубокія дамскія туфли, не украшаются никакимъ узоромъ; олочи же и высокіе сапоги (амуи) украшаются узоромъ на подъемѣ и по краямъ голенищъ; у носка кожа собирается красивыми складками. Голенища спереди разрѣзаны и при надѣваніи обвязываются ремнями или кускомъ синей и бѣлой дабы. Необходимую принадлежность улъ и другой кожаной обуви составляютъ подстилки изъ тонкой и мягкой травы, называемой у л а (Carex по Васильеву и Максимовичу). Въ южной части территоріи удиѣэ, гдѣ послѣдніе окитаились, всюду встрѣчаемъ китайскую обувь. Кое-гдѣ на сѣверѣ въ зимнее время носятъ сапоги изъ мѣха кабарги.

Одежда шьется нитками и жилами животныхъ; узоры нашиваются, наклеиваются или вышиваются купленными цвѣтными нитками. Обувь чаще всего шьется толстыми нитками, приготовляемыми изъ дикорастущей конопли.

Кромѣ указанныхъ главныхъ частей костюма, имѣется еще много второстепенныхъ. Такъ мужчины и женщины обвязываютъ рукава рубахи у кисти особыми нарукавниками. Послѣдніе представляютъ собою повязки, шириною въ ладонь и длиною около двухъ четвертей, съ однимъ концомъ нѣсколько суженнымъ. Къ этому суженному концу пришиты толстыя тесемки—завязки.

Нарукавники, построенные изъ рыбьей кожи или изъ китайской матеріи, всегда украшаются узоромъ, особенно тщательно украшается съ уженный край остающійся на виду. Узоръ дѣлается разноцвѣтнымъ шелкомъ, а края нарукавниковъ обшиваются тесьмою, преимущественно яркокраснаго цвѣта.

Особенною роскошью и нарядностью отличаются женскіе нагрудники, наплечники или—лучше сказать—нашейники, потому что они надѣваются вокругъ шеи, сверху воротника, и фартуки.

Нагрудники весьма разнообразны по своему виду и постройкѣ, но можно различать два фасона: одни короткіе, представляющіе видъ прямоугольника, такіе нагрудники бываютъ и теплыми, на ватѣ; другіе продолговатые, отъ аршина до аршина съ четвертью длиною, а шириною въ четверть. Вотъ описаніе двухъ наиболѣе типичныхъ нагрудниковъ. Болѣе простой изъ нихъ состоитъ изъ куска синей дабы или дрели, на которомъ внизу и вверху нашиты треугольники изъ разноцвѣтныхъ матерій; по серединѣ вшитъ прямоугольникъ изъ матеріи коричневаго цвѣта; по краямъ нагрудника идетъ разноцвѣтная обшивка, вышитая внизу разноцвѣтными нитками. Ширина нагрудника къ низу становится больше: вверху она равняется получетверти, а внизу болѣе четверти. Въ верхней части его—выемка для шеи, съ тесемками по краямъ выката для завязыванія сзади.

Болѣе роскошный нагрудникъ имѣетъ нѣсколько меньшую длину, но отличается множествомъ украшеній. Внизу онъ усѣянъ круглыми изъ красной мѣди бляхами, затѣмъ бляхами изъ бѣлой жести; въ слѣдующемъ ряду, выше, пришиты пуговки и нѣсколько мѣдныхъ блестокъ, посрединѣ—пять кисточекъ, состоящихъ изъ трехъ голубыхъ нитокъ и четырехъ мѣдныхъ цѣпочекъ. Въ самомъ верху—застежка: на ремешкѣ пришита бронзовая пуговка, продѣваемая въ кожаное ушко-петлю. Кромѣ того, на четверть отъ верхнихъ краевъ нагрудника пришиты съ двухъ сторонъ красные шнурки, для завязыванія нагрудника (подъ мышками) на спинѣ.

Фартуки имѣютъ такой же фасонъ, какъ и нагрудники, но отличаются большею длиною. Они также украшаются мѣдными пуговицами, бляшками, раковинками. Если фартукъ сдѣланъ изъ рыбьей кожи, то украшается рисункомъ изъ минеральныхъ красокъ, покупаемыхъ у китайскихъ купцовъ, прекрасно изучившихъ вкусы и потребности орочей-удиѣэ.

Къ одеждѣ слѣдуетъ отнести и нѣкоторыя туалетныя принадлежности. Такъ мужчины и женщины не стригутъ свои густые волосы, а отпускаютъ ихъ до длины естественнаго роста. Прическа волосъ заключается въ томъ, что мужчины и женщины дѣлаютъ по серединѣ проборъ и заплетаютъ двѣ косы, въ три пряди каждую. Затѣмъ длинныя косы перегибаются пополамъ

и перевязываются *). Для перевязыванія и существуетъ особая туалетная принадлежность, состоящая почти всегда изъ краснаго шнурка, унизаннаго цвѣтными раковинками, монистами и другими блестящими бездѣлушками. Такъ какъ шнурокъ идетъ отъ одной косы къ другой, не разрѣзываясь на затылкѣ, то у нѣкоторыхъ щеголихъ и щеголей затылочная часть косника обшивается матеріей, пальца въ 2—3 шириною, чтобъ на ней побольше помѣстилось раковинокъ и бляшекъ.

Вообще и мужчины и женщины, особенно послѣднія, отличаются большимъ пристрастіемъ къ разнымъ изящнымъ бездѣлушкамъ, которыя обязательно вѣшаютъ на себя. Такъ, на каждой нарядной женщинѣ можно увидѣть привѣшенный на шнуркѣ небольшой, часто причудливой формы, изъ цвѣтной матеріи, расшитой цвѣтными шелками, мѣшочекъ для храненія иголокъ; тутъ же виситъ небольшой кошелекъ, расшитый узорами, для нитокъ, наперстка и др. мелочей.

Изъ украшеній, свойственныхъ не только женщинамъ, но и мужчинамъ, слѣдуетъ назвать—серьги, ожерелья, кольцы и браслеты.

Въ настоящее время рѣдко встрѣчаются мужчины—удиһэ, носящіе серьги; но среди женщинъ попадаются часто и такія, которыя украшаютъ серьгами не только уши, но и носъ. Ушныя серьги обыкновенно состоятъ изъ желѣзнаго, мѣднаго или серебрянаго кольца, отъ 1 до $1^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ, соединеннаго съ другимъ или нѣсколькими разноцвѣтными стеклянными кольцами. Такихъ серегъ многія женщины вдѣваютъ по четыре въ каждое ухо, при чемъ для каждой серьги дѣлается особое отверстіе. Тяжелыя серьги сильно оттягиваютъ уши, но щеголихи не смущаются этимъ.

Носовыя серьги меньше размѣромъ и состоятъ изъ одного серебрянаго или мѣднаго колечка, продѣтаго въ правую ноздрю, рѣже въ носовую перегородку. Носовыя серьги сильно безпокоятъ непривычный взоръ европейца, но женщинамъ-удиһэ онѣ очень нравятся, и ихъ начинаютъ носить чуть не со дня рожденія.

Кольца желѣзныя, мѣдныя и серебряныя носятъ мужчины и женщины на пальцахъ обѣихъ рукъ, при чемъ не исключается и большой. Перстни любятъ широкіе и безъ камней. Мужчины и женщины носятъ на рукахъ еще браслеты изъ мѣди, серебра, кости и стекла. Ожерелья дѣлаются изъ китайскихъ монетъ и русскихъ, раковинъ, бусъ и другихъ погремушекъ, нанизанныхъ всегда въ два, три и четыре ряда.

Какъ ни обильны украшенія орочей-удиһэ, ни одно изъ нихъ не можетъ быть названо самобытнымъ въ строгомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе трудно

*) Многіе орочи-удиһэ мнѣ говорили, что ихъ за двѣ толстыя косы манзы называютъ чамуръ-тазами.

опредѣлить его стародавность. Перечисленныя украшенія являются издѣліемъ или китайцевъ, или европейцевъ, а нѣкоторыя напоминаютъ украшенія сосѣдственныхъ и родственныхъ инородцевъ-гольдовъ, гиляковъ и айновъ.

Для полноты описанія одежды удиһе, необходимо упомянуть еще о рукавицахъ, шарфахъ (боа) и постели.

Какъ лѣтнія такъ и зимнія рукавицы удиһэ имѣютъ одинъ фасонъ: это обыкновенныя русскія рукавицы съ однимъ пальцемъ. Лѣтнія строятся изъ тонкой рыбьей кожи или изъ выдѣланной кожи звѣрей, раскрашенной узорами изъ минеральныхъ красокъ. Параллельно съ основаніемъ большого пальца на ладонной части рукавицы дѣлается отверстіе, въ которое легко просовывается рука, и надо работать. Рукавица ремешкомъ привязывается къ одеждѣ, чтобъ не потерялась, когда вынимается рука. Зимнія рукавицы всегда дѣлаются изъ сыромятни съ оленьимъ и другимъ мѣхомъ внутри; снаружи иногда дѣлается опушка изъ бѣлки и клапанъ для закрытія отверстія изъ мѣха ногъ козули.

Шарфы изъ бѣличьихъ хвостовъ носятся зимою и въ настоящее время вытѣсняются изъ употребленія гарусными шарфами, покупаемыми у китайцевъ.

Постель орочей-удиһэ состоитъ изъ мѣховой подстилки (мѣхъ козули, медвѣдя, сохатаго), подушки и одѣяла. Подушки, впрочемъ, какъ и одѣяла встрѣчаются далеко не у всѣхъ удиһэ; подушка часто замѣняется собственною одеждою, свернутою въ нѣсколько разъ, или другимъ домашнимъ хламомъ, а одѣяло—шкурою звѣря. Подушки встрѣчаются двухъ видовъ: обыкновенныя, похожія на наши, съ ситцевыми или дрелевыми наволочками, набитыя пухомъ и перьями дикихъ птицъ,—и продолговатыя, круглыя, похожія на цилиндръ, набитыя опилками или ватою. Въ южной части территоріи удиһэ чаще попадаются подушки второго сорта, въ чемъ нельзя не видѣть вліянія китайцевъ. Тамъ же часто встрѣчаются манзовскія одѣяла, такъ называемые „тигры“, т. е. простыя шерстяныя одѣяла съ изображеніемъ тигра и чернымъ подкладомъ; встрѣчаются одѣяла изъ шелковыхъ оческовъ, тоже китайскаго издѣлія, и ватныя. Мнѣ приходилось видѣть особаго рода одѣяло, представляющее мѣшокъ и надѣваемое на совершенно обнаженное тѣло. Вообще лѣтомъ всѣ удиһэ спятъ обнаженные или полуобнаженные, при чемъ женщины, особенно въ фанзахъ, помѣщаются подъ особымъ пологомъ, сшитымъ изъ китайской цвѣтной матеріи и имѣющимъ видъ небольшой прямоугольной палатки. Этотъ пологъ, очевидно, явленіе позднѣйшее и означаетъ извѣстную степень нравственной эволюціи, такъ какъ у орочей-удиһэ обыкновенно спятъ всѣ—мужчины, женщины и дѣти—на однѣхъ нарахъ подъ однимъ большимъ одѣяломъ.

Одежду и постельное бѣлье никогда не моютъ: разъ надѣтое платье носится до тѣхъ поръ, пока превратится въ лохмотья. Если присоединить сюда привычку зимою спать въ одеждѣ, то легко понять, почему въ ихъ жилищахъ, особенно въ нарахъ, встрѣчается безчисленное количество паразитовъ (вшей), доставляющихъ нѣкоторымъ удовольствіе послѣ обѣденной охоты.

Шитьемъ одежды занимаются исключительно женщины. Кроятъ онѣ платье безъ вырѣзокъ и формъ, причемъ орудуютъ кривыми, большими и малыми, ножами и китайскими ножницами. Несмотря на сказанное, покрой и швейныя работы ихъ отличаются относительнымъ изяществомъ и всегда большою тщательностью. Шьютъ иглами, причемъ наиболѣе употребительными являются швы черезъ край и строчка. При шитьѣ употребляютъ, какъ уже упоминалось, китайскія нитки и нитки, приготовленныя изъ дикой крапивы, изъ жилъ лося и изъ рыбьей кожи. Нитки послѣдняго рода отличаются плоскою формою.

Наиболѣе характерными особенностями одежды орочей-удиһэ надо признать—обиліе украшеній и обшивокъ, низкіе стоячіе воротники и большіе выкоты.

Хотя нельзя сказать съ опредѣленностью, что привзошло новаго чужого въ одежду удиһэ, однако, по аналогіи, можно утверждать, что именно во внѣшности и должно было произойти наиболѣе перемѣнъ, при столкновеніи ихъ съ различными сосѣдними народцами. Подтвержденіемъ такого мнѣнія служитъ сходство костюма удиһэ съ костюмомъ другихъ инородцевъ, живущихъ въ Приморской области. Далѣе, едва ли костюмъ женщины не сохранилъ болѣе первобытной старины, по крайней мѣрѣ, китайцы до послѣдняго времени не могли привнести никакихъ новшествъ въ эту отрасль быта удиһэ.

Одежда съ узорами изъ яркихъ цвѣтовъ, стремленіе украшать себя браслетами, кольцами и серьгами, причемъ въ послѣднемъ случаѣ эта страсть къ украшенію повела даже къ уродованію ушей и носа,—все это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что орочи-удиһэ вышли изъ періода первобытной дикости, встали на дорогу цивилизаціи и обнаруживаютъ большую наклонность въ послѣдней. Въ различныхъ узорахъ, которыми изукрашиваютъ они одежду, съ большой силой сказывается врожденное имъ эстетическое чувство, но это самое чувство еще съ большею силою проявилось въ другой сферѣ дѣятельности ихъ, въ сферѣ ремеслъ и искусствъ.

ГЛАВА X.

Ремесла и искусства.

„Прежде было совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Когда манзъ не знали, тогда все—одежда и домашняя утварь—дѣлалось изъ бересты и кожъ; ваты и дабы тогда не было, не было!“ Такъ жаловалась мнѣ старая женщина-удиһэ, доживающая въ одиночку среди манзъ, въ долинѣ р. Та-Судухэ, свои послѣдніе дни.

Въ этой жалобѣ заключается справедливое указаніе на то, что среди матеріаловъ, употреблявшихся и нынѣ еще употребляющихся ея соотечественниками для издѣлій, главное мѣсто занимали береста и кожа. Можно даже сказать, что въ настоящее время по количеству и разнообразію изготовляемыхъ предметовъ первое мѣсто изъ двухъ указанныхъ матеріаловъ, несомнѣнно, принадлежитъ кожѣ, потому что употребленіе бересты для издѣлій значительно сократилось. Береста, корье и вообще различные виды дерева въ обиходѣ удиһэ занимаютъ второе мѣсто,—затѣмъ слѣдуютъ—травяная пряжа, кость и металлы, наконецъ, рыбій клей. Постараемся возможно подробно описать обработку перечисленныхъ матеріаловъ.

Обработкѣ и выдѣлкѣ подвергается кожа не только различныхъ млекопитающихся животныхъ, но и рыбъ. Чаще всего обрабатывается и выдѣлывается кожа, лося, изюбря, пятны, козули, рѣже—медвѣдя, лисицы и другихъ животныхъ; еще рѣже выдѣлывается кожа крупной птицы, напримѣръ, лебедя, цапли. Кожа звѣрей выдѣлывается съ шерстью и безъ нея. Въ процессѣ выдѣлки кожи звѣрей можно различать слѣдующіе моменты. Первый моментъ—сушка кожи—начинается послѣ того, какъ ее снимутъ съ добытаго звѣря: системою палочекъ ее распяливаютъ и подвергаютъ дѣйствію солнечныхъ лучей. Часто близъ юртъ, иногда въ лѣсу, на значительномъ разстояніи отъ жилища, можно встрѣтить такія распяленныя для сушки кожи, если дѣло весною или лѣтомъ,—то висятъ кожи сохатаго. Когда кожа достаточно высохла, ее освобождаютъ отъ распорокъ, растягиваютъ на землѣ и желѣзнымъ скребкомъ соскабливаютъ жиръ и остатки засохнувшаго мяса. Скребокъ представляетъ желѣзную пластинку, изогнутую въ видѣ очка „червей“, причемъ хвостикъ карточнаго очка вгоняется въ деревянную ручку, а противоположный конецъ заостренъ. При выдѣлкѣ кожи, остріе скребка направляютъ къ себѣ, а не отъ себя. Если кожу необходимо бываетъ освободить отъ шерсти, то послѣдняя удаляется тѣмъ же скребкомъ. Затѣмъ

кожу смазываютъ горячимъ перпичьимъ жиромъ и мнутъ въ рукахъ; впрочемъ, иногда кожа мнется и безъ смазыванія ея перпичьимъ жиромъ [1]).

Размягчивъ такимъ путемъ кожу, ее снова растягиваютъ на землѣ и окончательно удаляютъ жиръ и кусочки мяса или плевы. Затѣмъ наступаетъ моментъ окончательной выдѣлки. Для этого существуетъ особый приборъ. Идея его—хорошо промять кожу, чтобы она приняла желаемую мягкость и нѣжность; но устройство—двоякаго рода. Одинъ видъ мялки представляетъ деревянное бревно, стесанное снизу и сверху; въ верхней части его выдалбливается углубленіе, имѣющее форму узкой, сильно растянутой пирамиды. Къ вершинѣ пирамидообразнаго углубленія прикрѣпляется вращающійся на деревянномъ или металлическомъ стержнѣ рычагъ-мяло. Какъ послѣдній, такъ и края углубленія имѣютъ зубцы. Свернутая трубкою кожа кладется подъ мяло поперекъ углубленія и нажиманіемъ рычага мнется, вдавливаясь въ углубленіе, до желаемой мягкости. На языкѣ орочей-удиһэ этотъ приборъ называется ч о ч о̀.

Другой видъ—небольшое бревно, обтесанное такъ, что по краямъ его имѣются выемки для вкладыванія (икрами) ногъ; посреди̇нѣ бревна дѣлается клинообразный желобокъ, шириною дюймъ или полтора, а длиною не болѣе четверти (=поперечинѣ бревна). Острый конецъ клинообразнаго желобка приходится внизу. Вложивъ ноги въ выемки, находящіяся по концамъ бревна и придерживая ими его, скомканную кожу вкладываютъ въ желобокъ и бьютъ либо деревяннымъ, либо металлическимъ тупымъ топоромъ до тѣхъ поръ, пока не получится кожа извѣстной мягкости. Это сложная мялка, состоящая изъ двухъ частей, поэтому каждая часть носитъ особое названіе: топоръ называется—пабатэ, а бревно—һайка. Если кожа выдѣлывается съ шерстью, то ее не подвергаютъ дѣйствію мялки, а выдѣлываютъ исключительно руками.

Для выдѣлки рыбьей кожи употребляются тѣ же орудія, т. е. ч о ч о̀ и һайки съ п а б а т э. Выдѣлкѣ подвергается кожа только крупной рыбы—кэты, таймэня и хое. Чешуя или удаляется до выдѣлки кожи, или нѣтъ. Процессъ выдѣлки заключается въ слѣдующемъ: сдѣлавъ вдоль живота рыбы надрѣзъ, отдѣляютъ кожу, обрѣзавъ ее около головы; затѣмъ распяливаютъ на палочкахъ или просто перебрасываютъ ее черезъ жердь и сушатъ на солнцѣ; въ засушенномъ видѣ кожа хранится въ юртѣ, вслѣдствіе чего иногда прокачивается, а когда потребуется для подѣлки, подвергается дѣйствію мялки.

Издѣлія изъ рыбьей кожи и изъ кожи дикихъ звѣрей занимаютъ видное мѣсто въ бытѣ орочей-удиһэ и отличаются большимъ разнообразіемъ. Изъ рыбьей кожи дѣлается одежда, обувь, головные покровы, сумки, бре-

[1]) Такъ поступаютъ при выдѣлкѣ кожи небольшого звѣря, напримѣръ, выдры, лисицы. При этомъ часто вмѣсто скребка употребляютъ обыкновенный маленькій ножъ.

зенты, непромокаемыя куртки, мѣшки, паруса, нитки и, вслѣдствіе ея нѣжности, всевозможныя украшенія для украшенія одежды и другихъ предметовъ домашняго обихода.

Кожа дикихъ звѣрей, кромѣ одежды, обуви и головныхъ покрововъ, идетъ на мѣшки, сумки, уздечки для собакъ, хомуты для передовыхъ собакъ, пояса, ремни для удочекъ, покрышки для палашей, лыжи, шаманскіе бубны, колчаны для стрѣлъ, ножны для ножей, пороховницы, походныя сумки (на югѣ называемыя питоуза), тетивы для луковъ и другія многія подѣлки.

Орудія для производства означенныхъ предметовъ домашняго и промысловаго обихода весьма несложны: большой и малый ножъ для кройки и вырѣзыванія узоровъ, иглы для шитья, а нитки (рыбьи, изъ жилъ животныхъ или изъ растительной пряжи) и рыбій клей служатъ для скрѣпы частей.

Наряду съ кожей въ быту орочей-удиһэ огромную роль играетъ береста, корье и дерево. Между послѣдними первенствуетъ береста по количеству потребленія и по пріемамъ обработки.

Береста получается изъ березовой коры такимъ путемъ. Весною, когда древесный сокъ идетъ отъ корней къ вѣтвямъ, сдираютъ кору съ березы. Для этого выбираютъ прямоствольное дерево, съ котораго кора сдирается цѣльнымъ кускомъ, отъ основанія до начала вѣтвей. Для сдиранія коры существуетъ особый ножъ, состоящій изъ длинной (въ 1 саж.) рукоятки и клинка, длиною 1 или $1\frac{1}{2}$ четверти, шириною одинъ-два вершка, заостреннаго съ обѣихъ сторонъ. Такимъ ножомъ сдирается кора съ очень большихъ березъ. По словамъ г. Надарова (Op. cit. 74 стр.), у него былъ берестовый брезентъ изъ цѣльнаго куска длиною въ 11 аршинъ, а шириною 1 арш. и 3 вер.

Снятая съ дерева кора размачивается затѣмъ въ водѣ, сворачивается въ трубку и кипятится въ котлѣ, потому что отъ кипяченія она дѣлается мягкою. Въ такомъ только видѣ береста употребляется на подѣлки.

Древесное корье и дерево идутъ на подѣлки безъ предварительнаго приготовленія.

Можно безошибочно сказать, что теперь даже на югѣ, гдѣ сильно пострадала національность орочей-удиһэ, въ любой фанзѣ можно встрѣтить бересту и издѣлія изъ нея. Тамъ же, гдѣ вліяніе манзъ сказывается въ слабой степени, или куда оно еще совершенно не проникло,—тамъ почти вся посуда и нѣкоторая юртовая мебель сдѣланы изъ бересты. Чашки, всевозможныхъ видовъ и размѣровъ чумашки, ковши, тарелочки, ведра, колчаны для стрѣлъ, коробки, колыбельки, корзинки, табачницы, солонки, шляпы, вѣера, портфели для табаку, музыкальные инструменты—все это и многое

другое дѣлается изъ бересты. Изъ нея же приготовляются брезенты, исполняющіе роль крыши въ шалашахъ и походныхъ юртахъ, ковровъ, дверей и пологовъ. Для приготовленія такихъ брезентовъ берутся куски прокипяченной или распаренной на огнѣ березовой коры, сшиваются толстыми нитками изъ жилъ лося и обшиваются, для предохраненія отъ разрывовъ, по краямъ узкими полосками бересты.

Наконецъ, изъ бересты изготовляются всевозможныя накладныя украшенія, идущія на отдѣлку чумашекъ, ковшей, солонокъ, колыбелей и другихъ берестовыхъ же подѣлокъ. На эти украшенія идетъ береста самая тонкая и нѣжная, для полученія которой снимается нѣсколько слоевъ съ обыкновенной коры.

Всѣ берестяныя издѣлія, начиная чехломъ для ножа и кончая большимъ коробомъ для платья, поражаютъ изслѣдователя обиліемъ, разнообразіемъ и своего рода изяществомъ. Удивленіе становится тѣмъ сильнѣе, что для производства ихъ употребляются тѣ же несложныя орудія, какія мы уже видѣли при выдѣлкѣ вещей изъ кожи. И здѣсь ножъ—главный инструментъ, игла и нитки—главная скрѣпа.

Кора другихъ деревъ (еловая, дубовая и т. п.) идетъ исключительно на кровли.

Изъ различныхъ древесныхъ породъ, растущихъ на территоріи удиһэ, наиболѣе часто обработкѣ подвергаются—тальникъ, бархатный дубъ, ильмъ, тополь, осина и липа. Изъ названныхъ деревъ тальникъ, по всей справедливости, занимаетъ первое мѣсто въ быту удиһэ, особенно тѣхъ, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. „Тальникъ, по словамъ г. Надарова (Op. cit. 17 стр.), служитъ орочону для приготовленія шестовъ къ лодкамъ, распорокъ къ нимъ же; изъ тальниковой коры вьютъ веревки. Стружки тальника служатъ вмѣсто подушекъ младенцамъ и вмѣсто утиральниковъ взрослымъ. Въ то же время тальникъ даетъ главный матеріалъ для постройки лѣтнихъ и зимнихъ балагановъ, доставляя превосходныя жерди, добывать которыя легко почти на каждомъ шагу въ тальниковыхъ зарослях по берегамъ рѣчекъ“.

Тальникъ и другія вышеназванныя деревья идутъ на постройку юртъ, амбаровъ, шалашей, могильныхъ и другихъ срубовъ, гробовъ, батовъ и оморочекъ [1]), саней (наргъ), равно на подѣлку луковъ, стрѣлъ, коробочекъ, чашекъ, ловушекъ, столиковъ, ложекъ, табачницъ, колыбелей, вилокъ, черенковъ для ножей, рукоятей для копій, острогъ, тарелокъ, корытецъ, не-

[1]) По сообщенію г. Альфтана, прежде оморочки дѣлались изъ бересты, но въ виду ихъ крайней непрочности онѣ въ настоящее время выходятъ изъ употребленія. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.

сложныхъ приборовъ для витья веревокъ изъ дикорастущей крапивы, пряжи, орудій для выдѣлки кожи, веселъ, лопатъ, крючковъ для котловъ, треногъ, дощечекъ для выкраиванія узоровъ изъ кожи и бересты. Всѣ эти издѣлія, подобно издѣліямъ изъ бересты, отличаются изяществомъ и часто роскошною рѣзьбою. Орудіями обработки дерева являются—топоръ, сверло, ножи большіе и малые, долотца для выбиванія деревянныхъ гвоздей и особаго устройства рубанка. Послѣдній состоитъ изъ обоюдоострaго клинка, вставленнаго въ деревянную ручку, съ отверстіемъ по серединѣ, чтобы стружки вылетали свободно. Этимъ рубанкомъ можно строгать и отъ себя и къ себѣ. Встрѣчаются и обыкновенныя долота и молотки. Пилъ русскихъ я не встрѣчалъ, но японскія имѣются.

Несмотря на то, что во многихъ мѣстахъ территоріи удиһэ начало развиваться земледѣліе и огородничество, обработка техническихъ растеній весьма незначительна: доселѣ единственнымъ техническимъ растеніемъ, подлежащимъ обработкѣ, является мѣстная крапива. Изъ ноя посредствомъ простого прибора приготовляютъ нитки и веревки. Для этого высушенную крапиву предварительно мнутъ, освобождая отъ кострики, которую совершенно никогда не удаляютъ; затѣмъ берутъ волокна пряжи и крутятъ ихъ приборомъ, состоящимъ изъ ручки, на которой вращается веретено съ рожками. Иногда употребляются русскія веретена и прялки. Кромѣ крапивы мнѣ называли еще два дерева „я б и“ и с и һ а в а́, изъ волоконъ которыхъ также получаются нитки.

Нитки, кромѣ шитья, употребляются еще на приготовленіе неводовъ и сѣтей. Сѣти вяжутся при помощи совершенно русской иглицы (с я п у́), ручки для придерживанія сѣти (х а л а́) и дощечки, на которую навязываются петли. Тканья пряжи удиһэ не знаютъ, да едва-ли когда-нибудь и узнаютъ, потому что къ ихъ услугамъ въ изобиліи являются русскія и китайскія мануфактуры. Судя по разспросамъ и бытовымъ предметамъ, попадающимся и нынѣ, можно утверждать, что въ прежнія времена кость и издѣлія изъ нея играли большую роль въ жизни удиһэ. Встрѣчаемыя и теперь еще—палочки для ѣды изъ кости лося, вилки, ложки, игольники, острія для палокъ, съ которыми ходятъ на лыжахъ, крючки для ловли таймени, кольца, надѣваемыя на большой палецъ при натягиваніи тетивы у лука, браслеты—всѣ эти и другія подѣлки ясно свидѣтельствуютъ, что прежде кость имѣла широкое примѣненіе въ быту удиһэ. Когда кость вышла изъ широкаго употребленія, трудно съ точностью опредѣлить, вслѣдствіе отсутствія точной хронологіи въ памяти удиһэ; но, вѣроятно, уже давно она начала замѣняться металлами, преимущественно желѣзомъ.

Изъ бесѣдъ съ орочами—удиһэ выяснилось, что они очень любятъ куз-

нечное дѣло. Не смѣя утверждать, что желѣзо появилось у нихъ только со времени прихода въ край русскихъ, т. е. въ 50-хъ годахъ, долженъ сказать, что восьмидесятилѣтняя старуха—удиһэ, живущая на р. Та-Судухэ, сообщила, что, сколько помнитъ она себя маленькою, отецъ ея всегда занимался кузнечествомъ. Слѣдовательно, задолго до прихода въ край русскихъ орочи-удиһэ были знакомы съ желѣзомъ. На давнее знакомство удиһэ съ желѣзомъ указываетъ и то обстоятельство, что вспоминаютъ костяные наконечники для стрѣлъ. Они въ этомъ случаѣ говорятъ: „когда-то костяныя были стрѣлы". Среди коллекцій владивостокскаго музея, добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, нѣтъ костяныхъ наконечниковъ, ни стрѣлъ, ни копій. Наоборотъ, тѣ-же раскопки доставили много желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій. Такимъ образомъ едва-ли будетъ ошибкою утвержденіе, что съ желѣзомъ орочи-удиһэ познакомились очень давно, задолго и очень задолго до появленія въ краѣ русскихъ. Да и удивительнаго нѣтъ ничего въ этомъ, потому что они слишкомъ давно пришли въ соприкосновеніе съ китайцами, научившими ихъ кузнечному ремеслу. Послѣднее до того знакомо удиһэ, что успѣло нѣсколько специализироваться. Правда, каждый почти удиһэ кузнецъ, у каждаго удиһэ, во всякомъ случаѣ, въ каждомъ небольшомъ поселкѣ, найдете вы мѣхъ, наковальню и другія принадлежности кузнечнаго ремесла; но встрѣчаются среди нихъ и такіе, которые кузнечество дѣлаютъ главнымъ занятіемъ жизни. Та-Судухинская старуха говорила, что такимъ кузнецомъ—ремесленникомъ былъ ея отецъ. Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ удиһе—ремесленниковъ; у такихъ кузнецовъ-спеціалистовъ встрѣчается особая юрточка—кузница. Ювелирное дѣло также имѣетъ своихъ спеціалистовъ среди орочей-удиһэ. Мой проводникъ-удиһэ съ р. Кумгу́, впадающей въ Татарскій проливъ, съ гордостью показывалъ мнѣ широкое серебряное кольцо на большомъ пальцѣ, которое ему сдѣлалъ изъ русскаго серебрянаго рубля мастеръ-землякъ. Кольцо имѣло красивый узоръ изъ различныхъ черточекъ и насѣчекъ.

Орудіями кузнечнаго дѣла являются: клещи, наковальня, молотокъ или топоръ и мѣхъ. Угли употребляются древесные, взятые отъ костра или очага спеціально для кузницы стушенные. Печь или горило имѣетъ самое первобытное и незатѣйливое устройство: мѣхъ придавливается камнемъ, въ которомъ сдѣлано углубленіе, облегающее шейку мѣха. Со стороны камня, противоположной мѣху, кладутся пылающіе древесные угли. Тутъ же прямо въ землю или въ обрубокъ дерева вбивается наковальня, купленная у китайцевъ или русскихъ, равно какъ молотъ, топоръ и клещи. Кузнецы изъ желѣза изготовляютъ: наконечники копій, стрѣлъ, остроги, скребки, сверла, ножи всевозможныхъ формъ и размѣровъ, удочки, топоры, шила, погремушки въ поясу шамана, кольца для ушныхъ и носовыхъ серегъ; иногда кузнецы и слесар-

ничаютъ, починивая ружейные замки. Изъ всѣхъ перечисленныхъ издѣлій наибольшею отдѣлкою отличаются большія копья, употребляемыя для охоты на медвѣдя и тигра. Наконечники такихъ копій имѣютъ орнаментику изъ линій и точекъ, расположенныхъ симметрично.

Слѣдуетъ упомянуть еще о свинцѣ, который отходно покупается орочами-удиһэ у купцовъ. Изъ него дѣлаются исключительно пули для ружей, старой системы, рѣже-талисманы и амулеты для удачной охоты. Другіе металлы орочами-удиһэ не обработываются, хотя извѣстны.

Обработка камня въ настоящее время неизвѣстна у орочей-удиһэ, да никто изъ моихъ предшественниковъ не приводитъ даже никакихъ преданій о каменныхъ топорахъ, долотахъ и другихъ предметахъ изъ камня. Нѣтъ сомнѣнія, что въ глубокую старину удиһэ пережили каменный періодъ, но это было такъ давно, что короткая историческая память ихъ не удержала никакихъ преданій объ этомъ періодѣ. Встрѣчаемые нынѣ кремни и грузила пріобрѣтаются у манзъ. Трутъ и фитили къ старинному фитильному ружьямъ они приготовляли сами изъ липоваго лыка; но теперь спички китайской, японской и русской фабрикаціи вытѣсняютъ кремень и трутъ. Не зная сѣры, они знакомы съ древесной смолою и употребляютъ ее для осмолки батовъ и оморочекъ, если появляются въ нихъ трещины. Изъ корня сосны они вырѣзаютъ самое смолистое мѣсто, и такую палочку носятъ съ собою, во время скитаній по лѣснымъ дебрямъ, потому что небольшой кусочекъ такой палочки загорается яркимъ огнемъ во всякую погоду и даетъ возможность разложить быстро костеръ въ сырую и дождливую погоду.

Выше разсмотрѣны всѣ ремесла и производства орочей-удиһэ. Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ объ организаціи ихъ. Впрочемъ, строго говоря, никакой организаціи ремеслъ еще не знаютъ удиһэ: только кузнечество и ювелирное дѣло нѣсколько спеціализировались, да и то въ настоящее время они предпочитаютъ браслеты городскихъ мастеровъ (китайцевъ, японцевъ) браслетамъ, изготовляемымъ доморощенными мастерами. Не сомнѣваюсь, что при большемъ сближеніи съ европейцами и при болѣе частомъ посѣщеніи Владивостока, Хабаровска и др. городовъ Пріамурья удиһэ предпочтутъ чужія желѣзныя издѣлія своимъ, въ общемъ слишкомъ грубымъ и топорнымъ. Если что могло бы принять видъ организаціи, такъ это берестяное ремесло, и я вполнѣ согласенъ съ г. Альфтаномъ, сказавшимъ: „Первый энергичный предприниматель, который бы нашелъ вѣрный и постоянный рынокъ для сбыта этихъ дешевыхъ и изящныхъ произведеній своеобразной орочонской культуры, кромѣ подъема этой промышленности между орочонами, поднялъ бы ихъ благосостояніе. (Труды Пріамур. отд. за 1895 г.).

Если можно говорить о раздѣленіи общественнаго труда у орочей-

удиһэ, то онъ распался на мужской и женскій. Всѣ работы по обработкѣ кожъ и пряжи, по шитью всѣхъ видовъ одежды и обуви, по производству всевозможныхъ берестяныхъ издѣлій и нѣкоторыхъ мелкихъ деревянныхъ предметовъ, не относящихся къ промысламъ,—всѣ работы подобнаго рода лежатъ на обязанности женщинъ. На долю мужчинъ приходятся кузнечное и ювелирное ремесла, а равно издѣлія изъ кожи, дерева и кости промыслового характера. Мужчины и женщины удивительно быстро и аккуратно исполняютъ всевозможныя работы изъ бересты, дерева, кости и желѣза; но заниматься продолжительное время однимъ дѣломъ они, повидимому, не могутъ и дѣлаютъ все по мѣрѣ крайней необходимости.

По свидѣтельству многихъ изслѣдователей быта орочей-удиһэ, послѣдніе, несомнѣнно, обладаютъ сильно развитымъ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ инстинктомъ. Каждая вещь, каждый предметъ ихъ обихода отдѣланные съ замѣчательною тщательностью и талантливостью, подтверждаютъ мнѣніе изслѣдователей о вкусѣ производителей. Но при сильномъ врожденномъ художественномъ чутьѣ, искусство, какъ и другія стороны индустріи удиһэ, развито слишкомъ мало; оно остается примитивнымъ и едва ли дѣлаетъ поступательные шаги.

Наибольшаго развитія достигла та вѣтвь искусства, которую можно назвать „Орнаментировкою“. Эта отрасль искусства поражаетъ взоры европейца своеобразнымъ и красивымъ сочетаніемъ линій и красокъ и представляетъ нѣчто дѣйствительно изящное.

Орнаментика состоитъ изъ узоровъ, которые бываютъ двухъ видовъ: во-первыхъ, рисованные на предметахъ красками отъ руки; во-вторыхъ, вырѣзные изъ бересты, рыбьей кожи и тоже раскрашенные. Узоры перваго вида встрѣчаются, напримѣръ, на рубахахъ изъ рыбьей кожи, на портфеляхъ и сумкахъ; узоры вырѣзные изъ рыбьей кожи наклеиваются на одеждѣ и головныхъ покровахъ, а изъ бересты—на посудѣ, утвари, чумашахъ и др. берестяныхъ издѣліяхъ; вышивки разноцвѣтными шелками должны быть отнесены къ узорамъ этого вида, и онѣ встрѣчаются исключительно на матеріяхъ.

Вырѣзные изъ бересты узоры весьма часто имѣютъ еще сплошное или прерывчатое тисненіе, составленное изъ точекъ и черточекъ.

Стиль узора состоитъ изъ симметрично расположенныхъ прямыхъ, кривыхъ и спиральныхъ линій, образующихъ своимъ пересѣченіемъ разнообразныя фигуры. Преобладающими изъ нихъ являются похожія на буквы *X* и *E*. Любимыми цвѣтами являются—синій, красный, желтый, зеленый и черный; есть предметы, гдѣ послѣдній цвѣтъ исключительно господствуетъ. Краски употребляются исключительно минеральныя, покупаемыя у купцовъ; растительными красками пользуются лишь для окраски сѣтей. Въ послѣднемъ

случаѣ употребляютъ кору дуба, которую сушатъ, рубятъ на куски, варятъ и въ наваръ опускаютъ на 20 минутъ сѣть или неводъ. Пользуются, кромѣ дубовой коры, и кровью животныхъ, какъ красящимъ веществомъ.

Менѣе изящною представляется инкрустація на деревѣ, кости и металлахъ. Чаще всего можно встрѣтить инкрустацію на деревянныхъ подѣлкахъ: на ручкахъ ложекъ, тарелкахъ, дощечкахъ для вырѣзыванія узоровъ изъ кожи, деревянныхъ футлярахъ для трубокъ, табачницахъ и коробочкахъ. Инкрустація на подѣлкахъ изъ кости встрѣчается рѣже: на бляшкахъ, игольникахъ и ручкахъ вилокъ; а на металлическихъ издѣліяхъ она не только попадается рѣдко, но и не отличается изяществомъ. Стиль инкрустаціи на деревѣ разнообразнѣе такового же на кости и металлѣ, но въ общемъ онъ однообразенъ: это кривыя линіи съ завитками, причемъ преобладаютъ фигуры, похожія на французское *s*, и на русское ѣсъ, положенное горизонтально вверхъ или внизъ концами, т. е. ⸗ или ⸗. На видѣнныхъ мною остріяхъ копій инкрустація состоитъ изъ параллельныхъ круговъ и пересѣкающихся прямыхъ линій. Къ зачаткамъ скульптуры я отношу вырѣзываніе изъ дерева фигуръ и изображеній [1]). Сюда относятся шаманскіе амулеты, талисманы, фигурки на ручкахъ ложекъ, вилокъ, на крюкахъ для подвѣшиванья котла надъ очагомъ. Шаманскіе амулеты и талисманы представляютъ изображенія людей, различныхъ звѣрей (медвѣдя, соболя) и птицъ (утки, гуся). Изображенія звѣрей и птицъ весьма несовершенны, такъ что трудно бываетъ опредѣлить—медвѣдь или соболь, гусь или утка находятся передъ вами. Иногда человѣческія фигуры, равно части человѣческаго тѣла (напримѣръ, сердце) вырѣзываются изъ свинца, но такихъ фигуръ попадается очень мало.

Гольды и гиляки имѣютъ узоры и изображенія, сходные съ таковыми у орочей-удиһэ, поэтому невозможно сказать, насколько послѣдніе самостоятельны въ этой сферѣ дѣятельности. Можно только одно утверждать, что въ области искусства эти инородцы наименѣе подчинялись вліянію китайцевъ.

Остается сказать еще объ одномъ видѣ искусства—музыкѣ и пѣніи. Проводя недѣли среди удиһэ, я ни разу не слышалъ пѣсни, потому что рѣдко слышимое неопредѣленное мурлыканье нельзя назвать пѣснью. Правда, выпивъ лишнюю рюмку водки, удиһэ веселѣетъ, но и въ пьяномъ весельи нельзя уловить опредѣленные мотивы. Мнѣ казалось страннымъ, что женщины—удиһэ, сидя за шитьемъ или выдѣлкою кожи, не поютъ пѣсенъ. О мужчинахъ не говорю: имъ некогда пѣть, потому что мѣшаетъ вѣчно торчащая во рту трубка. Кажется, у нихъ поютъ только дѣти. Но что поютъ

[1]) Быть можетъ, вырѣзывались фигуры и изъ кости, но я не встрѣчалъ подобныхъ предметовъ, ни одинъ мой предшественникъ не называетъ ихъ.

они? „Данилка (пятилѣтній мальчикъ),—говоритъ г. Бѣлькевичъ,—постоянно веселъ и оживленъ, онъ не обращаетъ почти никакого вниманія на комаровъ и мошекъ и постоянно мурлыкаетъ себѣ подъ носъ какія-то пѣсенки. Поетъ онъ одну и русскую пѣсню, которой его кто-то научилъ, а именно: „Жилъ я у пана по самое лѣто“. Малопѣсенностью удиһэ объясняется и то, что доселѣ никто не представилъ въ записи ихъ пѣсенъ. Виною этого обстоятельства является не отсутствіе интереса у изслѣдователей къ ихъ пѣсенному творчеству, а неимѣніемъ у нихъ пѣсенъ[1]).

Будучи народомъ непѣсеннымъ, удиһэ и мало музыкальны. Всего на всего извѣстны четыре музыкальныхъ инструмента, которыхъ краткое описаніе здѣсь и сообщаю. Первый состоитъ изъ жестяной коробки, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ продаются консервированные фрукты; эта коробка ставится на землю днэмъ, а на открытый конецъ ея кладется длинная (около аршина) палочка изъ бузины или тростника, съ отверстіемъ внутри. Палочку стараются держать при игрѣ на половинѣ отверстія въ крышкѣ коробки. Втягивая въ себя воздухъ черезъ отверстіе палочки и модулируя языкомъ получаемые звуки, играющій производитъ однообразную, то веселую, то грустную, но оригинальную музыку.

Второй музыкальный инструментъ называется к у м к а й э и состоитъ изъ двухъ частей. Одна представляетъ тоненькую деревянную пластинку, формою своею похожую на бутылку въ разрѣзѣ. Ширина пластинки не болѣе полвершка. На этой пластинкѣ ножемъ вырѣзывается такая же фигура, какую изображаетъ она, но горлышко (шейка) дѣлается особенно тонкимъ. На концѣ основанія вырѣзки (широкій конецъ) дѣлается дырочка, куда продѣвается нитка, закрѣпляемая узломъ. Свободный конецъ нитки привязывается ко второй составной части музыкальнаго инструмента, круглой деревянной палочкѣ, съ отстроганнымъ плоско однимъ концомъ. Для игры на такомъ инструментѣ пластинка и палочка соединяются подъ прямымъ или тупымъ угломъ (смотря по длинѣ нитки) такъ, что заостренный конецъ послѣдней соединяется съ шейкою бутылочки, изображаемой пластинкою. Натянутая нитка издаетъ слабый звукъ отъ удара по ней пальцемъ. Сами удиһэ называютъ эту музыку дѣтской игрушкой,—и она на самомъ дѣлѣ такова. Вмѣсто деревянной иногда дѣлается металлическая (желѣзная) пластинка.

Третій музыкальный инструментъ, издающій звукъ, подобный звуку предыдущаго инструмента, но болѣе явственный, состоитъ изъ желѣзной дужки, концы которой сильно сближены. По срединѣ дужки припаена (приварена)

[1]) Мнѣ указали на одного удиһэ, какъ на знатока сказокъ, но онъ отозвался на мою просьбу незнаніемъ: «то люди такъ сказали», отвѣтилъ онъ мнѣ, когда я указалъ ему лица, отъ которыхъ узналъ, что онъ можетъ сообщить мнѣ много сказокъ.

пластинка, спускающаяся между краевъ дужки, выступающая изъ-за нихъ и заканчивающаяся загибомъ (крючечкомъ). Играющій, держа одною рукою за дужку, пальцемъ другой поднимаетъ и опускаетъ за крючечекъ пластинку, которая отъ сотрясенія издаетъ звукъ. И эта музыка кажется дѣтскою.

Весьма примитивна и скрипка орочей-удиһэ. Грифъ ея представляетъ круглую деревянную палочку съ вырѣзною головкою; въ головкѣ находится колышекъ для натягиванія единственной струны (жилы лося). Грифъ вставленъ въ берестовую коробочку цилиндрической формы. Одинъ бокъ коробочки, именно тотъ, который обращенъ къ струнѣ, затянутъ рыбьей кожей. Ударяя пальцемъ по струнѣ, получаютъ однообразный—то низкій, то высокій—(смотря по силѣ строя) звукъ.

Описаніе имѣющихся у удиһэ музыкальныхъ инструментовъ ясно говоритъ о ничтожномъ музыкальномъ развитіи ихъ, которые подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ довольствуются монотонною музыкою и при томъ такою, которая производитъ не мелодію, а скорѣе шумы. Вполнѣ вѣроятно, что первымъ музыкальнымъ инструментомъ удиһэ былъ шаманскій бубенъ, подъ звуки котораго шаманы монотонно и однообразно завывали свои непонятныя пѣсни.

Вообще въ области искусства удиһэ болѣе первобытны, чѣмъ въ сферѣ другихъ сторонъ своей жизни и дѣятельности.

ГЛАВА XI.

Общественный строй.

Изученіе общественнаго строя у многихъ инородцевъ Приморской области могло бы дать весьма интересный и поучительный матеріалъ для сужденія о зачаткахъ соціальной жизни у людей вообще. Какъ извѣстно, современная соціологія занявшись изученіемъ зачатковъ соціальной жизни, выдвинула двѣ теоріи: теорію патріархата и теорію матріархата. Въ силу первой теоріи происхожденіе общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: исходною точкою является моногамическій брачный союзъ, который путемъ однообразнаго послѣдовательнаго развитія превратился въ родъ, племя (или трибу), общину, націю и т. д. Эта теорія возникла въ половинѣ истекающаго столѣтія, и ея приверженцами является цѣлый рядъ историковъ—Ланге, Нибуръ, Момсенъ, Тирваль, Гротъ, Брэнъ, а въ послѣднее время

горячими защитниками ея оказались—Фюстель-де-Куланжъ [1]), Генри Сомнеръ Мэнъ [2]) и Вестермаркъ [3]).

По теоріи матріархата, исторія соціальной жизни человѣчества представляется въ такомъ видѣ: зародышемъ общества считаются болѣе или менѣе многолюдныя группы людей, у которыхъ существовалъ абсолютный коммунизмъ: отношенія половъ лишены тогда всякой правильности, а исключительнаго права на женщину въ формѣ брака не существуетъ. Отъ этихъ группъ посредствомъ внутренней дифференціаціи происходятъ другія аналогичныя группы меньшаго размѣра—племя, фратрія, родъ или кланъ, наконецъ семья. Эту теорію провозгласилъ въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія Бахофенъ [4]), затѣмъ ее подкрѣпилъ Макъ-Леннанъ [5]), а за нимъ признали ее: Джонъ Леббокъ [6]), Эдуардъ Тайлоръ [7]), Гербертъ Спенсеръ [8]), Льюисъ Морганъ [9]), Максимъ Ковалевскій [10]) и мн. др.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе полнаго незнакомства моихъ предшественниковъ по изученію быта орочей-удиһэ съ вышеуказанными теоріями, никто изъ нихъ не собралъ матеріала, могущаго подтвердить ту или другую изъ нихъ. Только одинъ г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи въ Обществѣ изученія Амурскаго края (1-го Ноября 1896 г.) сдѣлалъ попытку, слѣдуя Леббоку и Моргану, изслѣдовать номенклатуру родства у орочей Императорской гавани [11]). Но я рѣшительно боюсь, что уважаемый докладчикъ, увлекшись теоріями названныхъ ученыхъ, добылъ отъ услужливаго переводчика фантастическія свѣдѣнія на этотъ счетъ. Говорю такъ потому, что собственныя попытки получить подобнаго рода свѣдѣнія не принесли ровно ничего, да едва-ли, кромѣ какихъ-то неясныхъ намековъ, можно добиться отъ удиһэ въ настоящее время на этотъ счетъ. Быть можетъ, важнымъ препятствіемъ проникнуть въ эту область является незнаніе языка удиһэ, потому что переводчикъ не всегда можетъ объяснить спрашиваемымъ то, что требуется. Поэтому наблюденіямъ бытующаго общественнаго строя приходится подыскивать объясненія, чтобы онъ не казался не только непонятнымъ, но и совершенно хаотическимъ. Въ жизни орочей-удиһэ бытуетъ строгая система общественныхъ отношеній, регулирующая до мельчайшихъ подробностей поведеніе каждаго члена общества. Но проникнуть въ этотъ строгій порядокъ общественной

---

[1]) Древняя гражданская община.
[2]) Древнее право. Очерки первобытныхъ учрежденій и пр.
[3]) Происхожденіе человѣческаго брака.
[4]) Das Mutterrecht. [5]) Первобытный бракъ. Патріархальная теорія. [6]) Доисторическій человѣкъ. Начало цивилизаціи. [7]) Первобытная культура. [8]) Основанія соціологіи, т. I. [9]) Системы родства и свойства въ человѣческой семьѣ. Древнее общество. Семья у аборигеновъ въ Америкѣ. [10]) Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Право у осетинъ. [11]) Отчетъ о его сообщеніи.

жизни ихъ тѣмъ труднѣе, что вторженіе чуждыхъ установленій и чуждыхъ общественныхъ отношеній во многомъ затемнили самобытное, а во многомъ и совершенно его уничтожили. Гольды, китайцы, въ послѣднее время русскіе внесли столько разнообразія въ общественный механизмъ удиһэ, что оригинальное остается пока въ видѣ отдѣльныхъ клочковъ и обычаевъ. Эти то обрывки самобытныхъ общественныхъ учрежденій и позволяютъ изслѣдователю возстановить тотъ общественный строй, который нѣкогда имѣлъ широкое и полное господство въ жизни удиһэ.

Всякій изслѣдователь, посѣтившій селенія или станы ихъ, могъ легко замѣтить, что всѣ односельчане считаютъ долгомъ подѣлиться другъ съ другомъ продуктами ли охоты, рыбной ловли или чѣмъ другимъ. Угостите, напримѣръ, хозяина юрты водкою,—онъ непремѣнно раздѣлитъ ее съ присутствующими односельчанами, какъ дѣлитъ ее и съ членами семьи. Пойманная рыба, убитый на охотѣ сохатый дѣлаются достояніемъ стана; можно сказать, что всѣ предметы, при удобномъ случаѣ, могутъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ жителей даннаго стана.

Выше приведенное явленіе, равно такой торжественный праздникъ, какъ „праздникъ медвѣдя“, собирающій всѣхъ удиһэ данной мѣстности, т. е. своего рода односельчанъ, указываютъ на то, что въ основѣ общественнаго строя ихъ въ настоящее время родовое начало.

Трудно съ достовѣрностью сказать, что пережито орочами-удиһэ; до возникновенія рода,—моногамическій или групповой бракъ, потому что на это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что родъ удиһэ первоначально представлялъ родственно-религіозный союзъ, члены котораго не могли вступать между собою въ бракъ. Съ теченіемъ времени предѣлы рода могли измѣниться: къ кровному родству присоединилось свойство, затѣмъ привзошли въ него экономическія побужденія. наконецъ родъ обнялъ всю соціальную жизнь ихъ. При допущеніи такого постепеннаго расширенія основъ рода, легко объясняются многія явленія, бытующія и понынѣ въ ихъ общественной жизни. Такъ, во время переписи инородцевъ по побережью Татарскаго пролива, я не разъ встрѣчалъ въ юртахъ и фанзахъ неспособныхъ къ работѣ стариковъ, которые кормились хозяевами „все равно какъ сродственники“, по ихъ выраженію. Эта „сродственность“ простирается иногда нынѣ до того, что на р. Та-Судухэ въ фанзахъ удиһэ я встрѣчалъ манзъ-стариковъ, кормимыхъ потому только, что послѣдніе долго съ ними жили вмѣстѣ, чрезъ что сдѣлались „все равно, какъ родственники“. Такимъ образомъ, чужой человѣкъ, поселившійся среди какого-

См. въ газетѣ «Владивостокъ» 1896 г., №№ 47, 48, 50 и 51.

либо рода удиһэ, могъ быть принятъ въ число членовъ послѣдняго, въ качествѣ сородича, при чемъ условіемъ такого пріема иногда служила женитьба на женщинѣ принимавшаго рода. Вотъ почему не рѣдкость встрѣтить теперь среди удиһэ гольдовъ, являющихся равноправными членами даннаго стана, своими людьми".

Упомянутый выше обычай удиһэ дѣлиться съ односельчанами продуктами рыболовства и охоты наводитъ на мысль, что основою рода могло быть совмѣстное потребленіе продуктовъ промысла. Подобнымъ же пережиткомъ отдаленной, быть можетъ, старины является обычай, въ силу котораго каждый пришлецъ можетъ пользоваться угломъ въ юртѣ и пищею наравнѣ съ членами семьи.

Во времена полнаго господства родового строя, личная жизнь каждаго удиһэ, равно какъ и жизнь всѣхъ строго регулировалась множествомъ обычаевъ, имѣющихъ силу законовъ. Къ такимъ обычаямъ, уцѣлѣвшимъ донынѣ, можно отнести слѣдующій: искатели жень-шеня, напримѣръ, имѣютъ обыкновеніе обставлять жердочками найденный молодой корень; такой корень не возьметъ никто другой, кромѣ нашедшаго. То же самое бываетъ съ оставленнымъ въ лѣсу имуществомъ, шкурами звѣрей: никто не возьметъ чужого изъ-за страха суроваго наказанія со стороны общества.

Привѣтствія, состоящія изъ кодѣнопреклоненій и цѣлованія плечъ, раздѣлы земли на участки для охоты между извѣстными станами, отношеніе къ старшимъ, права наслѣдства—все это строго опредѣлялось и отчасти доселѣ опредѣляется обычаями, вытекающими изъ родового строя. Такъ, по смерти удиһэ, имущество его наслѣдуется ближайшими родственниками; но если-бы таковыхъ не оказалось, оно становится достояніемъ общества.

Главною заботою рода является охрана своихъ членовъ: по обычаямъ рода, ни одинъ членъ его не погибаетъ безнаказанно. Отсюда—родовая месть, пережитки которой встрѣчаются нерѣдко и нынѣ среди удиһэ. Нѣкоторыя подробности, указывающія на это явленіе, будутъ приведены въ главѣ о бракѣ.

Несмотря на многочисленность признаковъ родового строя, сохранившихся до настоящаго времени въ быту орочей—удиһэ, современному изслѣдователю общественной жизни ихъ приходится засвидѣтельствовать сильное ослабленіе родовой связи: послѣдняя такъ пала, что односельчане, напримѣръ, не могутъ сплотиться, чтобы дать отпоръ безчинствующимъ и насилующимъ ихъ манзамъ.

Различныя невзгоды жизни—эпидеміи, давленіе китайцевъ, ошибки русской администраціи, вслѣдствіе плохого знакомства съ племеннымъ составомъ инородческаго населенія Приморья, истребленіе звѣря—повели къ силь-

[1]) Такихъ я знаю на р. Самаргѣ.

ному измельчанію родовъ или фамилій. Въ настоящее время кое-гдѣ только можно встрѣтить значительныя фамиліи. Такъ, по свидѣтельству г. Бѣлковича, удиһэ, кочующіе по р. Хору и его притокамъ, составляютъ три большія фамиліи: Калироджига, Кимонку и Сыгдыри. (См. Труды Пр. от. и. р. г. об. за 1895 г.). Въ большинствѣ случаевъ роды раздробились на небольшія группы, живущія селами или станами въ нѣсколько юртъ или фанзъ. Удиһе не любятъ жить въ одиночку: мнѣ не разъ при опросахъ, что побудило уйти изъ такой-то мѣстности, отвѣчали: „Людей мало стало, скучно жить,—ну, и пришли сюда!“ Но при выборѣ мѣстности для поселенія руководствуются, главнымъ образомъ, чисто хозяйственными соображеніями; обиліе рыбы, близость лѣса, возможность огородничества или земледѣлія—вотъ главныя требованія, коимъ должно удовлетворять избираемое для поселенія мѣсто. На избранномъ мѣстѣ располагаются юрты обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, причемъ лѣтнія жилища вытягиваются по линіи господствующихъ вѣтровъ, но часто расположеніе жилищъ обусловливается характеромъ мѣстности. На р. Ботчи, напримѣръ, раздѣляющейся при устьѣ на нѣсколько рукавовъ, юрты разбросаны по всѣмъ протокамъ.

Дробленіе родовыхъ группъ повело къ охлажденію родственныхъ чувствъ, сознаніе важности родственной связи поблекло,—и потому удиһэ такъ легко гибнутъ подъ гнетомъ чужеземныхъ пришельцевъ. Только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, они увидѣли во мнѣ сторонника ихъ, а не обидчика, я могъ видѣть проявленіе сознанія, что они составляютъ одинъ народъ-удиһэ, по-манзовски—тазы, что имъ надо стоять другъ за друга. Тѣмъ-же ослабленіемъ родовыхъ чувствъ я могу объяснить себѣ совершенное прекращеніе на югѣ и рѣдкое на сѣверѣ празднованіе несомнѣнно родового торжества, такъ называемаго „Медвѣжьяго праздника“. Тѣсно связанный съ религіознымъ культомъ медвѣдя, этотъ праздникъ и понынѣ вызываетъ у ороча-удиһэ пріятное воспоминаніе. Правда, онъ не любитъ разсказывать объ этомъ торжествѣ постороннему человѣку, но во многихъ селеніяхъ можно встрѣтить срубы, свидѣтелей кормленія звѣря для праздника.

Самый праздникъ теперь рѣдко совершается среди удиһэ; на югѣ, по побережью Татарскаго пролива, о немъ сохранилось лишь одно смутное воспоминаніе, столь смутное, что ни одинъ удиһэ не далъ мнѣ настоящаго понятія о немъ. Только преклонная старуха Оргуэчо помнила его хорошо, потому что въ малыхъ лѣтахъ не однажды была свидѣтельницей и участницей. Между тѣмъ, по сообщеніямъ изслѣдователей жизни ближайшихъ родичей удиһэ, орогонъ Императорской гавани и р. Тумни, этотъ праздникъ остается и понынѣ въ полной силѣ, несмотря на проникающее христіанство.

Справляется онъ только зимою. Село, намѣревающееся праздновать „медвѣжій праздникъ“, въ особомъ срубѣ содержитъ медвѣдя и хорошенько его откармливаетъ. На это чисто родовое торжество сзываются не только односельчане, но и жители ближайшихъ селеній (прежде, очевидно, принадлежавшіе къ одному роду или фамиліи). По пріѣздѣ званыхъ гостей, медвѣдя вынимаютъ изъ сруба, разукрашиваютъ шею и лапы различными цвѣтными лоскутами и водятъ по деревнѣ, при крикахъ многочисленной толпы изъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Затѣмъ медвѣдя ведутъ на приготовленную заранѣе арену, представляющую прямоугольную площадку, длиною до 150 шаговъ, шириною до 30—50. На противоположномъ отъ зрителей и участниковъ торжества концѣ площадки устраиваются приспособленія для разстрѣла медвѣдя“: козелъ для привязыванія медвѣдя, за нимъ щитъ изъ жердей или бревенъ, съ двумя вилообразными по бокамъ жердями. Тутъ же выкопана яма, могила для костей убиваемаго звѣря. Привязавъ медвѣдя къ стойкамъ козла, мужчины, вооруженные луками, начинаютъ стрѣлять въ него. Когда израненный виновникъ торжества падетъ, его волокутъ къ костру, и начинается пиръ, при чемъ женщинамъ, допускаемымъ къ участію въ праздникѣ, не дозволяется ѣсть ноги, лапы, голову и сердце. Черепъ праздничнаго медвѣдя вѣшаютъ на одну изъ вилообразныхъ жердей, а когда зарываютъ въ яму, забрасываютъ ее бревнами. Праздникъ сопровождается играми и состязаніемъ въ борьбѣ, прыганіи и стрѣльбѣ.

Въ виду того, что „медвѣжій праздникъ“ устраивается сообща или если однимъ лицомъ, то при участіи многихъ, причемъ стараются дать мяса убитаго медвѣдя всѣмъ участникамъ, особенно приглашеннымъ, я считаю его не столько религіознымъ, сколько родовымъ торжествомъ. Быть можетъ, этотъ праздникъ служилъ и понынѣ служитъ напоминаніемъ участникамъ о принадлежности ихъ къ одному роду.

Въ отношеніи вліянія, какое оказываютъ на общественный бытъ удиѣе сосѣднія народности, всю территорію ихъ можно раздѣлить на двѣ части: восточную и западную.

Въ первой надъ удиѣе простирается русская власть, потому что они считаются русскими подданными и входятъ въ составъ Удской и Южно-Уссурійской округъ Приморской области. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло обстоитъ на бумагѣ. Въ дѣйствительности же они рѣдко видятъ русскихъ начальниковъ, потому что отсутствіе дорогъ дѣлаетъ возможною ѣзду, напримѣръ, въ Удской округѣ только зимою на собакахъ. Конечно, если-бы въ распоряженіи начальника Удской округи имѣлся пароходъ или паровая шкуна, тогда онъ могъ бы объѣзжать станы инородцевъ и лѣтомъ. Но такихъ средствъ передвиженія пока не имѣется, а лѣтомъ побережье Татарскаго про-

лива не допускаетъ иной ѣзды, потому что оно представляетъ сплошную тайгу, гдѣ не только нѣтъ дорогъ, но и тропъ. Въ южной части прибрежной полосы русская власть, въ лицѣ пристава и лѣсничаго, чаще появляется среди удиһэ. Кромѣ того, снаряжаемыя мѣстною высшею властью и учеными обществами экспедиціи даютъ удиһэ возможность почти ежегодно видѣть у себя русскихъ чиновниковъ, которыхъ называютъ или „бариномъ“, или „капитаномъ“. Всѣ указанныя обстоятельства въ совокупности пріучаютъ жителей восточной части къ русской власти и побуждаютъ ихъ прибѣгать къ ея содѣйствію въ трудныхъ случаяхъ. По моему, русской власти слѣдуетъ болѣе чутко относиться къ нуждамъ и просьбамъ удиһэ, принимать ихъ сторону въ жалобахъ на обиды со стороны манзъ и японцевъ,—тогда они окончательно, фактически, а не на бумагѣ будутъ русскими подданными и убѣдятся, что господа въ этомъ краѣ мы, русскіе, а не китайцы.

Въ настоящее время, свободные отъ податей, они пользуются отчасти самоуправленіемъ. Всѣ они подѣлились на различной величины общины (дробленіе прежнихъ родовъ), причемъ въ составъ общины входятъ группы, связанныя между собою или условіями мѣстности, или промыслами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Во главѣ общины стоитъ выборный старшина, не получающій жалованья, но пользующійся почетомъ, авторитетомъ и уваженіемъ. Впрочемъ, причиною авторитета и почета является, главнымъ образомъ, сознаніе избирателей, что ими выбранъ въ старшины самый умный человѣкъ, хорошо знающій ихъ законъ. Я лично имѣлъ случай убѣдиться, какъ трудно непопулярному человѣку попасть въ старшины. Пріѣхавъ для переписи инородцевъ на р. Самаргу, я узналъ, что старшина Индину умеръ уже пять—шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Когда только я высадился на берегъ, меня встрѣтилъ приличный на видъ, похожій по внѣшности на богатаго китайскаго китайца человѣкъ, оказавшійся гольдомъ, уже 12 или 13 лѣтъ живущимъ среди удиһэ. Видя во мнѣ начальство, „капитана“, этотъ гольдъ все жаловался мнѣ, что на р. Самаргѣ плохо жить безъ старшины. На мое замѣчаніе, почему же не выбираютъ старшину, онъ отвѣтилъ: „тебя ждали, ты самъ, капитанъ, старшину поставь“. Изъ бесѣды съ хитрымъ гольдомъ я увидѣлъ, что ему самому очень хочется быть старшиной. Я завелъ съ жителями Самарги рѣчь о необходимости выбрать старшину. Молва о томъ, что, просили меня выбрать такового. Молва о томъ, что, пользуясь присутствіемъ русскаго капитана, можно выбрать старшину, моментально облетѣла окрестности и достигла даже до р. Иди, гдѣ существуетъ особый старшина.

На другой день въ юрту покойнаго старшины Индину, гдѣ я проживалъ, собрались жители селеній, расположенныхъ по р. Самаргѣ, равно Идинскій старшина и нѣсколько „умныхъ“ людей изъ идинской же общины.

Идинскій старшина, повидимому, пользовался уваженіемъ, не только въ своей общинѣ, потому что Самаргинскіе удиһэ, какъ-бы въ оправданіе появленія его среди нихъ, говорили мнѣ: „онъ умный человѣкъ, хорошо знаетъ нашъ законъ“. Собравшіеся на сходку, такъ сказать, самаргинцы стали просить меня, чтобы я выбралъ имъ старшину. Не желая нарушить предѣлы даннаго мнѣ начальствомъ полномочія и унизить въ глазахъ удиһэ значеніе русской власти своимъ отказомъ, я черезъ переводчика передалъ присутствующимъ слѣдующее: выбирать старшину я не могу, потому что старшиною должно быть лицо, которое защищало бы интересы общинниковъ, его выбравшихъ; такимъ лицомъ можетъ быть только хорошій удиһэ, понимающій интересы общества, честный человѣкъ, твердаго характера, бывалый, потому что старшинѣ придется имѣть дѣло съ начальникомъ округи и другими русскими властями, такъ чтобы онъ могъ знать, какъ заявлять начальству о нуждахъ народа. Я человѣкъ чужой, не знаю, кто на Самаргѣ можетъ удовлетворить указаннымъ мною качествамъ: они лучше меня знаютъ, кто какъ держитъ въ отношеніи односельчанъ. Я замѣчалъ, что по мѣрѣ пониманія говоримаго мною веселое лицо заискивавшаго передо мною гольда становилось печальнѣе и печальнѣе. Очевидно, расчеты его на мою власть или—вѣрнѣе—на то, что я, пользуясь властью русскаго капитана, позволю себѣ навязать удиһэ непріятнаго имъ человѣка, разлетались прахомъ. Не желая обидѣть его, я прибавилъ, обращаясь къ удиһэ р. Самарги: „Вы просите меня выбрать вамъ старшину; хорошо; я знаю здѣсь вотъ его (я указалъ на гольда), его и могу предложить въ (кандидаты) старшины“. Со вниманіемъ до того слушавшіе мою рѣчь удиһэ и хранившіе глубокое молчаніе, вдругъ всѣ заговорили громко, что гольдъ не годится въ старшины, что имъ надо выбрать на эту должность своего человѣка, хорошо знающаго ихъ законы. Гольдъ скрылся, а собравшіеся, переговоривъ, остановились на двухъ лицахъ, изъ которыхъ одно выбрали старшиною, другое помощникомъ его.

По просьбѣ избирателей, я написалъ слѣдующее донесеніе начальнику Удской округи:

„Мы, орочоны селъ Кумдыта, Типкэ, Бигаулэни и др., находящихся на р. Самаргѣ, 27 іюня сего 1897 года, при общемъ собраніи, выбрали вмѣсто умершаго старшины Индину орочона Богà и въ помощники ему назначили орочона Анджири. Честь имѣетъ довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія и просить объ утвержденіи нашего выбора. Настоящую бумагу съ донесеніемъ Вашему Высокоблагородію согласились подписать всѣ орочоны названныхъ выше селъ, въ количествѣ 21 человѣка, а за нихъ неграмотныхъ, по ихъ личной просьбѣ, подписались случайные свидѣтели выбора старшины: посланный для переписи инородцевъ отъ р. Копии до бухты Пла-

стунъ коллежскій совѣтникъ Сергѣй Браиловскій и счетчикъ при немъ лѣсникъ Ѳедоръ Колачинъ".

Въ собраніи удиѣ для выбора самаргинскаго старшины присутствовала старшая вдова Индину и даже дѣлала замѣчанія присутствующимъ, когда тѣ совѣтовались, кого выбрать въ старшины. На р. же Кушунгоу выбирали старшину одни мужчины. Весьма вѣроятно, что присутствіе женщины въ первомъ случаѣ—чистая случайность и объясняется тѣмъ, что сходка происходила въ юртѣ покойнаго Индину.

Какъ видно, старшины общинъ являются представителями своихъ избирателей и обязаны вести всѣ дѣла по исконнымъ законамъ удиѣ. Полномочія старшинъ не строго опредѣлены, но въ лицѣ ихъ совмѣщается власть законодательная, юридическая, распорядительная и исполнительная. Они распредѣляютъ землю на промысловые участки, рѣшаютъ возникающія по поводу промысловъ распри, разбираютъ споры изъ-за калыма, изъ-за женщинъ и др. менѣе значительныя дѣла. Старшины общинъ, связанныхъ единствомъ рода, особенно территоріально сосѣдящихъ, собираются иногда вмѣстѣ для обсужденія важныхъ вопросовъ, вообще не остаются равнодушны къ нуждамъ другъ друга. Такъ напримѣръ, старшина р. Иди, не будучи въ состояніи, за дальностью разстоянія, явиться на р. Кушунгоу для выбора старшины, указалъ мнѣ орочона-удиѣ, котораго желательно было-бы жителямъ названной рѣки имѣть старшиною. Вся сущность власти старшинъ зиждется на авторитетѣ, основаніемъ которому служитъ сознаніе выбравшихъ, что избранный старшиною хорошо знаетъ старый законъ, и вѣра, что старшина всѣ дѣла рѣшаетъ согласно съ старымъ закономъ. Если-же вѣра эта разъ поколеблена, то значеніе и сила старшины падаютъ, равно какъ теряютъ силу и постановленія его по старинѣ. Такое пониженіе юридической власти старшины приходится часто наблюдать въ настоящее время среди удиѣ. Дѣло въ томъ, что молодое поколѣніе, вслѣдствіе частаго сближенія съ русскими, начинаетъ проникаться сознаніемъ, что настоящими властителями территоріи, занятой ими, являются русскіе; что начальникомъ ихъ долженъ быть русскій начальникъ округа или приставъ; что русскіе законы не столь суровы, какъ ихъ старые законы. Особенно чутки къ русскимъ законамъ женщины, которыхъ положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по истинѣ бываетъ безотрадно. Часто мнѣ жаловались старшины, что такая-то или такой-то не слушаются ихъ власти; если-же они хотятъ наказать ослушниковъ по старымъ законамъ, то послѣдніе грозятъ жалобою исправнику. Удиѣ поняли, что исправникъ по своимъ законамъ въ большинствѣ случаевъ поступаетъ совершенно противоположно старшинамъ съ ихъ старыми законами: напримѣръ, приставъ за-

прещаетъ продажу или мѣну невѣстъ, чего требуютъ по старымъ законамъ старшины.

Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшины оказываются совершенно безпомощными передъ новыми явленіями, которыя развивающаяся дѣйствительность такъ щедро плетъ каждый день. Для приходящихъ, напримѣръ, изъ г. Хабаровска зимою купцовъ—манзъ власть старшины и старый законъ удиһэ ничего не значатъ. Эти купцы—китайцы зимуютъ въ юртахъ своихъ должниковъ на полномъ иждивеніи ихъ, ловятъ на промысловыхъ участкахъ удиһэ соболя, берутъ за долги женщинъ, имущество, даже ружья, лишая удиһэ орудій промысла. И власть старшины совершенно безсильна передъ такими явными нарушителями правъ туземцевъ. Почему? А потому, что китайцы, гдѣ выгодно, опираются на русскіе законы: по старымъ, напримѣръ, законамъ удиһэ, за присвоеніе чужой собственности, чужой жены или за прелюбодѣяніе съ нею виновникъ подвергается мести, т. е. смерти. Но если-бы старшина или кто-либо изъ его избирателей осмѣлился прибѣгнуть къ расправѣ съ китайцами согласно съ старинными законами, то, по русскимъ законамъ, былъ-бы лишенъ свободы, что почти равно смерти для привыкшаго къ вольной жизни охотника удиһэ. Вообще положеніе старшинъ въ настоящее время можно считать трагическимъ: новыхъ русскихъ законовъ онъ не знаетъ, потому что никто не потрудился ему объяснить ихъ на его родномъ языкѣ, и боится ихъ, потому что они основаны на принципахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, къ какимъ привыкли удиһэ. Съ другой стороны, прогрессирующая съ каждымъ годомъ дѣйствительность упраздняетъ старинный, самобытный законъ. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы русскіе законодатели поспѣшили поскорѣе вывести удиһэ изъ неопредѣленнаго положенія. [1]) При большей наличности русской власти, удиһа охотно подчинятся русскому закону; тогда роль старшины снизойдетъ до разбирательства самыхъ незначительныхъ дѣлъ, не то просто до исполненія диктуемыхъ русскимъ закономъ предписаній. Не ошибусь, если скажу, что они жаждутъ этого столь привлекательнаго для нихъ русскаго закона. Поэтому высказанное г. Штернбергомъ сожалѣніе, что, съ прибытіемъ

[1]) Зная хорошо эту неопредѣленность, я съ чувствомъ глубокой радости прочиталъ въ № 2 газеты «Владивостокъ» за 1900 г. слѣдующій приказъ военнаго губернатора Приморской области (21 ноября № 438): «Министерство внутреннихъ дѣлъ предприняло... пересмотръ всѣхъ узаконеній, относящихся до инородцевъ; въ виду этого, по указанію пріамурскаго генералъ губернатора, назначаю комиссію, которой надлежитъ: 1) обсудить вопросъ о соотвѣтствіи дѣйствующихъ узаконеній объ инородцахъ съ нынѣшними условіями ихъ быта, съ современными ихъ потребностями и съ тѣми цѣлями, которыя должны быть преслѣдуемы въ видахъ надлежащаго устройства этихъ народностей и 2) выработать проектъ тѣхъ правилъ объ устройствѣ и управленіи инородцами, которыя надлежало бы установить въ замѣнъ дѣйствующихъ по этому предмету узаконеній».

русскихъ, дѣятельность суда у орочонъ Императорской гавани все болѣе и болѣе ограничивается и замѣняется полицейскимъ судомъ или судомъ унтеръ-офицера изъ кордона (газ. „Владивостокъ“, 1896 г., № 50, стр. 10), справедливо лишь въ томъ отношеніи, что во главѣ управленія инородцами должно стоять лицо, небезразличное насчетъ жизни и быта тѣхъ, надъ кѣмъ власть ему вручена.

Какъ бы то ни было, на побережьи Татарскаго пролива и по рѣкамъ, текущимъ по восточной части Зауссурійскаго края, значеніе русской власти еще признается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Совершенно иное видимъ въ западной части территоріи орочей-удиһэ.

Посѣтившій эту часть Зауссурійскаго края въ началѣ 80-хъ годовъ текущаго столѣтія г. Надаровъ писалъ: „Изъ разсказовъ большинства инородцевъ я пришелъ къ убѣжденію, что... орочоны до сего времени продолжаютъ платить маньчжурскимъ нойонамъ (чиновникамъ) ясакъ ежегодно въ размѣрѣ двухъ соболей съ каждой семьи (Op. cit. 129 стр.). Если орочъ-удиһэ не поладилъ съ гольдомъ или китайцемъ, они „отправляются въ предѣлы Китая, въ деревню Има-хоҳза... Здѣсь... постоянно проживаетъ самый маленькій китайскій нойонъ Виколо. Маньчжурскій нойонъ этого мѣстечка пріѣзжаетъ обыкновенно въ серединѣ лѣта, собираетъ опредѣленную дань и уѣзжаетъ обратно на р. Сунгари. Въ отсутствіе маньчжурскаго нойона судъ и расправу надъ жителями чинитъ китайскій нойонъ Виколо, къ правосудію котораго прибѣгаютъ обыкновенно всѣ инородцы“ (ibidem).

Такъ было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ того времени дѣло измѣнилось къ лучшему весьма мало, насколько можно судить по послѣднимъ извѣстіямъ. „Относительно вопроса о подданствѣ,—пишетъ г. Бѣльковичъ,—у орочонъ также очень смутныя понятія и, повидимому, скорѣе всего надо полагать, что они считаютъ себя людьми совершенно вольными и не подданными какого бы то ни было государства; землю, по которой они кочуютъ, они также не считаютъ кому-нибудь принадлежащей, также какъ и рыбу въ рѣкахъ. Во всякомъ случаѣ... случаѣ китайцевъ они считаютъ большими хозяевами въ этой странѣ, нежели русскихъ, и если только вѣрить ихъ разсказамъ, то они до сихъ поръ платятъ китайцамъ извѣстную подать шкурами соболей, за сборомъ которыхъ будто бы ежегодно на Хоръ пріѣзжаютъ китайскія власти... Китайцы и до сихъ поръ продолжаютъ творить судъ и расправу между орочонами, и не далѣе, какъ въ прошломъ году, по приговору китайскихъ судей, одинъ орочонъ былъ зарытъ живымъ въ землю за то, что убилъ китайца, укравшаго у него жену“ (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.).

Г. Альфтанъ то же самое сообщаетъ о судѣ и судьяхъ среди удиһэ, живущихъ по правымъ притокамъ р. Уссури. „Судъ у нихъ, — говоритъ

онъ, — очень своеобразенъ; всѣ судьи — китайцы, которые назначаются или китайскими чиновниками или исполняютъ свои обязанности, по выбору самихъ инородцевъ. Число судей обыкновенно три. Эти трое судей обыкновенно зимою объѣзжаютъ инородческое населеніе по Бикину, Иману и Вану и творятъ судъ и расправу, а кстати и торгуютъ. Всякій имѣющій жалобу обращается тогда къ нимъ, и они, призвавъ обвиняемаго, разбираютъ дѣло и приводятъ приговоръ въ исполненіе. Наказанія бываютъ или тѣлесныя или заключаются въ выплатѣ пени шкурками или вещами. Что судьи рѣшатъ, то выполняется безпрекословно. Приговоренному къ тѣлесному наказанію связываютъ ноги и, раздѣвъ его, кладутъ спиною кверху; затѣмъ, держа его за голову и за ноги, наносятъ ему удары не розгами, а палками толщиною около 1 дюйма. Спины и ногъ не трогаютъ. Удары наносятся не со всего размаха, но (все-таки) настолько сильно, что послѣ 20 — 25 ударовъ, по разсказу орочона, часть, по которой бьютъ, очень распухаетъ, и ее послѣ наказанія всегда натираютъ ханшиномъ, чтобы опухоль скорѣе опала. Число ударовъ при наказаніи обыкновенно не превышаетъ 60. Случаи смертной казни очень рѣдки; но говорятъ, что если преступленіе очень тяжкое, то виноватаго увозятъ на китайскую сторону и уже тамъ судятъ преступника. Бывали примѣры, что увезенные болѣе не возвращались“ (ibid.).

При составленіи приговоровъ не обходится безъ выпивки. Такъ, на сходкѣ 19 марта 1894 г. въ деревнѣ Дингу (на р. Вакѣ) выбраны были судьи, китайскій и гольдскій (онъ же и орочонскій) староста, но послѣдній долженъ подчиняться первому. При этомъ гольдонъ и орочонъ напоили до безчувствія. Пользуясь ихъ невмѣняемостью, сходъ постановилъ, чтобы всѣ долги были уплачены, а затѣмъ китайцы написали на доскахъ сводъ правилъ [1]) и скрѣпили ихъ общею подписью. По этимъ правиламъ, гольды и

---

[1]) Въ № 288 «Пріамурскихъ Вѣдомостей» напечатанъ одинъ экземпляръ подобнаго рода правилъ. Этотъ интересный документъ называется «Китайскій законъ Иманской общины» и написанъ на листѣ красной бумаги въ $1^1/_2$ арш. длиною и 6 вершковъ шириною. Эти законы были наклеены на стѣнѣ фанзы, обитаемой судебнымъ писаремъ (цун-ли). Приводимъ содержаніе ихъ, потому что имъ подчиняются и удэйцы, живущіе по р. Иману.

«Гуан-сюй 22-хъ лѣтъ. Февраля 13-го дня. Законъ общественнаго правленія.

§ 1. Карточная игра на деньги разрѣшается съ 1-го по 20-е января, а на съѣстное—съ 15-го августа по 15-е марта. Въ послѣднемъ случаѣ выигрышъ уплачивается натурою и сообща съѣдается; хозяинъ долженъ продавать все требуемое игроками на деньги.

За игру не на съѣстное хозяинъ подвергается оштрафованію 1 быкомъ и 15 пуд. муки.

§ 2. За продажу соболя не своему цай-туну (т. е. кредитору, хозяину) виновный подлежитъ 40 палкамъ и возвращенію соболя по принадлежности.

§ 3. За несдачу добытаго жень-шеня своему цай-туну виновный подвергается 40 палкамъ и изгнанію съ Има.

§ 4. За тайную отъ цай-туна куплю (?) пантовъ—40 палокъ.

§ 5. Прохожій имѣетъ право проживать въ каждой фанзѣ 3 сутокъ безплатно, а затѣмъ обязанъ платить по 40 коп., а за первые три дня новаго года по 5 рублей.

орочоны не имѣютъ права отдавать кому-либо постороннему, кромѣ хозяина, добытыхъ соболей, жень-шеня и пантовъ. Въ случаѣ нарушенія имъ грозитъ суровое наказаніе.

---

§ 6. За драку и ругань 40 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 7. Раненый ружьемъ или ножемъ долженъ находиться подъ наблюденіемъ та-е (судьи) 18 дней и, если умретъ, виновный подвергается погребенію заживо. Хозяинъ же, упустившій убійцу, наказывается 20 палками и 15 пуд. муки.

§ 8. За обманъ—40 палокъ.

§ 9. Членъ артели, укравшій чужую вещь, долженъ быть немедленно обличенъ и представленъ на судъ для наказанія 40 палками и 13 пуд. муки.

§ 10. Орочоны обязаны возить манзъ на лодкахъ по слѣдующей таксѣ: за 2-хъ человѣкъ съ 30 пуд. груза:

до уроч.	Ченза	(85 верстъ отъ устья р. Има) . . .	18 р.
» »	Мяо-линъ	(120 » » » » »)	24 »
» »	Калатуанъ	(144 » » » » »)	30 »
» фанзы	Ли-чин-фу	(280 » » » » »)	42 »
» уроч.	Сида-Тунъ	(389 » » » » »)	72 »

§ 11. За обвѣшиваніе на безменѣ—20 палокъ и 7 пуд. провизіи.

§ 12. За кражу въ китайской фанзѣ—40 палокъ и изгнаніе съ Има.

§ 13. За кражу въ балаганѣ—40 палокъ.

§ 14. За ссору изъ-за загнанной собаки—40 палокъ.

§ 15. За куплю-продажу большой рысьей шкуры тайно отъ цай-туна — 40 палокъ и возвратъ шкуры по принадлежности.

§ 16. Работникъ или половинщикъ («кулаширъ»), за оставленіе хозяина ранѣе 1 года не только ничего не получаетъ, но обязанъ вознаградить хозяина.

§ 17. За напрасный сборъ общества та-е обязаны возмѣстить убытки.

§ 18. За несвоевременное совершеніе священныхъ обычаевъ (кхоту) — работнику 40 палокъ, а хозяину 13 пуд. провизіи штрафа.

§ 19. Китаецъ, не вернувшій тазѣ отобранное ружье къ 15 апрѣля, подвергается штрафу.

§ 20. Для проживанія свыше 3 дней, неизвѣстный хозяину прохожій долженъ представить поручителя, что, однако, не избавляетъ хозяина отъ отвѣтственности за простушки проживающихъ у него.

§ 21. Каждая артель обязана имѣть проводника за плату 4 руб. сверхъ пая добычи.

Провинившійся та-е ставится на колѣни на время сгоранія «сяна» (курительной свѣчи изъ гнилушки, длиною въ $^1/_2$ аршина) и кромѣ того:

за	1	вину штрафъ.
»	2	вины штрафъ и палки.
»	3	» палки.
»	4	» палки.
»	5	» палки.
»	6	» палки.

Провинившійся судебный писарь (цун-ли) ставится на колѣни на время сгоранія 3 «сяновъ» и штрафуется «быкомъ».

Приведенныя правила, очевидно, защищающія интересы китайцевъ, ясно показываютъ, что послѣдніе считаютъ себя властителями долины р. Имана, иначе не присуждали бы за нѣкоторыя преступленія изгнаніе изъ долины ея. Кромѣ того, они объясняютъ почему удиѣ, разъ подпавшему подъ экономическое иго хозяина, трудно вырваться на свободу путемъ продажи своей добычи другому купцу, часто предлагающему большую цѣну. Наконецъ, въ § 1-мъ, вѣроятно, не точно переведено «карточная игра» вмѣсто «банковка»; это извѣстная азартная игра, которая является однимъ изъ средствъ, разоряющихъ простодушныхъ удиѣ и другихъ инородцевъ.

Такимъ образомъ, и понынѣ удиһэ, живущіе по правымъ притокамъ р. Уссури, признаютъ надъ собою власть китайцевъ и ихъ законъ; понынѣ они убѣждены, что живутъ на китайской землѣ, что китайскій императоръ ихъ властелинъ, можетъ запретить своимъ подданнымъ продавать имъ буду; что онъ можетъ брать съ нихъ подать соболями или деньгами. Права, по сообщенію г. Альфтава, сборъ дани теперь дѣлается втихомолку, и нѣкоторые удиһэ, живущіе далеко отъ р. Уссури, вовсе уклоняются отъ уплаты ясака на томъ основаніи, что „до нихъ далеко, и царь не узнаетъ“; однако китайскіе чиновники назначаютъ старшинъ на каждый притокъ р. Уссури и поручаютъ имъ сборъ соболей (по одному соболю съ балагана) или денегъ (по 2 руб. съ балагана).

Лѣтомъ 1894 г. эти китайскіе чиновники пріѣзжали въ Васильевскій поселокъ и останавливались у китайца Ван-дзье, служащаго ихъ агентомъ.

Все, досель сказанное, невольно побуждаетъ сознаться, что китайское вліяніе среди удиһэ и другихъ инородцевъ нисколько не поколеблено русскимъ, почти 50-ти-лѣтнимъ владычествомъ; что русскимъ еще много предстоитъ культурной и административной работы, чтобы фактически владѣть и покореннымъ краемъ и его аборигенами.

Теперь же говорить о какомъ-либо вліяніи русскихъ на инородцевъ нельзя: удиһэ, напримѣръ, какъ засвидѣтельствовано всеобщею переписью 1897 г., русскаго языка не знаютъ, а китайскій знаютъ подчасъ лучше своего роднаго. Какъ отзывается китайское вліяніе на удиһэ, мы уже видѣли, да и изъ послѣдующихъ главъ узнаемъ нѣкоторыя подробности.

ГЛАВА XII.

Семья и дѣти.

Въ прежнее время при полномъ господствѣ рода, предѣлы семьи удиһэ, по всей вѣроятности, были обширнѣе, чѣмъ то видимъ въ настоящее время. Весьма возможно, что подъ словомъ семья въ давнее время у нихъ разумѣлось нѣчто подобное римской „familia“, т. е. основою семьи тогда являлись не исключительно брачныя отношенія, а предѣлы власти главы рода. Тогда „фамилія“—не изъ тѣхъ только, кто были связаны съ главою ея по крови, а изъ всѣхъ находившихся подъ управленіемъ или покровительствомъ этой главы. Весьма неяснымъ пережиткомъ такой старины, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать бытующее нынѣ среди удиһэ обыкновеніе включать въ составъ семьи совершенно чужое по крови лицо. Во время переписи мнѣ не разъ приводилось встрѣчаться съ подобнымъ явленіемъ. Сперва мнѣ

отвѣчали въ такихъ случаихъ — „это родственникъ“. Когда же я старался точнѣе опредѣлить родственныя отношенія даннаго субъекта къ хозяину или хозяйкѣ, то оказывалось, что ни въ какомъ кровномъ родствѣ съ семьею онъ не состоитъ, что это совершенно чужой человѣкъ, но проживший въ семьѣ нѣсколько лѣтъ, участникъ въ хозяйствѣ, нѣчто въ родѣ нашего друга семьи, товарища мужа. Сюда же, можетъ быть, необходимо отнести обычай удиѣэ включать въ число семьи работниковъ.

Но указанные мною пережитки старины глубокой плохо сознаются тѣми удиѣэ, среди которыхъ я былъ лично; у другихъ изслѣдователей я не нашелъ на это никакихъ указаній, и поставленный здѣсь вопросъ требуетъ детальнаго изслѣдованія, при помощи умѣлаго переводчика.

Ниже я поведу рѣчь о семьѣ удиѣэ въ ея современномъ видѣ.

Нынѣ семья эта охватываетъ группу лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, т. е. въ составъ ея входятъ отецъ, матери, дѣти, внуки, племянники, племянницы, дядья, тетки, однимъ словомъ, родня по мужу и по женамъ. Кажется, родство не идетъ далѣе дядей и тетокъ; по крайней мѣрѣ, я ни лично не знаю, ни у своихъ предшественниковъ не находилъ указаній на этотъ счетъ. Правда, можно встрѣтить семьи, въ составъ которыхъ входятъ тесть и теща, но послѣдніе не всегда играютъ роль главарей семьи.

Внутренній строй семьи заключается въ подчиненіи младшихъ членовъ старшимъ. Главою семьи всегда считается старшій, но имѣющій силу и способности быть дѣйствительнымъ хозяиномъ юрты. Мнѣ доводилось переписывать большія семьи (болѣе 30 человѣкъ), гдѣ старикъ-отецъ, лѣтами старшій, уступалъ свое первенство въ юртѣ сыну, человѣку сорока лѣтъ, сильному охотнику и рыболову. Точно такъ же, въ случаѣ смерти главы семьи, фактическое господство удерживаетъ старшая жена только тогда, когда оставшіяся дѣти мужского пола—малолѣтни, иначе власть переходитъ къ старшему сыну.

Вообще хотя почитаніе стариковъ входитъ въ кодексъ нравственности удиѣэ, однако случаи фактическаго нарушенія этого правила происходятъ тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе врываются въ жизнь чуждыя вліянія.

Въ вышеприведенныхъ постановленіяхъ „Закона общественнаго управленія“ ни слова не говорится о наказаніи за непочитаніе или оскорбленіе отца. Это игнорированіе законовъ непочтенія родителей и старшихъ можетъ развязать руки молодежи; но такіе печальные случаи, при мирномъ и добродушномъ характерѣ удиѣэ, происходятъ рѣдко. Чаще глава семьи встрѣчаетъ отпоръ со стороны жены. „Замѣчательно, — говоритъ г. Надаровъ (Op. cit. 83 стр.), — что хотя отецъ есть старшина въ своей семьѣ и пользуется неограниченною властью, тѣмъ не менѣе мнѣ много разъ приходилось наблюдать,

какъ жена бранитъ и даже толкаетъ своего повелителя, если тотъ выпьетъ много ханшина и по требованію жены не идетъ спать въ свой балаганъ".

Подобные случаи рѣдки. Въ общемъ между мужемъ и женами существуютъ миролюбивыя отношенія. Хотя на долю женщинъ выпадаетъ много работъ, однако трудность въ настоящее время обзавестись женою и значеніе ея, какъ помощницы въ хозяйствѣ, завоевали имъ сносное существованіе. Мужъ находитъ необходимымъ обо всемъ совѣтоваться съ женою; если же у него двѣ жены, то старшая иногда посвящается во всѣ хозяйственныя дѣла.

Конечно, при существующей нынѣ куплѣ—продажѣ, между супругами не развивается чувство любви, считающееся у европейцевъ условіемъ, безъ котораго нѣтъ семьи, и посторонняго наблюдателя подчасъ даже поражаетъ холодность встрѣчи супруговъ послѣ двухъ-трехмѣсячной разлуки; но привычка, дѣти и экономическія соображенія сближаютъ мужа и жену настолько, что послѣ смерти главы проливаются слезы искренняго горя.

По самому существу дѣла, женщина—удиһэ не можетъ стоять во главѣ семьи. Привязанная мелочами домашней жизни къ очагу, она слишкомъ съуживаетъ свой житейскій опытъ, и потому бываетъ неспособна вести самыя несложныя дѣла, выходящія за предѣлы дома и маленькаго хозяйства". „Когда былъ живъ мужъ, тогда все было лучше; онъ могъ поѣхать туда и сюда, разыскать должниковъ. а я куда пойду, кого я знаю!" Жаловалась мнѣ старшая вдова Индину, перебирая кучу записокъ съ долговыми обязательствами.

И это говорила женщина, лѣтъ подъ сорокъ, еще полная силъ, женщина „умная", судя по совѣтамъ ея, во время избранія старшины, что же сказать о женщинѣ заурядной, какова, напримѣръ, вторая, младшая вдова Индину, совершенно безмолвная женщина, вся ушедшая въ заботы о своемъ маломъ дитяти, оставшемся ей отъ покойнаго мужа?

Если къ сказанному прибавить, что охота, одна изъ экономическихъ основъ быта удиһэ, не можетъ исполняться женщинами, то становится ясною несостоятельность женщины, какъ главы семьи. Вотъ почему, при сынѣ 20—22-хъ лѣтъ, власть главы и хозяина семьи фактически переходитъ къ послѣднему, матери же предоставляется право довольствоваться однимъ титломъ.

Хотя судьба дѣтей всецѣло зависитъ отъ родителей, хотя отецъ или глава семьи можетъ продать свою дочь, однако среди удиһэ существуетъ сильная любовь къ дѣтямъ. И личныя мои наблюденія и свидѣтельства предшественниковъ не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія; „своихъ дѣтей орочоны очень любятъ,—читаемъ у г. Бѣльковича,—ласки родителей по отношенію къ дѣтямъ приходилось видѣть очень очень часто, и въ этихъ

ласкахъ было такъ много любви и нѣжности; случаевъ же, когда родители не только бы били, но даже кричали на своихъ дѣтей, не приходилось никогда наблюдать". (Труды Пр. отч. за 1895 г.). Случаи окриковъ на дѣтей и наказанія мнѣ приводилось наблюдать, но въ общемъ можно сказать, что родители-удиһэ относятся къ своимъ дѣтямъ ласково.

Само собою разумѣется, что изъ родителей мать, въ силу инстинкта, проявляетъ болѣе горячую и нѣжную любовь къ дѣтямъ, равно какъ и дѣти сильнѣе привязываются и лучше себя чувствуютъ около матери. Сказанное отнюдь не значитъ, что мужчины не проявляютъ любви къ дѣтямъ. Сколько разъ мнѣ самому доводилось видѣть, съ какою лаской относились къ дѣтямъ бобыли—удиһэ, въ теченіе всей своей жизни не скопившіе капитала, необходимаго для покупки жены, или „бабушки", по ихъ выраженію. Не даромъ и дѣти привязываются къ мужчинамъ: они инстинктомъ чуютъ кто ихъ любитъ.

Кромѣ физіологическаго элемента родительской любви къ дѣтямъ, можно указать нѣкоторые другіе мотивы ея. Сюда слѣдуетъ отнести страхъ передъ одинокою безпомощною старостью, когда нѣтъ лицъ, которыя замѣнили бы старика-отца на охотѣ и рыболовствѣ, старуху-мать въ исполненіи мелкихъ работъ по дому. Мало того, дѣти нужны удиһэ, потому что лишній охотникъ добудетъ больше юколы и соболя, значитъ, увеличитъ доходъ семьи. Правда, съ появленіемъ на свѣтѣ каждаго сына является забота достать ему невѣсту, что, при малочисленности женщинъ, дѣло довольно трудное; но вѣдь хорошій сынъ скопитъ соболей и купитъ въ домъ лишнюю работницу. Еще болѣе долженъ удиһэ лелѣять дочь: она не только рабочая сила, но за нее въ будущемъ предстоитъ хорошій выкупъ или невѣстка въ домъ [1]).

За любовь и ласки родителей дѣти платятъ полнымъ повиновеніемъ и почтеніемъ. Случаевъ, чтобы дѣти били стариковъ—родителей, какъ уже замѣчено выше, мало, и къ нимъ всѣ удиһэ относятся съ большимъ поощреніемъ.

Вѣроятно, экономическая неурядица послѣднихъ годовъ породила среди удиһэ такихъ эгоистовъ-родителей, которые не горюютъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей. Мнѣ довелось встрѣтить двѣ-три семьи бездѣтныхъ, и родители не высказывали сожалѣнія объ отсутствіи дѣтей; наоборотъ, мнѣ показалось, что они рады этому обстоятельству, позволяющему имъ жить исключительно для себя и наслаждаться такими прелестями жизни какъ опіумъ, ханшинъ, а женщинамъ имѣть другомъ дома—мазу.

Любовью къ родителямъ и мирнымъ характеромъ объясняется и то об-

[1]) По экономическимъ соображеніямъ, двѣ семьи удиһэ, имѣющія мальчиковъ и дѣвочекъ, мѣняются послѣдними, какъ невѣстами.

стоятельство, что дѣти удиһэ не стремятся путемъ раздѣловъ отдѣлаться отъ власти и деспотизма старшихъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ. Я рѣшительно не знаю ни одного случая, гдѣ бы поводомъ къ отдѣленію дѣтей отъ родителей послужило желаніе младшихъ членовъ семьи уйти отъ власти старшихъ, главарей семейства. Обыкновенно, дѣти живутъ вмѣстѣ съ родителями; если тѣсною окажется одна юрта, рядомъ строятъ другую, куда и переселяются нѣкоторые члены семейства, но хозяйство считается одно; для ѣды семья собирается вмѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ раздѣлъ семьи происходитъ въ силу экономической необходимости: уменьшеніе звѣря въ одномъ мѣстѣ и слухи о болѣе обильныхъ дичью мѣстахъ побуждаетъ молодыхъ и болѣе подвижныхъ членовъ семьи оставлять родителей и выселяться на другія мѣста. При этомъ выдѣленіе дѣтей изъ семьи, при несложности хозяйства удиһэ, не представляетъ никакихъ затрудненій: каждый взрослый удиһэ можетъ выстроить себѣ юрту, соорудить батъ и оморочку, выковать острогу и сплести сѣть; каждая женщина-удиһэ съ дѣтства пріучается приготовлять изъ бересты и кожъ всю домашнюю утварь, одежду и обувь. Такимъ образомъ, дешевизна обзаведенія новымъ хозяйствомъ не можетъ служить препятствіемъ къ выдѣленію изъ семьи, поэтому раздѣлы среди удиһэ никогда не вызываютъ тѣхъ споровъ за имущество, какіе возникаютъ при раздѣлахъ въ семьяхъ другихъ инородцевъ. Вообще орочъ—удиһэ, при необходимости мѣнять мѣсто жительства ради охоты, не обзаводится большимъ хозяйствомъ: онъ смѣло можетъ сказать, перекочевывая съ мѣста на мѣсто „omnia mea mecum porto“ [1]). Даже тамъ, гдѣ земледѣліе начинаетъ становиться основаніемъ хозяйства удиһэ, доселѣ не представляется большихъ препятствій къ раздѣламъ, потому что земледѣльческій инвентарь легко добывается отъ услужливыхъ лицъ, которыя снабдятъ скотомъ; земли же вездѣ много; податей удиһэ никакихъ не платятъ ни за пользованіе лѣсомъ, ни за пользованіе землей, да и платить не могутъ.

При удачной охотѣ и большомъ урожаѣ, легко обзавестись самыми дорогими предметами хозяйства: ружьемъ и скотомъ. Припасать что либо для дочерей, приносящихъ обыкновенно родителямъ выкупъ, не приходится, а сыновья сами себѣ добудутъ средства для покупки невѣстъ.

---

[1]) Срав. слѣд. замѣчаніе г. Альфтана: «Перекочевывая съ одного мѣста на другое орочонъ везетъ съ собою и все свое имущество, состоящее изъ двухъ-трехъ нанѣса, сдѣланнаго изъ бѣлой связи или-же проста изъ березовой коры, нѣсколькихъ коробочекъ, ящичковъ изъ такой же коры, двухъ-трехъ куриць и столькихъ же собакъ; нѣсколько чулицы, винтовка, патроны, острога, жена и нѣсколько грязныхъ, почти голыхъ ребятъ—вотъ весь наличный персоналъ и домашняя обстановка кочующей орочонской семьи «(Труды Ѣріамур. Отд. за 1895 г.)».

Однимъ словомъ, удиһэ не охотно разстаются съ своими дѣтьми, которыхъ выростаетъ не такъ много, какъ родится.

Тутъ я подошелъ къ вопросу о дѣтяхъ у орочанъ—удиһэ. Въ виду малой изслѣдованности его, я позволю себѣ вдаться въ подробности.

Объ орочонахъ—удиһэ сложилось ходячее мнѣніе, что это народецъ вымирающій, „племя угасающее“, какъ озаглавленъ мой этюдъ, напечатанный въ газетѣ „Сибирь“, за первый годъ ея существованія въ Петербургѣ. Этого мнѣнія не отрицаетъ и г. Пальченскій (см. газ. „Дальній Востокъ“, 1897 г. № 47), не раздѣляющій мнѣнія о томъ, что удиһэ слѣдуетъ предоставить собственной участи, т. е. окончательному вымиранію. Утверждая, что причины слабости и недолговѣчности организма удиһэ налицо, г. Пальченскій говоритъ: „Констатированное же переписью о б и л і е р о ж д е н і й говоритъ какъ бы за жизненную энергію, а не вымираніе этого племени“.

Чтобы понять, почему при о б и л і и р о ж д е н і й удиһе—все-таки „У г а с а ю щ е е п л е м я“, необходимо, между другими причинами, изслѣдовать колыбельную жизнь ребенка въ широкомъ значеніи этого слова.

Подобнаго рода изслѣдованіе интересно и для антропологическихъ выводовъ. „Одна изъ главнѣйшихъ задачъ антропологіи,—говоритъ г. Покровскій въ „Предисловіи“ къ своему труду: „Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи“,—состоитъ въ сравнительномъ изученіи анатомическихъ и физіологическихъ особенностей человѣка въ отношеніяхъ племенномъ, расовомъ и археолого-историческомъ. Особенности эти.. вырабатываются тѣми исключительными условіями, при которыхъ живетъ и. живетъ человѣкъ... Различные способы ухода за дитятей, начиная съ у т р о б н о й жизни, первоначальная обстановка его при р о ж д е н і и, омовеніи, пеленаніе.... укладываніе въ постели, одѣваніе, питаніе... безспорно имѣютъ не малое вліяніе на физическія особенности народа и кладутъ на немъ свою рѣзкую печать, подобно тому, какъ это оказываютъ съ своей стороны климатъ, образъ жизни, племенной подборъ и т. п.

Постараемся поближе разсмотрѣть условія жизни дитяти у орочонъ—удиһэ

Въ виду цѣнности дѣвушекъ, удиһэ рѣдко вступаютъ въ брачную жизнь въ такомъ, именно, возрастѣ, какой признается наукой наиболѣе удобнымъ для произведенія сильнаго и крѣпкаго потомства. Богатые люди покупаютъ дѣвочекъ для своихъ сыновей очень рано: мнѣ приходилось не разъ заносить въ соотвѣтствующія графы переписныхъ листовъ м у ж а и ж е н у ш е с т и лѣтъ! Съ другой стороны, иному бѣдняку, задумавшему обзавестись семьей, приходятся долгіе годы копить выкупъ, и уже 40—45-лѣтнимъ мужчиною онъ покупаетъ себѣ 14 или 15-лѣтнюю дѣвушку. Наоборотъ, на р. Самаргѣ

я видѣлъ 18-лѣтнюю дѣвушку, обвѣнчанную съ 10-лѣтнимъ мальчикомъ, такъ что жена должна была загонять своего мужа съ игръ со сверстниками въ юрту на ночлегъ. Даже при лучшихъ условіяхъ браки у удиһэ заключаются слишкомъ рано: мнѣ приходилось видѣть пары—мужу 20 лѣтъ, женѣ 18,—имѣющія уже дѣтей. Такимъ образомъ, возрастъ родителей—удиһэ рѣдко представляетъ благопріятную почву для появленія на свѣтъ крѣпкаго поколѣнія. Впрочемъ, относительно женщинъ, при непосильныхъ и утомительныхъ работахъ ихъ, едва ли слѣдуетъ сѣтовать на ранніе браки, потому что женскій организмъ быстро истощается, и безплодіе наступаетъ скоро. Мнѣ приводилось встрѣчать женщинъ 36—38 лѣтъ, которыя лѣтъ пять назадъ покончили вопросъ о продолженіи племени. Вообще слѣдуетъ признать плодовитость женщинъ-удиһэ ниже средней, такъ какъ въ прежнее время имѣющихъ 12 дѣтей было мало, нынѣ же рѣдко встрѣтишь семью, насчитывающую 7—8 дѣтей.

Изъ указанныхъ выше условій, вліяющихъ на заключеніе браковъ, вытекаетъ одно слѣдствіе, вредное для потомства: часто больные, но богатые удиһэ женятся на здоровыхъ дѣвушкахъ и надѣляютъ потомство своими болѣзнями.

Не мало халости поколѣнія способствуетъ и обычай многоженства; оно хотя и благопріятствуетъ, повидимому, размноженію дѣтей, однако, общіе практическіе результаты его весьма печальны. Я видѣлъ на р. Самаргѣ семью, состоящую изъ мужа, горбатаго и совершенно больного (у него усыхаетъ спинной хребетъ), и двухъ здоровыхъ и молодыхъ женъ; отъ одной имѣется сынъ, не могущій встать на ноги, несмотря на 8-ми-лѣтній возрастъ. Помню, на меня эта семья произвела невыразимо тяжелое впечатлѣніе хотя здоровая молодость женщинъ, одѣтыхъ въ дорогія и красивыя платья, нѣсколько скрашивала мрачный колоритъ ея.

Наконецъ, если многіе цивилизованные народы нарушаютъ правильность и своевременность половыхъ сношеній, то что сказать объ удиһэ, едва вышедшемъ изъ первобытности. Не говоря о томъ, что дѣлается въ пьяномъ видѣ, слѣдуетъ замѣтить, что совокупленіе съ женою во время кормленія дитяти начинается спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, а во время беременности мужъ спитъ съ женою до самыхъ родовъ. Таковъ обычный ходъ сношеній мужа съ женою. Можетъ быть, иначе ведутся они при двухъ-трехъ женахъ, но такихъ многоженцевъ встрѣтишь теперь мало среди удиһэ [1]). Однимъ словомъ, на основаніи своихъ наблюденій и разспросовъ могу сказать, что среди

[1]) Конечно, бываютъ исключенія; нѣкоторые мнѣ сообщали, что во время беременности прекращаютъ совокупленіе съ женою за мѣсяцъ до родовъ; послѣ же родовъ не совокупляются два мѣсяца.

удинэ есть одно условіе, благопріятствующее появленію здороваго и крѣпкаго поколѣнія,—это взаимное согласіе супруговъ. такъ что крики, брань и побои весьма рѣдки между мужемъ и женою.

Но если удинэ плохо подготовляютъ почву, на которой сѣется сѣмя, отчего получается худосочный плодъ, зато они не знаютъ ни плодоизгнанія, ни дѣтоубійства. У нихъ встрѣчается иногда убійство лишь незаконнорожденныхъ дѣтей, потому что послѣднія пользуются всеобщимъ презрѣніемъ; но въ послѣднее-время и такія дѣти не уничтожаются.

Подобно многимъ другимъ народамъ древняго и новаго времени, удинэ смотрятъ на процессъ рожденія, какъ на нѣчто нечистое. Если во время менструаціи (=энатиий) женщина считается нечистою и должна носить особое платье, подкладывая стружки черемухи или тальника, тѣмъ болѣе считается она таковою во время родовъ.

Обыкновенно за недѣлю до разрѣшенія жены мужъ строитъ особую юрточку или балаганчикъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья. Почувствовавъ приближеніе родовъ, женщина за день-два уходитъ въ выстроенную для нее юрточку и тамъ рожаетъ. По сообщенію г. Надарова (Op. cit. 83 стр.), „при родахъ присутствуетъ мужъ, исполняющій обязанности повитухи; но мои наблюденія и разспросы приводятъ къ противоположному: на р. Самаргѣ при мнѣ родился мальчикъ. Роженицѣ никто при родахъ не помогалъ, даже считаютъ грѣхомъ помогать при родахъ. „Сколько бы времена ни длились роды, никто не долженъ помогать. Пусть Богу молится роженица. Нехорошо помогать!“ Я посѣтилъ роженицу уже во второй юртѣ, куда она перебралась послѣ родовъ изъ первой, и то мужъ ея, меня сопровождавшій, не приближался близко къ балагану, а сидѣлъ издали. Вообще взглядъ на роженицу, какъ на нѣчто нечистое, прикосновеніе къ чему считается грѣхомъ, надо признать болѣе старымъ явленіемъ, чѣмъ сообщаемое г. Надаровымъ. Теперь еще женщина, посѣтившая роженицу, должна сбросить свое платье и надѣть другое, по возвращеніи домой [1]).

Какихъ-либо пріемовъ для ускоренія родовъ удинэ не предпринимаютъ: на всѣ мои вопросы и разъясненія въ этомъ направленіи получался одинъ отвѣтъ: „при родахъ помогать—тянуть дитя или дѣлать что-либо другое—грѣхъ, нельзя“.

Выше замѣчено мною, что возможность присутствовать мужу при родахъ слѣдуетъ признать явленіемъ позднѣйшаго времени, слѣдствіемъ большей эво-

[1]) Правда, въ одномъ мѣстѣ и мнѣ сказали, что при легкихъ родахъ управляется одна пожилая женщина или мужъ, при трудныхъ — требуется помощь нѣсколькихъ женщинъ; но я никакъ не могъ добиться, что же дѣлаютъ эти нѣсколько повитухи при трудныхъ родахъ.

люціи чувства удивл. Точно такимъ же признакомъ прогресса слѣдуетъ считать и дозволеніе роженицѣ рожать въ той же фанзѣ, гдѣ всѣ живутъ. Подобное явленіе сплошь и рядомъ наблюдается на югѣ, гдѣ нравы болѣе мягки. При родахъ женщина обыкновенно лежитъ на боку — правомъ или лѣвомъ.

Послѣ родовъ въ юрточкѣ роженицы прибираютъ; такъ называемое „мѣсто“ закапываютъ въ землю. Если дитя родится „въ рубашкѣ“, какъ говорятъ у насъ, то изъ нея дѣлается небольшой бубенъ и бьютъ въ него: „тогда новорожденный сдѣлается шаманомъ“.

Пребываніе роженицы на мѣстѣ родовъ продолжается далеко не одинаковое время: по свѣдѣніямъ г. Надарова (ibid. 84 стр.) 14 дней, по моимъ — 10, а на р. Самаргѣ — 4 дня. Затѣмъ она переходитъ въ другой балаганъ, болѣе просторный, но все-таки не обитаемый постоянно, а выстроенный исключительно для нея. На р. Самаргѣ мнѣ довелось видѣть подобное помѣщеніе. Это обыкновенная двускатная юрточка, малаго размѣра, построенная наскоро. Въ ней двѣ двери: передняя заслонена берестою, а задняя выходитъ на небольшой огороженный берестою же дворикъ. Назначеніе послѣдняго, по объясненію мужа, служить роженицѣ ватерклозетомъ.

Обстановка этого балагана слишкомъ мизерна: постель роженицы состоитъ изъ куска бересты, сверхъ которой настлана крупная рѣчная трава. На такой постели лежала блѣдная женщина въ старомъ грязномъ платьѣ, около нея въ ночной зыбкѣ находился совершенно голый ребенокъ; посреди юрты — потухнувшій очагъ; нѣсколько далѣе въ углу берестовое ведро съ водою и берестовый корчикъ. Дрова, мелко нарубленныя, лежали на дворикѣ внѣ юрты, такъ что роженица должна добираться до нихъ ползкомъ. Двери юрты устроены по линіи вѣтра, и сквозной вѣтеръ, правда, теплый свободно гулялъ по убогому пріюту матери и новорожденнаго.

Въ такомъ жилищѣ роженица пребываетъ обыкновенно 15 дней. Вступая въ него изъ перваго балагана, равно покидая его для того, чтобы поселиться снова въ общей съ мужемъ юртѣ, она обязательно мѣняетъ все одѣяніе. Сброшенное платье пропадаетъ даромъ: мыть грязное бѣлье и одежду удиѣ еще не научились.

Новорожденный ежедневно омывается матерью теплою водою въ берестяномъ или деревянномъ корытцѣ, не всегда для этой цѣли спеціально предназначенномъ. При купаньи мыла не бываетъ, потому что его употребленія не знаютъ удиѣ. Вытираютъ выкупаннаго тряпьемъ, въ которое и укутываютъ затѣмъ.

Роженица омываетъ себя не скоро послѣ родовъ, по выходѣ изъ бала-

гановъ; до омовенія она обыкновенно отираетъ себя стружками изъ черемухи итальника.

Если сказанное доселѣ о первоначальной обстановкѣ новорожденнаго у орочей-удиһэ сопоставить съ тѣми элементарнѣйшими требованіями, какія рекомендуются современною гигіеною, и о которыхъ ничего не знаетъ этотъ народецъ, то не придется приходить въ ужасъ отъ высокаго процента смертности рождаемыхъ и роженицъ и отъ многочисленныхъ смертельныхъ послѣродовыхъ заболѣваній.

Допустимъ, однако, какъ то и бываетъ въ исключительныхъ случаяхъ, что крѣпкій организмъ матери и дитяти перенесъ первый трудный моментъ родовъ. Не розы, однако, ждутъ новорожденнаго въ дальнѣйшемъ его существованіи.

Положивъ дитя на шерсть кабарги, медвѣдя или другого звѣря, мать перевязываетъ бѣлою ниткою пуповину, отступя на вершокъ отъ живота, и отрѣзаетъ ее ножницами или ножемъ около самой нитки или выше. Пуповину, оставшуюся въ соединеніи съ тѣломъ ребенка, ничѣмъ не обертываютъ, если же она воспаляется и гноится, то присыпаютъ сушеною травою, стертою ножемъ въ порошекъ. Конечно, при описанной операціи не соблюдаются рекомендуемыя наукою дезинфекція и чистота ножа, ножницъ, рукъ и перевязки. Кромѣ того, употребленіе нитки вмѣсто шнурка, рано перевязка пуповины не на должномъ разстояніи отъ живота и небинтованіе отрѣзка ея влекутъ за собою очень часто печальныя для дѣтей послѣдствія. На р. Кёмэ я видѣлъ дѣвочку лѣтъ 6—7, у которой черезъ пупочное кольцо выходили грыжи.

Говорить о соблюденіи удиһэ какихъ-либо правилъ гигіены при помѣщеніи дитяти въ семьѣ не приходится: если европейцы придерживаются того мнѣнія, что маленькому человѣку нужно и маленькое помѣщеніе, въ которомъ самое главное тепло, а объ остальномъ не слѣдуетъ много заботиться, то чего же ждать отъ бѣднаго и невѣжественнаго полудикаря, жилище котораго заключаетъ все вредное для здоровья человѣческаго и ничего полезнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ рождающихся зимою выживаютъ только дѣти, надѣленныя исключительно сильнымъ организмомъ, ибо въ зимней юртѣ удиһэ замерзаютъ чернила и коньякъ: такъ низка бываетъ температура!

Хотя у южныхъ орочей не употребляютъ спеціальныхъ средствъ къ удаленію съ тѣла новорожденнаго первородной слизи, но они кое-что дѣлаютъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ жизни дитяти для сохраненія кожи его въ чистотѣ. Частыя обмыванья и купанья, хотя и безъ мыла, смываютъ съ кожи грязь; для предотвращенія прѣлости въ складкахъ дѣтской кожи употребляется древесная червоточина, которою всегда запасаются заботливыя матери.

Но разъ дитя подросло и можетъ самостоятельно двигаться, его не моютъ, и оно становится столь же грязнымъ и неопрятнымъ, какъ и всѣ взрослые.

Пренебрежительное отношеніе къ уходу за чистотою кожи влечетъ за собою многочисленныя накожныя болѣзни. По свидѣтельству г. Альфтана, у орочей-удиһэ, обитающихъ по р. Иману, множество дѣтей покрыто струпьями отъ золотухи. Вообще я долженъ сказать, что рѣдкое дитя, въ возрастѣ 5—7 лѣтъ, свободно отъ накожныхъ болѣзней, которыми часто страдаютъ и взрослые, какъ это читатели видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Всѣмъ извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ пища для развитія мускульной и нервной системъ, равно общеизвѣстно и то, что соединеніе растительной пищи съ животною—наилучшее питаніе для человѣческаго организма. Тѣмъ болѣе важное значеніе имѣетъ характеръ пищи для ребенка въ первые годы жизни, когда тѣло его быстро развивается и растетъ.

Посмотримъ, въ какихъ условіяхъ находятся дѣти удиһэ въ отношеніи питанія въ первые годы своей жизни.

Матери начинаютъ кормить дѣтей грудью тотчасъ, какъ они появляются на свѣтъ; если же новорожденный не беретъ груди, то не употребляютъ никакихъ понудительныхъ средствъ и оставляютъ его въ покоѣ. Въ случаѣ отсутствія въ грудяхъ матери молока и при наличности большого голода у ребенка, стараются вызвать приливъ молока довольно грубыми средствами: мнутъ и надавливаютъ груди. Если и послѣ такихъ усилій молока нѣтъ, то новорожденный оставляется безъ пищи иногда въ теченіе нѣсколькихъ (2—3) дней и утѣшается сосаньемъ собственныхъ пальцевъ.

Кормленіе грудью продолжается очень долго—два-три года. Я видѣлъ пятнадцатилѣтняго юнца, уже ходящаго на охоту и рыбную ловлю, но послѣ принятія пищи сосущаго грудь у матери, кормящей маленькаго брата его. „Обыкновенно, кормимъ до тѣхъ поръ, пока сами дѣти не бросятъ“,—говорили мнѣ женщины-удиһэ. Можетъ быть, столь продолжительное кормленіе грудью ведетъ къ тому, что у матери обыкновенно за третьимъ рожденіемъ изсякаетъ молоко. Впрочемъ, не малую роль играетъ въ этомъ случаѣ и плохое питаніе кормилицы. Мнѣ привелось встрѣтить на р. Кёмэ мать, молодую, но блѣдную и малогрудную женщину, у которой за вторымъ ребенкомъ не хватило молока. Правда, въ данномъ случаѣ бѣду легко можно было избыть: ребенку истекъ годъ, и я могъ указать пищу, которая могла замѣнить ему молоко матери. Но бываютъ случаи по истинѣ трагическіе. Удиһэ не знаютъ употребленія молока ни коровъ, ни козъ, ни лосей. Поэтому дитя, въ случаѣ смерти роженицы или отсутствія у нея молока, обрекается на голодную смерть. Спасеніе въ данномъ случаѣ можетъ явиться только въ лицѣ другой кормилицы, которая раздѣлитъ свое молоко между чужакомъ и собственнымъ ди-

тятею. Мнѣ лично не разъ приходилось видѣть такую трогательную помощь чужому дитяти.

Тутъ же, на р. Кѣмѣ, мнѣ сообщили, что далеко отъ ихъ поселенія въ глинистой почвѣ растетъ какая-то трава: если напоить ея сокомъ или настоемъ изъ ней женщину, у которой мало или совсѣмъ нѣтъ молока, послѣднее снова появится въ изобиліи. Какъ я ни упрашивалъ жителей селенія за щедрое вознагражденіе достать мнѣ этой рѣдкостной травы, никто не согласился отправиться за нею. И потому я сомнѣваюсь въ справедливости сообщеннаго мнѣ, хотя говорившіе настаивали на справедливости своего сообщенія, когда я высказывалъ сомнѣніе.

Слишкомъ рано дѣти удиѣэ знакомятся, кромѣ молока матери, съ другою пищею, составляющею какъ бы переходъ къ пищѣ взрослыхъ. Такъ грудныя дѣти въ первый годъ своей жизни уже сосутъ кусочки сырого мозга, добываемаго изъ костей изюбря, и сырую печенку. Затѣмъ, послѣ появленія зубовъ, питаютъ дѣтей сырыми головами рыбъ, мясомъ и другими продуктами, употребляемыми въ пищу взрослыми. Замѣчу при этомъ, что дѣти начинаютъ курить табакъ съ 4 — 5-лѣтняго возраста, а водку пробуютъ на второмъ году. Какой-либо послѣдовательности питанія, чистоты груди, вытиранія рта ребенку — ничего этого не знаютъ матери-удиѣэ. Единственно въ чемъ нельзя упрекнуть послѣднихъ — это въ привычкѣ засыпать въ постели съ ребенкомъ у груди.

Если къ сказанному присоединить несоблюденіе матерями-кормилицами никакой діэты касательно собственнаго питанія въ періодъ кормленія, то a priori легко допустить предположеніе о большой смертности дѣтей. Конечно, искать, среди разбросанныхъ по дебрямъ Приморской области дикарей, статистическихъ свѣдѣній о количествѣ умирающихъ ежегодно дѣтей и о причинахъ смерти было бы совершеннымъ безуміемъ: эта статистика дѣло очень отдаленнаго будущаго, когда среди удиѣэ будутъ имѣть постоянное пребываніе доктора. Въ настоящее время приходится довольствоваться разспросными свѣдѣніями, источникомъ слишкомъ неопредѣленнымъ. „Много, много мретъ дѣтей“,—говорятъ обыкновенно вамъ удиѣэ, не привыкшіе запоминать событія своей жизни.

Тѣмъ труднѣе по разспросамъ узнать причину смерти дѣтей, родъ болѣзней: незнанье русскими языка ихъ, равно неумѣнье со стороны полудикарей описать признаки болѣзней составляютъ непреодолимое препятствіе къ добыванію требуемыхъ свѣдѣній. Обо всемъ вышесказанномъ по части статистики смертности слѣдуетъ только пожалѣть, потому что наблюденія врачей доста-

вили бы драгоцѣнный матеріалъ для сужденія о причинахъ вымиранія удиѣ [1]).

При вопросѣ объ одеждѣ дѣтей, мнѣ кажется, удиѣ руководятся мыслью, что дитяти годится всякое тряпье. Лѣтомъ дѣти ихъ бѣгаютъ полуобнаженныя или одѣтыя въ грязное платье, сшитое безъ всякой примѣрки. Матеріаломъ для дѣтской одежды служитъ даба и рыбья кожа, равно кожа звѣрей, т. е. употребляютъ такіе матеріалы, которые способны раздражать кожу и производить сыпь.

Зато удиѣ не грѣшатъ пеленаніемъ дѣтей, которое и доселѣ такъ распространено среди русскаго простонародья и полуинтеллигенціи. Къ сожалѣнію, соприкоснувшись на р. Сучаны съ русскими переселенцами, удиѣ позаимствовали этотъ вредный обычай, но и то немногіе.

Грудныя дѣти проводятъ время обыкновенно въ колыбели, а на рукахъ у матери бываютъ только во время кормленія. Имѣется у нихъ два вида зыбокъ: денныя и ночныя. Первыя дѣлаются изъ бересты или дерева и состоятъ изъ двухъ спинокъ, соединенныхъ подъ тупымъ или прямымъ угломъ. Края зыбки не высоки: въ одинъ-полтора вершка. Въ такую зыбку подстилаютъ либо шерсти звѣря, либо тряпья, либо тальниковыхъ стружекъ; на подстилку укладываютъ ребенка и прикрѣпленными съ обѣихъ сторонъ къ стѣнкамъ зыбки веревочками или ремнями увязываютъ его такъ искусно, что оно не можетъ вывалиться изъ колыбели. Если дитя капризничаетъ и плачетъ, то мать или отецъ берутъ зыбку за верхнюю спинку, ставятъ ее угломъ (соединяющимъ обѣ спинки) между колѣнями и потихоньку укачиваютъ плачущаго. Когда дитя уснетъ, зыбку ставятъ къ стѣнкѣ на нарахъ, и ребенокъ спитъ какъ бы въ сидячемъ положеніи. Я одинъ разъ видѣлъ длинную, корытообразную зыбку, подвѣшенною, какъ въ русскихъ деревняхъ.

Ночная зыбка представляетъ небольшую корзинку, сдѣланную по большей части изъ бересты, съ небольшою спинкою въ головахъ. По краямъ корзинка обшивается матеріей, а къ бортамъ ея пришиваются широкія полосы дрели или дабы, чтобы заворачивать ребенка. Вмѣсто матраца насыпается измельченная гнилушка; подъ голову вмѣсто подушки подкладывается высушенная тальниковая стружонка. Поверхъ гнилушки кладется берестовая постилочка, съ нѣсколькими дырочками. Уложивъ ребенка, заворачиваютъ его полосами дабы

---

[1]) Привожу здѣсь добытое на Сучанѣ: 1) въ семьѣ Яръ изъ двухъ дѣтей умерла отъ простуды дѣвочка одного года; 2) у брата Лойси умерло 7 дѣтей: какъ родились, такъ черезъ недѣлю-двѣ умирали, иныя выживали годъ; 3) у Чумпиды умерла дѣвочка и двѣ сестры въ возрастѣ до 8 лѣтъ; 4) у старухи Оригуэто умерло изъ 6 сыновей—5; три умерли отъ оспы, два—отъ другой болѣзни; всѣ умерли въ дѣтскомъ возрастѣ, 5) изъ двухъ дѣтей отца Чанхи одно и умерло не отъ оспы, а отъ другой болѣзни. Уже эти блѣдныя цифры даютъ ясный намекъ на процентъ смертности дѣтей у орочей-удиѣ.

или дрели, перевязываютъ ремнями или веревочками и укачиваютъ на рукахъ, не то подвышиваютъ къ перекладинѣ юрты и качаютъ, какъ русскіе, зыбку. Дѣтскія выдѣленія просачиваются черезъ дырочки берестовой подстилки и впитываются гнилушкою, которую ежедневно перемѣняютъ; иногда же испражненія и моча дитяти удаляются изъ зыбки посредствомъ особаго прибора, влагаемаго между ногъ дитяти и выходящаго чрезъ дно колыбели наружу. Въ такомъ случаѣ зыбка обязательно подвѣшивается.

Къ дну и спинкамъ денной и ночной колыбелей привязываются различныя побрякушки: металлическія кольца, мѣдныя бляхи, кости соболя, птичьи кости, зубы и челюсти различныхъ хищныхъ звѣрей, пуговицы, гильзы отъ ружейныхъ патроновъ. При качаніи зыбки эти побрякушки производятъ шумъ, дѣйствующій, по мнѣнію удиһэ, усыпляющимъ образомъ на дѣтей [1]).

Обычай увязывать дитя въ зыбкѣ, хотя и заставляетъ пребывать члены его тѣла въ неподвижномъ состояніи болѣе или менѣе продолжительное время, не приноситъ тѣхъ мученій, какія причиняетъ пеленаніе. Укладываніе же дѣтей въ зыбку на спину, по всей вѣроятности, способствуетъ вдавливанію затылочныхъ бугорковъ, потому что при довольно многочисленныхъ измѣреніямъ я не встрѣтилъ рѣзко выраженныхъ этихъ бугорковъ.

Другихъ искаженій дѣтскаго тѣла, въ родѣ равнянія или правленія, удиһэ не знаютъ, равно какъ не употребляютъ никакихъ искусственныхъ приспособленій для ходьбы и сидѣнья, предоставляя дѣйствовать природѣ и свободному развитію ребенка.

Что касается такъ называемыхъ „дѣтскихъ болѣзней“, то о нихъ не имѣется спеціальныхъ изслѣдованій; насколько удалось узнать путемъ разспросовъ, можно сказать, что дѣти ихъ переносятъ почти безболѣзненно появленіе первыхъ и вторыхъ зубовъ.

Время появленія первыхъ зубовъ—различно: оно колеблется между 8 и 15 мѣсяцемъ жизни дитяти. Оспу не прививаютъ. Въ одной семьѣ въ долинѣ р. Та-Судуха была привита оспа врачемъ-корейцемъ. Отсутствіе оспопрививанія является для дѣтей удиһэ истиннымъ бичомъ Божіимъ: изслѣдователи подмѣтили, что оспа (чуфа) и лихорадка больше всего уноситъ дѣтей въ могилу. До послѣдняго времени единственными врачами отъ всѣхъ болѣзней для удиһэ являются шаманы, о которыхъ рѣчь будетъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ. Кромѣ того, пользуютъ себя травами и даже массажемъ [2]).

[1]) «Существуетъ повѣрье, что чѣмъ больше виситъ побрякушекъ, тѣмъ лучше спитъ ребенокъ», говоритъ г. Надаровъ (Op. cit. 84 стр.).

[2]) ... «На полу юрты,—пишетъ г. Бѣльковичъ,—сидѣлъ раздѣтый человѣкъ, какъ оказалось потомъ, проводникъ команды 5-го баталіона, гольдъ Діоксай, или Икса, какъ звали его солдаты. Позади Иксы, стоя на колѣняхъ, помѣщалась еще молодая орочонка и натирала какой-то круглой костяжкой (какъ оказалось серьгой) голую спину Діоксая, отъ чего

Если у дитяти заболитъ животъ, то берутъ особую траву (кола), размачиваютъ ее въ холодной водѣ (она хранится обыкновенно въ засушенномъ видѣ), держатъ потомъ надъ паромъ, завернувъ предварительно въ бересту, потомъ эту припарку привязываютъ къ животу. Трудно сказать, что помогаетъ здѣсь болѣе: цѣлебная ли сила травы, или согрѣвающій компрессъ, но болящій, по заявленію удиһя, всегда выздоравливаетъ.

Родители часто играютъ съ своими дѣтьми; но я не могъ подмѣтить въ этихъ играхъ ничего соотвѣтствующаго русскимъ потѣшкамъ, въ родѣ кудерцевъ, ручекъ, ладушекъ, сорокъ, дыбокъ и т. п. Всѣ потѣшки родителей-удиһя ограничиваются подбрасываніемъ вверхъ и попѣлуями, поглаживаніемъ головы и украшеніемъ волосъ ленточками и побрякушками. Вообще должно сказать, колыбель дитяти-удиһя не окружена тою материнскою поэзіею, которая, выражаясь въ колыбельной пѣснѣ, закладываетъ въ душѣ ребенка первыя понятія и первыя чувства. Укачивая младенца, мать-удиһя не поетъ надъ нимъ тѣхъ простыхъ, но задушевныхъ колыбельныхъ пѣсенокъ, которыя въ такомъ обиліи поются надъ дѣтьми другихъ народовъ.

Съ первыхъ дней своего бытія ребенокъ-удиһя охватывается той монотонной, суровой и сѣренькой ежедневностью, которая будетъ сопровождать его до могилы. Много предстоящаго горя слышится въ однообразно-тягучемъ колыбельномъ припѣвѣ „э-э-э!“ или варіаціи его: „бай-бай, мой маленькій! Не плачь, спи скорѣе!“

Подросши и получивъ способность самостоятельно двигаться, дитя лишается почти родительскаго вниманія и предоставляется самому себѣ. Въ эту пору своей жизни оно, по своему, начинаетъ интересоваться окружающими предметами и развлекается ими. Это періодъ игръ и игрушекъ, золотая пора дѣтства. Какъ и всюду, это лучшее время жизни удиһя. Хотя отецъ, принужденный или напрягать свои силы для добыванія пищи, или предаваться покою и бездѣятельности послѣ сильнаго напряженія, и мать, вѣчно занятая тысячею мелочныхъ заботъ, не могутъ итти навстрѣчу пробуждающейся потребности въ играхъ; однако, оно само находитъ и способы и средства удовлетворять естественную потребность организма къ дѣятельности.

у послѣдняго образовались красныя полосы на тѣхъ мѣстахъ, коп подвергались натиранію. Это былъ орочонскій способъ лѣченія простуды, такъ какъ Діоксай жаловался, что у него сильно ломитъ спину. Способъ этотъ, по словамъ паціента, приноситъ скорое облегченіе— и, дѣйствительно, черезъ полчаса Діоксай чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Этотъ способъ, повидимому, имѣетъ много общаго съ массажемъ, и разница только въ томъ, что орочоны вмѣсто рукъ употребляютъ твердую костяжку, которая быстро раздражаетъ, какъ кожу, такъ равно дѣйствуетъ и на мускульную систему, возстановляя правильное кровообращеніе». (Труды Пріам. Отд. за 1895 г.).

Вглядываясь въ игры дѣтей-удиѣэ, невольно примѣнишь къ нимъ выраженіе: „время игръ—это элементарный классъ жизни“. Въ самомъ дѣлѣ, подражая взрослымъ, они сами себѣ изъ жизни берутъ развлеченія.

Вертясь около отца, когда онъ куетъ острогу или удочки, сынъ выпроситъ себѣ крючекъ или остріе остроги. Ставъ съ своею игрушечною остротою на выдавшемся въ воду мыскѣ или на большомъ камнѣ, иногда на спеціально для того сдѣланной изъ бревенъ кладкѣ, онъ бросаетъ приманку и учится колоть подплывающую на нее рыбу.

Или онъ стрѣляетъ нарочито приготовленными безъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлами изъ лука, развивая столь необходимую охотнику вѣрность и остроту зрѣнія.

Или имѣющимся у него ножичкомъ вырѣзываетъ изъ дерева баты, оморочки, пуская ихъ затѣмъ по рѣкѣ. Или онъ рѣзвится съ собаками, будущими его товарищами на охотѣ и во время поѣздокъ, или возится съ пойманною сорокою или другою птицею, подмѣчая ея нравъ и особенности. Весьма часто собирается толпа мальчиковъ и прыгаетъ взапуски съ высокаго бугорка, стараясь сдѣлать прыжокъ побольше. Часто борятся, очень часто купаются въ рѣкѣ, а еще чаще перебрасываются камешками или пескомъ изъ высохшаго ствола болиголовы.

Дѣвочки почти ни въ чемъ не отстаютъ отъ мальчиковъ, но чаще вертятся около матерей и ведутъ себя сдержаннѣе.

Такимъ образомъ, игръ, въ нашемъ смыслѣ слова, дѣти-удиѣэ не знаютъ; они въ играхъ пріучаются къ дѣлу, которое будетъ источникомъ ихъ благосостоянія. И очень быстро проходитъ для дѣтей-удиѣэ это золотое время беззаботнаго веселья. Мальчикъ 11—12 лѣтъ уже помогаетъ отцу на охотѣ и рыбной ловлѣ; дѣвочка же въ эти годы часто становится невѣстою или женою, т.-е. работницею.

Что касается игрушекъ, то мнѣ привелось узнать лишь одну — погремушку: сдѣлана она изъ бересты и обтянута рыбьей кожей, наполнена мелкими камешками. На этотъ счетъ дѣти-удиѣэ очень не избалованы. Я видѣлъ, какъ годовой ребенокъ часа два игралъ крышкою отъ банки съ консервами. Несмотря, однако, на скудость игрушекъ и развлеченій, на полное почти невниманіе родителей къ дѣтямъ, на отсутствіе наказаній, маленькіе удиѣэ ведутъ себя довольно хорошо: не капризничаютъ и не надоѣдаютъ старшимъ своими приставаньями. Мнѣ такое поведеніе дѣтей всегда бросалось въ глаза, при посѣщеніи и жизни въ юртахъ. Въ русскихъ деревняхъ почти постоянно слышишь вопли дѣтей, а въ стойбищахъ удиѣэ ихъ слышать приходится рѣдко. Можетъ быть, отсутствіе заботы о развлеченіяхъ дѣтей побуждаетъ послѣднихъ поменьше разсчитывать на услуги взрослыхъ. Послѣдніе очень

рано вносятъ въ отношенія къ дѣтямъ ту сдержанность и холодность, которыя рѣзко бросаются въ глаза наблюдающему отношенія членовъ семьи между собою.

ГЛАВА XIII.

Бракъ.

Мнѣ приходится въ двухъ послѣднихъ главахъ работы о тазахъ касаться такихъ сторонъ быта этого народца, гдѣ замѣчается наибольшая путаница, и потемнѣніе старины. На бракъ и религіозныя воззрѣнія этихъ неустойчивыхъ дикарей наибольшее вліяніе оказали сосѣди — гольды и китайцы. Впрочемъ долженъ оговориться, что изучавшіе жизнь удиһэ не собрали въ достаточной полнотѣ матеріаловъ, мало обративъ вниманія на названія родни, на остатки патріархальной семьи и т. п. мелочи, коимъ современная фольклористика придаетъ огромное значеніе; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣшній бракъ удиһэ мало напоминаетъ то, чѣмъ онъ былъ у нихъ въ старину. Измѣнившіяся условія экономическаго быта, сильное давленіе китайцевъ, дорожащихъ орочонками, какъ работницами, и платящихъ за нихъ подчасъ крупныя суммы, повели къ тому, что удиһэ заботятся лишь о томъ, чтобы женщина—невѣста досталась своему, а не китайцу или гольду.

Постараюсь теперь нарисовать картину современнаго брака, какъ онъ сохранился у орочонъ-удиһэ. Общепринятомъ для брачной жизни возрастомъ считается 15—17 лѣтъ. Для родителей, имѣющихъ сына въ этомъ возрастѣ, возникаетъ забота устроить ему семью. Конечно, еще раньше начинаетъ мелькать у родителей мысль о невѣсткѣ, и они высматриваютъ ее у своихъ сосѣдей. Главную роль играетъ въ данномъ случаѣ отецъ, хотя въ настоящее время все чаще и чаще высматриваетъ себѣ невѣсту самъ женихъ. Роль родителей остается главенствующею только тогда, когда засватываютъ грудныхъ или малолѣтнихъ дѣтей.

Когда подходящая „дѣвка“, какъ называютъ удиһэ невѣсту по-русски, найдена, причемъ главными достоинствами ея считаются работоспособность и хозяйственность, тогда наступаетъ время сватовства. Въ качествѣ свата посылается дядя или кто-нибудь изъ родни, кого считаютъ человѣкомъ положительнымъ и почтеннымъ. По моимъ свѣдѣніямъ, родители никогда не отправляются въ качествѣ сватовъ, если сватать приходится за взрослаго сына; но г. Надаровъ (Op. cit., 80 стр.) утверждаетъ, что отецъ, высмотрѣвъ въ какомъ-нибудь семействѣ на р. Хорѣ или Иманѣ дѣвушку, годную въ невѣсты сыну, отправляется къ отцу послѣдней для переговоровъ.

Посланные сваты, явившись въ юрту невѣсты, ведутъ съ отцемъ послѣдней переговоры, сущность которыхъ сводится къ тому, что такому-то нужна невѣста, у тебя есть дочка, не отдашь ли ты ее за него. Согласіе или несогласіе дается родителями сватаемой дѣвушки; спрашивать самое невѣсту о согласіи быть женою такого-то не принято у удиһэ. Впрочемъ, подъ вліяніемъ русскихъ поселенцевъ, кое-гдѣ молодежь заявляетъ свои права. Протестантамъ приходится прибѣгать къ рѣшительнымъ средствамъ. „Мнѣ извѣстенъ, пишетъ г. Надаровъ [1]), только одинъ случай, когда орочонка вышла замужъ за китайца по любви. Она была назначена въ невѣсты одному орочону, но любила китайца и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ отъ родителей". Къ счастію, подобные случаи теперь не составляютъ исключенія. Лично мнѣ довелось слышать отъ одной дѣвушки—удиһэ слѣдующее заявленіе по этому поводу: „Мнѣ что воля отца! Алешку люблю, за Алешку и пойду замужъ."

Этотъ Алешка, по фамиліи Очопъ, сынъ орочона изъ Императорской гавани, хорошій плотникъ и франтъ, носящій европейскую шляпу и мундиръ англійскаго моряка, хорошо говорящій по-русски, сватался нѣсколько разъ за упомянутую дѣвушку. Онъ предлагалъ ея отцу 100 и 150 рублей „тори", т. е. выкупа; но упрямый старикъ денегъ не принималъ, а искалъ такого жениха, у котораго была бы сестра-дѣвушка, чтобы выменять ее на свою дочь для своего старшаго сына. Въ мою бытность Алёшка дѣлалъ рѣшительный шагъ: не желая ссориться съ будущимъ тестемъ, онъ пытался склонить его уступить дочку за деньги, потому что сестры у него нѣтъ. Если старикъ не уступитъ его просьбамъ, то онъ рѣшилъ украсть ее въ то время, какъ отецъ уйдетъ на охоту.

Когда получено согласіе родителей дѣвушки, сваты возвращаются въ юрту жениха и объявляютъ о томъ родителямъ его. Отецъ, а за неимѣніемъ такового, старшій братъ, отправляется къ родителямъ невѣсты и уговаривается насчетъ „тори", или выкупа.

Послѣдній когда-то игралъ огромную роль въ процессѣ бракосочетанія, да иногда и теперь еще имѣетъ рѣшающее значеніе. Размѣръ его колеблется отъ 50 до 100 руб. деньгами, соболями или товарами (дрель, табакъ, шелковая матерія). Иногда отецъ жениха, отправляясь торговаться относительно „тори", захватываетъ съ собою подарки и угощаетъ ханшиномъ родителей невѣсты.

Если женихъ сватается самъ, то процедура торга упрощается. На р. Та-Судухэ живетъ удиһэ Тодинъ, который взялъ жену на р. Сучанѣ. Онъ жилъ отъ фанзы будущаго тестя въ разстояніи 10 верстъ, часто ходилъ туда, дружилъ съ братьями своей жены. Когда у него накопилось достаточно денегъ, онъ спросилъ своихъ друзей, отдадутъ ли родители за него ихъ

[1]) Ор. cit. 86 стр.

сестру. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ заплатилъ тестю тори табакомъ и старыми манзовскими серебряными талерами и взялъ жену.

Послѣ того, какъ торгъ изъ-за тори между родителями брачущихся оконченъ, до самой свадьбы иногда бываетъ очень далеко: женихъ подчасъ годъ и два выплачиваетъ выкупъ. Хотя сговоръ ведется словесно, но свято соблюдается: рѣдко бываютъ случаи, чтобы засватанная дѣвушка выдана была за другого. Пока тори не выплачено, невѣста находится въ домѣ родителей. Женихъ навѣщаетъ, даритъ серьгами, браслетами, но не спитъ. Впрочемъ, смотря по уговору, иногда невѣста отправляется въ домъ жениха до уплаты выкупа. Со времени выплаты тори она становится собственностью жениха и его семьи.

Но вотъ выкупъ отданъ, и начинается свадьба, которая у тазовъ совершается очень просто. Родители жениха и этотъ послѣдній принимаютъ у себя свадебныхъ гостей, родныхъ и знакомыхъ (сородичей). Сюда-же приходятъ родители невѣсты и она сама, разодѣтая въ новое парадное платье (шанъ). Свадебный пиръ продолжается отъ двухъ дней до двухъ недѣль. Гости много ѣдятъ и много пьютъ ханшина и чаю. Готовятъ лапшу, пельмени, мясо свиньи или дикаго звѣря, убитаго наканунѣ свадьбы, разные овощи. Если пиръ по какой-либо причинѣ затянется, то обходится жениху дороже „тори“. Вышеупомянутому Тодину пришлось, вслѣдствіе распутицы, прокормить гостей десять дней, и свадьба стоила ему до 500 рублей.

Во время свадебнаго пира происходитъ окончательная выплата тори, причемъ родители невѣсты большую часть берутъ себѣ, а меньшую, особенно матеріи, отдаютъ дочери.

Если женится одинокій человѣкъ, то свадебный пиръ происходитъ въ домѣ невѣсты. По свидѣтельству г. Пель-Горскаго, удиѣя р.р. Имана, Бикина и Ваку всегда совершаютъ брачный пиръ въ домѣ невѣсты. Нужно замѣтить, что на указанныхъ рѣкахъ, подъ вліяніемъ манзъ, въ составъ брачнаго обряда вошла такъ называемая „брачная чаша“. Подъ конецъ свадебнаго пира въ домѣ невѣсты, передъ отъѣздомъ ея въ фанзу жениха, стелютъ коверъ или цѣтную цыновку; женихъ и невѣста становятся на колѣняхъ лицомъ другъ къ другу. Одинъ изъ присутствующихъ, только не родственникъ, наливаетъ двѣ чашечки водкою и подноситъ новобрачнымъ, сперва жениху, потомъ невѣстѣ. Они мѣняются чашечками и пьютъ. Имъ подносятъ второй разъ, и бракъ совершенъ [1]).

По окончаніи свадебнаго пира, мать жениха или невѣсты въ особой части балагана, предназначенной для новобрачныхъ, приготовляетъ постель

[1]) Ор. Надарова op. cit. стр. 87,—Труды Пр. отд. за 1895 г. стр. 28.

и приглашаетъ жениха спать. На это ложе приходитъ къ нему и невѣста. Другіе спятъ на другой половинѣ балагана. По свидѣтельству г. Надарова (ibid. 87), на р. Хорѣ послѣ свадебнаго пира молодые садятся въ ботъ и отправляются внизъ или вверхъ по рѣкѣ отъ юрты родителей. Не вдалекѣ отъ нея они строятъ себѣ балаганъ и проводятъ въ немъ первую ночь. На слѣдующій день они возвращаются въ юрту родителей и считаются мужемъ и женою. Одинъ или два дня молодая не работаетъ, а затѣмъ начинается для нея обыденная сѣренькая жизнь, полная заботъ и труда по хозяйству.

Таковъ брачный обычай удиһэ. Онъ нарушается различными случайностями и больше всего перемѣнами экономическаго и національнаго характера.

Если родители сосватали малолѣтнихъ, то невѣста или живетъ въ своей семьѣ до совершеннолѣтія жениха, или въ семьѣ послѣдняго. Желаніе имѣть въ домѣ работницу часто побуждаетъ родителей къ пятилѣтнему жениху брать невѣсту 12—15 лѣтъ.

Малочисленность женщинъ, упадокъ экономическаго благосостоянія удиһэ вслѣдствіе малочисленности звѣря и эксплоатаціи манзъ, желаніе послѣднихъ пріобрѣтать тазачекъ въ жены—все это сильно затрудняетъ удиһэ въ добываніи невѣстъ. Съ одной стороны, всеобщее обѣднѣніе побудило значительно понизить размѣры „тори“. Весьма часто бываютъ случаи, что родители отдаютъ свою дочь безъ всякой платы въ зажиточную семью, не будучи въ состояніи прокормить ее. Но нельзя сказать, что удиһэ совершенно покидаютъ тори. По сообщенію та-судухинскихъ удиһэ, даже при безплатномъ полученіи невѣсты, женихъ обязанъ дать родителямъ ея—двѣ маленькихъ манзовскихъ чашечки, два трезубца для рыбы, двѣ красивыхъ берестянки для соли. Если же бываютъ случаи, что женихомъ не выполняются и эти скромныя требованія, то угощеніе, хотя самое скромное, обязательно.

Съ другой стороны, конкурренція манзъ, людей денежныхъ, ведетъ къ тому, что многіе удиһэ осуждаются на невольное одиночество. Мнѣ лично приходилось встрѣчать до десятка бобылей, которые въ теченіе сорока лѣтъ не собрали денегъ для покупки жены.

Малочисленность женщинъ значительно улучшаетъ положеніе молодой въ семьѣ мужа. По большей части женившійся сынъ выдѣляется изъ семьи и заводитъ свое самостоятельное, не хитрое хозяйство. Если же не выдѣляется, то молодая женщина, признавая авторитетъ свекрови, не можетъ жаловаться на дурное обращеніе мужа и его родни. И положеніе женщины не ухудшается даже въ томъ случаѣ, когда женихъ принадлежитъ къ чужой фамиліи, къ другому роду. Я самъ видѣлъ, какъ старуха-свекровь ласкала и наряжала купленную для сына восмилѣтнюю дѣвочку, не заставляя ее даже дрова носить, т. е. исполнять самую легкую женскую работу. Разводы рѣдки, но

бываютъ. Происходятъ они тогда, когда родные жены видятъ, что зять, по болѣзни или лѣни, не можетъ прокормить семью, или когда онъ и его родичи худо обращаются съ женою. Препятствіемъ къ разводу обыкновенно служитъ уплата тори; но разъ родители жены уплатили выкупъ, женщина дѣлается свободною. Если же мужъ по своей волѣ возвратитъ дочь родителямъ, то выкупъ не уплачивается. Дѣти, хотя временно и отдаются женѣ для прокорма, принадлежатъ отцу, который одинъ имѣетъ право выдавать своихъ дочерей замужъ и получать за нихъ тори. Впрочемъ, развитіе гуманности повемногу смягчаетъ этотъ суровый по отношенію къ матери законъ.

Хотя законъ удиѣэ не ограничиваетъ количества женъ, но, въ силу указанныхъ выше причинъ, нынѣ рѣдко встрѣчается тазъ, имѣющій двухъ женъ. Лично я зналъ двухъ такихъ удиѣэ, но ни одного не знаю такого, у котораго было бы три или четыре супруги.

Замѣчательно, что обѣ жены относятся другъ къ другу сдержанно, но холодно; первенство принадлежитъ той, которая старше возрастомъ и пріобрѣтена раньше. Мнѣ лично приходилось наблюдать только добрыя отношенія между женами одного и того же таза. Но нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что при нѣсколькихъ женахъ ссоры между ними доходятъ до кровавой расправы, почему сами тазы говорятъ, что нѣсколько женъ худо.

Едва ли находится въ связи съ какою-либо изъ вышеуказанныхъ причинъ то обстоятельство, что изъ-за женщинъ совершается рядъ битвъ и кровавыхъ исторій „Бываетъ такъ, пишетъ г. Надаровъ (Ор. cit. 85—86 стр.), что орочонъ съ Хора украдетъ чужую жену на Бикинѣ или наоборотъ. Тогда потерпѣвшій подбираетъ себѣ партію (войско), отправляется къ похитителю и, если застанетъ его врасплохъ, отымаетъ украденную жену, а виновнаго, если онъ не успѣетъ скрыться, бьютъ. Если же укравшій узнаетъ о приближеніи непріятеля, то также съ своей стороны подбираетъ партію, и тогда происходятъ цѣлыя битвы, но исключительно на холодномъ оружіи. Пускаютъ въ ходъ копья, стрѣлы, а схватившись въ рукопашную, ножи... Побѣдителю въ битвѣ достается украденная жена“...

Крадутъ женщинъ у тазовъ не только одноплеменники, но гольды [1]) и манзы. Въ особенности жестоко мстятъ тазы за кражу женщинъ китайцамъ, которыхъ ненавидятъ, какъ эксплоататоровъ. Въ одной изъ предыдущихъ главъ я сообщалъ уже о трагической судьбѣ семьи таза Ольбау, равно приводилъ характерное прощеніе другого удиѣэ.

Лично мнѣ не приходилось слышать о похищеніи женщинъ. Алёшка Очопъ, собираясь увезти невѣсту, не говорилъ мнѣ ничего о возможной битвѣ. Другіе изслѣдователи ничего не говорятъ о войнахъ и битвахъ между тазами

[1]) См. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ. Поэтому на разсказанное г. Надаровымъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на месть за оскорбленіе правъ мужа.

Нельзя не пожалѣть, что г. Надаровъ, изучавшій бытъ удиѣя лѣтъ пятнадцать тому назадъ, мало заинтересовался сообщеніемъ о битвахъ изъ-за женщинъ и не поинтересовался спросить, не похищаютъ ли невѣстъ и не воюютъ ли изъ-за похищенныхъ дѣвушекъ, никому, кромѣ родителей, не принадлежащихъ.

Весьма мало обратили наши предшественники вниманія и на вопросъ: въ какомъ предѣлѣ ограничиваются браки или чѣмъ. Мнѣ лично пришлось добыть рядъ сбивчивыхъ свѣдѣній, потому что южные орочоны сильно растеряли старину. Лѣта, напримѣръ, играютъ незначительную роль въ ограниченіи брака, родство же кладетъ ему предѣлы, но до какой степени? Престарѣлая Оргуэго отвѣтила мнѣ, что мужемъ ея былъ дядя по отцу. Проводникъ Кинцаръ сказалъ, что нельзя жениться на своей сестрѣ, на своей дочери, на своей племянницѣ, на двоюродной сестрѣ. На рѣкѣ Кемэ мнѣ сообщили, что братья родные могутъ жениться на сестрахъ; а родные и двоюродные сестры и братья между собою не брачатся. Вообще родство сильно перепутано у тазовъ; оно забывается, особенно потому, что они не всегда живутъ долго на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, эта путаница въ родствѣ повлекла за собою путаницу и въ брачномъ обрядѣ. Царящая въ послѣднемъ путаница особенно станетъ ясною, когда столкнешься съ правилами семейной жизни.

„По словамъ самихъ орочонъ, пишетъ г. Вѣльковичъ[1]), ихъ жены очень вѣрныя супруги, и не бывало примѣра, чтобы орочонка нарушила супружескую вѣрность, если только мужъ ея находится при ней; если же мужъ или, какъ орочоны говорятъ, „мужка“ по какому-либо случаю находится въ долгомъ отсутствіи, то жена или, какъ они называютъ, „бабушка“, по ихъ словамъ, иной разъ начинаетъ пошаливать, причемъ въ данномъ случаѣ другомъ дома является (какъ и надлежитъ тому быть) какой-нибудь молодой парень-орочонъ же: мужья въ такихъ случаяхъ, какъ кажется, не бываютъ очень ревнивы и продолжаютъ тихо и мирно жить со своими „бабушками“, прощая имъ ихъ легкомысліе. Къ людямъ же постороннимъ, т. е. къ русскимъ и китайцамъ, орочоны въ данномъ случаѣ относятся очень недовѣрчиво и всегда готовы жестоко отомстить за поруганную честь своихъ женъ“. Но рядомъ съ нимъ г. Пель-Горскій (ibid.) сообщаетъ, что нравственность орочонъ иногда стоитъ очень низко. Мужья иногда за деньги, водку или опіумъ продаютъ своихъ женъ и дочерей. Впрочемъ, онъ склоненъ видѣть здѣсь исключеніе, простую распущенность, вслѣдствіе близости китайцевъ

[1]). См. Труды Пріамур. Отд. за 1895 г.

(наблюдаемый имъ случай происходилъ около китайскаго кордона, противъ устья р. Имана), въ глуши же тайги супружеская вѣрность сохраняется въ большей чистотѣ.

По словамъ тазовъ, въ старину нарушенія вѣрности со стороны жены вызывали кровавую расправу мужа. Удиһэ, заставъ жену in flagrante delicto, могъ убить и соблазнителя и жену, причемъ его не судили, и даже родственники жены не мстили ему. Другіе сообщили, что мужъ могъ жаловаться на соблазнителя обществу, и послѣднее присуждало виновнаго уплатить обиженному штрафъ-халатъ или опредѣленное количество шелку. Наконецъ, третьи прибавляли, что обманываемый женою мужъ можетъ сердиться на нее, бить ее, но жаловаться на нее обществу не можетъ.

Если бы шалости жены съ другими мужчинами, въ отсутствіе мужа, окончились беременностію, то родившееся дитя остается въ живыхъ, но обманутый мужъ считалъ его „чужимъ“. Если соблазну поддается дѣвушка и рождаетъ дитя, то родители узнаютъ отъ нея виновника позора, и послѣдній обязанъ жениться на увлеченной [1]).

Но рядомъ со сказаннымъ слѣдуетъ сопоставить слѣдующій эпизодъ изъ моей экспедиціи. Переводчикъ-удиһэ подружился съ моимъ счетчикомъ по переписи населенія по берегу Великаго океана. На пути во Владивостокъ, куда я везъ съ собою и таза, какъ-то разговорились друзья о предстоящемъ прибытіи въ городъ.

— Какъ пріѣдемъ домой (во Владивостокъ), говоритъ мой счетчикъ, ты ко мнѣ отправишься. У меня свой домъ, помѣстимся.

— Къ тебѣ пойду, ходя (другъ), соглашается удиһэ. А „бабушка“ у тебя есть въ юртѣ?

— Есть; она насъ угоститъ хорошо. Важно отдохнемъ послѣ скитаній по тайгѣ.

— А ты, ходя, мнѣ „бабушку“ свою дашь на ночь? откровенно спрашиваетъ орочонъ.

— Вишь, чортъ печеный, чего захотѣлъ! невольно воскликнулъ счетчикъ. А ты бы мнѣ далъ свою бабушку, если бы я пришелъ въ твою юрту? спросилъ онъ.

— А какъ же иначе, конечно, далъ бы, спокойно и серьезно отвѣчалъ ему удиһе: ты мнѣ все равно братъ, свой человѣкъ, тебѣ можно и „бабушку“ мою дать на ночь“. Присоединилъ къ этому, что невинность невѣсты не играетъ никакой роли при заключеніи браковъ, что полиандрія, т. е. много-

[1]) Помню, Алёшка Очонъ говорилъ мнѣ какъ-то, что хочетъ такъ поступить съ дочкою несговорчиваго удиһэ. «Тогда поневолѣ отдастъ за меня и выкупа не получитъ ни копейки», говорилъ онъ смѣясь.

мужества, удивѣ не знаютъ и удивляются, какъ можетъ быть нѣсколько мужей у одной женщины, и постараемся разобраться въ приведенныхъ фактахъ.

Вдумываясь въ разрозненныя явленія брачнаго обряда современныхъ тазовъ, я невольно склоняюсь къ мысли, что эти факты и явленія могутъ быть объяснены только при принятіи мнѣнія Дж. Леббока о происхожденіи брака. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Начало цивилизаціи“. (Спб. 1895 г. гл. III—IV) онъ, вопреки Мак-Леману, Бахофену и Моргану, устанавливаетъ слѣдующія ступени въ развитіи брака: первоначальный общинный бракъ постепенно замѣнился индивидуальнымъ бракомъ, основаннымъ на похищеніи; это повело къ экзогаміи. Эндогамію и правильную полиандрію онъ считаетъ исключительными явленіями, не входящими въ нормальный прогрессъ развитія брака.

Повторяю, что современный бракъ удивѣ до-того утратилъ старину, что надо снимать слой за слоемъ позднѣйшіе придатки и искаженія, чтобы отыскать крохи первобытности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно объяснить то явленіе, что нравственность жены ограничивается наличностью мужа; разъ онъ отлучился, жена его дѣлается легко доступною для всякаго таза. Если-бы не существовало по традиціи, идущей изъ старины глубокой, мысли, что когда-то, при общинномъ бракѣ, женщина принадлежала всѣмъ мужчинамъ одного племени, то едва ли бы тазачки были такъ доступными. Конечно, въ силу эволюціи и другихъ обстоятельствъ, общность женщины нынѣ переходитъ всякія границы, потому что тазачками пользуются свободно, въ отсутствіе мужей, и гольды, и китайцы, и русскіе; но въ основѣ ея лежитъ, несомнѣнно, идея общиннаго брака.

Мщеніе за нарушеніе супружескихъ правъ примѣнялось первоначально къ чужимъ мужчинамъ, а не своимъ, какъ и сообщаетъ г. Бѣльковичъ. Разговоръ проводника съ моимъ счетчикомъ совершенно напоминаетъ случай съ англійскимъ миссіонеромъ въ Австраліи Больмеромъ (Леббокъ, вѣд. 65 стр.) и доказываетъ только, что всякій мужчина, ставшій братомъ другого, получалъ права и на жену его.

Какъ объяснить обычай, чтобы молодые на лодкѣ уѣзжали изъ дома родителей и проводили въ уединенномъ балаганѣ первую ночь? Какъ объяснить обычай, что мужъ, вернувшись домой изъ долгой отлучки, войдя въ фанзу, не говоритъ ни слова женѣ и даже не обращаетъ на нее вниманія. Та, въ свою очередь, и не взглянетъ на мужа, какъ будто совершенно незнакомая?

Первый обычай, по моему, находитъ свое объясненіе въ индивидуаль-

номъ бракѣ, основанномъ на похищеніи. Въ немъ звучитъ слабою нотою отзвукъ той старины, когда мужчина, захватившій женщину другого племени, пріобрѣталъ индивидуальное и особое право на нее, тогда какъ онъ же не имѣлъ никакого права на присвоеніе исключительно себѣ женщины своего племени.

Второй обычай снова возвращаетъ насъ къ общинному браку: если ни одна женщина не могла посвятить себя одному мужчинѣ своего племени, то какъ она могла при другихъ показывать ему свое исключительное расположеніе!

Не разъ подчеркнутое изслѣдователями быта удиһэ стремленіе брать невѣсту изъ чужого племени прямо указываетъ на позднѣйшую стадію въ развитіи брака — экзогамію.

Многоженство, бытующее и понынѣ, хотя съ каждымъ десятилѣтіемъ становящееся болѣе рѣдкимъ, прекрасно объясняется не только указанными Леббокомъ (16. 100 стр.) причинами, но и желаніемъ имѣть лишнюю работницу. Совершенно оправдываютъ мнѣніе только что названнаго англійскаго ученаго о поліандріи тѣ исключительныя явленія, когда одною тавачкою на правахъ мужей пользуются тазъ и китаецъ или два таза. Подобные случаи, должно сказать, въ послѣднее время становятся чаще. Эндоаміи, кажется, не существуетъ среди удиһэ, а если существуетъ, то представляетъ рѣдкое исключеніе.

ГЛАВА XIV.

Религіозныя вѣрованія.

Если, по справедливому замѣчанію г. В. М. Михайловскаго [1]), изъ всѣхъ отдѣловъ этнографіи самымъ труднымъ представляется тотъ, въ которомъ подвергаются научному изслѣдованію воззрѣнія народовъ, стоящихъ на нижнихъ ступеняхъ развитія, на явленія окружающаго міра, то тѣмъ болѣе труднымъ представляется изложеніе религіозныхъ воззрѣній удиһэ. Трудность эта обусловливается, съ одной стороны, тѣмъ, что въ этой области наиболѣе затемнена старина сильнымъ вліяніемъ китайцевъ или гольдовъ, подпавшихъ вліянію китайцевъ, равно проповѣдью православныхъ миссіонеровъ, вносящихъ въ матеріалистическое пониманіе удиһэ струю возвышеннаго христіанскаго богопознанія. Впрочемъ, вліяніе христіанской проповѣди отразилось

[1]) В. М. Михайловскій: Шаманство. Извѣстія И. Общ. люб. ст., амур. и этногр. Т. LXXV. 1892; кн. 12.

на воззрѣніяхъ удиѣэ слишкомъ мало и только охватило нѣкоторые районы.

Съ другой стороны, незнаніе языка удиѣэ дѣлало для изслѣдователей почти невозможными разспросы для истиннаго уразумѣнія міропониманія дикарей. Помню, какъ я былъ удивленъ при первомъ знакомствѣ съ престарѣлою тазачкою Ормичуэкэ, которая на вопросъ о Богѣ, какъ творцѣ вселенной, энергически говорила мнѣ: „никакого такого бога у тазовъ нѣтъ“. Въ виду сказаннаго для возможно болѣе яснаго пониманіе того, что представляютъ нынѣ религіозныя воззрѣнія удиѣэ, постараюсь въ краткихъ словахъ изложить, какъ современная наука представляетъ постепенное развитіе религіозныхъ вѣрованій.

По словамъ Леббока [1]), самую низкую степень религіи составляетъ вѣрованіе „въ существованіе злыхъ существъ, менѣе матеріальныхъ, чѣмъ мы, но, подобно намъ, смертныхъ, и хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обладающихъ силами, превосходящими наши, но зато въ другихъ уступающихъ намъ“.

Фетишизмъ представляетъ слѣдующую ступень, гдѣ религіозныя вѣрованія болѣе систематизированы и пріобрѣтаютъ болѣе важное значеніе.

„Послѣдующей стадіей прогресса религіозныхъ вѣрованій является та, которую можно назвать „тотемизмомъ“. Въ ней дикарь не отказывается отъ вѣры въ фетишизмъ, но присоединяетъ къ ней вѣрованія въ существа высшія и менѣе матеріальныя. Въ этой стадіи предметомъ поклоненія могутъ быть—деревья, камни, горы, рѣки, животныя; но здѣсь уже не считается возможнымъ дѣйствовать на высшія божества путемъ колдовства. Душамъ умершихъ предстоитъ трудное и опасное путешествіе.

Шаманизмъ представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ, въ смыслѣ болѣе возвышеннаго пониманія религіи. Въ тотемизмѣ божества живутъ на землѣ; въ шаманизмѣ они живутъ въ своемъ особомъ мірѣ и мало заботятся о томъ, что происходитъ съ людьми. Шаманъ пользуется случайною честью посѣщенія божества.

Наконецъ еще ступенью выше стоитъ идолопоклонство, которое ошибочно считали религіею, общею для всѣхъ низшихъ расъ, смѣшивая его съ фетишизмомъ. Послѣдній прямо противоположенъ идолопоклонству: фетишизмъ есть наступательное отношеніе къ божеству, а идолопоклонство—полное, хотя и грубое, подчиненіе ему. Идоламъ обыкновенно придаютъ человѣческую форму, и идолопоклонство тѣсно связано съ формою религіи, заключающейся въ поклоненіи предкамъ. Сказаннымъ исчерпываются низшія умственныя стадіи, чрезъ которыя проходили вѣрованія.

[1]) Начало цивилизаціи. Изд. 2-ое глава VIII.

И всѣ эти стадіи, за исключеніемъ первой, самой низкой, находятъ себѣ отголосокъ въ сохранившихся доселѣ религіозныхъ вѣрованіяхъ удиһэ, что будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

При первомъ вопросѣ о религіи большая часть удиһэ отвѣчаетъ: „молимся китайскому богу“. Дѣйствительно, сознательно или безсознательно, но они стараются исполнять, подобно китайцамъ, всѣ религіозные обряды. Во всякомъ болѣе многолюдномъ поселеніи тазовъ имѣется китайская кумирня.

Вотъ описаніе одной изъ видѣнныхъ мною кумиренъ, остальныя же представляютъ самыя незначительныя отличія.

Небольшое, около 4-хъ аршинъ въ длину и ширину, зданіе, съ двускатною крышею изъ соломы, такова кумирня. Вся она выстроена изъ дерева, но задняя и боковыя стѣны тщательно обмазаны глиною. Лицевая сторона, раскрашенная краснымъ, желтымъ, бѣлымъ и чернымъ цвѣтами, имѣетъ двустворчатую входную дверь, надъ которою—навѣсикъ, поддерживаемый двумя столбами. Противъ этой двери, въ разстояніи сажени, вкопаны два трехсаженныхъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ, шеста, съ различными украшеніями; верхи шестовъ—копьевидны и позолочены.

Внутри кумирня убрана такъ. На стѣнѣ, противъ входной двери, наклеено печатное изображеніе различныхъ боговъ, нѣчто въ родѣ нашихъ религіозныхъ картинъ. Тутъ были: царь боговъ Лаое, богъ дождя Лун-ванъ, богъ лошадей Мао-ванъ, богъ богатства Шань-жень, богъ войны Хуи-дзы, богъ земледѣлія—Тху-ды и другіе.

Передъ изображеніемъ боговъ—жертвенникъ, имѣющій форму продолговатаго стола; на жертвенникѣ пять красныхъ деревянныхъ чашечокъ съ палочками и два подсвѣчника. Кромѣ того, на другихъ стѣнахъ висѣли доски съ китайскими письменами, вѣроятно, молитвенныя изреченія.

Въ такой кумирнѣ совершается въ китайскіе праздники молитва слѣдующимъ образомъ. Начало богослуженія возвѣщается двумя или нѣсколькими китайскими ракетами. Затѣмъ обыкновенно старшій изъ удиһэ входитъ въ кумирню, становится на колѣни и зажигаетъ китайскія свѣчи, приготовленныя изъ обломковъ чумизы или гнилушки. Эти свѣчи втыкаются в чашку съ пепломъ и не горятъ, а тлѣютъ. Вошедшій въ кумирню читаетъ молитву, а остальные ему отвѣчаютъ, причемъ то становятся на колѣни и сжимаютъ обѣ руки вмѣстѣ въ кулакъ, то вытягиваютъ, стоя, руки вверхъ. Молитва имѣетъ цѣлью испросить у боговъ хлѣбъ насущный и приблизительно такова „дай намъ изюбря или козулю; у насъ ужъ давно нѣтъ съѣстныхъ припасовъ; недавно я видѣлъ изюбря, но было далеко, и я не могъ стрѣлять. Пожалуйста, пришли намъ изюбря или козулю“ [1]).

[1]) Ср. Труды Пр. От. И. Р. Г. О. 1895 г.

Иногда такія кумирни бываютъ маленькихъ размѣровъ и ставятся на пашняхъ или огородахъ. „Онѣ представляли изъ себя, говоритъ г. Надаровъ о кумирняхъ, видѣнныхъ имъ на р. Бикинѣ [1]), деревянные ящики, внутри которыхъ были на бумагѣ наклеены изображенія китайскихъ боговъ. Одна изъ такихъ кумиренъ обращала на себя особенное вниманіе. Она представляла изъ себя видъ маленькаго рубленнаго деревяннаго дома въ 1 аршинъ въ квадратѣ съ двускатной крышей, съ хорошо отдѣланными дверями. Снаружи дверей сдѣлано крылечко, на которомъ стоитъ два деревянныхъ идола, изображающіе стоящихъ людей. Внутри домика висѣли въ деревянной обтянутой китайской бумагой клѣткѣ два свинцовыхъ идола въ $2^1/_2$ вершка каждый... Идолы были привязаны къ клѣткѣ за шею красною тесьмою". Мимо такой кумирни, стоитъ ли она на перевалѣ хребта, или при дорогѣ, удиһэ, подобно китайцамъ, никогда не проходятъ мимо безъ молитвы, а часто и приношенія, въ родѣ камушка, кусочка дрели, палочки и т. п.

Рѣже встрѣчаются самыя простыя кумирни. Въ лѣсу, близъ фанзушки или балагана, выбирается толстое прямоствольное дерево; на высотѣ отъ одного до полуторыхъ аршинъ отъ земли срѣзаютъ кору въ видѣ треугольника. Въ стволѣ вырѣзаютъ трехранный уголъ или просто вѣшаютъ дощечку съ китайскими письменами, и кумирня готова. Такую кумирню я встрѣтилъ всего разъ на р. Та-Судухэ. Видѣлъ такія кумирни и г. Надаровъ [2]). Жертвенникомъ при такой кумирнѣ бываетъ пли колода, или помостъ изъ коры, укрѣпляемый на сошкахъ.

Копируя во всемъ китайцевъ, удиһэ не проникались глубоко буддійскою религіею; они взяли отъ нея одну внѣшность и то искаженную: поклоненье идоламъ. На р. Самаргѣ старые люди говорили мнѣ, что китайскую религію они приняли лѣтъ 25 тому назадъ, а до того времени они молились своимъ богамъ.

Въ чемъ заключалась эта своя религія, они даютъ очень сбивчивыя свѣдѣнія; но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они прошли ступени фетишизма и тотемизма.

Слѣды послѣдняго сохранились прежде всего въ сказаніи о происхожденіи удиһэ отъ дѣвушки и медвѣдя. Это сказаніе, сохранившись среди жителей Имана, Бикину и Ваку, повело къ тому, что всѣ удиһэ почитаютъ медвѣжье мясо и очень имъ дорожатъ.

Во время пира [3]) они слѣдятъ, чтобы ни одна капля крови не упала на землю; если же по неосторожности это случится, то мѣсто, куда капнула

---

[1]) Op. cit. 81—82 стр.

[2]) Op. cit. 81 стр.

[3]) Разумѣю пиры во время такъ называемаго «медвѣжьяго праздника».

кровь или упалъ кусокъ мяса, вырѣзается и вмѣстѣ съ землею сжигается на кострѣ. Голову медвѣдя они всегда ѣдятъ. не разбивая черепа, а затѣмъ вѣшаютъ его на шестъ вблизи шалаша.

Кромѣ медвѣди, они почитаютъ еще тигра и никогда не тронутъ его, если онъ не причиняетъ имъ вреда.

По словамъ Самаргинскихъ удиһэ, боговъ много: у медвѣдей свой богъ, у соболей свой, у рыбъ свой. Они такихъ боговъ называютъ „хозяева“. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ ясные слѣды вѣры удиһэ въ духовъ, проявленіе того „анимизма“, о которомъ такъ пространно говоритъ Леббокъ въ своей „Первобытной культурѣ“ (2-ое изд. рус. пер. 1897 г. т. I и II).

Всѣ духи раздѣляются ими на добрыхъ (сыновъ) и злыхъ (сакха, аначи). Какъ тѣмъ. такъ и другимъ они съ давнихъ временъ приносили жертвы. Жертвенникомъ служилъ столбъ, на которомъ укрѣплялась доска; на послѣдней разводяли огонь и сжигали на немъ просо, буду, рисъ и другія приношенія.

Они вѣрятъ, что злые духи, которыхъ они называютъ подъ вліяніемъ русскихъ воззрѣній чертями, насылаютъ на человѣка болѣзни и всячески вредятъ человѣку; иногда болѣзни насылаются и добрыми духами.

Среди людей есть такіе, которые обладаютъ способностью узнавать волю добрыхъ духовъ (будущее) и изгонять злыхъ (чертей). Такіе люди называются у нихъ шаманами.

По справедливому замѣчанію г. Шашкова [1]), „шаманство не сохранилось доселѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ,—многое измѣнилось въ немъ отъ частыхъ столкновеній съ буддизмомъ, христіанствомъ. Что касается удиһэ, то на побережьи Великаго Океана, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, шаманство окончательно вымираетъ, превращаясь въ любительскую игру. Объѣхавъ все побережье, гдѣ обитаютъ удиһэ, я встрѣтилъ только на р. Нельмѣ развалины шаманской юрты и фетиши. Тутъ, по разсказамъ жителей, годъ тому назадъ жилъ страшный шаманъ, который имѣлъ дѣло съ злыми духами (чертями) и могъ не только изгонять ихъ изъ человѣка, но и вселять. Помню, съ какимъ ужасомъ убѣждалъ меня одинъ молодой удиһэ не трогать фетишей, оставленныхъ шаманомъ. По его словамъ, если я возьму фетиши, то поднимется буря, пойдетъ дождь. Я не взялъ ихъ не потому, что повѣрилъ словамъ удиһэ, а потому, что плававшій со мною капитанъ парохода „Сторожъ“ г. Гекъ, боясь возмущенія народа за оскверненіе мною священныхъ предметовъ, возбранилъ моимъ людямъ снимать изображенія съ дерева.

---

[1]) Шаманство въ Сибири. Записки И. Р. Г. О. 1864 г. 1 стр.

Этотъ шаманъ ушелъ на одинъ изъ притоковъ р. Уссури, туда, гдѣ шаманы еще держатся. Тамъ, по рр. Иману, Бикину и Ваку, шаманы встрѣчаются часто. Впрочемъ, теперь и тамъ они ни по внѣшнему виду, ни по своему костюму ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ удиһэ, удержавъ одинъ бубенъ, какъ единственную принадлежность своего званія.

Нѣкогда костюмъ шамана (шама) [1]) состоялъ изъ слѣдующихъ частей: 1) толи, 2) бубна, 3) юбки или халата, 4) ремень, 5) поясъ, 6) рукавицы, 7) шапки, 8) бурханы.

Толи представляетъ хорошо отполированный мѣдный кругъ, надѣваемый шаманомъ на ремешкахъ на грудь. Ихъ иногда бываетъ у шамана нѣсколько паръ. Надѣваются толи какъ для защиты отъ враговъ, такъ и потому, что въ толи, точно въ зеркалѣ, отражаются добрыя и злыя дѣла людей, и оно сообщаетъ истину.

Бубенъ состоитъ изъ эллипсоидальнаго обруча, на который натянута тонкая шкура; къ внутреннимъ бортамъ бубна прикрѣпляется металлическій или деревянный стержень—ручка; никакихъ изображеній на бубнѣ нѣтъ. Иногда вмѣсто ручки служитъ ремень.

Часто при камланіи бываетъ два бубна, въ одинъ изъ которыхъ бьетъ помощникъ шамана. Колотушка, которою бьютъ въ бубенъ, состоитъ изъ деревянной палочки, покрытой мѣхомъ козули.

При камланіи прежде поверхъ рубахи шаманъ надѣвали особую юбку или халатъ, изъ китайской матеріи или изъ тонкой кожи, съ рисунками и полосами изъ шкуры какого-нибудь звѣря.

Поясъ—широкій кожаный ремень, къ которому прикрѣплены многочисленныя конусообразныя желѣзныя трубки иногда и толи. Этотъ поясъ надѣвается при камланіи такъ, чтобы трубки, пришлись въ таліи. Во время пляски шаманъ усиленно и ритмически вертитъ задомъ; трубки, ударяясь другъ о друга, производятъ сильный лязгъ и звонъ.

Къ поясу сзади иногда привязывается ремень отъ шеи козули, длиною болѣе сажени; за этотъ ремень во время камланія держатся помощники шамана. Шапка шамановъ удиһэ и рукавицы ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ; а бурхановъ, покровителей, надѣвается различное количество.

Очевидно, по мнѣнію удиһэ, шаманомъ можетъ быть не всякій. Мнѣ говорили на р. Самаргѣ неопредѣленно, что бываютъ такіе люди, которые отъ природы обладаютъ способностью видѣть сны и объяснять ихъ. Такіе люди легко могутъ стать шаманами. Съ другой стороны, на той же рѣкѣ я

[1]) Г. Надаровъ утверждаетъ (Op. cit. 82 стр.), что манегкіе и бикинскіе орочоны называютъ шамановъ л а м а м и. Я ни отъ кого не слыхалъ такого названія и не могъ провѣрить указанія его.

видѣлъ двухъ шамановъ, которые пріучались шаманить подъ руководствомъ старой шаманки.

Назначеніе шамановъ, по понятіямъ удиһэ, помогать всѣмъ погибающимъ на землѣ. „Самое шаманство у орочонъ (живущихъ по притокамъ р. Уссури), говоритъ подполковникъ Бѣлковичъ [1]), примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ: такъ, напримѣръ, если кто-либо изъ членовъ семьи сильно заболѣетъ, то призываютъ къ больному шамана"... Происхожденіе же болѣзней бываетъ двоякое: онѣ посылаются или добрыми духами, разгнѣванными на какого нибудь человѣка, или злыми (чертями). По этому первою задачею призваннаго къ больному шамана является опредѣленіе, отъ кого послана болѣзнь — отъ гнѣвнаго ли добраго духа (бога), или отъ черта. Если болѣзнь послана разгнѣваннымъ богомъ, то необходимо молиться, чтобы добрый духъ избавилъ больного отъ недуга, причемъ обѣщаютъ принести въ жертву свинью, какъ самое вкусное и лакомое мясо. При выздоровленіи больного жертва обязательно приносится, т. е. закалывается свинья и слѣдается подъ выпивку ханшина. Если же болѣзнь послана злымъ духомъ, чертомъ, то задачею шамана является отысканіе, какой видъ принялъ чертъ, наславшій недугъ. Узнаетъ объ этомъ шаманъ во снѣ отъ того же черта. Послѣ этого онъ дѣлаетъ изображеніе (фетишъ), какое указано ему во снѣ чертомъ. Это изображеніе подвергается сильнымъ побоямъ и поруганію. По свидѣтельству г. Бѣлковича [2]), каждый изъ членовъ семьи, къ которой принадлежитъ больщій, вооружается дубиной и, подъ предводительствомъ шамана, идутъ къ стоящему возлѣ балагана травяному фетишу и начинаютъ его бить до тѣхъ поръ, пока онъ превратится въ ничто. Чертъ испугается, по вѣрованію удиһэ, и уходитъ.

Если кто-либо заболѣетъ тяжело, такъ что, по воззрѣнію удиһэ, душа уходитъ отъ больного, то шаманъ призывается для того, чтобы возвратить уходящую душу въ тѣло тяжко больного.

Г. Пель-Горскій былъ свидѣтелемъ такого случая и разсказываетъ слѣдующее:

„Шаманъ сидѣлъ на коврикѣ и билъ въ бубенъ палочкою, подшитою мѣхомъ молодой выдры. Ударяя въ бубенъ, онъ пѣлъ горловымъ голосомъ что-то заунывное, то тихо, едва слышно, то громко, то ускоряя, то замедляя темпъ на бубнѣ. Мѣрные удары въ бубенъ гулко раздавались среди общей тишины въ фанзѣ, гдѣ въ углу лежалъ больной. Шаманъ пѣлъ приблизительно слѣдующее: „Ицинны (имя больного) уже старикъ, но въ молодости былъ хорошій охотникъ. Сэвэнъ (богъ промысла) покровительствовалъ ему.

[1]) Труды Пріамур. отд. за 1895 г.
[2]) См. тамъ же.

Онъ добывалъ много соболей и пантонъ. Нэу (лѣсной богъ) посылалъ ему большіе и дорогіе корни бавпуя (жень-женя). Ицынны былъ хорошій стрѣлокъ, и мясо у него не переводилось въ фанзѣ. У него три дочери, но ни одного сына. Бефумафа (предки) не порадовали его наслѣдникомъ. Онъ подъ старость остается одинокъ. Яудинъ (богъ зла) послалъ на него болѣзнь, и теперь онъ лежитъ больной. Онъ теперь уже старъ, и болѣзнь одолѣла его. Но Андури (богъ добра) поможетъ старику; онъ еще долго проживетъ въ своей семьѣ и еще много убьетъ всякаго звѣря"...

Прошелъ съ часъ, шаманъ приказалъ потушить огонь. Въ темнотѣ еще гулче раздавался его голосъ и громъ бубна.

Затѣмъ опять зажгли огонь, и шаманъ снова запѣлъ. Бубенъ перемѣняли два раза, причемъ для большей звучности его подогрѣвали на угляхъ. Наконецъ пѣніе окончилось и началась пляска. Плясали всѣ мужчины, надѣвъ на талію широкій кожаный поясъ съ 20—25 желѣзными рожками на кольцахъ и съ бубномъ въ рукахъ. Пляшущій начиналъ выдѣлывать различныя „па", причемъ неимовѣрно вертѣлъ задомъ и въ тактъ билъ въ бубенъ. Желѣзные рожки, ударяясь другъ о друга, сливались съ гуломъ бубна и производили страшный шумъ. Проплясавъ до изнеможенія, плясунъ передавалъ инструментъ другому, тотъ третьему. Пляска хотя дикая, но не лишена своеобразной граціи. Во время пляски одна изъ женщинъ вырѣзала ножницами фигуры людей, сдѣлала глаза, носъ и ротъ, вмѣстѣ съ обрѣзками привязала къ камышинкѣ, вынесла изъ фанзы и воткнула въ землю. Другую серію, тоже на палочкѣ, оставила въ фанзѣ. На дворѣ поставили столикъ и на немъ нѣсколько чашекъ съ чумизой и одну съ водой.

Наконецъ шаманъ надѣлъ поясъ съ рожками, взялъ бубенъ и началъ плясать и пѣть. То онъ подходилъ къ больному, неимовѣрно гремя надъ нимъ, то подходилъ къ китайскому богу, изображенному на бумагѣ и наклеенному на доску (передъ нимъ была зажжена курильная китайская свѣча), то подходилъ къ двери и плясалъ передъ кучкой углей, изображавшихъ костеръ. Наконецъ онъ отдалъ бубенъ другому, который продолжалъ бить въ него; самъ же, взявъ камышинку съ вырѣзанными человѣчками, обнесъ ее вокругъ фанзы, при свѣтѣ лучины вышелъ во дворъ и воткнулъ впереди столика съ чашками. Шаманъ становился на колѣни, пѣлъ и кланялся въ землю; наконецъ взялъ поданную пустую чашку, закрытую бумагой и сталъ рукою наливать воду изъ другой чашки, не переставая пѣть.

Всѣ столпились вокругъ него и что-то высматривали.

Женщины кричали протяжно: „нди, нди"! Ничего, кромѣ водянаго пузырька на мокрой бумагѣ, нельзя было видѣть [1]).

[1]) Автору этихъ строкъ пояснили потомъ, что женщины звали отлетѣвшую душу больного, и она вернулась въ видѣ пузырька.

Какъ только на мокрой бумагѣ появился бѣгающій пузырекъ, вся толпа двинулась въ фанзѣ съ крикомъ и боемъ въ бубенъ при свѣтѣ лучинъ, а самъ шаманъ, поливая все время воду рукою на чашку съ бумагою, слѣдилъ за пузырькомъ. Войдя въ фанзу, больного посадили и подали шаману его шапку. Шаманъ быстро схватилъ правою рукою пузырекъ вмѣстѣ съ бумагою, вырвавъ ее изъ средины чашки, положилъ въ шапку и, наговаривая и нашептывая, надѣлъ на больного. Этимъ и кончилось лѣченіе [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что сами шаманы и ихъ почитатели искренно вѣрятъ въ способность привлекать на службу добрыхъ и особенно злыхъ духовъ. Мнѣ говорили на р. Самаргѣ, что къ шаману во снѣ является чертъ и говоритъ: „дѣлай птицу или медвѣдя, или тигра,—и такой-то выздоровѣетъ. Шаманъ исполняетъ совѣтъ черта, и если больной выздоровѣлъ, то шаманъ на шестѣ выставляетъ то изображеніе, которое возвратило желавшую уйти душу. Конечно, чѣмъ болѣе передъ юртою шамана торчитъ такихъ изображеній, тѣмъ большею славою среди своихъ пользуется шаманъ.

Вѣра въ то, что того или другого злого духа можно подчинить себѣ и употребить на служеніе, породила многочисленные амулеты или талисманы, которые вѣшаются въ балаганахъ или носятся при себѣ.

Отправляется ли удиһэ на охоту за соболемъ, постигнетъ ли его какая-либо болѣзнь, найдетъ ли на него сердечная тоска—ото всего этого онъ ищетъ помощи у какого-нибудь бурхана, чрезъ посредство шамана конечно. Многіе изъ ихъ бурхановъ совершенно сходны съ бурханами гольдовъ подробно описанными г. Шимкевичемъ въ его „матеріалахъ для изученія шаманства у гольдовъ“ [2]) Удиһэ не знаютъ такого количества бурхановъ какое описано г. Шимкевичемъ у гольдовъ. У нихъ встрѣчается, напримѣръ бурханъ для хорошаго промысла. Это фигура тигра, дѣлаемая изъ дерева металла и сушеной травы.

Тотъ же самый бурханъ, но съ посаженною верхомъ фигурою человѣка, употребляется противъ болѣзни или неудачной охоты.

Изъ свинца выливается изображеніе сердца и нѣсколько человѣческихъ фигурокъ. Всѣ эти изображенія носятся на шнуркѣ на груди противъ олѣзни сердца.

Соприкосновеніе съ китайцами и русскими дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на шаманство. По побережью Великаго океана шаманство вымираетъ и превращается въ пріятное развлеченіе.

Мнѣ довелось присутствовать на одномъ изъ такихъ представленій,

---

[1]) Шаманъ поймалъ крюками женщину привлеченную душу и опять посадилъ ее въ тѣло больного.

[2]) Записки Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об. т. I, вып. 2-й. Хабаровскъ. 1896 г.

причемъ сами удиһэ удивительно скептически относились къ „представленію“ одного шамана.

Дѣло было на р. Самаргѣ. Мнѣ пришлось прожить тамъ нѣсколько дней. Когда я бесѣдовалъ въ юртѣ старосты Индину съ его семьей, часовъ около 10 вечера раздались звуки бубна. Мнѣ сообщили, что на другомъ берегу протока, въ юртѣ шаманки, будутъ шаманить два шамана, ея ученики.

Когда мы пришли въ юрту, тамъ уже собралось достаточно публики. Тутъ были женщины, мужчины и дѣти. Въ бубенъ билъ одинъ изъ удиһэ, но не шаманъ, а „простой“ человѣкъ. По словамъ моего переводчика, такой законъ у шамановъ, чтобы сперва въ бубенъ билъ обыкновенный человѣкъ. Мой переводчикъ сказалъ мнѣ, что скоро начнутъ шаманить, и указалъ мнѣ на шамана. Я внимательно всматривался въ сидѣвшаго напротивъ меня у очага тридцатилѣтняго удиһэ. Онъ глядѣлъ задумчиво на огонь очага и былъ блѣденъ. Мнѣ сказали, что онъ готовится лѣчить себя отъ боли въ желудкѣ. Рядомъ съ нимъ, покуривая трубку, сидѣла грязная и безобразная старуха шаманка.

Между тѣмъ бубенъ звучалъ медленно, но вызывающе. Вотъ шаманъ сталъ и началъ привязывать шаманскій поясъ. Потомъ, засучивъ рукава рубахи, онъ взялъ бубенъ, сѣлъ у двери, съ краю очага, и началъ, медленно ударяя въ него колотушкою, пѣть какимъ-то замогильнымъ голосомъ, прерывая изрѣдка пѣніе шипѣньемъ. Во время пѣнія онъ часто подносилъ къ губамъ обручъ бубна, отъ чего усиливались звуки.

Публика смѣется, галдитъ, куритъ.

Слабый отблескъ костра кладетъ на лицо шамана рѣзкія тѣни. Удары въ бубенъ между тѣмъ участились, такъ что звуки слились въ одну тягучую волну. Вотъ шаманъ всталъ, равномѣрно крутитъ задомъ, гремитъ оглушительно желѣзными трубочками пояса и еще сильнѣе бьетъ въ бубенъ, еще громче выкрикиваетъ какія-то непонятныя слова (мой переводчикъ ихъ не могъ перевести). Вдругъ онъ согнулся весь, прижалъ къ себѣ бубенъ и бьетъ по немъ колотушкой. Теперь бубенъ звучалъ глухо. Шаманъ началъ шагать по юртѣ вокругъ очага медленно, раскачиваясь и вздрагивая тѣломъ. Вотъ онъ обращается къ невидимому врагу и говоритъ: „то-то-то“! Шипитъ. Вотъ онъ припалъ на одно колѣно передъ огнемъ. Снова шипитъ. Снова учащенно забилъ въ бубенъ и громко запѣлъ непонятныя угрозы врагу, гнѣвно выкрикивая.

Вставъ и трясясь и раскачиваясь на одномъ мѣстѣ, онъ снова гремитъ бубномъ; потомъ утихаетъ громъ, и шаманъ что-то приказываетъ окружающимъ. Одинъ изъ присутствующихъ всталъ, взялъ другой бубенъ и сталъ бить въ него, держа надъ огнемъ. Шаманъ перешелъ къ дру-

гимъ дверямъ юрты и повторилъ все то, что онъ дѣлалъ у первыхъ: т. е. пѣлъ, сидя и вставъ. Затѣмъ началась удивительно дикая, но ловкая пляска: шаманъ скакалъ, приседалъ на одно колѣно, вертѣлся. Съ крикомъ „ау! ау“ онъ бросается на второй бубенъ. Съ остервенѣніемъ набрасывается онъ на невидимаго врага; потомъ прыгнулъ онъ къ дверямъ, причемъ удинэ съ барабаномъ отскочилъ. Шаманъ закричалъ: „Ага! охъ“! Запнѣлъ, застоналъ, дико захохоталъ. Вотъ онъ опустился передъ огнемъ посерединѣ очага, медленно бьетъ въ бубенъ и тяжко стонетъ подъ звуки его. Потъ крупными каплями выступилъ на лбу и полился по лицу, послѣдніе едѣлалось мертвенно-блѣднымъ; грудь тяжело поднимается, глаза полуоткрыты, въ крикѣ его слышатся слезы. Очагъ едва мерцаетъ. Шаманъ искренно предался своему дѣлу, и публика притихла, невольно поддавшись аффекту. Но вотъ онъ поднялся, что-то сказалъ окружающимъ, подошелъ къ двери, и снова раздались звуки бубна и громъ отъ сотрясенія погремушекъ на шаманскомъ поясѣ. Принесли чашку съ водою: это чертъ велѣлъ ему пить воду, чтобы не было болѣзни. Выпивъ воды, онъ началъ обходить юрту и давалъ пить воду нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ снова завылъ, забилъ въ бубенъ, запнѣлъ, заскакалъ, съ дикимъ крикомъ упалъ посерединѣ юрты на колѣни и сильно бьетъ себя обручомъ бубна по животу, точно хочетъ кого-нибудь задавить тамъ. Снова вскочилъ, закричалъ какъ бы прося о чемъ-то. Гольдъ Семенъ всталъ и сталъ у другой двери лицомъ къ шаману и раскрылъ объятія. Невыразимо громко загудѣлъ бубенъ, съ дикими крикамъ и стенаніями понесся шаманъ по юртѣ. Это былъ вихорь, такъ быстро плясалъ шаманъ. Но вотъ раздался пронзительный крикъ и сразу оборвался... Шаманъ безъ чувствъ упалъ въ объятія Гольда Семена упустивъ на полъ бубенъ. Нѣсколько минутъ обморока; потомъ тяжкій стонъ. Вотъ снова схватилъ шаманъ бубенъ, снова забилъ въ него громко; сидитъ и качается всѣмъ тѣломъ. Мало-по-малу, однако, удары замедляются, сила ихъ ослабѣваетъ, пѣніе становится все тише и тише и наконецъ совершенно прекращается.

Шаманъ, какъ актеръ, окончившій свою роль, снялъ поясъ, вытеръ потъ на лицѣ, снялъ рубаху съ потнаго тѣла и остался полуобнаженнымъ.

За нимъ началъ шаманить другой, но этотъ уже не произвелъ никакого впечатлѣнія, потому что смѣшилъ публику пошлыми выходками и даже непристойностями.

Весьма важную роль игралъ нѣкогда шаманъ при погребеніи и во время поминокъ, о которыхъ и поведу рѣчь.

Всѣ изслѣдователи быта тазовъ утверждаютъ, что они не имѣютъ никакого представленія о загробной жизни. „На всѣ мои разспросы, пишетъ г. Надаровъ [1]), я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „чортъ его знаетъ, что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти, богъ ли его беретъ или чортъ“.

„Понятія какъ гольдовъ, такъ и орочонъ относительно загробной жизни сводятся къ тому, пишетъ другой изслѣдователь [2]), что они совершенно не признаютъ таковой жизни и увѣрены, что со смертію кончается уже все“. Дѣйствительно, вопросъ о душѣ человѣка и ея посмертномъ существованіи смутно представляется неспособной къ отвлеченіямъ мысли удиѣ. Иногда мнѣ говорили, что не все равно — умретъ ли добрый или худой человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе логика существующихъ похоронныхъ обрядовъ и поминокъ ясно говоритъ, что они вѣрятъ въ посмертное существованіе души, которую представляютъ матеріально.

Въ похоронномъ обрядѣ, какъ и во многомъ другомъ, не сохранилась тазовская старина во всей цѣлости.

Какъ только мертвенная блѣдность покроетъ лицо умирающаго, а изъ груди его вылетятъ послѣдній вздохъ (эг(х)ани), приступаютъ къ „обряженію“ покойника. Тѣло его моютъ, причемъ воду выливаютъ на улицу. Бывшее на покойникѣ платье уничтожается и шьется ему новое. Въ зависимости отъ состоятельности покойника, шьется одна или нѣсколько смѣнъ. Въ разрытой мною лѣтомъ 1896 года могилѣ тазачки въ бухтѣ Лонгувай я нашелъ на покойницѣ двѣ смѣны одежды: одна изъ бѣлой дрела, другая изъ синей дабы. Мнѣ говорили, что на богатыхъ покойникахъ бываетъ по три—четыре смѣны платья.

Въ то же время всѣ родные покойника извѣщаются о смерти, и ждутъ ихъ прихода. Если умершій не имѣлъ родственниковъ, или они далеко, то гробъ съ тѣломъ, не смотря на время года, остается непогребеннымъ до тѣхъ поръ, пока не явится кто-либо изъ нихъ, чтобы закопать въ землю. Въ такомъ случаѣ гробъ обмазываютъ глиною и ставятъ вдали отъ фанзы или юрты на подставкѣ. Иногда въ ногахъ покойника раскладывается незначительный костеръ, на которомъ въ честь покойника сжигаютъ табакъ, пищу и льютъ водку.

При наличности родственниковъ, похороны производятся черезъ 3—4, иногда 7—10 дней со времени смерти.

Родные обыкновенно оплакиваютъ покойника, причемъ причитаютъ, но причитанія у лишенныхъ поэтическаго творчества удиѣ. не идутъ далѣе

[1]) Op. cit. 82 стр.
[2]) Труды Пріамур. Отд. II. Р. Г. О. за 1895 г.

нѣсколькихъ фразъ, въ родѣ: „мать, зачѣмъ ты такъ рано умерла. Мы—я и братъ—теперь сироты. Что мы будемъ безъ тебя дѣлать“? Другіе родственники утѣшаютъ плачущихъ.

Пока обряжаютъ и оплакиваютъ покойницу или покойника, свои или чужіе люди дѣлаютъ гробъ. Послѣдній дѣлается различно. Изъ всякаго дерева—тасса, кедра,—вырѣзаютъ доски и сбиваютъ ящикъ, широкій у изголовья и узкій въ ногахъ. Стѣнки гроба довольно высоки, достигая аршина и болѣе. Доски прежде сбивались деревянными гвоздями, а теперь желѣзными скобами, крышка же прибивается деревянными гвоздями.

Въ другихъ мѣстахъ срубаютъ толстый кедръ или тополь или липу выдалбливаютъ изъ нихъ корыто, напоминающее нѣсколько ботъ (лодку), и придѣлываютъ изъ досокъ крышку.

Иногда въ качествѣ гроба употребляютъ старую лодку (ботъ). За работу по постройкѣ гроба чужіе люди никогда не берутъ денегъ, говоря, что они помогали обрядить покойника.

Въ готовый гробъ подстилаютъ или бересту или дрель, подъ голову кладутъ цилиндрической формы подушку, набитую опилками. Если похороны происходятъ зимою, то умершаго заворачиваютъ въ большое ватное одѣяло Подполковникъ Бѣльковичъ [1]), на р. Хорѣ, въ одномъ изъ вскрытыхъ гробовъ нашелъ скелетъ женщины, завернутый въ толстое ватное одѣяло.

Вмѣсто умершаго дѣлается изъ гнилушки подушка, большая или маленькая, смотря по возрасту умершаго; если покойникъ—женщина, то къ подушкѣ пришиваются серьги. Эту подушку укладываютъ спать, утромъ поднимаютъ; ставятъ предъ нею ѣду.

Въ гробъ съ покойникомъ кладутъ все то, что ему надо было при жизни: трубку, копье, острогу, посуду, ножъ и т. д.; если хоронятъ женщину, то—иголки, нитки, ножницы, гребешки и др. женскія принадлежности. Подполковникъ Бѣльковичъ въ упомянутой выше могилѣ женщины на р. Хорѣ нашелъ: кольца, серьги, цѣпочки, съ боку покойницы топоръ, а въ головахъ берестяную коробочку съ гребнемъ, табакомъ, спичками, мѣдными манзовскими деньгами (чохами), нитками, иголками, ножичками. Я въ могилѣ тазачки нашелъ у ногъ корзинку, въ которой находились—ножницы, поясъ, нагрудникъ, два гребешка, иголка, нитки, наперстокъ, и нѣсколько кусковъ бѣлой и синей дабы.

Пищи нигдѣ никакой не кладутъ.

На вопросъ, почему они кладутъ въ гробъ съ покойникомъ вещи, приходится слышать различныя объясненія, которыя ясно говорятъ, что совре-

[1]) Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

менные удиѣ совершенно забыли воззрѣнія предковъ на загробную жизнь. Одни говорятъ: „такъ давно дѣлали. Кто его знаетъ, для чего кладемъ. Можетъ быть, покойнику надо будетъ“. Другіе утверждаютъ, что по смерти человѣка никто даже изъ ближайшихъ родственниковъ не можетъ владѣть тѣми вещами, которыя принадлежали ему, а потому онѣ и складываются въ гробъ. Объясненіе это неудачно придумано и опровергается фактами: если хоронятъ покойника изъ бѣдной семьи, то въ гробъ кладутся только лишнія или поломанныя вещи, а остальныя переходятъ въ собственность наслѣдникамъ. Что касается похоронъ, то и понынѣ еще старина удерживается рядомъ съ новизною. По сообщенію старухи-тазачки Оргуэго, взрослыхъ закапываютъ въ землю, а маленькихъ заворачиваютъ въ бересту и сушатъ на воздухѣ, привязывая къ деревьямъ. Вѣроятно, послѣднее сообщеніе имѣетъ связь съ тѣмъ, что сообщаетъ г. Надаровъ объ удиѣ Бикина, Имана и Ваку. Ему сообщали, что прежде тѣла покойниковъ въ землю не зарывали, а бросали въ лѣсу на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ.

На побережьи Великаго Океана погребеніе совершается такъ. Мужчины роютъ, въ разстояніи 50—100 шаговъ отъ юрты или фанзы могилу. Глубина ея не превышаетъ $1^1/_2$ аршинъ. Когда гробъ съ покойникомъ привезутъ къ могилѣ, то родственники прощаются съ нимъ, сжигаютъ на кострѣ, разложенномъ въ головахъ гроба, буду, табакъ, хлѣбъ и т. п. Затѣмъ деревянными гвоздями прибиваютъ крышку и засыпаютъ землею. Надъ могилой насыпаютъ конусообразный холмъ вышиною въ $1^1/_2$ аршина. Гробъ ставятъ въ могилу всегда головою на западъ, а ногами на востокъ. У ногъ, на разстояніи пяти шаговъ, устраиваютъ изъ камней жертвенникъ, на который ставятъ коробку для куренія китайскими свѣчами.

Этотъ обычай похоронъ заимствованъ отъ китайцевъ. Болѣе самобытности замѣчается въ другомъ обрядѣ похоронъ. Забитый гробъ обвязываютъ берестовою корою, иногда разрисовываютъ черною и красною красками; затѣмъ ставятъ его въ особый срубъ.

Мною осмотрѣно было нѣсколько такихъ срубовъ, и вотъ къ какимъ выводамъ приводятъ мои наблюденія.

Эти срубы бываютъ иные у богатыхъ покойниковъ, чѣмъ у бѣдныхъ. У богатыхъ покойниковъ—это цѣлое сооруженіе. Похожій на гробъ по формѣ, срубъ изъ бревенъ, до $1^1/_2$ аршинъ вышиною, заканчивается двускатною крышею, тоже сдѣланною изъ бревенъ. Въ одной изъ короткихъ стѣнокъ—дверца, черезъ которую вставляется гробъ; впрочемъ, иныя дверцы такъ малы, что гробъ, очевидно, поставленъ черезъ крышу. Гробъ стоитъ на подставкахъ, а дверца завѣшена бѣлою дрелью съ черною каймою. Внутри такого сруба не рѣдко встрѣчаются чумашки, остатки отъ тризны.

Усыпальницы бѣдняковъ—проще. Это четыре кола, соединенные вверху рамою, на которой покоится обернутый берестою и увязанный веревками гробъ.

Преобладающій узоръ на длинныхъ бокахъ гроба—рядъ соединенныхъ круговъ изъ красной и черной красокъ. Передъ входомъ въ нѣкоторыя гробницы я видѣлъ висящими деревянныя фигурки, вѣроятно, фетиши, сдѣланные по приказанію шамана.

Какъ бы ни похоронили покойника, всегда при погребеніи бываютъ поминки. „Намъ пришлось присутствовать,—пишетъ г. Цель-Горскій,—на поминкахъ по умершей, на 30-й день по ея смерти. Трупъ еще не былъ похороненъ [1]) и лежалъ въ гробу изъ досокъ въ устроенномъ для этого балаганѣ, вблизи общей фанзы. Послѣ полудня всѣ бывшіе здѣсь орочоны, мужчины и женщины, надѣли себѣ на голову бѣлые колпаки, означающіе трауръ. Сынъ же покойной надѣлъ, кромѣ того, бѣлую рубаху. Двѣ орочонки взяли маленькій столикъ, на который было положено много круглыхъ булочекъ, изготовленныхъ передъ тѣмъ на пару орочонами-мужчинами. Послѣ этого всѣ отправились къ балагану, въ которомъ стоялъ гробъ. У самыхъ дверей балагана поставили столикъ съ булочками. Съ дверей сняли бересту, и вдовецъ, выщипывая изъ каждой булочки маленькіе кусочки, бросалъ ихъ въ балаганъ. Этимъ и ограничился весь обрядъ поминокъ у гроба".

Впрочемъ, иногда поминки справляются болѣе торжественно. Въ особомъ конусообразномъ шалашѣ, вблизи усыпальницы, варятъ кушанья, потомъ тутъ же ѣдятъ ихъ, пьютъ ханшинъ или русскую водку; остатки отъ поминальнаго пира зарываютъ въ яму, которую закрываютъ бревнами; чумашки, въ которыхъ хранилась пища, вѣшаютъ тутъ же на особомъ колу.

Еще болѣе торжественности поминкамъ сообщается присутствіемъ шамана. Г. Шимкевичъ [2]) свидѣтельствуетъ, что у потомковъ орочонъ, извѣстныхъ подъ именемъ киленъ, на поминкахъ присутствуетъ шаманъ для того, чтобы слѣдить переходъ души изъ міра земного въ міръ загробный. По словамъ шамана Лаабэ Юкольцалъ, душѣ киленъ необходимо пройти слѣдующія мѣстности, пока она достигнетъ загробнаго міра.

1) Она.

2) Болота, мѣстность, гдѣ душа впервые встрѣчаетъ затрудненія при своемъ странствованіи.

3) Ингила.

4) Сая-суйгонэ—до вершины этой рѣки.

---

[1]) Трупъ былъ похороненъ, но не въ землю, а поставленъ въ усыпальницу, какъ видно изъ послѣдующаго.

[2]) Op. cit., 17—18 стр.

5) Сая-джууни, перевалъ черезъ хребетъ.

6) Сая-хабсени, спускъ съ хребта въ продольномъ направленіи.

7) Сая-джабужуни, густой лѣсъ,

8) Сая-бачоани, хребетъ.

9) Токса—баджикчини, мѣстность, гдѣ живутъ души мертворожденныхъ.

10) Саджи, большое болото.

11) Буни-наани-суйгуни, по берегу горной рѣчки открытая мѣстность съ хорошимъ строевымъ лѣсомъ.

12) Уолдука-чапчеоха, мѣстность, гдѣ видны слѣды выдѣлки деревянныхъ лодокъ; лѣсъ вырубленъ.

13) Буни-сангниани-ичинча, видѣнъ дымъ и признаки присутствія жилья, затѣмъ и шалаши.

Но въ настоящее время всѣ эти странствованія души забыты удиһэ; экономическое положеніе приводитъ ихъ иногда къ необходимости мириться съ такими явленіями, за которыя нѣкогда они предавали смерти. Такъ прежде они зорко слѣдили и тщательно охраняли могильный покой умершихъ предковъ.

По словамъ удиһэ, живущихъ на р. Копии, они прежде сильно наказывали того, кто осмѣлился бы нарушить покой мертвецовъ своимъ посѣщеніемъ могилъ; если бы кто-либо осмѣлился взять черепъ или кости мертвецовъ, того они убивали. Такъ было прежде, а нынѣ не составляетъ большого труда изслѣдователю купить за 5—10 рублей трупъ родственника; а набредя въ тайгѣ на покинутые гробы, можно невозбранно набрать костяковъ.

Всюду время несетъ перемѣны. Не защититъ отъ его вліянія удиһе и дремучая тайга, которая сильно мѣняетъ свой недоступный видъ съ приближеніемъ китайца или русскаго.

Сергѣй Брагиловскій.

Варшава 1901 г. 7 октября.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Матеріалы для словаря удиһэ.

Подъ названіемъ „Матеріалы для словаря удиһэ“ я, въ видѣ приложенія, печатаю добытыя мною слова во время моихъ странствованій по территоріи тазовъ. Помѣщаемый мною словарный матеріалъ нельзя считать за русско-тазовскій словарь, потому что я не могъ посѣтить и объѣхать всю территорію, по которой разбросано это тунгузское племя. Словарь языка удиһэ явится только тогда, когда будутъ записаны слова не только по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Великій океанъ, но и по притокамъ р. Уссури, а равно и въ западной части занимаемаго этимъ народомъ пространства. При отсутствіи письменности, языкъ удиһэ не имѣетъ ни установившихся грамматическихъ формъ, ни установившагося прочно звукового обозначенія. Разъединенные огромными пространствами малодоступной тайги, отдѣльные роды этого народа, подъ вліяніемъ окружающихъ сосѣдей, часто представляютъ большое различіе въ лексикальномъ отношеніи. Слѣдовало бы собрать полный матеріалъ въ этомъ отношеніи, и тогда можно было бы намѣтить группы, на которыя, по языковой близости, распадается этотъ народецъ. Пока нѣтъ такого матеріала, нельзя сдѣлать никакихъ прочныхъ заключеній о грамматикѣ языка удиһэ.

На случайнаго наблюдателя языкъ удиһэ производитъ впечатлѣніе оригинальностью фонетики, преобладаніемъ носовыхъ и гортанныхъ звуковъ, трудно передаваемыхъ русскимъ алфавитомъ. Кромѣ того, поражаетъ бѣдность этого языка для выраженія отвлеченныхъ и даже многихъ самыхъ обыденныхъ понятій.

Вообще удиһэ, по свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, стоятъ на очень низкой ступени развитія. Въ послѣднее время они научились вести счетъ времени отъ китайцевъ, считая за начало года китайскій новый годъ (въ концѣ января). Раздѣленія времени по недѣлямъ у нихъ не существуетъ; счетъ по мѣсяцамъ они знаютъ, хотя считали мнѣ порядокъ мѣсяцевъ различно, названія ихъ давали различно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, не добился, сколько же всего мѣсяцевъ въ году считаютъ удиһэ и

въ какомъ порядкѣ. Не былъ счастливѣе меня въ этомъ отношеніи и г. Бѣльковичъ. „Дѣлятъ они годъ, говоритъ онъ, на 13 мѣсяцевъ, хотя за достовѣрность относительно числа мѣсяцевъ въ году ручаться не могу, такъ какъ нѣкоторые говорили, что считаютъ только 6 мѣсяцевъ въ году, другіе утверждали, что ихъ 7, тотъ же, который насчиталъ мнѣ 13 мѣсяцевъ, подъ конецъ счета спутался, такъ что нельзя ручаться за правильность названія всѣхъ 13 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе привожу здѣсь эти названія: 1) Джай-ля, 2) Нюн-гу, 3) Нида-бя, 4) Джакну-бя, 5) Ей-бя, 6) Джи-бя, 7) Джиумъ-бя, 8) Джадю-бя, 9) Джайло-бя, 10) Джады-бя, 11) Джитонъ-бя, 12) Джаню-бя, 13) Джаньдо-бя“.

Приведу ниже названія мѣсяцевъ, добытыя мною.

На р. Самаргѣ считали такъ:

Январь	— Джан-бя́,	Іюль	— Дуин-бя́,
Февраль	— Иче-бя́,	Августъ	— Тенга-бя́,
Мартъ	— Лаб-бя́,	Сентябрь	— Нингу-бя́,
Апрѣль	— Ан-бя́,	Октябрь	— Надан-бя́,
Май	— Дю-бя́,	Ноябрь	— Джакон-бя́,
Іюнь	— Элан-бя́,	Декабрь	— Ин-бя́.

На р. Копіи отъ двухъ орочонъ слышалъ различное обозначеніе мѣсяцевъ, именно:

Январь	— Накуӈды,
Февраль	— Гекӯ,
Мартъ	— Сактукӯ,
Апрѣль	— Нуканкӯ или адыкӣ,
Май	— Мэйэ или адыкӣ,
Іюнь	— Мэйэ или ычà,
Іюль	— Ычà или гусӣ,
Августъ	— Гусӣ или туà,
Сентябрь	— Туà или сёнкò,
Октябрь	— Сёнкò или ункӯ,
Ноябрь	— Ункӯ, или сѣлякта, или ытѣ,
Декабрь	— Элакта, или сѣлякта, или гуӈӣ.

Для показанія различія въ произношеніи и обозначеніи предметовъ въ различныхъ мѣстахъ территоріи удиӈэ, приведу слова, записанныя мною по разнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Великій океанъ.

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Отецъ	абугу̀	абуhà	абуhу̀
Мать	анигà	аниhà	аниhà
Сестра	окà	старшая—оhгò младшая—покò	онадю̀
Братъ	старшій—ахаhуну̀ младшій—пакогунà	агà	анду̀
Сынъ	hитà	hитэ̀й или ситэ̀й	хитэмѝ
Дочь	ситэ	аджигà	хитэмѝ
Мужъ	манаѝ	адэ̀й	мафà
Жена	мамачàи	мамазэ̀и	аhантаѝ
Собака	инаѝ или инàй	энэ̀й	инаѝ
Птица	гѝ	гаhà	гаhà
Рыба	сукдигà	шукчэ̀	шюджэ̀
Вода	улѝ	улэ̀	вулѝ
Рѣка	ули	біазà	ауà
Гора	у̀а	уа	у̀а
Солнце	шу и шю	шу или шю	шю
Мѣсяцъ	бѣ	бѣ	бѣ
Звѣзда	ойтà	уайкта	уайхтà
Голова	дыли	дылѝ	дылѝ
Глаза	йэ	йиhэ	йэhа
Ухо	куà	кой	куаѝ
Ротъ	агмà	аhмà	аhмá
Носъ	ню	ньоhю	ньоhò
Рука	налà	аhhадѝ диhhадѝ	hалà,
Нога	быгды̀	багдѝ	быгды̀
Небо	няhнѝ	няhнѝ	могò
Земля	на	на	на
Вѣтеръ	ады	ходу̀	оды̀
Дождь	тыгдà	тыкдà	тыгдà
Снѣгъ	эмà	эмаhà	имаà
День	инынь	инаhнѝ	инаhнѝ
Ночь	догбо	добго	дугбо
Годъ	агàнь	аhhанѝ	аhанѝ
Хорошій	анянѣ	айанѝ	айанѝ
Худой	гаhанѣ	гоhонѝ	гоhонийэ
Короткій	омозà	омозà или омоцà	умазà
Длинный	уаничи	уаньмэ	уанимѝ
Старый	мафасà	сагдентà	сагблитà
Молодой	сиккопѝ	сиканѝ	сиккопѝ
Богатый	байà	байанѝ	байанѝ
Бѣдный	джобуйнѣ	джёбонѝ	джуанку
Большой	сакды̀	сакды̀	сагды̀
Малый	писá	низà	низà
Бѣлый	ичагджà (чà)	чалыhѝ	чалиhѝ
Черный	палигѝ	палыhѝ	палиhѝ
Красный	хулялѝ	холалэhѝ	холалѝ
Желтый	холò	холó	хогджò (чо)
Говорю	диhанамѝ	(би) гагайэ	диhандэ
Даю	буми	(бу) ямбѝ	миндэбуйэ
Покупаю	джавамѝ	гадамѝ	гады̀

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
Продаю	худасемѝ	худасѝ	ходасѝ
Лежать	каптаhимѝ	катнамѝ	каптасѝ (мѝ)
Стоять	илимѝ	илиhимѝ	имhанѝ
Сидѣть	таhамѝ	тойомѝ	туыhанѝ
Ѣсть	джяптѝ	джяптымѝ	джяптѝ
Пить	уми	умимѝ	умѝ

Весьма интересно сопоставить имена числительныя, записанныя по тѣмъ же рѣкамъ. Въ нихъ замѣчается больше сходства, хотя мѣстное произношеніе нѣкоторыхъ именъ числительныхъ представляетъ отличія.

	р. Бочи.	р. Самарга.	р. Нахту.
1	омоцò	омỳ и омозò	омỳ
2	дю̀	джỳ или дзю̀ръ	джỳ
3	элà	элà	элà
4	ди̅ (и долгое)	ды̅ (ы долгое)	ды
5	тунгà	тунhа	тунгà
6	нюмỳ	нюhмỳ	нюмỳ
7	натà	надà	надà
8	джакпỳ	джакпỳ	джякпỳ
9	Jій	Jій	Jэй
10	дчà или джà	джа или дзà	джà
11	джамỳ	джа-омỳ	джя-амỳ
12	джадю̀	джа-джỳ	джя-джю̀
13	джалà	джа-эла,	двайлà
14	джадѝ	джа-дѝ	джадѝ
15	джатумà	джа-тунга	джятунга
16	джанюмỳ	джа-нюмỳ	джанюмỳ
17	джанадà	джа-надà	джанадà
18	джажакпу	джя-джякпу	джаджякпу
19	джайи	джя йій	дяйай
20	уàй	уàй	ойй
21	уамỳ	уàй-омỳ	ойамỳ
30	эладжà	эладзà	эладзà
32	эладжадю̀	эладза джю̀	эладза джỳ
40	дыджà	дыджà	дыдза
50	тунгазà	тунhа-джа	тунгадзà
60	нюмуджà	нюhму-джà	нингудза
70	нададзà	нада-джà	нададзà
80	джакпуджà	джакпу-джà	джакпуджà
90	йиджа	йій джà	нійдзà
100	омỳ тангỳ	омỳ-тангỳ	дзадзà
200	дю тангỳ	дю-тангỳ	джу-тангỳ
1000	оминьгà	оминьгà	оминьгà.

Наконецъ, приведу нѣсколько фразъ въ переводѣ на языкъ удиhэ, живущихъ по упомянутымъ рѣкамъ:

Какъ тебя зовутъ = { Си га бини́ (р. Бочи).
Си га бия́въ (р. Самарга)
Си гагбіяу́ (р. Нахту).

Онъ даетъ брату рыбу = { Сикдукумэ джёлогойэ (Б.) / Мы нау́ сукджабуа́ (С.) / Ты буг(х)ани́ сукджа́ (Н.).

Я купилъ эту большую собаку = { Би сагды́ гасеми́ инаи́ (Б.) / Би энэ гасеи́ (С.) / Сакди́ инаи́ гасими́ (Н.).

Принеси мнѣ огонь = { То миндебуя́ (Б.) / Тоу буйэ минэ (С.) / То агадиги́ (Н.).

Что хочешь? или Чего тебѣ нужно? { Сію галэг(х)и́? (Б.) / Явъ гэли́? (С.) / Сиявъ галэг(х)и́ (Н.).

Предлагая вниманію читателя словарьчикъ языка тазовъ, я рѣшилъ параллельно съ своимъ собраніемъ дать и то, что собрано гг. Леонтовичемъ, Протодьяконовымъ, Маргаритовымъ и Назаровымъ. При этомъ считаю необходимымъ сообщить, что г. Леонтовичъ („Русско-ороченскій словарь", Записки Общ. Изуч. Амур. края. Т. V, вып. II. Владивостокъ. 1896 г.) собралъ слова среди ороченъ р. Тумлинъ, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани; г. Протодьяконовъ („Краткій русско-ороченскій словарь". Казань. 1888 г.) представилъ словарь, обрѣтающихся въ прибрежьяхъ Татарскаго пролива, отъ Де-Кастри до залива. Св. Ольги и далѣе, хотя, по словамъ Леонтовича, главная масса словъ его словарика относится къ амурскому нарѣчію; г. Маргаритовъ (Объ орочахъ Императорской гавани. С.-Петербургъ. 1888 г.) собралъ слова орочей Императорской гавани и привелъ параллели къ нимъ изъ собранія словъ г. Надарова и манжурскія слова; г. Надаровъ (Сѣверно-Уссурійскій край. С.-Петербургъ. 1887 г.) далъ словарьчикъ орочанъ живущихъ по р. Чиури.

Въ основу положены слова, собранныя мною среди удиһэ, обитающихъ по рр. Самаргѣ и другимъ, впадающимъ въ Великій океанъ. Словъ незаписанныхъ мною я не привожу, хотя они существуютъ въ словарѣ г. Леонтовича или другихъ моихъ предшественниковъ.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
А.				
Амуръ(р) Намунка́, Мамгу́	—	мангу́	—	мамми́
Ахъ ты собака (брань) инахки мадалэ	—	—	—	—
Б.				
Бабочка—коня́	—	—	конака́	коньяка́
Бабушка—(по матери) анига́ . . .	—	сакдани (по отцу)	атанга́	атанга́
Бакенбарды—hавсу, тамого̀	—	—	—	hауси́
Балаганъ вообще—кава́	чукди́ чоло́	—	—	—
Балаганъ для провизіи быцианhа́ .	—	—	бабты́	имhили-коякá
Банка—тукури, токоро̀	ангала́	—	токоро́	токоро́
Бедряная кость				
связь—чики́, дувги́	—	—	—	о
кость о, уо̀.	—	—	—	
Беззаботный—байси. гяндыни́ . . .	—	—	—	паксіаси́
Безсовѣстный — олёко — мага́. шуляи́ (соляни́)	—	деррекý	—	дэріако́
Безстрашный—мѣва—манга́, аякта—манга́, манга́нѣ	—	—	—	манганѣ́
Безумный—меланеки́. маялачэ	—	мыелечи́	—	маялачэ́
Безкровный—миндыми́	—	—	—	—
Бей—ыктаhа, ситайа́, миндаhа, паталаhа́.	—	—	—	миндаhа́, патылаhа́.
Берегъ:				
часть суши—сапчи—керани́, уркени́.	—	на	—	сапсалэ́
» воды—ури́	—			джапама́
Береза—чалба́, чялба́	таламони́	ивогда́	чаба́	чаба́
Берёста—талу́, укса́.	сокто́	чабба́	талу́	укса́
Бери (=на тебѣ) буй, джяваhа́. . . .	—	дуавага́	—	джява(к)hа́
Беру я = (держу я) би джявамѣ, джявачамѣ.	—	—	—	би джявамѣ́ джявачамѣ́
Билетъ—пя́у	—	певкунэ́	—	пя́у
Бисеръ—няуджоко́, нюрбги́	—	сюрахта́	—	ё(к)гджоко́
Бить—тукти́	—	сентулэ́й	миндоми́ [1])	—
» палкой—дуктами́	—	—	—	миндэ́й, патылэ́й
» кулакомъ — санталами́, шантэлэ́й	—	—	—	hэнтулэ́й
» ладонью—сазалами́, панядэ́й. .	—	—	—	хангадэ́й, паньядэ́й
Бичевка—hуку́, батуhи́.	—	иконда́, (бичевникъ-киктана́)	—	батуhи́ и бытуhи́ баниhа́
Благодарю—баниhа́	—	—	—	—

[1]) Г.г. Маргаритовъ и Протодіаконовъ не обозначаютъ, чѣмъ бить.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Благодарить—баниħами	—	—	—	—
Блевать—исаħамэ́, хужяжи́	—	—	—	исэ́й
Блестящій (=яркій) гэкуэ́	—	—	—	митайси́
Ближній—муниджабо́	—	—	—	авокэ́
Близко—данза́	—	лаки́	ляка́	лакэгонѣ́
» очень—дазабини́	—	—	—	лакэ́
Близнецы—ада́у, адаку́	—	—	—	адау́
Блонь—алукта́, сими́	—	—	—	амукта́
Блоха—сюа́, сюра. шюа́, тхуди́,	—	суа́	—	с(ш)юа́
Блядь—хагнау-манга, панда-ониманьга́	—	—	—	—
Блядунъ—хуандень-манга́	—	—	—	—
Бляха—абгу́	—	лэли́ (на передникѣ)	—	ачиħа́
Богатыц—баяни́, бая́	—	бая́	—	бая́
Богульникъ—сянкэ́	—	—	—	сянкэ́
Богъ—Андури́, Буа́	эндýрь	эндýрь	боа́	андури́, буга́
Боекъ бубна—геасю, гіу́	—	—	—	шаю́
Бокъ—огдо́, боé	аутила́	—	окдоми́	окдо́
Болото—нау́, чяхтахайчуой	—	—	—	чипукта́ [1]
Больно—ана́, анэħэ́	—	—	анана́	ано́
» очень—ана-ана́	—	—	—	анана́
Ой больно!—чу́манга́	—	—	—	—
Больной—уныни́, тэ-ану-ħіэ́	—	энуси́	—	анусинѣ́
Больше еще—байда сагдэ́	—	бади́ (болѣе)	—	байда сагдэ́
Больше еще и еще—чуу́сагдэ́	—		—	каата багдэ́ сагдэ́
Большой—сагдэ́, саг(к)ды́	—	сакди́	сакды	сагдэ́
» самый—чусагдэ́	—	—	—	чусагдэ́
Болѣть—ануси́	—	—	—	ануси́
Борода—гуакта́, ħуакта, утахта́	гуакта́	кукэхта́	гуахта́	гуггахта́
Бородатый—уанимэ́ ħуакта́	—	—	—	—
Бортъ (лодки) большой—огда́ тубу́й	—	—	—	окдони́
» малой—тактани́	—	—	—	тактани́
Босой—нюлакэ́, сарбэ́	—	нулаки́	—	унталачи́
Бочка—синдонго́	—	—	—	синдонго́
Боюсь я—би нгаламѣ́	—	—	—	би нгаламѣ́
Бралъ я—би джавами́, джаваħамѣ́	—	—	—	джяваħамѣ́, джявачаħамѣ́
» ты—джавай	—	—	—	
» онъ—ты джавай	—	—	—	
Браслетъ—буляпты́, балинты	—	киляпту́	—	пелапту́
Братъ—хая́, анду́, ага́	—	—	—	—
» младшій — наħумэ́, нагокуна́, науни́	—	пуку́	—	ноко́
» старшій—ахкемэ́, аха́, ахаħуну́	—	ака́	аха́	аха́
Брать—джавами́, джявамѣ́	—	—	—	джявай, джявагэ́й
Бревно большое	—	—	—	сагды-мо́
» обыкновенное—мо́, бавмо́	лйта́	—	амигда́	мо́
Брезентъ (изъ берёсты)—икая́. сигды́	тукя	—	икая	икая
Бровь—гулыга, самякта́	гулуга́	самикта́	кимикта́(э́)	са(я)микта́
Бросать—ногавэ́, уандамэ́	—	—	—	пода(и́вѣ)
Бросилъ я—би ундамэ́	—	—	—	подоħамѣ́
Брось—си уандэ́	—	поду́	—	подоħо́, подоо́
Бросьте—агдини уандэ́	—	—	—	подоħасё
Брусника—та(и)кта́, гоббонку́	—	—	—	алаугаббонку, гоббонку́

[1]) Это слово значитъ грязь.

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Брусъ—точило́	—	хиво́	—	—
» тонкій	—	—	—	hива́
» толстый	—	—	—	ава́
Брюхо—амугдэ́, омугда́	—	ому́кдэ́	—	амугда́
Бубенъ—біунтуи	—	унту́	—	унту́
Буда (китайское просо) джякта́	джакуа́	—	діакта́	діакта́
Будетъ (онъ) биджянhанѣ́	—	—	—	быджянhанѣ́
Будешь (ты) биджянhасѣ́	—	букэ́	—	биджянhасѣ́
Буди́ (разбуди́) сяюка, сяюhа́	—	—	—	сяюhа́
Будилъ я—сяюhамѣ́	—	—	—	сяюhамѣ́
» онъ—сяюhанѣ́	—	—	—	сяюhанѣ́
Будить—сяюмѣ́, тэhэ́	—	—	—	сяючи́
Будущій годъ—гочи́, готанганѣ́	—	—	—	гочи́
Бужу (я) сяюмѣ́	—	—	—	сяюмѣ́
Булавка—тыкпа́	—	—	—	—
Бумага—hавса́, хавза́, хауйэ́	—	хау́са́	—	hауса́
Буравъ большой—лунгу́	—	—	—	лонго́
» малый—лунгу́	—	—	—	лонгооко́
Бурундукъ—атуhэ́, угукэ́	—	укукэ́	—	угукэ́
Буря—окси́, агды́-адыни́	—	—	—	адды́-адыни́
Бусы большія } монгоки́ (и такъ какъ у Леонтовича.	—	—	—	сюракта́
» среднія } монгоки́ (и такъ какъ у Леонтовича.	—	—	—	нёгдо́
» малыя } монгоки́ (и такъ какъ у Леонтовича.	—	—	—	чыhытэ́
Бутылка—токоло́, тукуру́	—	тукури́	—	токоро́
Бухта—онё	—	—	—	онго́
Быкъ—йіhа, яhа́, иhа́	—	—	—	иhа́
Бѣгать (бѣжать)—тутуйэ́, тукэни́	—	—	тугоди́	тутуй
Бѣги—тутуа́	—	тутуниhэ́	—	тутуа́
Бѣда—чумангачи-льангалаhамѣ́	—	валега́	—	манга́-лаhамѣ́
Бѣдность—джёчёми́	—	синади́	—	джёчёми́
Бѣдный—джуанку́, джёбони́, джобуйнѣ́	—	джабой	—	джёчэйнѣ́
Бѣлка—олёйи́, олёко(и́)	—	хоко́	олёки́	олоки́, хоко́
Бѣлуга—ади́	—	махта́	—	аеи́
Бѣлый — чаакдя́, чя(а)лыhи чалиhи́, ичаг(дж)ча́	—	чекэ́	чакдя́	чаакджя́

В.

Валекъ (гилеи)—бактоhы́	—	—	—	макчи(г)hи́
Валъ (воды) якки	—	—	—	копеле́
Вари́ (ты)—икоhо́, икоо́	—	—	—	икоhо́, икоо́
Варилъ (я)—икоhамѣ́	—	—	—	икоhамѣ́
Варите (вы)—икоhосё	—	—	—	икоhосё
Варить—икоси́, олёктамэ́	—	икувэ́	—	икоси́
Варю—икосимѣ́, би олёктамэ́	—	—	—	икосимѣ́
Вата—даhа́, юhа́	—	юха́	—	юга́
Вверхъ: вообще—уйhи́, у́йh у́андамэ́	—	юлоки-энегэ́	—	уйла́
— порѣкѣ—соленгаджями́	—	—	—	улэва́
Вдвоемъ мы—биты́	—	—	—	диты́
Ведро́—мулакки́, молоhи́, мулькэ	—	—	—	кунка́
Вёдро—аhа, буа́, аhа́, ина(h)ни́	—	калкага́	—	буа́
Вездѣ—ивадачупалъ	—	сюнту́	—	ивада

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Веревка (изъ крапивы)—ħогó. . . .	хукý	пюнпотý	хукý	—
а) для лука—ħукý, хукú . . .	—	—	—	гхукý
б) для невода—иннú.	—	—	—	—
в) для самострѣла—укда, гоккý	—	—	—	укдá. гокку
Веретено—поħý, портý.	—	—	—	поортý,форфý
Вертлюгъ (у нарты)—махталú. тоħú . .	—	макцигú. дá	—	макчи ħ)гú
Вертѣть (сверлить)—сангнали (сучить) поравú	—	кэндэлигэ́	—	сан͡гналú
Веселый—чáра-бáта биħинú . . .	—	—	—	яунѣ
Весло (бортовое)—гя́въ	сыý	кеýръ	сюй	г(э)нý
» двуперое - шю́й.	—	—	—	сюй
» лопатка—могý, маббý, малбý .	—	мэлбý	—	малбý, маббý
» рулевое=сéвъ, шю	—	—	—	сёý, сяý
Весна—накú	—	некня́	—	нягня͡
Вечеръ—сикэ́.	—	сиксэ́	—	сыкся́
Вещь—хаджý	—	джакá	—	таý
Вздохъ (послѣдній умирающаго)—э́ħнинú.	—	—	—	—
Взять—джявамú	—	—	—	дживай, джявагэи
Вилка—исапуħú.	—	сапýй	—	с(ш)апуй
— для остроги—маймá	—	—	—	донксó
Винтовка—мяусá	—	пичú	—	пинтакú, мяучá
Водá - улú, вулú, улэ́.	улú	мý	мý	мý
Вóдка—аракú.	—	—	—	аракú
Водяной—амбá	—	—	—	ганкэрá
Возьму-джявайэ́, миндебуйá.	—	джевы́й	—	дживаджямъ
Волосы (челов.) - лютгá нюктá . .	нюктá	нюктэ́	нюктá	нюктá
— сохатаго—инактá	—	—	—	—
Воронъ—га(х)ú	(ворона)--гаú	гакú	—	гакú
Воротъ (рубахи)—таħá, моnħочопú- , мо монú	—	—	—	монгó рушуħý
Воротникъ вышитый бисеромъ—ча(я)-мú	—	—	—	—
Воръ—джомошуú	—	чоочá	—	джёомичинѣ чоочú. чоолоħанѣ
Вошь, вша—кумуħó, кумкгэ́	—	—	—	кумуħà
Врешь—шюлачú.	—	улочисú	—	ул(оо)уукý
Все равно—омутý.	амотó	—	ума-далú	умадалэ́й
Вскипѣть—йiħохуенú	—	—	—	хуюч(с)ú
Выдра—джюкý, дюкý	—	джокý	дюкý	дюкý
Выливать—миħанталамú	—	—	—	ункой
Вымывать—сикки, сиккимú, ...	—	—	—	сикки, сиккив(ѣ)и
Выпить—умú, умимú.	—	—	—	умú
Выпотрошить—хуктасимú	—	—	—	ачýй
Высморкаться—ликбасiуú	—	—	—	инунáй
Выстрѣлить—мiосаламú	—	—	—	—
Вѣникъ—аппуħý.	—	аппýй	—	аппу(г)ħú
Вѣсы—чап(ħ)á	—	дынгсú	—	данкся́
Вѣтеръ—о(а)ды, ходý.	—	эды́	аоы́	ады́
Вѣтка малая—сооктó	—	—	—	сооктó
» большая—гá	—	—	—	—

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.

Г.

Гводзь—ча(я)ба́	—	тыппо́	—	тыппа́
Глазъ—иhа́, ябка́, йіhэ́, йэhа́, йэ́	я. яга́	иса́	иса́	иса́
Глина—сорчо́. согджо́	—	сюту́	—	туала́ уве-паhа́
Глухарь—хоай́	—	—	—	хоокй
Гнилое (дерево)—утта́	—	пяйнъ	—	няhа́, няhанѣ́
Гнилушка—утта́,	—	—	—	ута́
Гнѣздо—хуйни́	—	—	—	хуйуммý, хуюму́
Говорю—диhанамі́ диhан(д)э, бигагайэ		кукамэ́	—	дыггамѣ
Годъ—аhані́, анhані́, агано́, ананй	—	ангані́	—	ангани
Голенище (сапогъ)—амhи́	—	—	—	тыякся́
Голова—дыли́	дыли́	дэли́	дыли́	д(ы)эли́
Голый—айтагми́	—	—	—	нюлакй
Гора—у́а	уа́	уэ́	уа́	уа́
Горбуша большая—чу́ма, чуму́	—	—	—	чу́ма
» малая—оhо́	—	икки́	око	око́
» особаго рода—гадэла́	—	—	—	псимй
Горитъ—джягды́	—	джегдый	—	джягды́
Горло—когту́, кота́	—	могоксо́	—	бигга́
Гость—джимамй	—	андаhа́	—	димаhамэ́ (близкій)
» »	—	—	—	андаhа (дальній)
Градъ—боно́	—	боно́	—	боонó
Грачъ—туай́	—	—	—	—
Гребень съ однимъ рад. зубцовъ—иду́	икду́	—	икду́	игду́
» съ двумя рядами—маля́	—	—	—	—
Гробъ—орто́, окда́, окдоhо́	—	укдоксо́	—	окдоксо́
Громъ—акды́	—	акди́	акды́	а(к)гды́
Грудь—тынга́	тынга́	тэнга́	тынга́	тынга́
» женщины—око́, косо́	косоу́	чку́	око́	око́
Грязь на улицѣ—чикпойни́	—	тепаа́	—	сюту́
» на тѣлѣ—ауй	—	—	—	пянгпса́
Губернаторъ—амба́	—	мыйра́	—	мыра́ (кится)
Губка древесн.—бото	Бото́	—	—	—
Губы—хаму́	хому́	хэму́	хаву́	хаму́
Гусь—хуйся́, нюгня	—	нюгнэ́й	—	нюнгняhи́

Д.

Да—инка́	—	—	инка́	й
Давать—буями́	—	—	буа́	буайвѣ (?)
Даю—буми́, миндэбуйэ́, синдэбуямби́	—	—	—	—
Дверь—уакты́, угуто́	уапте́	укко́	укапту́	укка́, дзлндко́
День—иңа(г)ни́, иңыни, иңа(h)ни́	аңнагй	иңенгій	иңагй	иңангі,иңанй
Деньги—джэhа́	—	джеха́	—	джила́
Деревня—нитулэни́	—	касанъ	—	гасса́ (гиляд.)
Дерево—мо́	мо́	мо́	мо́	мо́
Десна—иктатаhаңи́	икта́-тагани́	—	пригй	ирхй

	Падаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Дитя—hитэ́	—	хиты́й	—	hита́
Длинный—уаними́, уаньмэ́	—	—	—	нгонимэ́
Дно (лодки)—хаони́	—	—	—	ха́, хаанги́
Дождь—тыгда́, тыкдэ́	тикда́	тикдэ́	тикда́	тыгда́
Долбило (лодочное) бандя́, упага́	—	—	—	упага́
Долгъ—нанhда́	—	нангна́	—	нангна́
Долото—чугу́	—	чуку́	—	чюку́
Домъ—джу́	—	акду́	—	дю́
Доро́га—хонто́	—	хокто́	—	хокто́
Доска—дандч(ж)а́	—	укдокса́	—	капнагэй
» для тѣста—капиhи́	—	—	—	—
Дочь—аджига́, ситэ, хитэми́	—	аса́	—	асамаhита́
Древко остроги—тулями́	—	—	—	на́й
» стрѣлы—инни́	—	—	—	бооко́
Дробовикъ (ружье)—саса́. мяучани́	—	—	—	саса́ мяучани́
Другъ—анда́	—	—	анда́	чуманга́, анда́ (кит.)
Дубъ—олонкэ́	—	—	—	олонкэ́
Дужка (въ нартахъ)—чамбо́	—	—	—	тээмбуа́
— (у ведра)—(дж)чанги́	—	—	—	—
Дуть—хуми́	—	хугэ́	аддыни́	—
Дуракъ—туксава́, пагга́	—	—	—	пагга́
Дымъ сагня́	сагня́	сагня́	сагня́	сагня́
Дыра вообще—санга́	—	санга́	—	санга́
» въ одеждѣ—чагбини́	—	—	—	буяга, буягани́
Дѣвочка—адико(е́)	аткига́-гонеги́	—	ачха́	ад(з)жяка́
Дѣвушка—хатала́	хатали́-гонеги́	хапа́	хатала́	хатала́
Дѣти—ситэ́(й)	—	—	—	hитэ́й
Дядя—абуhа́	—	акга́	—	туа́

Е.

Еб.тъ твою мать—туксава сила́	—	—	—	—
Ель—хасикта́	—	—	—	асикта́
Енотъ—абуhа́	йэ́	яндоку́	—	яндака́
Есть—би́	—	би́	—	би́
Есть ли?—синдубіоеу́?	—	—	—	кисино?
Еще—ня́	—	ня́	—	ня́

Ж.

Жабры—сянга́	—	—	—	сянга́
Жарко—хакуhи́	—	хэку́	—	hако́, hакуси́
Желтый—холё, хагдж(ч)о́, холо́	—	сокчо́	шёкдэ́	сокдзё
Желѣзо—сэлэ́	села́	селэ́	села́	сяла́
Жена—мамачаи́, мамазэи́, аhантаи́, уцла́, асийини́	—	аса́мъ	—	асамѣ́
Жесть—акта́	—	акта́	—	акта́
Животъ—амугда́	мангу́	—	амукда́	амукда́
Жирный—богго́	—	буку́	—	богго́
Журавль—хуйза́	—	коро́	—	кура́у

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
З.				
Завтра́—тымана́	—	тыме́н	—	тым(э́)ѣ
Завязка у копья—hаккаhа́	—	—	—	гаккала́
» у сапогъ—сюкеhэ́	—	суксэ́	—	сукси́
Загородка у рыбной ловушки—лаба́	—		—	—
Задъ—омбо́	ай (ница)	—	амбо́	амбо́
Задую (спичку)—пундэ́	—	—	—	худзямѣ, худзянhае́
Зажечь, зажигать—джегды́	—	—	—	джягды́й
Заколоть копьемъ—гидалэ́й	—	—	—	гидалэ́й, гида́й
» ножомъ—кужули́	—	—	—	куч(у)элэ́й, китул(э́)ай
» острогой—аки́	—	—	—	аки́
Замокъ обыкн.—ёзо́	—	есо́	—	ёсо́
» ружейный—тумужа́	—	—	—	шамаки́(ни́)
Заплата—сананаври́	—	—	—	намасипты́
Заплетать—дж(ч)авагури́	—	—	—	илича́ц
Затылокъ—гадыhа́	гадыга́	—	апаке́	ча́
Затычка (у берест. солонки)—лэкаптыни́	—	—	—	липпиптыни́
Заяцъ—чагчемпу́, тукса́	—	чакчемпу́	—	чакджямпо́
Звѣзда—уах(к)та́, ойта́	уекта́	хошкта́	огекта́	hосикта́
Звѣрь—бою́	—	бою́	—	бою́
Здравствуй—сородэ́ (гил.), вакдывэ́	—	бакчефупу́	сооде́	соодэ, сородэ́
Зеленый—нюгджо́, нолюhи́	—	негдча́	кури́	со(к)hгиh(га́, солгига́
Земля—на́	на́	на́	на́	на́
Зеркало—ханянко́	—	ханяпту́	—	hаняпту́
Зима—ту́а, туо́	—	туэ́	—	туа́ (?)
Змѣя большая—джябдя́	—	джапта́	—	джябда́
» малая—мики́	—	мики́	мики́	мики́
Золото—айзи́	—	айси́	—	айси́
Зубы—ита́, икта́	икта́	иктэ́	икта́	икта́
Зыбка денная—амуhа́	амуге́	—	аму(к)га́	аму(h)га́
« ночная—ду́й	—	—	—	—
Зять—авзи́	—	—	—	аусѣ́
И.				
Игла́ стальная—иhма́	—	имма́, кита́	—	имма́
» дерев. для невода—ильма́	—	—	—	саппу (гольд.)
Изюбръ—кяhа́	канга́	боча́	—	буча́
Икра́ (рыбы)—чава́	—	чапа́	—	чапа́
» (ноги)—тыдэ́й	тизаи́ (титяи́)	—	тидякы́	тыдзяки́
Императорская гавань—хади́	—	—	—	хади́
Имя—габбу́	—	кэппи́	—	габби́
Инструментъ для выдѣлки кожи рыбьей—чочо́	—	—	—	—

	Цадаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
К.				
Кабанъ (дикій)—на(х)кта́, пуса́	—	некта́	—	пакта́
Кабарга́—анда́	—	боюкэ́	баюка́, анда́	баюка́, анда́
Кабарговая струя—пунго́, фунгу́	—	хонко́	—	пунгу́
Камбала костистая—каблэ́й	—	—	каббой	каббай
» правоглазая—киг(о́)ала	—	—		малу́
Камень—янча́, джоло́	цоло́ (дэжоло́)	дчоло́	джёло́	джоло́
» кузнечной печи, куда вдѣланъ мѣхъ—ийа́	—	—	—	—
Капуста (морская)—кайгу́	—	—	—	каюэ́, каню
Каша—лала́	—	—	—	лала́кэ
Кашель } Кашлять } симбуй	—	симпи́	—	симпи́ симписи́
Кедръ—кунко́	куанко́	кокдо́	кунко́	к(у)онко́
Кета—дава́	тава́ (табга́)	исима́	дава́	дава, давахса́
Кисетъ (для табака)—хали́	—	паду́	хали́	паду́ (гольд.) хало́
Кисть (руки)—кандуһани́	хана́	—	нала́	умну́
Китаецъ—нинка́	—	—	—	нинка́
Китъ большой—калэма́	—	кальмо	—	калэма́
» малый—канти́	—	—	—	аянга́
Клюква—гаахта́	—	—	—	гаахта́
Ключъ воды—уляни́	—	бекга́	—	біака
» замка—анаку́	—	анаку́	—	анаку́
Коверъ—сактау́	—	тэнку́	—	сяктау́ (и тапкупи)
Ковырялка трубки—кэтулаку́	—	—	—	китуланкі
Кожа человѣка—актани́	—	—	—	акта́
— звѣря—піа́	пига́	наса́	нага́	наса́
— рыбы—сюббу́ (кеты—даваса́)	гіуса́	субпу́	спюбу́	сюббу́
Козуля—гіуча́, козали́	инякта́	коуча́	гіоча́	гэ́уча́
Колдунъ (шаманъ)—шама́	—	—	—	шама́
Колокольчикъ—конгокто̀	—	конокто́	—	конгокто́
Кольцо (украшеніе руки) упяһгы́	уняпты	онянту́	иняпту́	иньяапу́, пияһапту́
— для большаго пальца—һухты́	—	—	—	—
Колчанъ—куми́	—	—	—	—
Колѣно (часть ноги)—ха(ы)нго́	ханга́	—	ханно́	ханно́
— (племя)—омуджала́	—	—	—	—
Комаръ—гамакта́	немакта́	кармакта́	гамакта́	гамакта́, гармакта́
Конь—мури́	мый	—	мури́	мури́
Копыто—куазани́	—	—	—	уни́
Копье—хондо́, гида́	гида́	кида́	гида́	гида́
Кора (древесная)—таалу́	илаке́	—	ывахта́	ивакта́
— еловая—во(х)та́	—	—	—	—
Корень—таһани́	—	кыгэ́вь	нинта	таһа́
Корма—айни́	—	—	—	пикичау́ [1])
Коробка—уяка́	—	умага́	—	умма(һ)га́
Коробочка для трута и кремня—бураһта́, сы(и)ктэ(ы)һи́	—	—	—	сыктэ(һ)ги́ спктыги́
— для ложекъ—кулюмку́	—	—	—	—
Корова—яга́	—	еха́	—	иһа́
Короткій—умаза́, омо(а)за́	—	уми́		умѣ

[1]) По словамъ моего переводчика это слово значитъ «править».

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Коса (волосъ) у женщины—токта́	—	чочоко́	чочко́	патэпты́
» у мужчины—чочко́. чочоко́	—			чочко́, чочоко́
» (орудіе)—hотоку́	гайдыга́	—	—	—
Кость—гіама́	оро́	кямса́	гіамша́	йамса́
Котелъ вообще—юhо́	юхо́	кала́	ико́	ико́
— большой—дапти́	—	—	даптама́	даптама́
— для чумидзы—йоко́	—	—	—	—
Крабъ—кат(х)ы́	—	—	—	джявагды́
Красный—хололиги́	—	се́кже́	секде́	сякдзя́
Кремень—мидэ́	—	бу́	—	бу́
Кровь—сякся́	—	сексэ́	—	сіакся́
Кружка изъ бересты—чёко́	—	—	—	—
Крупа (китайская)—джякта́	—	—	—	джіакта́
Крыса - синга́	—	синга́	—	синга́
Крыша—альбаври́	—	—	—	абб(а)опты́
Крышка (ящика)—кумта́	—	—	—	кумта́
Крюкъ для рыбы—то́	—	—	—	гокко́,
» для котла—обо́, сянка́	—	—	—	обо(h)го́
Кузнецъ—пакчинѣ́	—	—	—	пакчинѣ́
Ковать—тавзюи́	—	тавучи куетъ-таучи́	—	таучи́
Кулакъ—сянто́	—	сянту́	—	нугга́
Купаться—абгасюври́	—	эббасі́й	—	аббаси́
Кури—умури́	—	омига́	—	умиhа́
Курить—дамкми́, дамдеми́	—	—	уми́	уми́
Курокъ ружья—чумузани́	—	—	—	с(ш)имичани́
Кусать—итта́	—	(ся)ыктамони	—	иктанкинэ́(и)
Кушакъ—уму́	—	омуръ	—	уму́
Кэта—тата́	тава, дабга́	исима	дави	дави, давахся́

Л.

Лавка—дампули́	—	—	—	лавка́
Ладонь—ханя́	хана́	хангая́	хана́	ханга́
Лапа медвѣдя—хагга́	—	—	—	хагга́
» собаки—инабагдыни́	—	—	—	хагдыh(и)ыни́
» птицы—чаба́нъ	—	—	—	чопокто́
Лебедь—ку́ку	—	ку́ку	—	ку́ку
Лёдь—дѣhе́	дзуга́	джукэ́	дюка́	дюка́
Лежать—каптаhими́, каптами́, катани́	—	анинки́	черочи́	чороочи́
Летучая мышь—алягдоhа́	—	уку́	—	халакдокэ́
Лисица обыкновен.—сулай, сюлаки́	суля́и́	солаки́	сулякэ́	сулаки́
» чернобурая—авата́	—	авата́	—	авата́
» крестовка—кэтэhа́, хандагдѣ́	—	—	—	киты́
Листъ (древесный)—абдэ́	—	абдаса́	—	абдаса́
Лицо—дагби́, аумі́	—	дэгни́	—	да́, дагни́, осни́ (?)
Лобъ—хойо́	хая́	—	гилюка́	гулука́
Лодка—ана́	тамтыге́, ана́	укда́	укда́	угда, укда́
Ложа (ружейная)—хонгони́	—	—	—	мяучамони́
Ложка—унига́, хоня́, сухонкэ́	унига́	унига́	уннка́	унига́
Локоть—исо́	исо́	—	ичо́	ичо́
Локтевая кость—симикта́	—	—	—	симикта́
Лопуцки (съѣдобная трава)—чукуни́	—	—	—	—
Лопатка (всело)—гя́у	—	—	—	гилипука́

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Лось—огбё	—	—	—	токи́
Лошадь—мылъ	—	мори́	—	мури́
Луна—бя́	бія́	бе́	бе́	бэ́
Лыжи—сюала́, суктá	—	сюекта	—	сюикта́
Лысина—котó	—	—	—	(х)ното́
Лѣсъ—асинй	—	—	дыги́	асинй
— небольшой—(дж)чагдынй				
Лѣто—джю(о)а́	—	джуа́	—	джюа́
Лягушка—охи	—	эки́	—	аки́

М.

Малый—нис(э)а́	—	—	ничи́	ничэ́
Мальчикъ—пата́	аука-гонеги́	—	ита́	ничинѣ́
Масло—нму́	—	—	—	нмуксй
Мать—аниньа, ани(h)га́, аня	онигó	эне́	аньга́	аня́
Медвѣдь вообще—мафа́	мафа́	мафа́	маша, мафа́	маша́
— самецъ—гигэ	—	—	—	гига́
— самка съ дѣтенышами—хуня́	—	—	—	хуна́
» » безъ дѣтен.—ася-мафа́	—	—	—	ася́
» » —маша́	—	—	—	—
Могила—ко́й	—	—	—	ко́й
Модель ловушки для ловли рыбы—укэ	—	—	—	—
Мокрый—чиньа́	—	—	—	чиньа́
Молодой—сикхони, сик(о)ани	—	ыккепй	—	ѣыкканѣ
Молнія—аггитони	—	—	таменисй	талинисинѣ
Молоко—косо сабдени	—	уку́	—	око́
Молотокъ—халб, халуня́	халданхý	халова́	халука́	халуня́
Молотокъ деревян. для выдѣлки кожъ—кунку́	—	—	—	папатэ
Монета серебряная—монгу́	—	дчекга́	—	джеѣа
» мѣдная—гяуа				
Море—намý	—	намý	намý	намý
Морская корова—кынкхэ	—	—	—	—
Морошка—иньямукта́	—	—	—	иньямукта́
Мохъ обыкн.—набуня́	—	—	—	набб, набуня.
» оленій—лаукта́	—	—	—	лаукта́
Мошка—балинза́	хумукта́	—	гумахта́	пумутэ
Мужъ—мафа, мапай, адэй, утакй, няпта	—	ади́	—	адыань
Музыка (дѣтск. игрушка)—кумкайэ	—	—	—	танкара́
Мука́—офа	охва́	упа́	упа́	упа́
Мундштукъ (трубки)—амахчинй	—	—	—	ипёй
Муха—гобб, кобá	гово́	—	гилюка́	гилуня́
Мушка (ружья)—псакчи	—	—	—	сигань
Мыло—йза	йдза (кит)	—	сикинки́	сикинки́
Мышь—синга́	—	синка́	—	синга́
Мѣдь—чикта́	—	точи́	—	чикта́
Мѣсяцъ (по времени)—бѣ	—	бѣ	—	бѣ, бэ
Мѣхъ кузнечный—куга́	тынга́	—	—	кугá
Мѣшокъ обыкн.—сй	—	доли́	—	дала́
» для мелкихъ вещей—часи	—	—	—	ѣундукý
Мясо—ула́	пуляпты	укта́	укта́	укта́
» сушеное (лося)—огиза́	—	—	—	хурикта́

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.

Н.

Наковальня—джиля́, дарашю́	—	—	—	дарас(ý)ю
Наперстокъ—уняпты́	—	иняпту́	—	{ иняпту́, пньяапту́
Нарта (сани для собакъ) туһи́	—	тукки́	тукки́	тукки́
Нары—накха́, нэ́	—	наве́	—	тамс(и́)ы
Наушники—джявһа́	—	септу́	—	{ джяуки́, сэгдуһа́
Небо—нягня́, того́	тимадула́	боа́	нягня́	нангня́
Нёбо—кэгэ́	—	—	—	каһа́
Неводъ—дагдали́	—	—	—	дагдали́
Нерпа—х(ы)этта, һатта	—	хэта́	—	(г)һаата́
Нитки—сіакта, сикта	—	хупэ́	—	х(һ)упа́
Нога—б(а)ыгд(и́)ы, пукгда́	унки́	быкды́	букды́	баг(к)ды́
(Кожа съ ноги=багды хосолэни) . . .	—	—	—	—
Ноготь—һойкта	уайкта́	хоспикта́	огекта́	һосикта́
Ножницы—хадза́	—	хаджа́	—	хаджя́
Ножъ—кутихгэ́, кучпһа́	чагда́	хинасу́	кучка́	} куч(ңһ)ага́ кучька́, аппэли́
Ножъ для строганія—кхутига́, кочика́, аппэли́	кушига́	кучигэ́	аппели́	
Ноздря—нюсаһани	салдони́	сендэгэ́	пиксо-сяна́	{ сянау́, сяндыга́ сянуһа́
Носъ—нюһ(ю)о, ню́, нюб, эндюха́ . .	нюге́, ніо́нё	негсо́	нигчо́	никсо́
Ночь—д(о)угбо́, добго́	докбогю́нь	добо́	доббо́	доббо́
Ну, ну!—га́, га́!	—	бала́	—	га́, га́!
Нѣтъ—анчи́	—	май-макэ́	май-макэ́	—

О.

Облако—сюонини́	—	токсо́	—	токсо́
Обманулъ—солази́	—	аркалаха́	—	аггалаһамѣ́
Ободъ бубна, гіу́	—	—	—	муни́
Обувь—унта́	—	унта	—	унта́
Огниво—няһа́—якха́	—	моды́	—	моды́, моодэ́
Огонь—тхуо́	то́	то́	то́	то́
Одежда—шики́, тагга́	тага́	тэккэ́	тагга́	тагга́
Одѣяло—хула́, окта́, пульта́	—	кокта́	—	һукта́
Ожерелье—момолэ́	момоли́	—	ніокчжоко́	{ аньяһа, сякка́
Озеро—тунги	—	уси́, ому́	—	аму́
Окно (дыра вверху юрты)—бибты́, чонхо́	—	пава́	—	пава́
Олень ручной—оро́	—	оро́	оро́	оро́
» дикій—ю, идаи, (и)ыкдахкэ, тхуе.	—	—	икдахэ́	{ (ы)гю, ыкдакэ(ы)ію
» почтовый—пунту́	—	—	-	онджиһ(ы)ію
Орелъ—кіаза́	кяза́	кяча́	кяеча́	кіача́
Орѣхъ кедровый—куйкта́	нянта́	бокто́	куйта́	куйкта́
Осень—боло́	—	боло́	—	боло́
Островъ—буһага́	—	бооча́	—	буача́
Острога для нерпы—майма́	майма́, цакпа́	—	гынима́	дж(о)ёббо
» для рыбы—таго́, сункхы́. . .	—	—	—	{ днумнѣ́, монима

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ
Отецъ—абуh(á)у, амá	абгá	амá	ама(н)á	амá
Отъ берега—кэатыhи́	—	—	—	дылá
Охота—быйчюи́	—	—	—	байчи́
Очагъ—гýо, хá	—	—	увá	таптý, тавантý
Ошейникъ—алá	—	аллá	—	алá

П.

Палатка вообще—ангá	—	—	аббанá	аббанá
» двускатная—майкá	майкá	—	—	майкá
Палецъ вообще—уня́, унягá	бокты́	чумучý	уняка́	унягá
» большой—хуó	хý	хунчý	хуму, хугý	хонгó
» указательный—чюэ́	дурунтý	чепопý	шіё, думотý	чипоопý, чомочó
» средній—дулэнты́	цымузяни́	дулуту	дулятý	дулутý
» безымянный—чимчааагони́	сюé	акки́	чимчака-акони́	ганьга-экуакини́
» мизинецъ—чимчá	цимцá	гаякý	чимчакá	ганьгаякý
Палка вообще—мý, тунó	сактá	—	мó	мó
» къ лыжамъ—тіý	—	—	—	ты(ё)яý
» для управл. нартами—туhи́	—	—	каурьи́	кауриги, каури́
» шаманская—гіý	—	—	—	тыюнъ, тыю́
Палочки для копченія юколы—сэhэ́, дыпты́	—	—	—	—
Палочки для ѣды—сабý	—	—	—	—
» для жаренія рыбы—шилаý	—	—	—	—
Парусъ обыкнов.—кутури́	—	кутули́	—	кутули́
Пей—умиджá	—	омигá	—	умиhá
Пепелъ—хуляптá	пулякта	хулектá	омокцó	хулаптá
Передникъ—лали́	—	—	—	лали́
Перепонка (на лапахъ птицъ)—манани́	—	—	—	hактамукэ́
Перо—овоктó (крыло—дакты́)	тактыгá	—	дактагá, упукталá	дактася́
Перстень—уняты́	—	уняптý	—	иньяаптý, иняhаптý
Песокъ—опёктó	—	тепова́	—	hыя́
Пизда—бабію́	—	—	—	—
Пила (орудіе)—хý	—	ху	—	хý
Писать—онёйэ́	—	лъжеругá	—	нэруhамѣ́
Пить—уми́, умими́	—	омійви́	уми́	уми́
Платокъ—сіудина	—	пунку	—	понкó
Плевать—тундá	—	топинайви́	—	тубшнáй
Племянникъ—пыктэрéнь	—	—	—	тýá?
Плечо—богдолó	богдолó	—	мія́	мія́
Плѣшь—котó	—	—	—	(h)хотó
Побрякушки дѣтскія костяныя—годягá	янцугý	—	—	явчýý, явчуhý
» женскія металлич.—абгý	—	—	—	ачи(h)гá
Повязка—лашвэ́	—	—	—	—
Подбородокъ—гуахтá	джы́й	—	гайши́	гуггахтá
Подкладъ—токкодогони́	—	доккó	—	доккó
Подошва (ноги)—унтахы́нь	уаннюгý	хакдá	гадкеки́	hакды́й, хакдыhи́

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ
Подпилокъ—ю́	—	ю́	—	ё
Подстилка изъ шкуры—сокто́	—	—	—	сяктау́
» изъ бересты—талу́	—	—	—	дали́
Подушка—триту́, т(ы)іу́	—	маппи́	—	тыранту
Покрывало (въ люлькахъ)—ната́	—	—	—	нака́
Покупаю—гадами́, гады́, джавами́	—	—	—	гачимѣ
Полдень—кахта-ынани́	—	тыкка́	—	кахта-инани́ тыпа́, инанги-токкони́
По́лки—хутыма́	—	—	—	хи́
Полночь—какта́-добhу́	—	добо-долине́	—	доббонь-токкони́
Пологъ на кровати—ямпа́	—	—	—	—
Полозья (нарты)—туhыюдыни́	—	—	—	ната́
Полъ—палани́	—	—	—	пала́, полъ
Поплавки (у невода)—кокто́, адуль-коктони́	—	—	—	кокто́
Пороховница—пайза́, мявда́	холаджа́	—	харадя́	харадзя́
Порохъ—окто́	окто	окто́	окто	окто́
Портабакъ—дангдуhу́	—	—	—	—
Портфель (изъ бересты)—каптурhи́	—	—	—	уксама(h)-гундуку́.
Поспѣлъ (готовъ) чай—адэhани́ абугу	—	хуругэ́	—	алано́
Посуда—муhу́	—	—	—	дзяр(и)ыни́
Потъ—ниhани́	—	—	—	няасанги́
Поцѣлуй (ты)—юhа(з)си́	—	—	—	аланка́
Поясница—умук(и)са́	—	—	—	дама́
Поясъ—уму́, тельгэ́	уму́	омуби́	уму́	уму́, талэ́
Праздникъ—гуаняри́	—	аняройви́	—	ани́
Приборъ для выдѣлки кожи—каку́, палка къ нему—генигни́	—	—	—	—
Привязать—вуйи́	—	—	—	уйн(и́)ѣ
Пробка—ликпиза́	мелаку́	—	—	щича́
Проборъ—фукты́	—	—	—	руктача́
Продаю—х(о)удаси́. худасеми́	—	—	—	х(о)удаси́
Промахъ—улау́й	—	—	—	ураhанѣ
Промыселъ—буймуси́	—	—	—	б(о)айчи́
Проснулся—солеги́	—	—	—	таагиhамѣ
Прощай—хадыhа́, тулуни́	—	—	—	пода-моначка́
Прыщъ—коко́	—	—	—	коко́
Птица вообще—гаса́, гаhа́, га́	пау́	гасса́	—	гаса́, гасса́
» большая—сагды́-гаhа	—	—	—	сагдыгасса́
» малая—агыса́ гаhа́	—	—	—	чиндаhагасса́
Пуговица—тоhо́, имоты́	таняка́, того́	—	того́	тоhо́
Пузырь (нерпы)—такпу́, хатауйкдэни́	—	—	—	тапу́
» (рыбъ)—хукини́	—	—	—	хуки́
Пуля—моhалэ́	мали́	мугали́	муггало́	мо(г)hами́
Пурга—фунга́	—	кувэ́	—	кува́
Пухъ—гаhа хунhалэ́ни́	—	пфукта́	—	пичэупутка́-тэпаа́, ху лапта́
Пыль—наанhани́	—	—	—	
Пью я—би уми́—	—	омиви́	—	ум(и)эмѣ
» ты—си умидза́	—	—	—	—
» воду—улю́ мими́	—	—	—	муу́ умимѣ́
Пьяный—соктоhони́	—	соктого́	—	соктоhо́
Пѣсня—ихый	—	икій	—	дзяры́, икы́
Пятка—сакты́, хакдыhы́	нинты́	—	—	нинты́

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Р.				
Работникъ—ататы́	—	нинкга́	—	лаудзѣ́
Разбудить—сіуи́	—	—	—	сяючи́
Развяжи—атуди́	—	—	—	ачуhа́
Разсвѣтъ—дагбуhы́нь	—	—	—	гэу́анайни́
Раковина морская—намчуты́нь	—	—	—	чёикта́
Рана—тэмала́	—	хія́	—	hыя
Распорки (въ лодкѣ)—аhанакуни́	—	—	—	уки́
Расчесывать—дыригды́	—	—	—	игды́(й)
Ребенокъ—умhудыви сита́	—	—	—	hита́
Ребро—аутылы́	—	—	—	аутула́
Ремень—уси́	андапти́	уси	уги́	уси́
Рисъ—дигми́	—	хандуболэ́	—	hандубала́
Рогъ—ийони́	—	ія́	—	ія́
Ротъ—а(h)гма́, ан(h)ма́	анма́	амма́	амма́	амма́
Рубаха—тогга́, покто́	мокто́	покто, ынкечегда.	покто́	ангарагда́
Ружьё - мяу(д)за́, мявкти́	міоца́	меуча́	міоча́	мяуча́
Рука вообще—али́, кохто́, пала́hала́	нала́	нгала́	нала́	нгала́
» правая—анhади́	—	анчи́	—	андѣ-нгала́
» лѣвая—динhади́	—	дженди́	—	д(э)ѣндѣ-нгала́
Рукавицы (съ шерстью)—коолы́	—	джепагда́	—	джяпагда́
» (безъ шерсти)—касаба́	—	чефагда́	—	коокто́
Рукавъ—уко́, укэ́	—	—	—	укся́
Руль—аксуhон(ь)и́	—	макбу́	—	сяу, сёу
Русскій—луча́	—	луча́	—	луча́
Ручка ведра—мулхи́	—	—	—	гасини́
Рыба—тауха́, сукдига́, т(ю)укджэ́	субдя	сукдаса́	сюкдяга́	сукджяса́
Рыбу ловить—сукджя́батай	—	сукдаса ботыйви́	—	сукджясау байчи́
Рыгать—кооси́	—	—	—	каhарачи́
Рысь—чинджяhи́	—	локэ́	—	чинджяhи́
Рѣжу—хойми́	—	хайви́	—	хоймѣ́
Рѣка—ули́, біаза́, ауа́	—	ули́	ули́	ули́
Рѣсницы—самта́	—	самикта́	—	кимбикта́
Рюмка—чунг(ч)джа́	—	ко́чи	—	коты́
Рябчикъ сѣрый—сюмукэ́	—	химмый.	—	hиммуhи́
» черный—аhемэ́	—		—	асимѣ́
С.				
Сажа—савгаси́	—	нюкся́	—	нюкся́
Сажень—да́	—	да́	—	да́
Сани (парта)—туки́	—	—	—	туки́
Сапоги вообще—унта́	—	унта́	—	унта́
» изъ рыбьей кожи—няhю-унта́	—	—	—	хоёно-унта́
» изъ кожи лося—сюкбу-унта́	—	—	—	унта́
» изъ нерпы—хата́-унта́	—	—	—	гаатаксама-унта́
Сахаръ—байта (кит.)	—	сета́	—	сята́

	Назаровъ.	Прогодіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
Сбруя (нартъ)—алу́нь	—	—	—	поксю
Свинецъ—туджа, тудзя́	—	точа	тудя	тудзя́
Свинья дикая—накта	накта́	—	пӧкто	накта
» домашняя—пушá	—	оккэ́	—	окгэ́
Свистѣть—кюhоси́	—	—	—	тыккочи́
Свѣча—данга́	—	ла́	—	иhара-ла́
Сдирать (шкуру)—ниhаій	—	—	—	тапачи́
Сегодня—айны́	—	эй-негу́	—	айнангу́
Сердце—няняктá	—	мява́	мява́	мява́, міаява́
Серебро—манга́	—	—	—	мангу́
Серьга ушная—уака́, икы́	уайга́	ика	ика́, маму́	ика́
» верхнее кольцо—уайки́	—	—	—	—
» нижнее кольцо—саса́	—	—	—	—
» носовая—сандиhа́, тавматэ́	—	санджеха́	—	сандзя(h)га́, сянд-ги(ыh)цга́
Сестра—ока́, ӧко́, опадю́	—	—	гунади́	хунади́
» старшая—оhга́	—	—	—	—
» младшая—нико́	—	—	—	—
Сивучъ большой—ка(а)зма́	—	—	—	канги́
» малый—ойанга́	—	—	туктуке́, конги́	туктукэ
Сидѣніе (въ нартахъ)—оломань	—	—	—	илика́
Сидѣть—т(о)ыhами́, та(h)ами́, тойо́ми́	—	тэга́	тала́	таагі́
Силки для ловли соболя—фукка́	—	—	—	гукка́
Ситецъ—сякки́	—	экаки́	—	бусю́
Сифилисъ—бакинки́	—	—	—	—
Сказка—тангуси́	—	—	—	нимаhачи́
Скоблилка (для кожъ)—чёсё	—	—	—	хос(ю)у, хошу́
Скула—сясѣ	саса́	—	шеача́	гіанча́
Слѣпой—балиhа́	—	бали́	—	бали́
Смерть—букини́	—	—	—	—
Сморкайся—лякбасій	—	—	—	пнунка
Снѣгъ—им(а)hа́, эмаhа́, эма́, имаа́	имана́	имаса́	имага́	имаса́
Собака—энэй, ина(й(и, инатэ, инаки́	инае́	инакки́	инакэ́	инаки́
» передовая—богhо́	—	меоромди́	—	нёромды́
Собачка ружейная—ваксій	—	—	—	танкуни́
Соболь—нокто, ноhо, нсhэ́	нюге́	носо́	ного́, носо́	носо́
Сова—га́ма	—	оксара́	—	уксара́
Солнце—т(ю)у	су́	сіу́	сеу́	сяу́
Солонка—даксуhу́	сяйдауки́	—	даску́	дексу(h)гу́, катпу(h)гу́
Соль—сяки́	сяя́	ада́	даксу́	даксу́
Соро́ка—гуймо, гуhи́	—	сакси́	—	саксаhи́
Сосать грудь матери—хабаи́	—	—	—	уочи́
Сохатый (лось) токи́ оhбѣ́, оhбіо́	окбіо́	токи́	таки́	токи́
Спасибо (благодарю)—баниhэ́, мапакпэны́	—	андага́	мангане́	баниhа́
Спать—когэ́, каптами́, моhаhи́	—	—	—	аниhи́
Спина—акка́	ака́	дама́	никта́	акка́
Срать—байhанами́	—	—	—	—
Сталь—мангаюл(я)и́	—	—	—	га́
Старикъ—сагдынта́	—	—	мапача́	мапача́
Староста—джангэ́	—	халада́	—	халада́ (кит.)
Старуха—мама́	—	—	мамача́	мамача́
Старый—сагблита́, сагдента́	—	—	—	—
Старый человѣкъ—мафаса, ого́	—	—	—	маф(п)а́
Стволъ (ружья)—мяннда́	—	—	—	сикдани́
Столбъ—хала́	—	—	—	тура́

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Столъ для ѣды—дюодза́	—	дэрэ́, дыресу́	—	д(а)ыра́
Стоять—илиhими́, илими́, им(h)ани́ . .	—	—	—	илиси́
Стружки (отъ ножа)—апила́	—	—	—	куаптула́
Стрѣла—тада́, буи́	—	дэнку́	тада	тада́
Стрѣляй изъ ружья—мявдали́	—	—	—	мяучалаhа́
» изъ лука—гоhпуи́	—	—	—	гаппаhа́
Стрѣлять—мявда́	міоцелы́	—	міочаля́й	мяучал(э)ай
Стулъ—ткы́й	—	—	—	танку́
Ступня (медвѣдя)—шуангу́	—	—	—	хагга́
Стѣна (фанзы, юрты)—на́	—	—	—	дибба́
Сукно—(брюки)—хыйhи́	—	джанкчи́	—	джянты́
Сумка—хутуго́	садуза́	гундуку́	хундуку	hундуку
» для пуль—куптуци́	мартакпуни́	—	—	—
Сундукъ—гу́йдзя	—	—	—	гуйзя
Сундукъ изъ бересты—молоки	—	—	—	уммага́
Сушиться—уагги	—	окичи́	—	оггичи́
Сынъ—hит(эй)а, ситэ́й, hита́, бата́ . .	—	пинэ́	—	пимаhита́
Сырой—нилу́	—	—	—	чиппа́
Сѣть—атули́	—	—	—	—
Сѣять—эндуhу́	—	тари́	—	тарику́(й)

Т.

	Назаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритовъ.	Леонтовичъ.
Табакъ—тамку́, дамhу́	таймп	тамаги́	дамши́	дамги́
Табачница (изъ бересты)—дамтуhу́ . .	—	—	—	уммага́, уксама́, hундуку́
Таймень—хуйэ́, х(о)ую́	джыли́	сагана́	шва́	саhагна, джяли́
Тарелка—пилэ́	—	пелэ́, хэлэ́	—	вилэ́
» изъ бересты—хаза́	—	—	—	—
Темя—тумаhа́	какпаша́	хо́	гокчечи́	hо́
Тетеревъ—нау́	—	хокчу́й	—	хооки́
Тетива (лука)—илини́	—	—	—	или́, или́ни́
Тигръ—куты́, чякала́	куты́	дусэ́	дуга́	дусяˇ
Ткань—сиhи́	—	—	—	дж(а)яка́
Товаръ—сиhи́	—	босо́	—	худа́
Толкать—аны	—	—	—	анѣйвѣ
» кулакомъ—кентули́	—	—	—	—
» лодку шестами—гаунды . . .	—	—	—	гайвѣ
Топорище—сюгоhэйни́	хаги́	—	сюкагони́	сюкагані́
Топоръ—сюго́, суку́	суаса́	сюка́	шюка́	сюка́
Торговецъ—худани́	—	ходани́	—	х(о)уданѣ́
Трава—уокто́	окто́	—	окто́	окто́
» въ сапоги толстая—hайкта́ . .	—	—	—	упокта́
» цѣлебная—кола́	—	—	—	—
Трипперъ—нясхсайэ́hони́	—	—	—	—
Тропа—hокто́	—	—	—	hокто́
Труба (въ юртѣ)—янту́	—	—	—	шооно́
Трубка—д(а́)эй, дэ́э, тэма	даги́, дай	да́й	дай	да́й
Тряпка—ау́нку́	—	—	—	чемчаhу
Туманъ—танiэ́	—	токсо́	—	тамна́
Тѣнь—хана́	—	—	хани́	ханя́

	Назаровъ.	Протидіаконовъ.	Маргаритовъ	Леонтовичъ.
У.				
Убиваешь—си уайи́	—	(лъ) уога́	—	(ть)уайвѣ́
Уголь древесный—янла́	—	—	—	іякта́
» каменный—джало́, нянаhи́	—	—	—	гакиджёлони
Узелъ—иніяни́	—	—	—	иннита́
Укралъ (я)—джёмэни́	—	чеочига́	—	джёмиченмѣ
Укусилъ (опъ)—иктаманаhини́	—	иктаманги́	иктамокине́ (ть)	иктаманкинѣ
Умереть—будыни́	—	букки (умеръ)	букине́	буккини́
Уполовникъ—юк(а́)э́	—	—	конды́	соконки́
Усы—гуггахта́	куахти́	—	гуакта́	гуггахта́
Утка—гаhа́	гага́	—	гага́	куя́
Ухо—сѣ́, (х)куа́, куки́, ко́й	ко́й	се́	се́	сё
Ухо у котла—хорокто́, шяни́	—	—	—	сянка́, сіака́
Х.				
Хабаровскъ—Бо́ри (кит.)	—	—	—	Бу́ри
Халатъ суконный—сукна матагэ́	—	хукту́	—	синэльки́
Хвалю—айа(н)ми́	—	—	—	—
Хвостъ—игги́	—	икки́	—	игги́
Хлѣбъ—упа́, бобо́	—	—	—	упа́
Ходить—паними́, окони́, діанами́	—	—	(жу) ганаме́	нганы́й
Хозяинъ—аджяни́	—	дчоръ-одинъ	—	даланды́
Холодно—инганѣ	—	инкани́	—	инганѣ́, инганиси́
Хорекъ—чочэ́, чохчи́, чохчойэ́	—	чокчу́й	—	чокчэ́й
Хорошій—айан(и́)ѣ	—	ая́	ая́	(шо) ая́
Хромой—бутаа́	—	доголо́	—	доолоhи́, доолои́
Хрящъ—дяhа́	—	букэ́	—	букся
Худой—гоh(о)ан(ѣ́)и́, гоhонийэ́	—	(до) оркэ́	манга, байбае́	оккэ́, манга́, байба(е)и́
Хуй—чичко́, иликэ́	—	—	—	—
Ц.				
Царапать—уайи́	—	—	—	хочиси́
Цыновка—сяктуу́	—	—	—	сякта́
Цѣловать—нюкаси	одзузаме́	—	алоне́	аланиси́
Цѣпь—баhула́	—	джуччега́	—	дюгдиhа́
Ч.				
Чайникъ—чуанд(ч)жи́, чайку́	гуанза́	чаи́	чайникъ	чуаша́
Часы—бяу́	—	—	—	—
Чашка—могуло́	—	—	—	—
» китайская—чами́	—	чами́	чами́	чами

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритов.	Леонтовичъ.
Чашка деревянная—моhо́	мохо́	—	—	моко́
» берестяная—каса̀	—	—	—	додоhо́, додоо́
» табачной трубки—чуйгони́	—	—	—	котка
Челюсть—гіака, джейни́	джейни́	—	діака	гіака
Черемша (полевой лукъ)—сыды́, шюйдый	—	сюдуй	—	содэ́й
Черенокъ (таб. трубка)—даймтони́	—	—	—	сіхиты́
Черный—пал(и)ы(h)и́, палэ́ги́	—	сакге́й	сакай	сякай
Чесать—уhайми́	—	—	—	хочиси
Четверть—то́	—	то́	—	то́
Чехолъ (ружья)—мошугу́. чянтауза (кит.).	міоцтакпуни́	—	—	мошугу́
Чихать—яhини́	—	яксуне́й	—	иксючи́
Чортъ—ганикы́	іохо́	—	амба, шака, ганкэ́	амба, сяка, ганкеря́
Что—йавдуни́	—	яво́, явогали́	—	ю, ю-галэ́йси
Чубукъ—сіаптуни́	—	септу́й	—	сіапты
Чулки—докты́	—	докто́	—	докто́
Чумашка для воды—мулюки́	—	—	—	—
» высокая—талкху́	—	—	—	—
» малая—алэнки́	хаса	—	дёдско́	кондзёй
» для соли—дакхсуку́	—	—	—	

Ш.

Шалашъ—кагэ́	—	—	—	—
Шаманъ—шамани́	—	сяма	—	шама
Шаманскій поясъ—янкпа	—	—	—	—
Шаманскій бубенъ—унтуу́	—	—	—	—
Шанкръ—шинку́	—	—	—	—
Шапка—ау́	ао́	апу́	прощо́	се(г)кдо́, сокду́
Шарфъ—моотпэ	—	—	—	могопту́
Шашки доска—анака	—	—	—	—
» фигуры—hитони́	—	—	—	—
Шестъ для лодки—солоксо́	оу́	—	най	гау́
» для остроги—найни́	—	—	—	най
Шея—міэ́	мюе́	мото́	моо́	монго́, моо́
Шкапчикъ—унаку	—	—	—	—
Шкура вообще—нэhа́	—	—	—	наса
» медвѣдя—маппа-наhанѣ	—	—	—	—
» лисы—шулякинаhани́	—	—	—	—
» хорька—солей-наhани́	—	—	—	—
» нерпы—хотно-наhани́	—	—	—	—
» выдры—дж(ю)уку́-наhани́	—	—	—	—
» бѣлки—олёки-наhани́	—	—	—	—
» лося—токи́-наhани́	—	—	—	—
Шнурокъ—кѣами́	—	—	—	—
Штаны короткіе—хайки́, хыйhы́	хейкы́	хыйке́, хырки́	гейкы́	гайка́
» длинные—амуи́, амhу́	амуги́	—	аму	ам(у)оскю
Шуба—балда (кит.)	пингау (кит.)	—	коптоко, балда	аруhа, балда

	Надаровъ.	Протодіаконовъ.	Маргаритов.	Леонтовичъ.
Ѣ.				
Ѣсть—дж(я)апты, дж(я)антымú, тактит-(х)этú	—	джептый	дяпты	джяптый
Я.				
Ягода—гочиҺды	—	дикта	—	габбонку́
Языкъ—(органъ)—иннú	иний	инкинъ, ингú	инни	инний
Яйцо—умуктай	—	омохта, омоктó	—	умукта
Якорь—чакбú	чакбы	—	чаббú	чаббú
Японецъ—шишá	—	—	—	шиша
Ястребъ—гяхú	—	—	—	гэкú
Ящикъ—гуйза	—	окуктá	—	Һундуку́

Въ заключеніе считаю необходимымъ замѣтить, что, приводя слова изъ словарей моихъ предшественниковъ, я позволилъ себѣ поставить на нихъ ударенія, потому что орочоны любятъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ. Удареніе на другомъ слогѣ служитъ вѣрнымъ признакомъ чужеземнаго происхожденія слова.

Какъ показываетъ сдѣланное нами сопоставленіе словъ различныхъ вѣтвей орочонскаго народа, слова удиҺэ во многомъ сохранили старинную основную часть слова, измѣнивъ ея произношеніе, но еще въ большихъ случаяхъ они уже пошли по иному пути въ образованіи словъ. Насколько они самостоятельны были въ этомъ отношеніи, насколько зависѣли отъ китайцевъ и гольдовъ, объ этомъ спеціалисты, вѣроятно, со временемъ скажутъ свое вѣское слово. Мы же старались, насколько могли добросовѣстно и тщательно подготовить матеріалъ для выводовъ ихъ *).

Варшава.
26 Ноября 1901 г.

Сергѣй Браиловскій.

*) Рукопись автора содержитъ въ словарѣ притранскрипныя слова: 1) подстрочные знаки, напр., въ словѣ «ѣсть»—тактит(х)эти, знакъ х написанъ подъ строкою, 2) двойныя буквы написанныя одна надъ другою и раздѣленныя чертою, напр., въ словѣ «ѣсть» джя(а)пты, а написано подъ а, и обѣ буквы раздѣлены чертою и 3) буквы въ скобкахъ напр., «расчесывать» игды(й). При печатаніи по соображеніямъ типографскимъ пришлось во всѣхъ случаяхъ примѣнить скобки. *Ред.*

1.

2.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ

къ изслѣдованію г. Брайловскаго

Тазы или Удиһэ.

Табл. I. Семья тазовъ, во время переѣзда съ одного мѣстопребыванія на другое, на берегу Великаго Океана. Лѣтомъ (съ іюня мѣсяца) удиһэ, охотясь за сохатыми, часто перемѣняютъ мѣста лѣтняго жительства. При незначительности домашняго скарба, они легко на одинъ батъ нагружаютъ пожитки, женъ, дѣтей и путешествуютъ по берегу Океана отъ устья одной рѣки къ устью другой, гдѣ, по ихъ мнѣнію, водится болѣе звѣря. Ночью при такихъ переѣздахъ они не ѣдутъ, а отдыхаютъ въ маленькихъ бухточкахъ, коими изрѣзано побережье Великаго Океана, омывающее Приморскую Область.

Табл. II. Семья стариковъ — удиһэ у шалаша. Шалашъ сдѣланъ изъ корья и обставленъ бревнами. На головѣ старика лѣтній головной уборъ изъ бѣлой дрели. Старуха въ правой рукѣ держитъ трубку. Сзади старухи—чернѣетъ отверстіе, входъ въ шалашъ.

Табл. III. Двѣ семьи удиһэ у своего шалаша. Справа отъ зрителя молодой удиһэ бобыль, нахлѣбникъ. Костюмы на всѣхъ лѣтніе изъ кумача и бязи. Въ этой юртѣ одна семья (справа) имѣетъ троихъ мальчиковъ и одну дѣвочку, другая — двухъ дѣвочекъ и одного мальчика. Послѣдняя—рѣдкое исключеніе, потому что среди удиһэ замѣчается перевѣсъ мужского элемента надъ женскимъ. Входъ въ юрту сзади завѣшенъ дрелью.

Табл. IV. Рис. 1. Дѣвушки-удиһэ (лѣтъ 15—16) въ лѣтнемъ довольно нарядномъ одѣяніи, въ штанахъ, охваченнымъ расшитыми наколѣнниками.

Рис. 2. Женщины — удиһэ среднихъ лѣтъ (25 — 30) тоже въ лѣтнемъ одѣяніи у юрты, представляющей переходъ къ фанзѣ.

Табл. V. Рис. 1. Удиһэ—охотники въ полномъ зимнемъ снаряженіи. У охотника справа отъ читателя за плечами „винчестеръ“, у другого въ рукѣ лыжи и сѣтка для соболя. На головахъ шапки различнаго фасона.

На рис. 2 изображаютъ: 1 а—і бурханы, какъ талисманы, употребляемые тазами на охотѣ или въ болѣзняхъ, причемъ: 1 и изображаетъ бурханъ, употребляемый во время болѣзни руки (ревматизмъ), а 1-е—во время охоты за соболемъ; остальные бурханы употребляются безразлично. Дѣлаются эти бурханы чаще изъ дерева, рѣже изъ травы (см. бурханъ 1 в.) и еще рѣже изъ металла. Носятся на груди или на шеѣ; 2 палочки для ѣды, тоже, что и на табл. VIII. Рис. 19; 3 небольшой ручной кузнечный мѣхъ: станокъ и ручки деревянные, остальное изъ кожи. У каждаго кузнеца - таза имѣется такой мѣхъ.

Табл. VI. Видъ лѣтняго поселенія удиһэ. Этого рода поселенія располагаются обыкновенно на берегу Океана, недалеко отъ устья рѣки. Шалаши вытянуты по одной линіи, по вѣтру, который уноситъ тяжелый запахъ жилищъ и очищаетъ юрты. На берегу рѣки передъ первымъ шалашомъ лежитъ

нѣсколько батовъ, одинъ изъ которыхъ опрокинутъ. На переднемъ планѣ шалаши приближаются по формѣ къ фаизамъ, на заднемъ одинъ—конусообразный, первобытной формы. Близъ этого послѣдняго виднѣются „сушила“ для вяленья на солнцѣ „юколы“. За шалашами высятся гигантскія сосны и лиственницы.

Табл. VII. Здѣсь изображены предметы домашняго обихода и одежда.

Рис. 1. Верхняя женская рубаха, платье. Изображенное на фотографіи сдѣлано изъ рыбьей кожи и по краямъ подола, рукавовъ и на груди раскрашено узорами изъ минеральныхъ и растительныхъ красокъ; 2 — женскій нагрудникъ съ металлическими украшеніями; сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ матерій: дрели, кумача; 3—лѣтній женскій головной уборъ въ развернутомъ видѣ. Сдѣланъ изъ дрели и обшитъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ ленточекъ и тесёмокъ. Онъ закрываетъ голову и подвязывается подъ подбородкомъ длинными концами. Разрѣзъ приходится на тыльную сторону шеи и головы; 4—зимнія изъ мѣха сохатаго рукавицы; кожа наружу и выкрашена минеральными красками подъ узоръ; 5—женскіе штаны изъ рыбьей кожи, окрашенной минеральными и растительными красками съ узорами; 6—унты (сапоги) изъ рыбьей кожи, мужскіе и женскіе, неокрашены; 7—шапочка для дитяти 4—6 лѣтъ съ мѣхомъ на маковкѣ и съ подвязками; по краямъ узоръ; дѣлается изъ рыбьей кожи и изъ матерій; 8—денная колыбель удиһэ; ободокъ изъ дерева; спинки и исподъ изъ бересты; на одной (верхней) изъ нихъ погремушки для забавки дитяти; 9 а-б—портфели для табаку изъ бересты; 9 а—съ узорами, наклеенными изъ разноцвѣтной (бѣлой, черной, зеленой) бересты (окрашенной); 10—деревянный съ рѣзьбою, раскрашенный футляръ для трубки, ручная работа удиһэ.

Табл. VIII. На этой таблицѣ находятся различные предметы домашняго быта и религіознаго, именно: 1 а б в—образцы узоровъ удиһэ на берестѣ. Этими узорами они украшаютъ одежду и предметы домашняго быта; 2 а в—чумашки различной величины и формы изъ бересты: чумашки 2 *а* и 2 *б*—употребляются для храненія иголокъ, нитокъ, бусъ и др. мелочей женскаго рукодѣлья, чумашки же 2 *в*—для воды, какъ наше ведро; 3—модель капкана для соболя или бѣлки. Звѣрь захватывается двумя дужками, укрѣпленными на ременной или веревочной тетивѣ. Послѣдняя привязывается къ изогнутому бревну; 4—ночная колыбель для дѣтей. Нижняя часть закрыта; верхняя немного приподнята надъ дномъ. Дно дѣлается изъ дерева, а верхъ изъ бересты; 5—футляръ изъ бересты для шаманскаго бубна, на этомъ же футлярѣ привѣшенъ «буекъ“, коимъ шаманъ ударяетъ по бубну; 6—принадлежности шаманскаго пояса изъ желѣза, коими онъ гремитъ; они на фотографіи нанизаны на ремень; 7—мѣшечки кабарговой струи въ засушенномъ видѣ; эту струю удиһэ продаютъ китайцамъ, употребляющимъ ее на лѣкарства. Цѣна каждаго мѣшечка (ихъ на рисункѣ два) колеблется между 1 р. 50—2 руб.; 8 а б в—бурханы въ уменьшенномъ видѣ, кои выставляются шаманами передъ юртою. Изображенные сдѣланы изъ дерева. Кромѣ животныхъ, какъ на нашемъ рисункѣ, они изображаютъ и птицъ; 9 а б—модели млекъ для рыбьей и звѣриной кожи: мялка вкладывается между ногъ, такъ что концы ея, съ выемкою, приходятся подъ ногами; въ прорѣзъ посреди вкладывается сворочeнный кусокъ кожи, а деревяннымъ молоткомъ *в* бьютъ по ней, мялка *б* имѣетъ ясно видные на рисункѣ зубья, коими и мнется кожа; 10—приборъ, употребляемый удиһэ при выдѣлкѣ веревокъ изъ крапивы; на него наматывается скрученная руками веревка; 11—принадлежности для вязанья сѣтей; всѣ сдѣланы изъ дерева; 12—серьги ушныя съ подвѣсками, металлическія; 13—крючокъ изъ гвоздя, скованный удиһэ; на этотъ крючокъ, величиною около $^1/_4$ арш., ловятъ крупную рыбу (тайменя, кату и др.; 14—ременные пояса съ футлярами изъ кожи для ножей и съ мѣшечкомъ для та-

баку. Такой поясъ всегда имѣется на походѣ у каждаго удиһэ; 15—приборъ для строганья при подѣлкахъ; въ деревянную ручку вбитъ металлическій клинокъ, коимъ и строгаютъ; этотъ приборъ замѣняетъ тазамъ наши рубанки; 16—различные металлическіе приборы, употребляемые удиһэ при столярной работѣ: буравчики, долотца, скребки и т. п. Все это выковывается каждымъ удиһэ изъ кусковъ стараго желѣза; 17—два ножичка, коими производится вырѣзка узоровъ по дереву и берестѣ; 18—музыкальный инструментъ, заимствованный удиһэ у китайцевъ: а—грифъ палочка съ одною струною, изъ жилы сохатаго, а остальная часть *б* – коробочка изъ бересты; посредствомъ смычка *в*, изъ жилы же или нитки, извлекаются заунывные тихіе звуки, которые скорѣе раздражаютъ, чѣмъ услаждаютъ европейское ухо, но которые вполнѣ удовлетворяютъ эстетическое чувство удиһэ; 19—палочки изъ дерева и кости, коими ѣдятъ пищу тазы и кои замѣняютъ имъ наши вилки.

Примѣчаніе: Болѣе подробное описаніе бытовыхъ и другихъ предметовъ читатели найдутъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

С. Брагиловскій.

2007096155